

Лариса Вулицына

Десятый демон

Что делать профессиональному борцу со Злом, если его постигло очередное разочарование в жизни? Конечно, отправиться на небольшую и, на первый взгляд, уютную планету, оказавшуюся в центре внимания тёмных сил. И потому Лора Бентли, прихватив свой лучевой клинок и призрака в качестве компаньона, летит на Новую Луизиану, чтоб вместе с местным отделением «Звёздного щита» сражаться с демонами. Но очень скоро она понимает, что за всем происходящим стоит зловещий заговор, смысл которого ей неизвестен, к тому же охоту на неё начинает опасный противник, известный, как истребитель ангелов. А ведь ей нужно не только раскрыть заговор и справиться с адским киллером, но и разобраться в своём давнем прошлом, разгадать тайну влюблённого демона, найти древнюю и опасную реликвию и, в конце концов, спасти мир.

1

Говорят, что опыт смерти благотворен. Не знаю, не знаю... Может, кому-то с этим и повезло, но никак не мне. Я умерла, несколько тысяч лет была ангелом и благополучно вернулась к жизни в момент, почти сразу последовавший за смертью. Никто ничего не заметил. Кроме меня. А я поняла одну простую вещь. Никакие чудеса не могут спасти от законов природы. И уж если ты умер, то к жизни ты всё равно вернёшься другим человеком. Тем же самым и всё-таки немного другим. И этого «немного» будет достаточно, чтоб в очередной раз перевернуть твою жизнь с ног на голову. Ничего не поделаешь... Реинкарнация.

И я начала новую жизнь. Я снова сбежала, от бывшей потерянной любви, от таких непонятных и ставших далекими друзей, от привычного уклада жизни среди светских развлечений и работы в киотском отделении «Звёздного щита».

Я взяла только имя, лучевой меч и Фарги. Хотя насчёт последнего, трудно сказать, кто кого взял.

Я летела на Новую Луизиану, маленькую уютную планетку с искусственной гравитацией, искусственной атмосферой и настоящими лугами, полями, лесами, морями и реками. Если верить рекламным проспектам, там выращивают лучшие во Вселенной овощи и фрукты, там пасутся самые упитанные коровы и овечки, и живут самые, что ни на есть, морально устойчивые христиане. В общем, рай земной. Вернее, новолуизианский.

Только вот поехала я туда потому, что появились сведения о демоническом заговоре, который ставит своей целью захватить идиллическую планетку и превратить её в оплот Князя Тьмы. А дыма, как известно, без огня не бывает.

Звездолёт среднего класса, на котором я прибыла на планету, приземлился на маленьком космодроме города Новый Орлеан. Всё было очень скромно и не производило особого впечатления. Можно было подумать, что планетка эта не слишком развита технически, если здесь такой маленький и скромненький космодром с небольшими ангарами, маломощными ремонтными мастерскими и допотопным вокзальчиком из металла, пластика и бетона высотой всего в три этажа. Но мне было известно, что в других городах на этой планетке тоже есть свои космодромы с мастерскими, ангарами и вокзалами. И, значит, первое впечатление весьма и весьма обманчиво.

Я спустилась на эскалаторе в гулкий зал ожидания и, поставив свой чемодан рядом, огляделась. Приехавшие со мной пассажиры торопливо бежали к выходу, на ходу здороваясь со встречавшими их родными и друзьями. Им нужно было успеть на поезд, следовавший от космодрома в город.

— Мисс Бентли? — услышала я за спиной звонкий голосок и, обернувшись, увидела приветливую смуглую мордашку в обрамлении чёрных кудряшек. — Я Лия, Лия Джексон, менеджер компании «Джексон и Драйвер». Мне поручено встретить вас и проводить в дом, который мы для вас подыскали. Если вам понравится, то бумаги будут оформлены завтра же.

Она не попыталась схватить мой чемодан, и это мне понравилось. Взяв свой багаж, я направилась вслед за ней на перрон. Мы как раз успели вскочить в последний вагон, и поезд тронулся, оставляя за собой архаичное сооружение вокзала, разлинованное поле космодрома и смешные купола ангаров в стиле прошлого века.

За окнами потянулись зелёные луга, над которыми голубело ясное небо. Если б не близкий и узкий горизонт, то вполне можно было бы решить, что мы на Земле.

— Вам понравится на Новой Луизиане, — уверенно произнесла Лия, с гордостью разглядывая простиравшиеся за окном ландшафты. — Здесь спокойно и уютно. Все работают и потому хорошо живут. У нас прекрасная экология и очень мягкий климат. Здесь просто идеальное место для отдыха и творческой работы. Ведь вы писательница?

Она доверчиво посмотрела на меня.

— Что-то вроде этого, — пробормотала я.

— Понимаю, — улыбнулась Лия. — Я поняла это сразу, как только прочитала ваше письмо. Подыскать дом, где могло бы жить привидение, — она рассмеялась. — Мой босс предложил найти для вас готический замок, но я решила, что это слишком. Я навела справки и кое-что о вас узнала. Не спрашивайте от кого, потом я вам расскажу. Но я поняла, что вам нужен небольшой викторианский особняк с уютной библиотекой и камином в гостиной.

— Именно это мне и нужно, — кивнула я, — И чтоб моему приведению там было удобно.

— Ему понравится. Там прекрасный просторный подвал со сводчатым потолком и винным погребом.

— Вряд ли это его заинтересует. — пробормотала я, разглядывая уютные коттеджи пригорода, мелькавшие за окном поезда. — Но библиотека и гостиная с камином, пожалуй.

Вдалеке показались каменные дома Нового Орлеана. Не такие ветхие, как в Эйке, и не такие огромные и сияющие, как в Старом Луарвиге, всё же они живо напомнили мне покинутую мной Киоту. Я вздохнула.

— Мы скоро приедем, — торопливо проговорила Лия. — К космодрому нельзя подвести автобан, поэтому эти поезда — единственный способ добраться до города. Но на станции нас ждёт автомобиль, — она неловко улыбнулась. — Летательные аппараты у нас запрещены, из-за нестабильной гравитации возможны аварии.

— Никаких проблем, — заверила я её, подумав про себя: «Господи, куда я попала?»

Автомобиль оказался голубым «Рено» с серебристой полосой на борту. Узнав, что этот автомобиль взят в аренду с правом выкупа для меня, я примирилась с неизбежным. Я приехала сюда работать и, значит, должна быть готова к некоторым неудобствам.

Пока Лия вела машину по улицам города, я разглядывала старинные немного вычурные двух-трёхэтажные дома, какие можно увидеть разве что на Земле в небольших городках, тех самых, где много парков, аллей и площадей с древними памятниками из бронзы в центре.

Обилие зелени, детей и собак на поводках, наконец, склонило чашу весов в сторону одобрения. Мне начал нравиться этот неспешный и уютный город. И я подумала, что, может быть, мне повезло, что я попала именно сюда.

— Наш город самый старый на планете, — проговорила Лия, с улыбкой поглядывая на меня. — Его заложили квакеры, прилетевшие на Новую Луизиану около двух столетий назад. Они мечтали создать здесь колонию, в которую не будет доступа посторонним, но их изоляция продержалась меньше сорока лет. Потом сюда прилетели адвентисты и основали город Монро на юге, а ещё через двадцать лет прибыли новые христиане и заложили Александрию на востоке. Ну, а потом пошло... Прибывали всё новые конфессии, закладывали новые города. А ещё лет шестьдесят назад прибыли буддисты, за ними — иудеи, за ними еще кто-то... Верующих среди местного населения к нашему времени стало куда меньше, чем в начале, и оплот христианства превратился в обычный космический

мегаполис, — её улыбка стала немного рассеянной. — И всё равно здесь больше действующих храмов, чем на других планетах такого типа.

— Это радует, — подытожила я, заметив в конце одного из переулков мрачную громаду готического собора. Он тоже был действующий. И судя по всему, в нём обосновалось Братство Тьмы.

Наконец, мы пересекли город и выехали в предместье. Я прилипла к окну, разглядывая мелькавшие вдоль дороги сады, фермы, одинокие коттеджи. Потом на холме появилась железная ограда, а за ней — часовня в окружении склепов и могильных памятников.

— Мы почти приехали, — обрадовала меня Лия и свернула в сторону кладбища.

Мы проехали мимо ограды, и я видела стилизованных рыцарей с мечами, скорбящих дев с урнами и ангелов со щитами, изваянных из одинакового белого камня. Потом мы снова свернули и, миновав дубовую рощу, подъехали к ограде, за которой шумели на ветру вековые вязы, а за ними стоял небольшой и вполне уютный на вид двухэтажный особнячок.

— Имение называется «Вязы», но вы можете назвать его иначе, — щебетала Лия, ведя машину по неширокой аллее. — Здесь тихо и никто не будет вам мешать. Надеюсь, близость кладбища вас не смущает?

Я пожала плечами и распахнула дверцу машины. Может быть, я и закапризничала бы из-за такого соседства, если б на меня вдруг не обрушился этот гомон птиц, шум листвы и тишина, которую не могут заглушить звуки природы. Стены дома были увиты плющом и вьюнком, возле стен тянулись клумбы с левкоями и рододендронами. Сам дом, словно сошедший со старинной литографии, казался таким тихим и уютным, что мне немедля захотелось в него войти.

Лия уже подбежала к дверям и постучала по медной дощечке небольшим молотком.

— Я хочу, чтоб сделали звонок, — неожиданно выпалила я и впереди неё протиснулась в дверь, которую открыл невысокий хорошенький юноша с голубоватой кожей и синими кудряшками. Он был похож на эльфа, а никак не на ферга, которому не место в викторианском особняке.

— Я Альмер, — сообщил он. — Помощник менеджера.

— И мой жених, — радостно перебила его Лия.

— Я всё проветрил и приготовил, — продолжил он. — Дом готов к приёму хозяйки. Продукты в холодильнике, дрова в камине, постели застелены, полотенца вы найдёте в ванной. Я уверен, что вам здесь понравится.

Возможно, подумала я, оглядывая небольшой холл, отделанный дубовыми панелями. Из холла я прошла в уютную гостиную с дубовой, обитой красным бархатом мебелью и камином. На второй этаж вела резная лестница.

— Кухня налево из гостиной, следующая дверь — в библиотеку. Дверь на кухне ведёт в подвал. Наверху три спальни и ванная комната. Что ещё?

— Мисс Бентли сама всё увидит, — затараторила Лия, хватая своего эльфа за руку. — Не будем ей мешать. Мы заедем вечером, узнать, как у вас дела и согласны ли вы купить этот дом. А пока, располагайтесь.

Я не успела возразить, а они уже исчезли, и только корма красного эльфийского «Бьюика» мелькнула в конце вязовой аллеи.

крохотный, он был изукрашен внутри, как драгоценная шкатулка. Кругом полированное дерево, тонкая резьба, на стенах — старинные гравюры. На полах — ковры из овечьей шерсти с восточным рисунком. На кухне — большая плита и коллекционная медная посуда. В библиотеке — книжные шкафы, заполненные не имитацией книжных корешков, а самыми настоящими книгами по истории, искусству, оккультизму и магии.

— Я б на твоём месте поинтересовался, от кого она узнала, что тебе нужно, — услышала я за спиной серебристый тенор моего любимого привидения, за которым оставалось последнее слово в отношении нашего нового жилища.

Я обернулась и увидела, как он материализовался в кресле у маленького камина. С интересом оглядываясь по сторонам, он уже вертел в пальцах какую-то книгу.

— Это «Ортодоксальная магия» Парацельса. Парижское издание девятнадцатого века. Здесь одна эта книжонка должна стоить дороже, чем та сумма, которую ты указала в письме в качестве ограничения на цену дома.

Бросив книгу на столик, он поднялся и легко прошёлся по маленькому пространству меж двух стен, сплошняком заставленных полками с книгами. Его белые джинсы, голубая рубашка, длинные чёрные волосы и арабский профиль не очень гармонировали с этой обстановкой.

— А мне нравится, — пожала плечами я.

— Может быть, — Фарги обшаривал взглядом своих огромных чёрных глаз книжные полки. — Магия и оккультизм, хиромантия и нумерология, астрология и алхимия, мистика и... снова магия. Подбор книг кое о чём говорит.

— Мне он говорит о том, что эти книги пригодятся мне в работе.

— И ферг...

— Эльф, — капризно поправила я.

— Масунт, — жёстко перебил Фарги, вперив свой пылающий взгляд в мои глаза. — Ты очень небрежна.

— О, боже... — простонала я и поплелась на кухню искать кофе.

Чуть позже, сидя за столом в гостиной, я пила кофе и поглядывала на Фарги.

— Значит, наводку дал Хиталоун? Это он сказал, что мне нравится и что понадобится мне в работе?

— Может быть, — он разглядывал кованую каминную решётку в виде переплетённых ветвей ивы, в которых затаились саламандры. — Но и без Макса не обошлось. Викторианский стиль — это его слабость. Да и подбор литературы... За дом уже заплачено и не те три тысячи кредитов, которые ты перевела сюда в качестве предоплаты. Макси не поспешил. Несмотря ни на что, тебя по-прежнему любят.

Я поморщилась.

— Не сыпь мне соль на раны. Думаешь, мне хотелось улетать? Но пребывание там стало просто невыносимо. Я чувствовала, что они все отдаляются от меня.

— Это ты отдалилась от них.

— У меня появилась навязчивая идея, что я — ангел.

— Это не навязчивая идея, — Фарги закончил изучение решётки и взглянул на меня, — Ты и есть ангел.

— Ангелы такие не бывают. Я старая и усталая брюзга. Я прожила тысячу лет и мне всё надоело. Мне нужны перемены, а я прилетела на другую планету и оказалась в гостях у Макса Делмана, из замка которого сбежала на Киоте.

— Ну, по крайней мере, ты сменила причёску, — пожал плечами он.

— Очень смешно.

Фарги поднялся и подошёл к окну. Начинало смеркаться, и в подступающих сумерках его фигура излучала белое неяркое сияние.

— Мне не нравится твоё настроение, но это пройдёт, — произнёс он. — Тебе просто нужно привыкнуть к новым воспоминаниям.

— Нет никаких новых воспоминаний. Я не помню ничего, кроме того, что сказал мне ты про то, что сказала тебе я до того, как все эти воспоминания исчезли. Это ты сказал мне, что я была ангелом, и без моего на то желания эта мысль втемяшилась мне в голову. Докажи, что это не паранойя!

— Ты бессмертна, неуязвима для происков Тьмы, служишь Свету и у тебя есть огненный меч.

— Это лучевой клинок! Ант!

— Какая разница! — отмахнулся он. — Блуждающие боги сочли, что ты заслужила право знать правду о себе, и ты знаешь. Так какие проблемы?

— Выходит, это — благодать. А я-то сдуру решила, что у меня мания величия.

— В одном ты права, — резко развернулся он и в упор взглянул на меня. — Ты действительно превращаешься в старую брюзгу.

— Погоди, в стенах этого диккенсовского дома я превращусь в старую ведьму.

— Не успеешь... — коварно улыбнулся он и растаял в сумерках, потихоньку заполняющих комнату.

— Ненавижу, когда ты так делаешь, — проворчала я.

Я прислушалась. Как и следовало ожидать, спустя несколько секунд раздался решительный стук в дверь. Уже подходя, я услышала с улицы еле слышимый голосок Лии.

— Мисс Бентли, это мы! Вы ещё не спите?

— Уснешь тут... — проворчала я, отпирая, и в следующий момент меня грубо оттеснили вглубь холла, и в дом ввалилось не меньше десятка человек.

Я отпрянула назад, но меня уже окружили несколько молодых людей. Лия, не спуская с меня настороженного взгляда, нагнулась и поставила на пол большого чёрного кота весьма бандитского вида. У кота на шее был кожаный ошейник с золотым бубенчиком. Он тут же направился в гостиную.

А в дверь торжественно вошёл невысокий худой человек в сером костюме. У него было бледное морщинистое лицо и пронзительный взгляд светлых глаз.

Потом кто-то швырнул мне что-то под ноги, и это что-то взорвалось, выпустив клубы густого лилового дыма с сильным чесночным запахом.

— Какого чёрта! — рявкнула я, свирепо озираясь по сторонам. — Или вы мне объясните этот дурацкий спектакль или немедленно отправитесь, куда Макар телят не гонял.

— Макар? — почтенный джентльмен в сером с любопытством взглянул на меня, чуть наклонив голову. — Кто это?

— Ещё минута и узнаете, — негромко пообещала я. — Молодой человек, не стойте у меня за спиной, если не хотите, чтоб я оторвала ваш роскошный хвост с кисточкой. Я могу.

Джентльмен сделал небрежный жест, и тот масунт, что маячил позади меня, отошёл. Чёрный кот с утробным урчанием тёрся о каминную решётку, которую недавно почтил вниманием Фарги.

— Я прошу прощения, мисс Бентли. Мы должны были убедиться, что это именно вы, —

проговорил джентльмен в сером. — Я — Ларс Джексон, глава новолуизианского отделения «Звёздного щита». Я могу сесть?

Я махнула рукой и сама села в кресло у камина.

— Альмер, затопи камин, — распорядился Джексон и вежливо поклонился мне. — Если вы не против.

Я мотнула головой и водрузила ноги на маленькую скамеечку. Юный масунт кинулся исполнять распоряжение босса. Кот следил за его действиями, щуря ярко-жёлтые глаза.

— Это Иеремия, — с улыбкой сообщил Джексон. — Он натаскан на нечистую силу. Лия считает, что в прошлой жизни он был колдуном и сейчас добрым служением искупает свои грехи.

Я молча смотрела на него, сцепив пальцы. Масунты из его свиты разошлись по углам и слились с сумерками. Только Лия присела на подлокотник третьего кресла и виновато поглядывала на меня.

— Вы ждёте объяснений, — кивнул Джексон. — Понимаю... Не слишком приветливый приём, но, поверьте, у нас есть на это причины. Вы опоздали. Мы ждали вас на прошлой неделе.

Я удивленно приподняла брови. Не припомню, чтоб я давала сюда телеграмму о своём прилёте.

— К тому же вы выглядите не так, как на портрете, который нам передали с Киоты, — добавил Джексон.

Альмер, разжигавший огонь, на миг отвлёкся и подал мне голографическую карточку. Я была изображена на ней в полный рост, завернутая в зелёный атлас, держащийся на трёх алмазных пряжках, с серебряной розой на обнажённом плече. Второе плечо было скрыто волной мелких рыжих кудрей, спускавшихся почти до пояса. Кажется, этот снимок сделали в минувшее Рождество в клубе «Корона».

Я хмыкнула и бросила снимок на стол.

— Вы действительно ожидали, что я появлюсь в таком виде? Я же летела сюда не потрясать миры, а работать.

Карточка непонятным образом исчезла со стола. Альмер слишком усердно чиркал спичкой о коробок.

— И всё-таки вы изменились слишком кардинально, — вздохнул Джексон, посмотрев на него. — Новая стрижка очень вам идёт, но цвет... слишком тёмный и вызывает ассоциации с...

Он не договорил, заметив мою кривую усмешку.

— Ладно, это не важно, — вздохнул он. — Я, наверно, кажусь вам сумасшедшим, но, поживи вы здесь с моё, сами начали бы бояться собственной тени.

Достаточно было на него взглянуть, чтоб понять, что ничего он не боится, ни тени, ни чёрта, ни дьявола.

— Я выдержала вашу проверку? — спросила я. — Тогда перейдём к делу. Что здесь происходит и почему я подверглась такой массированной проверке?

— Это обычная проверка, — возразил он. — Просто здесь слишком часто появляются не те, за кого они себя выдают. Но давайте всё по порядку. Если вы не против, Лия сходит и приготовит нам кофе, а мальчики установят дверной звонок и приберут в чулане и на чердаке. Альмер не успел сделать это.

— Хотя меня ждали на прошлой неделе, — каверзно улыбнулась я.

Масунты разбрелись по дому, Лия тихонечко позвякивала посудой на кухне, а Ларс Джексон задумчиво смотрел в огонь, полыхающий в камине.

— Чтоб понять, что здесь происходит, нужно знать историю Новой Луизианы, — негромко произнёс он. — Она начиналась как оплот религиозного рвения, а от религиозного рвения недалеко до фанатизма. Фанатизм же чреват перегибами, страхами и яростью. Первые колонисты прилетели сюда потому, что бежали от дьявольщины современной технократической цивилизации. Но с собой они привезли свою собственную дьявольщину. Вы понимаете, о чём я? Религиозный фанатизм всегда был связан со страхом перед искушением, грехом и их носителем — Врагом рода человеческого. Вместе с Библией они привезли сюда «Молот ведьм», сей монументальный труд двух монахов, снискавших славу охотой на ведьм. Они привезли его сюда вовсе не из академического интереса, а для повседневного применения. Они сами привезли сюда то зло, которого боялись и с которым собирались бороться, потому что зло кормится верой и страхом.

Лия принесла поднос с чашками и кофейником и поставила его на стол. Джексон задумчиво взглянул на неё.

— В джунглях Амальтеи вы не встретите наших демонов, потому что их там никто не знает. Зато здесь их каждый день поминали недобрым словом, и они пришли. Они нашли здесь пристанище после того, как их начали выживать с Земли. Вы ведь знаете, наверно, что демонам низшего ранга нужен портал, чтоб проникнуть в наш мир? Нет? Так вот, это так. Портал может быть открыт где угодно, если его открывает ведьма, колдун, тёмный жрец или другой демон. Но существуют так называемые стабильные порталы, аномальные места, где есть постоянный проход между мирами. На Земле они все перекрыты.

Об этом не говорят открыто, но на Земле существуют специальные подразделения магов и медиумов, стоящих на страже мира. Порталы намертво опечатаны, над ними выстроены храмы различных конфессий, и специально подготовленные монахи днём и ночью читают молитвы, поют гимны и совершают ритуалы, не позволяющие тёмным сущностям пересечь черту. Да и что этим сущностям теперь делать на Земле? Там везде церкви, ашрамы, пагоды, синагоги, храмы Звёздного Света, центры Шамбалы, мечети. По горам, лесам, лугам болотам, джунглям, бушу и саванне тысячами бродят друиды, волхвы, шаманы, великие язычники, святые отшельники и прочие служители Света. Народ не тот, он читает, думает, творит, занимается йогой, медитирует. Стало модно проводить отпуска в монастырях и скитах.

Короче, зло уходит с Земли. Но куда ему идти? Туда, где его ждут, ищут и боятся. На такие планеты, как Новая Луизиана. И оно пришло сюда. Не так уж сильно было его влияние, но факты говорят сами за себя. Со дня последнего публичного аутодафе в Новом Орлеане прошло меньше ста лет.

— Публичного? — уточнила я.

Лия подала мне чашку с кофе. Я кивнула в благодарность и посмотрела на Джексона.

— Вы ухватили самую суть, — мрачно подтвердил он мою догадку. — Потому что и в наши дни полиция иногда находит в окрестностях города следы ритуальных казней ведьм и колдунов. Виновных, естественно, найти не могут. Это не теракт, и ответственность на себя никто не возьмёт. Но это полбеда, хуже то, что действия этих ревнителёв веры имеют под собой реальную основу. Опасность существует. В городе есть ведьмы, есть колдуны, есть тёмные жрецы и есть стабильный портал. Мы даже знаем где он, но мы ничего не можем поделаться. Его охраняет Братство Тьмы при участии, я полагаю, низших демонов. Кроме них

есть ещё Чёрное Братство, Дети Сатаны, Союз Чёрного Меча, Дщери Шабаша и ещё кой-какие группы помельче. Естественно, им противостоят крепкие общины, талантливые и благочестивые священники, профессиональные экзорцисты, призванные охотники на ведьм и демонов, Храм Духа, Храм Звездного Света, мы, наконец. Борьба идёт, но раньше она не выходила за рамки сдержанного противостояния. Теперь всё начинает меняться.

Он взял со стола чашку и заглянул в неё, словно собирался гадать на кофейной гуще.

— Наверно, дело в том, что на некоторых планетах мы одержали победу, может быть, даже то, что вам удалось закрыть на Киоте два портала, сыграло свою роль. Лишившись части возможностей в других мирах, Тьма усилила нажим там, где сопротивление ей слабее, в частности, здесь на Новой Луизиане. Демоны просто так ходят по улицам. Мы рискуем, применяя здесь чутьё масунтов, потому что на этой планете не принимают инопланетян, но это иногда единственный способ выследить демона. А убить его ещё сложнее.

Джексон осмотрелся по сторонам и снова уткнулся в чашку.

— Этот дом принадлежал моему предшественнику и другу доктору Просперу Дриверу. В прошлом месяце он погиб от лап демона. Нам удалось тогда найти рецепт зелья, загнать демона в пентаграмму и провести ритуал его изгнания. Но мы потеряли двух масунтов и доктора Дривера. Согласитесь, это дорогая цена за победу над одним демоном среднего уровня.

— Значит, этого вы и ждёте от меня? — я поставила свою чашку на стол и поднялась с кресла. — Вы хотите, чтоб я убивала демонов?

— Нас заверили, что у вас есть оружие и опыт, — кивнул он.

— Что есть, то есть, — я прошлась по комнате и подошла к окну. Уже совсем стемнело, и я ничего не увидела, кроме собственного отражения в оконном стекле. — Только я никогда не считала себя истребительницей демонов. Я воин.

— У нас нет другой возможности уничтожить их, — произнёс Джексон. — Они появляются каждый день. Некоторые не скрывают своей сущности. Они скоро наводнят всё.

— Демонический заговор?

— Это уже наша головная боль! Мы работаем здесь уже шестьдесят лет, у нас есть связи и агентура. Но мы не умеем просто убивать их. Нам нужен ангел с огненным мечом.

— Почему нет? — вздохнула я. — Как быть с общественным мнением?

— В городе такой уровень преступности, что этого никто не заметит. К тому же, как подсказывает наш опыт, демоны после смерти рассыпаются в пыль, и её уносит ветер. По нашим законам, нет трупа — нет убийства. Никакой опасности.

— Логично.

— Вы согласитесь помочь нам? — заглянул мне в глаза негибемый Ларс Джексон.

— Я помогу вам, — пообещала я, и на какой-то миг мне послышалось этокое трепыхание крыл за спиной. — Я же ангел.

«Я при деле, — булькнуло в голове. — Поздравляю. Сбылась мечта идиота.»

Джексон поднялся. У него был такой вид, словно он сбросил с плеч огромный груз. Ещё бы, кто-то будет теперь за него бегать ночами по грязным улицам Нового Орлеана с масунтом на поводке и колошматить демонов.

— Если вас устраивает этот дом — он ваш, — благородно заявил он. — Альмер и Лия живут неподалёку. Они будут помогать вам по хозяйству и поддерживать связь. Альмер — прекрасная ищейка, а Лия... — он тепло взглянул на девушку, — она потомственная ведьма, по моей линии из друидов, по материнской — из жрецов Вуду. Она вам поможет и с

информацией, и с магией. Иеремия — кот Проспера. Это его дом, так что если у вас нет аллергии на кошачью шерсть...

— Пусть остаётся, — махнула рукой я. — Всё веселее, пока не вернулся... — я замерла с открытым ртом.

— Кто? — тут же обернулся ко мне Джексон.

— Мое привидение, сэр.

— Зовите меня Ларс, — понимающе улыбнулся он. На его лице было написано: «у богатых свои причуды».

3

Они удалились, чинно и пристойно, совсем не так как ворвались. Иеремия остался. Он проводил меня к холодильнику и сделал так, что в нём оказалось несколько банок кошачьего корма. Волшебный кот. Или миляга Ларс прекрасно знал, что я не выкину бедную сиротинушку на улицу и всё равно оставлю её нежиться на родных диванах. Кстати, поев, именно на диван он и отправился.

Фарги исчез. Я несколько раз вякнула, пытаюсь привлечь его внимание. Хотя если б оне пожелали, то откликнулись бы и на мысленный призыв, а уж если желания не имеют, то хоть глотку сорви... Лучший друг называется.

Поскучав возле камина, я отправилась наверх, в спальню и столкнулась с проблемой выбора. Их было три и все готовы принять меня в свои объятия. Я выбрала самую большую с альковым и бархатным балдахинном. Разделась, приняла ванну и забралась на необъятную кровать.

Мне было тоскливо. Так тоскливо, что и не выразить. Мне было одиноко, и ночь окружала меня плотным пологом.

Кто-то должен быть рядом в такую ночь. Чужая планета, чужой дом, чужая постель. А так хочется тепла, хотя бы присутствия рядом. Пусть дыхание, тихий звук голоса, лёгкое прикосновение... Что-нибудь, только не быть одной. Совсем одной...

Свечи горели на комодке. Свечи горели на туалетном столике и на полу, на подоконнике и на высокой спинке кровати. Их изменчивое пламя плясало, бросая блики огня на стены и потолок.

Тикали часы и было уже за полночь. Спать не хотелось. Я зря пила вечером столько кофе. Теперь я сидела в постели и страдала от одиночества. В доме было совсем тихо, ни скрипа, ни шороха. Ветер не шелестел листвой за окном. Не шебуршали мыши на чердаке. Какие мыши, здесь же живет Иеремия... Хоть он бы пришёл, всё не так тоскливо.

Свечи горели, и стрелки медленно ползли по циферблату. Я смотрела на открытую дверь, за которой клубилась тьма. Мне хотелось, чтоб кто-нибудь вошёл, кто-то, кто мог избавить меня от этого давящего чувства одиночества и тоски, кто дал бы мне почувствовать, что я не одна в этом мире, что я жива, что я чувствую и дышу, что моё сердце бьётся и слышит биение другого сердца.

Я смотрела в темноту и чувствовала, что я уже не одна. Кто-то медленно и в то же время легко поднимался по ступеням лестницы. Кто-то подошёл к двери и смотрел на меня из темноты. Кто-то шагнул в комнату и замер на пороге.

Я увидела силуэт на фоне тёмного прямоугольника двери. Высокий мужчина стоял там и смотрел на меня, стройный, одетый в чёрную рубашку и чёрные брюки. Чеканная пряжка ремня поблескивала в свете свечей, и в зелёных глазах плясали огненные искры. Он подошёл

ко мне и склонился к моему лицу.

Я чувствовала тепло, исходящее от его тела, и ощущала дрожь, пробегающую по моему. Он коснулся пальцами моей щеки, и я вздрогнула и затрепетала, так приятно было прикосновение этих нежных пальцев. От них исходила странная, пьянящая сила.

Не отрывая от моего лица взгляда своих зелёных глаз, он взялся за ворот своей рубашки и рванул его так, что пуговицы отскочили разом, и тонкая чёрная ткань соскользнула с загорелых мускулистых плеч. Он нагнулся ниже, и его губы коснулись моих, а в следующий миг меня словно ударило током. Синяя молния пронзила всё мое тело, и я с воплем проснулась.

Конечно, не было никаких свечей, дверь была закрыта, за окном шумела листва, а дом жил потихоньку своей деревянной жизнью, уютно поскрипывая и вздыхая.

— Фарги! — пискнула я, чувствуя холод в руках и ногах.

Мне было страшно и холодно. То, что во сне было таким манящим, теперь вызывало ужас. И зелёные глаза моего ночного гостя мерещились мне жутковатой усмешкой в тёмных углах. Я зажгла свет и, порывшись в чемодане, нашла какую-то книжку. Забравшись обратно в постель, попыталась читать, но мысли пугались. Притягательная сила явившегося мне во сне мужчины странно будоражила и тревожила меня. И в какой-то момент я всё-таки уснула.

Утром я в халате, заспанная и встрёпанная, стояла у окна и смотрела, как Альмер подстригает газон. Лия сунула мне в руки чашку с кофе и принялась торопливо переворачивать на сковороде кусочки бекона.

— Этак я скоро в дверь не влезу, — обречённо констатировала я, наблюдая за её действиями.

— Влезете. Если что, расставим, — бойко пообещала она, а потом озадаченно взглянула на меня. — Вы плохо спали?

— Отвратно, — я тяжело хлопнулась на табуретку рядом. — Мне снились сны.

— Кошмары?

— Нет. Один сон. Эротический.

— Вам часто снятся эротические сны? — улыбнулась она.

— Редко. А такие — никогда. Как выглядел доктор Дривер?

— Пожилой, чернокожий, седящий... Большой и добрый.

— Нет, не похоже, — я отхлебнула кофе.

Лия выключила плиту и решительно обернулась ко мне.

— Кто вам снился?

— Я не знаю этого мужчину. Никогда не видела. Но в нём было что-то... — я щёлкнула пальцами. — В жизни я так легко не заводжусь.

— Красивый?

— Пожалуй... Фигура хорошая, длинноногий, высокий, мускулистый торс, сильные руки, крепкая шея. На лицо — ничего особенного. Не мой тип. Я крайне избалована красивыми мужчинами. Они ко мне так и липнут. Этот — не бог ведь что. Вот только глаза...

— Что глаза?

— Зелёные с золотыми крапинками. И чёрные брови, почти прямые, как стрелы... И руки, такие, к которым хочется прикоснуться, а потом — бах!

— Бах?

— Бах... — кивнула я. — Удар током высокого напряжения. Просыпаюсь в холодном

поту. Руки, ноги ледяные. Утром еле передвигаюсь. И всё эти зелёные глаза...

— Инкуб, — пробормотала она.

— Что? — я едва не облилась горячим кофе.

— Демон-любовник. Он питается энергией женщин.

— Я знаю, что такое инкуб, — буркнула я. — Но мне не нравится эта идея.

Лия кое-как накормила меня завтраком и умчалась в город, может, докладывать о том, что на ангелицу с огненным мечом напал озабоченный демон.

Мне было не по себе. Я без конца вспоминала свой сон и не могла понять, что чувствую к этому загадочному соблазнителю.

— Наверно, так оно всё и начинается... — вяло сообщила я Иеремии, который уже танцевал возле холодильника в ожидании второго завтрака.

К полудню наконец-то появился Фарги. Его пальцы были в краске. Всё ясно, заработался, лапушка. При жизни он был известным художником и за гранью продолжал иногда творить, очень страдая, что его полотна никто не видит. Кроме меня. Я видела и разделяла его страдания. Поэтому сейчас я не стала упрекать и ныть. Я просто рассказала ему о том, что произошло, и что об этом сказала Лия.

— Инкуб? — ошарашено переспросил Фарги. — Какой к чёрту инкуб? Хотел бы я посмотреть на этого инкуба! Вернее, на того, который осмелился бы к тебе сунуться!

— Но я же женщина! — неожиданно обиделась я.

— Ты ангел и от тебя за милую разит райскими ароматами.

— Очень изысканно, — смягчилась я.

— Ты бы не подпустила к себе инкуба. У тебя хорошая защита, — Фарги был всерьёз озабочен. Это показалось мне странным.

— Знаешь, парень был явно не в моём вкусе, но очень привлекателен. И в нём, действительно, было что-то демоническое.

— Это меня и смущает. Не инкуб, но пытался соблазнить. Не в твоём вкусе, но ты запала.

— Мне было одиноко, — пояснила я.

— Ладно. Разберёмся. В следующий раз бери с собой кота.

— Ты думаешь, я настолько нуждаюсь в обществе?

— Я думаю, что он натаскан на нечисть, — отрезал Фарги. — И не пей столько кофе. Это я тебе как специалист говорю!

— По кофе?

— По душевным заболеваниям, — фыркнул он и снова исчез. Надеюсь, отправился искать ответ на мои вопросы.

4

Уже начало темнеть, когда в дверь позвонили. На пороге стоял один из масунтов Джексона, повыше, покрепче и постарше Альмера. Строго взглянув на меня, он спросил:

— Готовы к работе?

— Как всегда, — пожалала плечами я. — Только возьму сумку.

Он терпеливо ждал на улице, пока я бегала наверх за мечом и сумкой. В начале аллеи застыл в ожидании большой чёрный автомобиль с затемнёнными окнами и выключенными фарами.

— Вас не принимают за братьев Тьмы? — пробормотала я, забираясь в салон.

Мою шутку никто не оценил. Только Лия напряжённо улыбнулась. Она расположилась на переднем сидении рядом с ещё одним масунтом. Тот был так же строг и сосредоточен, как и первый.

— Кого едем убивать? — поинтересовалась я, когда тот, первый сел рядом со мной на заднее сидение, и машина тронулась по пустой и мрачной аллее.

— Эльвер расскажет, — произнесла Лия.

Эльвер, — это тот, что сел рядом со мной, — молча подал мне серый конверт. Я достала из него цветные снимки, на которых были изображены бледные обескровленные трупы без глаз.

— Бог ты мой... — вздохнула я. — С кем имеем дело?

— Демон среднего уровня Броман, — ответил Эльвер. — Собиратель душ. Гипнотизирует жертву, а, когда она впадает в оцепенение, прикладывает пальцы к её глазам и вместе с ними вытягивает душу. Нам удалось выследить его. Он промышляет в западной части города и в последнее время облюбовал ночной клуб «Приют ангелов».

— Ничего себе название, — вставила я.

— Я ж говорю, что они обнаглели, — раздражённо откликнулся Эльвер. — Он нарочно выбрал этот клуб. Из вредности. Вы справитесь с ним?

— Сделаю всё возможное, — кивнула я.

Дальше мы ехали молча. Мои спутники были не расположены к разговорам, да и я тоже. Я разглядывала фотографии. Судя по линейкам и пронумерованным карточкам, они были взяты из полицейского досье. Наверно, именно это и имел в виду Джексон, когда говорил, что у них есть связи и агентура.

Клуб, куда мы приехали, был не самого высокого уровня. Не из тех фешенебельных заведений, к которым я привыкла на Киоте. Но здесь была неоновая вывеска, большой застекленный подъезд и толпа молодежи у входа.

Эльвер спокойно прошёл мимо этой жаждущей развлечений шумной компании и уверенно распахнул дверь. Лия и водитель остались в машине, а мы вдвоём вошли в большой зал, где топтались под громкую музыку сотни две счастливых, попавших на вечерний концерт.

На маленькой высокой сцене прыгали лохматые оболтусы с вакуумными гитарами и громко пели что-то путанное и непонятное. Оглядевшись, я заметила в гуще людей несколько молодых, изящных юношей с густыми тёмными кудрями, лицами сказочных эльфов и чёрными настороженными глазами. Возле стойки бара в центре зала на банкетке сидел Альмер. Заметив нас, он взглядом показал куда-то в сторону.

Обернувшись, я увидела высокого мрачного субъекта с лохматой шевелюрой, который плотоядно зыркал по сторонам. Судя по всему, они все играли в открытую, и никто ничего не замечал.

Кивнув Эльверу, я поправила на плече ремень сумки и направилась прямо к демону. Я призывно улыбалась и, конечно, он меня заметил. Подойдя вплотную, я заглянула ему в глаза и мурлыкнула:

— Люблю крупных мужчин.

После чего развернулась и стала протискиваться к задней двери, не сомневаясь, что он уже пристроился за мной. Все было до смешного просто. И дверь оказалась открыта, и вела она в тёмный пустой переулок, заставленный мусорными баками.

Выйдя на улицу, я остановилась в ожидании. И ждать пришлось недолго. Он вырулил

вслед за мной. Мне даже стало скучно. Я улынулась. Он захлопнул за собой дверь и, набычившись, взглянул на меня. Его мрачные глаза засветились красным светом. Видимо, это означало, что он пытается меня загипнотизировать. И только тогда я сообразила, что меч не мешало бы иметь наготове. А он быстро почувствовал, что что-то не так и, размахнувшись, попробовал сбить меня с ног.

Я успела поставить блок и мою руку обожгла боль. У него была не рука, а огромная лапа с когтями, которые вспороли мою куртку вместе с мышцами руки. На какой-то миг у меня потемнело в глазах от боли, и я прозевала следующий удар. То, что меня ударили, я поняла, уже падая на мусорный бак.

Демон с рёвом бросился на меня, и тут откуда-то сбоку на него с рычанием прыгнул большой серебристый лев с синей гривой, только алмазная диадема сверкнула в тусклом свете уличного освещения.

Масунту удалось сбить Бромана с ног. Зверь подмял его и попытался запустить когти ему в грудь, но демон с громоподобным рыком отшвырнул его в сторону, и масунт, жалобно взвизгнув, отлетел, ударился о стену дома и упал на кучу мусора.

Вскакивая на ноги, я сунула руку в сумку, и эфес Налоранта привычно лёг мне на ладонь. Я выдернула его и сдвинула выключатель.

Демон, летевший на меня с перекошенной физиономией, в аккурат наткнулся грудью на белый луч клинка и замер, в его взгляде мелькнуло удивление. Потом он упал на колени, издал последний в своей жизни рёв и вспыхнул странным лиловым пламенем, быстро превратившись в кучку пепла, которую развеял ветер.

Я подбежала к масунту и нагнулась над ним. Это был красивый молодой зверь, судя по скромной диадеме в гриве, медальону вместо тяжелой цепи на широкой груди и отсутствию браслетов, совсем недавно посвященный в клан воинов.

— Как ты, киска? — бормотала я, поглаживая кудрявую густую гриву.

Он медленно открыл тёмные бездонные глаза с пушистыми ресницами и, тяжело поднимаясь, начал перевоплощение. Это был Альмер. Встав на ноги, он смотрел на меня.

— Вы не ранены? Где демон?

— Ветром сдуло.

Он недоверчиво смотрел на меня, потом начал озираться. К нам уже спешили Эльвер и Лия.

— Как всё просто! — восторженно воскликнул Эльвер. От его строгости не осталось и следа. — А мы так мучились в прошлый раз! Он убит! Он сгорел, и прах унесло в бездну! Я видел это!

Лия хохотала и прыгала вокруг нас, а потом вдруг замерла.

— Вы ранены!

— Ерунда, — отмахнулась я и только тут почувствовала, как болит рука. С неё ручейком текла на землю кровь. — На войне как на войне.

— Не ерунда! Эта рана нанесена демоном и так просто она не затянется. Нужно остановить кровь, — она сдёрнула с шеи косынку и начала заматывать мою руку. — Идёмте в машину. Я перевяжу, а дома сделаю свежий бальзам. Мальчики, соберите кровь с земли. И чтоб ни капли не осталось! Нельзя, чтоб ваша кровь досталась им. Они будут колдовать.

Я поняла, о ком она говорит, и не стала спорить.

В машине она вполне профессионально забинтовала мне руку, а когда мы приехали в мой новый дом, тут же отправилась на кухню.

Намазывая мне на рану толстый слой желтоватой мази, она качала головой.

— Нехорошая рана. Долго будет болеть.

— К утру пройдёт, — бодро возразила я.

— Не уверена, — Лия в упор взглянула на меня. — Совсем не уверена. Я дам вам настой, чтоб боль не слишком мучила и не мешала спать, а утром приду и сделаю перевязку.

В постель я легла уже за полночь. От травяного настоя перед глазами всё плыло, я без конца зевала, но рука всё равно была как в огне. Уже засыпая, я почему-то подумала, что нужно будет завтра сходить на прогулку в дубовую рощу. Я представила, как иду по тропинке между деревьями и слушаю пение птиц и, уже проваливаясь в сон, чувствовала, как горит моя рука.

5

Она шла по тропинке между высокими деревьями и оглядывалась по сторонам, в надежде увидеть где-нибудь в кустах небольшой чёрно-белый комочек. Ей хотелось плакать. Она устала. Рука, которую она поранила большим ножом, нарезая лучину, болела уже несколько дней, а сегодня горела так, будто её обложили горящими углями. И теперь куда-то запропастился этот несчастный барашек.

Она искала его с утра и думала, что, может быть, его задрали дикие собаки. Барашка было жаль, но ещё больше было жаль себя. Она снова, уже в который раз вышла на пустошь возле леса и стала оглядывать низкие кусты, в надежде, что он уснул где-нибудь здесь, в высокой траве. Заглядывая под густые ветки, она прижимала к груди горячую, пульсирующую болью руку, а потом вдруг замерла, чувствуя, что сейчас разрыдается.

И только тут она заметила этого человека в чёрном, стоявшего под дубом на краю леса. Он небрежно прислонился к толстому морщинистому стволу и бесцеремонно разглядывал её.

Она застыла, как вкопанная, с испугом глядя на незнакомого мужчину в дорогом чёрном камзоле с парчовыми вставками на плечах и с очень красивой ажурной корзинкой в руке. От господ из города не приходилось ждать ничего хорошего, и она думала, что лучше убежать, пока не поздно, но тут он увидел, что она заметила его, и поднял руку.

— Погоди, дитя мое. Не бойся. Я не причиню тебе зла.

Опустив корзинку на траву возле своих ног, он медленно двинулся к ней. Она попятилась, собираясь убежать.

— Не пугайся. Я не сделаю тебе ничего плохого, — мягко произнёс он.

Она убежала бы, но взгляд её упал на изящную корзинку из тонких прутьев, заполненную травами, которую он оставил у дерева. Несмотря на длинную шпагу в ножнах и кинжал на поясе, вид у незнакомца был вполне миролюбивый.

— Вы не видели здесь барашка? — прошептала она. — Белый с чёрными пятнышками.

— Я уверен, что твой барашек уже дома, — убедительным тоном сообщил незнакомец. — А вот что у тебя с рукой?

Она прижала руку к груди и снова попятилась. Он покачал головой.

— Покажи мне. Я лекарь и, может, смогу помочь тебе.

— Само пройдёт, — буркнула она, отступив ещё на шаг, но всё же не убегая.

Рука болела, очень. А незнакомец говорил таким мягким и участливым тоном, что она набралась смелости и протянула ему руку.

Он подошёл и начал разматывать повязку. На его гладком, без единой морщинки лице

появилась брезгливая гримаса.

— Тот, кто перевязывал тебя, не знал, что для этого должна использоваться чистая ткань? — он открыл рану и помрачнел. — Дитя мое, если срочно не принять меры, ты можешь в лучшем случае остаться без руки. А в худшем...

Она не успела отстраниться, и он уверенным привычным жестом положил ладонь на её лоб. Его рука была мягкой и нежной, как у женщины, которая не занимается даже шитьём. При этом прикосновении она ощутила тепло и приятную, чуть вибрирующую силу, которая заструилась по её коже.

— Жара нет, — проговорил он и убрал руку. — Мне нужна горячая вода и место, где я мог бы разложить инструменты.

— Я должна найти барашка, — робко возразила она, но он раздражённо перебил:

— Я сказал, что он дома. А тебе нужна помощь больше, чем ему.

— Здесь недалеко мой дом, — покорно пролепетала она.

— Идём, — решительно произнёс он и направился к дубу за своей корзинкой.

Идя рядом с ним по извилистой тропинке, она то и дело косилась на своего спутника. Он был высок и красив, с широкими плечами и узкими бёдрами. Его фигура отличалась силой и изяществом, как бывает у настоящих благородных господ. К тому же он был молод, но не юн, и от него исходила такая волнующая сила и властность, что у бедной малышки просто кружилась голова.

— Как тебя зовут? — спросил он, легко перепрыгивая через ручеёк.

— Дженни, — ответила она.

— Как мило, — усмехнулся он и вдруг нагнулся и, подхватив её за талию, легко переставил на другой берег. — А меня Кратегус.

— Странное имя, — пробормотала Дженни, пытаясь воспроизвести его про себя, впрочем, без особого успеха.

— Вообще-то, это значит боярышник. Ветка боярышника красуется на моём фамильном гербе, вот я и взял себе это имя. Так принято среди врачей и алхимиков.

— Вы служите при дворе епископа? — догадалась она.

— Умная Дженни, — рассмеялся он. — Именно при дворе епископа.

— Но почему просто не назваться боярышником?

— Это слишком просто, — он пожал своими широкими плечами. — Обычно избирают имена из латыни.

— Для чего нужна эта латынь?

— Ты любопытна, — с удовольствием отметил он. — Латынь — это язык, который позволяет общаться учёным людям разных стран. Они говорят на разных языках, но пишут и общаются между собой на латыни, и потому все понимают всех. Впрочем, тебе это ни к чему. Имя, данное мне при рождении, Джулиан. Джулиан из клана МакЛаренов. Так ведь проще запомнить, верно?

— Да, милорд, — кивнула она. — Мы пришли.

Её хижина на краю соснового леса была сложена из больших белых валунов и покрыта тесом. За годы, что она жила одна, крыша прохудилась в нескольких местах, но она старалась, чтоб у неё в доме было уютно и чисто.

Джулиан, нагнувшись, вошёл в единственную комнату с низким потолком и с иронией осмотрелся по сторонам.

— Почти дворец.

— Не смейтесь, — попросила она. — Я согрею воду.

Он подошёл к покосившемуся столу и достал из-за пояса небольшой сафьяновый футляр. Развернув его на столе, он начал перебирать маленькие блестящие инструменты.

Дженни затопила очаг и поставила на него горшок с водой. Пока она делала это, он внимательно наблюдал за ней. Обернувшись, она встретила его взгляд и покраснела.

— Почему вы так смотрите на меня?

— А ты не знаешь? — усмехнулся он. — Разве мужчины не смотрят на тебя? И не говорят, что ты красавица?

— Не знаю, что вам взбрело в голову смеяться над бедной девушкой, — пробормотала она, краснея до самых корней своих рыжих волос.

Вода вскоре вскипела, и всё же ей казалось, что прошла целая вечность, потому что она не знала, куда деться от пристального взгляда этих насмешливых глаз. Красивый и знатный незнакомец так взволновал её, что она даже забыла о больной руке. Она без конца отводила взгляд и перекладывала с места на место свою нехитрую утварь, а его, кажется, забавляло её смущение.

Потом он, наконец, занялся её рукой.

— Мне нужно очистить рану, так что будет больно, — немного виноватым тоном произнёс он.

— Я потерплю, — пообещала она, для верности закусывая губу.

Но, может, рука у него была лёгкая, а, может, от самих рук исходила какая-то волшебная сила, но она почти не чувствовала боли. И теперь, когда его внимание было направлено на рану, она потихоньку рассматривала его вблизи.

Ему было тридцать или чуть меньше лет, но годы и невзгоды не оставили следов на его по-юношески гладком лице. У него был высокий лоб, чёрные, почти прямые брови и красивые глаза того необычайного зелёного цвета, что покрывает горные луга. В этих глазах солнечными зайчиками плясали едва заметные крапинки, а ресницы оттеняли их, делая томными и загадочными. У него был прямой нос и широкие скулы, которые совсем не портили его лицо, а блестящие, немного волнистые волосы тёмного цвета красиво отливали бронзой в лучах света, падавшего в окно.

— Вот и всё, — произнёс он. — Ты молодец. Ни разу не пискнула.

Он открыл ещё одно отделение своего футляра и достал оттуда пузырёк из тёмного стекла. Налив на рану густой коричневой жидкости, он вытащил из кармана свёрток, а из него — кусок белой тонкой ткани, какой Дженни никогда не видела.

Испуганно дёрнувшись, она проговорила:

— Мне нечем будет заплатить вам, милорд!

— Столько, сколько стоят мои услуги, уж точно, — усмехнулся он, ловко накладывая повязку. — Но поцелуя будет достаточно. А когда я приеду в следующий раз, чтоб сменить повязку, мы поговорим о цене.

Дженни затрепетала, поняв, что пропала. У неё не было сил бороться с тем, что она чувствовала, и с тем, чего хотел он. Он поднялся и, обняв её своими сильными руками, притянул к себе. Она совсем близко увидела зелёные смеющиеся глаза и отважно подумала: «Будь, что будет...»

— Ты ведь позволишь мне приехать снова? — прошептал он, обдавая её лицо тёплым дыханием.

— Да... — шепнула она, и он поцеловал её в губы, а потом разжал руки и, подхватив

свою корзинку с травами, вышел из хижины.

А она так и осталась сидеть у стола, боясь вздохнуть, и думая лишь о том, чтоб он приехал снова.

6

— Мне снова снился сон, — сообщила я Фарги, когда утром он без стука возник в моей спальне.

Я сидела на постели, обхватив руками колени, и мечтательно смотрела на Иеремию, который старательно умывался, лёжа рядом.

— Я знаю, — с усмешкой кивнул Фарги. — Я уже успел насладиться зрелищем, запечатлевшимся в твоей прелестной головке. И что ты об этом думаешь?

— Это не инкуб. Просто это был странный сон. А теперь мой мозг таким необычным способом переварил полученную мною за день информацию. Я хотела снова увидеть этого зеленоглазого. На банке с кошачьим кормом написано: «Лучшие во Вселенной мясные тортинки для вашей киски от Дональда МакЛарена». Мне никогда не нравилось имя Дональд, но нравилось Джулиан. И моя рука зажила! — я продемонстрировала ему руку. — Даже шрама не осталось.

— Логично, — с усмешкой кивнул он.

— Только не говори, что всё не так просто, — поморщилась я.

— Я и не говорю.

В дверь постучали, и на пороге показалась Лия с подносом. По комнате разнесся аромат свежесваренного кофе.

— Доброе утро, — лучезарно улыбнулась она. — Как ваша рука? Нужно сменить повязку

— Не нужно, — покачала головой я и показала ей руку.

Она изумлённо смотрела на меня.

— Не может быть!

— Может, — успокоила я её. — Ещё и не то может.

Фарги присел на подоконник и скрестил руки на груди.

— Можешь её ещё немного поудивлять, — предложил он. — Она хочет попросить у тебя разрешения воспользоваться чердаком. У них там на полу начерчена пентаграмма, на алтаре лежит колдовская книга, а в сундуке хранятся всякие магические причиндалы.

— О чём вы собираетесь колдовать? — поинтересовалась я, предварительно забрав у Лии поднос. Если б я этого не сделала, она бы точно опрокинула кофейник на меня.

— Откуда вы знаете?

Я метнула быстрый взгляд на ухмыляющегося Фарги.

— Ну, а зачем вам ещё мог понадобиться чердак?

Лия глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться.

— Вы читаете мысли?

— Нет.

— Тогда?..

— Я могу присутствовать там или это только для посвящённых?

— Я думаю, что вы относитесь к посвящённым, — проговорила Лия и удалилась с задумчивым видом.

— О тебе скоро начнут слагать легенды, — заметил Фарги, глядя ей вслед.

— По-моему, я это заслужила.

В полдень Лия пригласила меня на сеанс магии. Поднявшись на чердак, я увидела, что там просторно и пусто. В самом центре на деревянном полу была нарисована белой краской пентаграмма, рядом с ней возвышался алтарь, на котором лежала старинная книга, переплетённая змеиной кожей. Чуть в стороне стоял маленький столик, а в углу — большой кованый сундук. Три масунта, среди которых были Альмер и Эльвер, помогли Лие поставить рядом с пентаграммой столик. Пока она застилала его скатертью, расставляла на нём разноцветные свечи, раскладывала ножи с чёрной и белой рукоятками, пучки трав, какие-то амулеты, они тихонько встали по сторонам пентаграммы и, склонившись, перевоплотились во львов. Причём Эльвер, в отличие от Альмера оказался не серебристым, а голубым. Масунта такой масти мне ещё видеть не приходилось. Впрочем, третий был хоть и серебристым, но с заметным голубоватым оттенком. Три красивых зверя с диадемами голубого золота в гривах встали по сторонам треугольника, заключённого в пентаграмму.

Лия поставила перед собой чашу и положила рядом книгу. Окропив всё вокруг водой из чаши, она пробормотала:

— Там, куда попала святая вода, нет места тёмным заклинаниям и силам. Я не буду мириться с их присутствием. Отныне они должны исчезнуть.

Потом, шепча что-то про себя, она зажгла по очереди все свечи, взяла нож и очертила вокруг себя круг, а потом другим ножом написала что-то в воздухе, и пентаграмма вспыхнула чистым голубым светом. Львы по её сторонам стояли с серьёзным выражением на мордах и пристально смотрели на неё.

Лия тихонечко запела какое-то заклинание и вдруг вздрогнула, взглянув куда-то позади меня широко раскрытыми глазами. Я обернулась и успела увидеть, как Фарги, с профессиональным интересом наблюдавший за ритуалом, сделал небрежный жест рукой.

— Там кто-то был! — воскликнула Лия. — Я видела его.

Львы, оскалившись, посмотрели в мою сторону.

— Здесь никого нет, — соврала я.

Лия замотала головой.

— Ничего не получится. Если здесь их соглядатай...

— Не их и не соглядатай, — перебила я. — Продолжайте!

Мой голос прозвучал достаточно властно и убедительно. Тревожно посмотрев на меня, она продолжила.

Делая руками пасы, перекладывая травки с места на место, она читала заклинание. Фарги подошёл ко мне.

— Действенная магия, но что-то здесь не так. Пентаграмма слабовата. Я чувствую влияние. Предупреди её, что защита явно недостаточна.

— Лия, мне кажется, то, что ты делаешь, опасно. Меры предосторожности недостаточны.

— Пентаграмма удержит, — возразила она, на миг прервавшись.

Фарги покачал головой.

— Она вопрошает Бездну. Сегодня ей желают ответить куда более активно, чем обычно.

— Лия, я чувствую, что ты рискуешь! — проговорила я.

— Я почти слышу... — она закрыла глаза и задрожала.

Львы зарычали. Воздух на чердаке вдруг зазвенел, словно его частицы превратились в кристаллы. Моя рука невольно потянулась к заднему карману, куда я на всякий случай сунула Налорант.

— Довольно, — резко произнёс Фарги и движением руки сбросил со столика всё, что там стояло.

— Демон! — взвизгнула Лия, отшатнувшись, но пентаграмма продолжала сиять, и она наткнулась на её границу, как на стенку.

Молодой лев Альмер припал к полу грудью, готовясь к прыжку. Остальные опять оскалились. Я поняла, что они видят Фарги. Он выпрямился с величественным видом и вдруг окутался лиловым облаком, которое превратилось в фиолетовый жреческий плащ с капюшоном. Ткань его развивалась словно под порывами ветра.

— Спрашивай! — произнёс он, протянув к Лии свою изящную сильную руку.

— Кто ты? — спросила она.

— Тот, кто встал между тобой и Бездной, которая могла тебя убить. Тебе довольно знать и это. Спрашивай и я отвечу тебе!

— Хорошо... — пробормотала она, пытаясь сосредоточиться.

Я заметила, что со львами происходит что-то странное. Двое из них игриво упали на пол, подставив свои серебристые животики, а Альмер, пригнувшись, полз к Фарги, утробно урча и явно собираясь потереться об него мордой.

— Кто идёт? — спросила тем временем Лия.

— Тот, кто будет призван, — в полном соответствии со своим репертуаром ответил Фарги.

— Кто призывает? — спросила она.

— Никто.

— Кто призовет? — поправилась девушка, побледнев от волнения.

— Колдун, — Фарги опустил ресницы. — Вижу склеп, гробницы, герб. Два меча и ветвь дуба. Старик. Слышу зов... Портал откроется ночью. Войдёт, если не остановить.

— Входящего? — подалась вперёд Лия.

— Поздно, — возразил Фарги. — Зовущего.

— Как?

Он покачал головой.

— Хочешь спросить Бездну, спрашивай через посредника. Портал открыт. Бездна может прийти на зов, даже если его не было. Аминь.

Он снова взмахнул рукой, и Альмер с разочарованным рычанием упал на пол и задрал вверх все четыре лапы.

Лия вышла из погасшей пентаграммы.

— Вы видели? — спросила она меня.

Я пожала плечами. Фарги скинул с плеч плащ и перекинул его через руку. Утомленно взглянув на меня, он произнёс:

— Сходи с ними. Это нужно сделать во избежание неприятностей. А мне необходимо прилечь.

Он исчез. Я посмотрела на Лию.

— Вы знаете, о ком он говорил?

— Знаю. Это старый алхимик. Говорят, что он продал душу дьяволу, но до сей поры ни в чём опасном замечен не был. Насколько я знаю, он озабочен созданием философского камня.

— Где его найти?

Она пожала плечами.

— Я позвоню отцу.

— Мы должны успеть до полуночи, — напомнила я.

Лия кивнула и вышла. Масунты валялись на полу с ошалело счастливым видом, словно их напоили валерьянкой.

7

— Диметриус собирается открыть портал? — недоверчиво воскликнул Ларс Джексон, присаживаясь в кресло у камина. — Не может быть! Вы уверены, что этому демону можно верить?

— Это не демон! — раздражённо перебила я.

Три масунта, принявших человеческое обличие, пристыжено сидели в углу и вздыхали. Джексон взглянул на них, потом на меня.

— Значит, вы его знаете?

— Я знаю достаточно, чтоб доверять ему больше, чем себе.

— Но говорить о нём не желаете? Вы скрываете информацию...

— Довольно, — перебила я. — Не знаю, что вам сообщили с Киоты, но я должна уточнить. Я работаю со «Звёздным щитом», но в него не вхожу и ему не подчиняюсь. У меня свои правила игры, и те, кто заинтересованы в моей помощи, их принимают.

— Хорошо, — кивнул он. — Наверно, вы знаете, о чём говорите. Пусть так... Но что Диметриус собирается призвать кого-то... Зачем?

— Может, ему пообещали рецепт философского камня.

— Или сам камень, — пробормотал Джексон. — Ума не приложу, где его искать.

— Может, склеп?

— Я заехал туда по дороге. Это здесь, на кладбище. Склеп пуст. Я оставил там Айю и Тимина. Хуже то, что в принципе для ритуала место не играет особой роли. Он может провести его где угодно.

— Да и этот... посланец, — Лия осторожно подобрала слово. — Он сказал, что мы должны остановить зовущего, то есть Диметриуса.

— Одна надежда, что он придёт в склеп, — вздохнул Джексон. — Нам остаётся только ждать.

— Просто ждать? — фыркнула я. — Как вы думаете, что проще, остановить полусумасшедшего алхимика или тварь, которую он может впустить в этот мир? Мы не можем рисковать. У нас есть ещё время. Нужно искать. Вы же говорили, что у вас есть связи! Подключите полицию!

— Что я им скажу? Что нужно схватить старика, который хочет устроить конец света?

— Скажите, что нужно найти сумасшедшего, который украл у вас ценную книгу по алхимии.

Джексон сумрачно смотрел на меня, но колебался недолго. Подойдя к телефону, он взялся за трубку. Вернувшись, он сообщил:

— Я просил не трогать его, а только сообщить, где он. Сказал, что сам хочу поговорить с ним и убедить вернуть книгу.

— Совершенно верно. Не нужно подвергать опасности посторонних людей.

Наше ожидание затянулось и лишь когда за окном снова начало смеркаться, телефон, наконец, зазвонил. Джексон взял трубку, какое-то время слушал, а потом изумлённо воскликнул:

— Что? Вы уверены?

Мы все с нетерпением воззрились на него. Спустя минуту он опустил трубку на рычаг.

— Знаете, где они его нашли? В пентхаузе Белого Дворца на Йорк-стрит.

— Что он там делает? — воскликнул Альмер.

— Он там живёт. Он купил пентхауз в одном из самых дорогих домов Нового Орлеана.

И живёт там уже две недели.

— Похоже, он, и правда, получил философский камень, — пробормотал Эльвер.

Мы снова сели в чёрный автомобиль и отправились в ночь на поиски очередного злодея. Впрочем, искать его не пришлось. На самой роскошной улице, освещённой яркими огнями иллюминации, в высокой белой башне, этаким небоскребе в готическом стиле, на самом его верху мы нашли довольного жизнью розовощёкого старичка в бархатной, расшитой золотыми звёздами мантии.

Он не обрадовался нашему приходу. Даже рассердился и затопал ногами.

— Опять ты с твоими оборотнями, Ларс! — закричал он. — Ты вечно пытаешься перейти мне дорогу!

— Я хочу поговорить с тобой, Диметриус, — спокойно проговорил Джексон. — Я хочу знать, что ты задумал?

— С чего это тебя интересуют планы старого неудачника? — скривился алхимик.

— Я вижу, ты уже не такой неудачник, как прежде, — Джексон прошёлся по широкой гостиной, устланной коврами, и остановился возле огромного хрустального шара на серебряной подставке. — Через него ты говоришь со своим хозяином?

— Он не хозяин, Ларс, — усмехнулся Диметриус. — Он мой партнёр. Мы заключили сделку и выполняем её условия. Я нужен ему, и он не остается в долгу!

— Что он дал тебе? Деньги? Удачу?

— Ляпис филёсофорум! — с пафосом воскликнул старик.

— Философский камень, — Джексон прищурился. — Неужели ты поверил ему? Разве ты не знаешь, что они никогда не выполняют свои обязательства так, как от них ожидают.

— Ты просто завидуешь!

— Я боюсь за тебя. Ты заплатил огромную цену, но получил... ты уверен, что это не трюк?

— А! — рассмеялся старик. — Знаю, ты хочешь, чтоб я показал тебе моё сокровище, чтоб ты мог отнять его.

Джексон только покачал головой.

— Можешь оставить его у себя. Только скажи, на каких условиях ты заключил сделку? Ты что, обещал открыть ему портал? Почему он не может войти через стабильный портал в Тёмном Храме? Кто он вообще такой? Ты думал, зачем он рвётся сюда?

— Он не рвётся, но хочет войти. Он хочет воцариться. Он Люцифер!

Джексон обернулся и взглянул на меня.

— Вряд ли, — покачала головой я. — Его морочит какой-нибудь мелкий бес.

— Когда он придёт, ты убедишься, что я прав, — спокойно произнёс Диметриус.

— Он не придёт, потому что ты непустишь его, — заявил Джексон.

— Ты не сможешь помешать мне! — с угрозой проговорил Диметриус. — Когда-то ты был мне другом, и я не хочу убивать тебя, но если придётся...

Он достал из складок мантии кинжал с чёрной рукояткой и извилистым как змея лезвием. Масунты тут же начали перевоплощение, а Джексон настороженно отступил на шаг.

— Откуда это у тебя?

— Он дал мне это для защиты. И нападения, если придётся. С дороги, Ларс!

Я шагнула вперёд, но Джексон поднял руку, преграждая мне путь.

— Это кинжал Ада. Им можно убить не только человека, но и демона. И даже ангела.

— Вот насчёт ангела, сомневаюсь, — я отстранила его руку и шагнула к Диметриусу. — Отдайте ножичек, папаша.

— Ни с места, ведьма! — скомандовал он.

— Я не ведьма. Я ангел, — улыбнулась я, и мой язык не отсох от такого многозначительного замечания.

Большие напольные часы начали бить, рассыпая по гостиной волны мелодичного звона. Диметриус вздрогнул и засуетился. Должно быть, ему пора было начинать ритуал.

— Не получится, — покачала головой я.

— Ты не удержишь меня! — взвизгнул он, выставив вперед кинжал.

— Не только тебя, но и твоего партнёра удержу и отправлю в ад, — возразила я и достала Налорант. Я никогда бы не стала угрожать мечом пожилому человеку, но он опасно размахивал своей игрушкой.

Лучевой клинок произвёл на него неожиданное впечатление. Он попятился и захихикал.

— Он говорил, что ты можешь прийти. Он предупредил, что ты захочешь меня остановить. Но он сказал мне, как быть, потому что действовать прямолинейно не всегда разумно. Он сказал, что если ангел с огненным мечом встанет на моём пути, я должен отступить и искать другой путь. А путь есть!

Он попятился на балкон.

— Диметриус! — крикнул Джексон. — Не делай этого!

— Ляпис филёсофорум! — рассмеялся старик. — В некоторых источниках сообщается, что он даёт своему владельцу дар левитации. Ты, наверно, никогда не слышал об этом, или не задумывался. А это так! Я пробовал! Я летал! И сейчас я полечу, и никто не догонит меня. Я открою портал, и вы увидите того, кого я призову. Я выполню свою часть сделки!

Крича всё это, он перелез через перила и, радостно смеясь, крикнул:

— Смотри, Ларс!

— Диметриус! — Джексон бросился на балкон, но старый алхимик прыгнул, раскинув руки, и камнем рухнул вниз. Его смех перешёл в вопль ужаса, а потом снизу раздался глухой удар.

— Несчастный глупец, — тихо проговорил Джексон. — Я ж говорил, что они никогда не выполняют свои обязательства так, как от них ждёшь,

— По крайней мере, мы его остановили, — проговорил Эльвер, только закончивший обратное перевоплощение. — И он уже не откроет портал. Кажется, мы победили...

— Да уж... — пробормотала я, пряча эфес меча в сумку. — Мы проиграли, Эльвер. Мы потеряли живую душу. Это не весь мир, но всё же невосполнимая потеря.

— Он сам себя проиграл, — возразил Джексон. — И всё же, всё же, всё же...

Она проснулась среди ночи и поняла, что одна на своём жёстком ложе. Открыв глаза, она повернулась к окну и увидела бледный огонёк свечи, стоявшей на столе, и Джулиана, сидевшего рядом. С мрачным выражением он смотрел на пламя, то и дело, поднося пальцы к желтоватому трепещущему язычку.

На его плечи был наброшен плащ, подбитый мехом, а остальная одежда по-прежнему лежала на лавке.

Поднявшись с ложа, Дженни подошла к нему и присела рядом на пол, стараясь заглянуть ему в глаза. Только тут он заметил её и слабо улыбнулся.

— Почему ты не спишь? Я разбудил тебя?

— Я проснулась только что и почувствовала, что вас нет рядом. Я испугалась, что вы ушли не простившись. О чём вы грустите?

— Я не грущу, — он откинул голову, стремясь казаться беспечным, но тревога, терзавшая его, была велика, и он сдался. — Не так давно мне явился Дьявол, — признался он. — Он хотел купить мою душу.

— Иисус-Мария... — прошептала с трепетом Дженни, быстро крестясь. — Надеюсь, вы не уступили ему?

— Нет. Конечно, нет, — покачал головой Джулиан. — Хотя то, что он предлагал было заманчиво... О, как заманчиво!

— И что же он предлагал?

— Он сказал, что даст мне силу повелевать недугами и властвовать над болью. Я мог бы сказать чуме: «Изыди!» И она бы ушла.

— Моя семья... — пробормотала Дженни. — Все мои родные умерли от чумы.

— Мои тоже, — задумчиво произнёс Джулиан. — И я подумал, что стоит одна моя душа, если её ценой я могу излечить столько людей?

— Вы не должны так думать! — горячо воскликнула девушка, хватая его за руку и сжимая её маленькими, огрубевшими от работы ладошками. — Каждая душа бесценна в глазах Господа, а ваша и вовсе, ведь вы стремитесь помочь всем, кто нуждается в помощи. Господь дал вашим рукам великую силу исцеления! Не спорьте, я знаю, что это так. И именно поэтому Враг явился вам. Ведь не является же он всем подряд! Значит, ваша душа драгоценна и не зря он жаждет заполучить её.

— Я алхимик, а алхимикам он является часто, — возразил Джулиан, но взглянув на неё, улыбнулся. — Бедная моя мышка, как хорошо ты обо мне думаешь. Конечно, я не собираюсь продавать свою душу дьяволу, поскольку из истории и слухов известно, как опасно иметь с ним дело. Он всегда найдёт возможность для обмана. Да и попасть в ад мне не хотелось бы. Я отказался, но, боюсь, так просто он не оставит своей затеи.

— Вам следует покаяться в грехах и много молиться, — уверенно произнесла она. — Я уверена, что тогда Господь укрепит вас и пошлёт ангела, который защитит вас от посягательств дьявола.

— Я грешен, — усмехнулся он. — И не могу не грешить.

— Вам нужно просить Господа о смирении и грехи отступят.

— Как насчёт греха прелюбодеяния? — заметив её смущение, он рассмеялся и, обняв за талию, усадил себе на колени. — То-то и оно, дитя мое, я в силах отказаться от власти над болью и недугами, но отказаться от тебя — выше моих сил!

Он зарылся лицом в её густые рыжие волосы.

— Ах, Дженни, Дженни... Почему ты только крестьянка, да ещё сирота! Будь ты купеческой дочерью или хотя бы родней старосты какого-нибудь ремесленного цеха, я б, не задумываясь, женился на тебе. Но так... Кто признает возможным брак дворянина и маленькой рыжей крестьянки.

Он вздохнул и, взяв её личико за подбородок, повернул к себе.

— Может, это и есть мой самый тяжкий грех? Я соблазнил тебя, даже не думая жениться.

— Это не грех, — покачала она головой. — И я не жду, что вы на мне женитесь. Я счастлива уже тем, что вы приезжаете сюда. Что бы ждало меня, не случись этого? Может быть, немного погодя я вышла бы замуж за любого, кто посватался бы ко мне, поскольку в моём положении выбирать не приходится, и жила бы я не зная, что значит любить красивого и благородного господина. А то и вовсе б одна осталась.

— Неизвестно, что лучше, — пробормотал он. — Ты, как пташка божья, живёшь одним днём, не думая, что будет завтра. Может, это и правильно, а многие знания рожают многие скорби. И я думаю о том, что ждёт нас завтра, и не вижу ничего хорошего. Ведь я почти в отцы тебе гожусь. Ты юна и хороша, как майский цвет, а пройдёт немного времени, и облетят лепестки. Тебе трудно будет найти мужа.

— Мне не нужен другой, — покачала головой Дженни. — Когда вы бросите меня, я утоплюсь.

— Бог знает, что ты говоришь, — вздохнул он. — К счастью, время куда лучше лечит раны, чем любой врач. А мне следует подумать не только о своей, но и о твоей судьбе. И ты сделаешь так, как я велю.

— Хорошо, — нехотя согласилась она и прильнула к его плечу. — Зачем сейчас об этом говорить? Ведь пока я не наскучила вам?

— Наверно, не наскучишь никогда, — с улыбкой произнёс он. — И в этом ты права. Зачем думать о будущем, если настоящее так прекрасно. Приезжая сюда, я забываю обо всём.

— Только не о дьяволе, — надула губки Дженни.

— Уже забыл! — рассмеялся он.

Дженни тихонько вздохнула.

— Как бы мне хотелось быть знатной дамой и не сидеть вечерами у порога, ожидая приедете ли вы, терзаясь тем, что, может, вы уж и забыли обо мне.

— Не завидуй им, — негромко проговорил он. — Они тоже ждут, но приезжаю я к тебе.

9

Дверь внизу хлопнула негромко, и всё же я проснулась. Я открыла глаза. В окно заглядывало бледное утро, а на подоконнике сидел Фарги и читал книгу.

— «Нидер в своем «Муравейнике» сообщает, что девушки и мужчины могут быть освобождены от соблазнов инкубов и суккубов пятью способами, — вслух прочёл он, — таинство исповеди, святыми упражнениями в виде положения крестного знамения и повторением молитвы «Богородице дево, радуйся», эзорцизмами, изменением местожительства, осторожным отлучением, произнесённым святыми людьми». Что выберем?

— Как остроумно... — проворчала я.

— Он снова тебе снился, и ты снова соблазнилась.

— Всё-то ты знаешь, — я потянулась за халатом. — Просто на меня произвело впечатление это происшествие с Диметриусом. И мне приснилось, что Дьявол пытался купить еще чью-то душу. Что ты читаешь?

Он приподнял книгу, чтоб я могла увидеть обложку.

— «Молот ведьм». Неудивительно. Интересно, что б ты говорил о моих снах, если б читал Фрейда? Или Миллера?

— Спорим, что и следующей ночью он тебе снова приснится?

— Если ты считаешь, что это плохо, то почему ты не проведёшь со мной сеанс гипноза, или психокодирования, или ещё чего-нибудь в этом роде? Ты же экстрасенс!

— Я экстрасенс, но не экзорцист.

— Разве?

— Ладно, — он пожал плечами и бросил книгу на подоконник, — Согласен. Это не одержимость. И это меня радует. Но это и не обычные сны, которые идут из твоего подсознания. И это меня тревожит. Я не знаю, что это и откуда это. И вообще, мне не нравится обстановка на этой планете.

— Ты просто устал вчера.

— Я не люблю контактировать с Бездной. Это тяжело для меня. Но опять же дело не в этом. Я ночью побродил по городу. Очень много людей здесь верит в дьявола. Каждый двадцатый пытается заниматься магией. Каждый пятый читает мистическую и изотерическую литературу. Каждый второй боится посмертного наказания за грехи и потому при случае не прочь продать душу дьяволу. Остальным наплевать, что их ждёт после смерти.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь.

— Чуть-чуть. Правда, я бродил по барам и молельням.

— Ещё б в психушку заглянул.

Я встала и натянула халат.

— Объективно что-нибудь разузнал?

— Джексон прав. Новая Луизиана находится в центре интересов Тёмных учителей и Межпланетного Братства Тьмы. Тебя сюда тоже послали не зря.

— Мне казалось, что я сама вызвалась.

— Тебе предложили, потому что знали, что ты согласишься.

— У меня здесь миссия? — я ехидно взглянула на него. — Мы ждём пришествия Сатаны, или меня решили использовать в качестве Бича Господня?

— Это не тема для шуток. Я пытался выяснить цель твоего присутствия здесь, но не смог. То ли не знают, то ли не говорят.

— Ладно, будем истреблять врагов человеческих, а там увидим.

Фарги хмуро взглянул на меня.

— Мне не нравится твоё настроение.

— Мне тоже. Я не люблю убивать, но если получается, я буду это делать. Демоны не в счёт.

— Именно об этом я и говорю! — воскликнул он. — Ты убила пока одного единственного демона. Алхимик не считается, это несчастный случай. Но ты уже возомнила себя ангелом с огненным мечом. Один взмах и падает легион Тьмы.

— Что-то мне подсказывает, что у ангелов тоже всё не так просто.

— Это глас рассудка тебе подсказывает. Во-первых, тебя ждёт борьба, поединки, раны. Ладно, тебя это не пугает. Но, во-вторых, очень скоро ты станешь объектом интереса Братства Тьмы и их хозяев с той стороны. Неужели ты полагаешь, что будешь с лёгкостью убивать демонов, и никто этого не заметит?

— Думаешь, на меня откроют охоту? — озабочено уточнила я.

— Думаю, что ты должна быть к этому готова. И как всегда, ты будешь в этом поединке одна. Джексон и масунты не смогут тебе помочь.

— А ты?

— Я призрак.

— А... Ну, да... — я задумалась. — Мне совсем не нравится то, что ты говоришь. Мне не нравилось, когда я оставалась один на один с противником, равным мне по силе и ловкости. Но теперь ты говоришь, что я останусь один на один с легионами демонов. И что мне прикажешь теперь делать?

— Морально к этому подготовиться.

Я какое-то время молча смотрела на него, а потом всплеснула руками.

— И что б я без тебя делала! Спасибо за совет.

— И ещё эти сны...

— Дались тебе эти сны! Может, мне просто сесть и написать роман о любви в условиях средневековой Англии и затопившего её мракобесия?

— Для начала умойся и позавтракай. А там видно будет, — посоветовал он и исчез, видимо, с целью избежать скандала.

Одевшись, я спустилась вниз и застала в гостиной Джексона в компании молодого симпатичного полицейского. Он был в штатском, но у меня глаз намётан, и копа я узнаю сразу.

— Доброе утро, — без улыбки поприветствовал меня Джексон. — Простите, что я явился без приглашения, но думаю, что у нашего друга есть некоторые сведения, которые вас заинтересуют.

— Что такое? — поинтересовалась я. — Маньяки-убийцы, похитители детей или осквернители могил? Что-то такое, с чем не может справиться полиция?

— Я не говорил, что я полицейский, — забеспокоился парень.

— Это итак видно, — успокоила его я. — Выкладывайте. Я ещё не завтракала и у меня полно планов на день.

Планов у меня не было никаких, но им незачем это знать.

— Детектив Шапер работает в отделе убийств, — пояснил Джексон. — Последнее время у них прибавилось работы, но это — нечто из ряда вон выходящее. Рассказывай, Джо.

— Около недели назад в районе Рингроуз нами был обнаружен труп некой Линды Стайлз, известной как Сивилла. Она занималась гаданием на картах и иногда проводила сеансы спиритизма. У неё на груди была небольшая рана от колющего предмета, которая никак не могла быть причиной смерти. Тем не менее, при вскрытии никакие другие причины так и не были обнаружены.

Через два дня в том же районе мы нашли тело другой гадалки Дженны Челини, известной как Челла. И снова та же история. Эта рана на груди и больше никаких повреждений.

Через день ещё один случай: Ронда Саузли, известная как госпожа Изабелла. И снова всё то же. Естественно, мы стали подозревать, что это убийства и что причиной является яд, который нам просто не удалось обнаружить в организме жертв. Наше внимание привлекла недавно приехавшая из Монро Сарра Тимонс, которая только-только начала практиковать под именем Лилит. Она отличалась неуравновешенным характером и крайней нетерпимостью к конкуренткам. Мы установили за ней наблюдение, и вот вчера ночью на неё тоже было совершено покушение.

— Удачное?

— К сожалению, да. Около полуночи к ней пришла молодая женщина, заказавшая сеанс спиритизма для беседы со своим умершим женихом. Но едва войдя в прихожую квартиры,

она выхватила кинжал и замахнулась на Сарру Тимонс. Та перехватила её руку, а наши агенты, наблюдавшие за ней из дома напротив, поспешили на помощь.

Надо сказать, что жертва была сильной и крупной женщиной средних лет. Она оказывала сопротивление долго, но всё же недостаточно, чтоб наши люди успели спасти её, тем более что одного укола кинжалом было достаточно. Она была ранена в руку и умерла мгновенно. Но она успела разоружить убийцу.

— Вы взяли её?

— Она исчезла на глазах у агентов полиции, но кинжал остался на месте. Вот он.

Шапер достал из своего чемоданчика прозрачный пакет, в котором лежал тонкий длинный кинжал с блестящим граненым лезвием и фигурной чёрной рукояткой.

— Мизерикордис, — пробормотала я, разглядывая оружие. — Из легированной стали, ручка из чёрного агата с серебряными накладками. Необычный кинжал. Явно не старинный, но сделан очень тщательно.

— К тому же странные пентаграммы на рукоятке, — вставил Джексон. — Мы никогда не видели таких.

— Отпечатки на нём есть? — спросила я, открывая пакет.

— Нет, хотя агенты клянутся, что на убийце не было перчаток. И самое странное: они не смогли её описать. Один говорил, что она высокая и рыжая в синем брючном костюме, а второй, что она маленькая негритянка в чём-то чёрном.

Я двумя пальцами выудила из пакета кинжал и тут же выронила его. К счастью, у меня хватило реакции, чтоб отдёргнуть ногу, иначе кинжал воткнулся бы в неё. А так он остался торчать из пола, войдя в него почти на дюйм. Пальцы, которыми я взялась за него, заледенели и всю руку до плеча неприятно покалывало.

— Кто-нибудь брал его в руки? — спросила я, опускаясь рядом на колени и поднося ладонь к рукоятке.

— Только в перчатках.

— Очень мудро, — кивнула я.

Холод исходил из пентаграммы и лезвия. К агату вполне можно было прикасаться, но удобно держать кинжал в руке, не касаясь серебряных накладок, было невозможно.

— Мы не обнаружили яда, — добавил Шапер.

— Его нет, — я надела на кинжал пакет и выдернула его из пола. Запечатав пакет, я положила его на столик. — Это необычный кинжал. Он сам по себе излучает энергию смерти. Источник — несомненно, пентаграмма.

— Она же из серебра! — возразил Джексон. — Серебро считается священным металлом. Оно убивает нечистую силу!

— Обычное серебро, освящённое к тому же в церкви, — да. Но это другое серебро. И я уверена, что молекулярный анализ подтвердит мою догадку. Это перерождённое серебро, чьи свойства стали диаметрально противоположны и к тому же усилены формой накладки.

— Земная магия не знает понятия перерождённого серебра. А пентаграмма явно из ритуала чёрной магии нашей культуры.

— Вынуждена вас огорчить, Ларс, — вздохнула я. — Чёрная магия вместе со всеми нами вышла в космос и, как и мы, начала черпать силы из других источников. Земная магия не знает и понятия перерождённого золота, но даже на земле известно, что голубое золото куда лучше защищает от зла, чем даже освящённое серебро.

— И какой из всего этого вывод? — тревожно спросил Шапер.

— Ваша убийца, скорее всего, демон в женском облике или демоница. Человек не смог бы держать оружие убийства, у него оно могло вызвать, как минимум, паралич руки. И то, что она потеряла свой кинжал, вряд ли её остановит. Думаю, что убийства продолжатся. Объектами всё также будут гадалки, живущие, либо практикующие в этом районе. Их много?

— Ещё двадцать три, — вздохнул он. — Нам вряд ли удастся установить наблюдение за всеми, но мы постараемся. Вот только поможет ли это? Как нам остановить демоницу, которая исчезает и появляется, где и когда захочет?

— Вы, скорее всего, не сможете этого сделать.

— Выходит, нам остаётся ждать, пока она перебьёт всех гадалок в этом районе? — гневно воскликнул он.

Я посмотрела на Джексона.

— А зачем она это делает?

— Именно об этом я и думаю, — кивнул он. — Может быть, это месть, а, может... Гадалки ведь обладают некими способностями, дающими им возможность заглянуть в будущее или узнать что-либо касательно настоящего, но прикрытого тайной. Может, они что-то узнали или могли узнать?

— Причём, обратите внимание на то, что за одну ночь не погибли разом две гадалки, хотя для демоницы с такими способностями и с таким оружием не составит труда убить всех за одну ночь.

— Значит, они что-то узнавали. Что-то, что произошло или произойдёт в Рингроуз.

— Что это за район?

— Ничего особенного. Сравнительно новый спальный район, застроенный коттеджами для семей среднего достатка. Район сравнительно безопасный в криминальном смысле. Раньше там были сельскохозяйственные угодья: луга, поле, два ручья, запруда и мельница. И сады, часть которых до сих пор существует в виде садилов на участках возле домов.

— Никаких старых домов, развалин, капищ?

— Я бы знал, — покачал головой он.

— А мельница?

— Теперь там ресторан. Колесо до сих пор крутится для красоты и создания ощущения сельской идиллии.

— У жертв преступлений было ещё что-нибудь общее, кроме профессии? — я обернулась к детективу. — Может, они состояли членами какого-нибудь общества, имели общих клиентов, покупали свой инвентарь в одном и том же магазине?

Он покачал головой.

— Они имели разный достаток и разных поставщиков. Между собой не общались, две состояли в обществе Кленового круга, одна входила в Сообщество Сестёр Речных Заводей. Сарра Тимонс вообще нигде не участвовала и почти ни с кем не общалась. Из Монро она уехала из-за того, что вследствие своего характера растеряла всю клиентуру. Говорят, она была хорошей гадалкой. Над клиентурой мы работаем, но пока никаких пересечений не обнаружили.

— Вы говорили с другими гадалками? Кто-нибудь из них согласится нам помочь?

— У вас есть идея? — оживился Джексон.

— Я просто хочу провести эксперимент, но он может оказаться опасным для гадалки.

— Они все в опасности, — он решительно поднялся. — Сейчас я поеду с Джо и посмотрю список гадалок, может быть, найду кого-нибудь, кто нам поможет. Потом мы

заедем за вами.

— Хорошо, — кивнула я. — И будьте добры, захватите какую-нибудь вещь, принадлежащую любой из погибших женщин.

10

Моя прогулка по дубовой роще явно откладывалась. Едва я успела позавтракать и привести себя в порядок, вернулся Джексон.

— Нам повезло, — сообщил он. — Среди гадалок, практикующих в Рингроузе, я нашёл Салли Белл. Она дочь моего старого друга. Вернее, она даже не гадалка, а ведьма, но здесь это не одобряется, поэтому она не афиширует свои способности. Она из древнего рода друидов и имеет некоторую магическую защиту. Думаю, нам это не мешает.

— Ей — точно. Она согласилась?

— Я уже звонил ей. Она ждёт нас.

— Отлично, — я заглянула в сумку, чтоб проверить на месте ли меч, и повесила её на плечо. — Вещь, о которой я говорила, у вас?

— Перстень Севиллы, вернее Линды Стайлз.

— Подойдёт.

Дорога не заняла у нас много времени. Проехав по окраинам города, мы оказались в районе, где вдоль неширокой дороги стояли симпатичные двухэтажные коттеджи разных цветов, утопающие в зелени старых плодовых деревьев. Между ними даже не было заборов, границы участков обозначались длинными клумбами или живыми изгородями.

Миновав небольшую площадь, рядом с которой на берегу пруда стояла живописная водяная мельница с большим вращающимся колесом, мы вскоре остановились возле розового дома с верхним этажом в виде башенки. На террасе стояли горшки с цветами, а на двери висел венок из колосьев и дубовых листьев, перевязанный голубой лентой.

Салли оказалась высокой белокурой женщиной с простоватым румяным лицом, на щеках плясали ямочки и горели голубизной внимательные умные глаза.

— Ларс сказал мне, в чём дело, — произнесла она, проводя нас в гостиную, уставленную добротной, немного тяжеловатой деревянной мебелью, с клетчатými бело-красными скатёрками и салфетками. В глиняных вазах стояли живые луговые цветы и сухоцветы, а на окнах и по углам были развешаны пучки трав, видимо, для защиты. — Я с удовольствием помогу вам.

— Прежде чем вы примите окончательное решение, мы должны рассказать вам всё, — проговорила я, присаживаясь возле стола. — Это очень опасно. Я постараюсь защитить вас, но могу и потерпеть поражение.

Я кратко рассказала ей о том, что мы узнали от детектива Шапера, и к каким выводам пришли. Салли выслушала внимательно.

— Да, это действительно небезопасно, но если это поможет нам остановить убийцу и выяснить то, что кто-то пытается скрыть, я рискну.

Джексон положил перед ней на стол кольцо с александритом, принадлежавшее погибшей Линде Стайлз. Салли переложила его на белое кофейное блюдечко, поставила на стол три свечи, насыпала лепестки цветов, потом сняла с полки широкую глиняную чашу и налила в неё из кувшина воды.

Взяв пучок полыни, Салли отмела от чаши лепестки, напевая что-то на непонятном языке, а потом заглянула в чашу.

— Вижу шар и Севиллу. Севилла смотрит в шар. Напротив девушка в белой блузке. На шее крестик. Севилла смотрит в шар. Вижу в нём новую церковь. Новобрачных, девушка с крестиком — невеста. Вижу чёрный дым в шаре. Вижу мужчину — жениха с другой женщиной. У женщины чёрные кудрявые волосы, красные глаза и раздвоенный язык. Девушка в чёрном плачет. Шар очистился. Севилла что-то говорит девушке, та качает головой. Всё.

Салли взяла с полки деревянную шкатулку и, достав оттуда, щепотку порошка, высыпала его в чашу, потом взглянула на меня.

— Это всё, что мне удалось увидеть. Можно предположить, что эта девушка пришла к Севилле, потому что собирается замуж, но та предсказала ей, что брак будет неудачным. Муж ей изменит. Вот только соперница слишком уж похожа на дьяволицу. Наверно, клиентка из-за этого ей не поверила.

— Как бы найти эту девушку и узнать точно, что ей сказала Севилла?

— Судя по крестику, девушка — католичка. Видимо, живет где-то в нашем районе, и, значит, ходит в нашу церковь, а католическая церковь у нас пока одна.

— Пока?

— Район разросся за последнее время, приход увеличился, и старый храм не вмещает всех. Сейчас на Брайтон-роуд достраивают новую церковь.

— Может, нам поехать на службу и поискать там эту девушку? — предложил Джексон.

— Сегодня как раз воскресенье и там должна быть проповедь, — кивнула Салли и поднялась.

Церковь действительно была небольшой. Её белые штукатуреные стены поднимались над кронами деревьев, а двери были гостеприимно открыты. Изнутри слышался гулко отдающийся под сводами голос священника, стоящего на кафедре. Войдя, мы втроём присели на задней скамье. Впереди все места были заняты. Салли осматривалась по сторонам. Священник тем временем закончил проповедь, и под сводами зазвучали аккорды баховского хорала, исполняемые на электрооргане.

— Вон она, — Салли указала на тоненькую черноволосую девушку, сидевшую между солидным бородатым мужчиной и дородной женщиной в чёрной шали.

Вскоре служба закончилась, и прихожане начали расходиться. Девушка, с которой нам нужно было поговорить, шла всё так же в окружении пожилого джентльмена и женщины в шали. Джексон с сомнением посмотрел на них и всё же двинулся навстречу.

— Подождите. Пусть выйдут, — остановила я его. — Я сама поговорю с ними.

Когда они прошли мимо и вышли на улицу, я поспешила следом.

— Буена виста... — произнесла я, подходя к ним. Похоже, услышать испанскую речь на этой планете было для них приятной неожиданностью, и они просто не могли пройти мимо.

— Добрый день, — живо откликнулась женщина и приветливо улыбнулась. — Как необычно услышать, что кто-то здесь говорит по-нашему. Вы испанка?

Может, благодаря тёмному цвету волос я и стала отдаленно напоминать испанку, хотя сомневаюсь.

— Увы, нет. Но я долгое время была дружна с одной девушкой, которая жила под Мадридом, она была настоящая испанка и даже говорила по-английски с лёгким испанским акцентом. Поэтому, увидев вашу прекрасную дочь, я сразу вспомнила свою подругу.

— Это моя племянница Мария, — уточнила женщина. Мужчина степенно и терпеливо молчал. — А как звали вашу подругу?

— Исидора Катьерос.

— Жаль! — прищёлкнула языком говорливая донна. — Я её не знаю.

Как будто она могла знать всех испанцев в этой большой Вселенной.

— Может, вы зайдёте к нам? — скромно спросила Мария и вопросительно взглянула на своего дядю.

— Конечно! — обрадовалась её тетка.

— Увы, я слишком занята, — вздохнула я. — Но мне бы очень хотелось. Я уверена, что ваш дом напомнил бы мне прекрасную Испанию. Я с такой ностальгией вспоминаю дни, что проводила в гостях у своей подруги.

— Но, может, вы придёте к нам позже? Мария, пригласи сеньору на свадьбу!

— На свадьбу? — я с улыбкой взглянула на девушку.

— Да, — потупилась она. — Мы хотели обвенчаться в новой церкви и потому отложили свадьбу до осени, но одна женщина сказала, что если мы будем венчаться там, то с Пабло может случиться несчастье. Поэтому мы решили венчаться здесь и не откладывать свадьбу на долгий срок. Через неделю мы ждём вас. Надеюсь, вы будете нашей гостьей. Я и Пабло будем очень рады.

Её тетушка шумно приглашала меня обязательно прийти, хотя даже не удосужилась спросить моё имя. Милые люди, решила я и вернулась к своим спутникам, которые ждали неподалёку.

— Севилла сказала, что то, что она видела в шаре, случится, если они будут венчаться в новой церкви. Именно в новой, — подчеркнула я.

— Да, в шаре была новая церковь, — задумчиво подтвердила Салли.

— Будущее невесты часто ходят к гадалкам, — заметил Джексон. — И сейчас многие ждут, когда будет построена новая церковь. Если же все эти гадалки выяснили, что причиной несчастных браков будет венчание там, то...

— Дело в церкви, — кивнула Салли. — Она ещё не освящена, и в ней можно совершить святотатства, которые наложат отпечаток на все браки, крестины и отпевания, которые будут там происходить.

— Да, ведь на Новой Луизиане церкви, как и все дома, строят обычные подрядные фирмы, естественно без тех ритуалов, которые издавна приняты при этом действе на Земле, — Джексон взглянул на меня. — Лора, я сейчас поеду в город, возьму экспертов, и мы обследуем стройку. А вы оставайтесь с Салли. Она в большой опасности. Может, прислать кого-нибудь вам в помощь?

Я вспомнила небольшие, заставленные мебелью комнатки дома Салли и представила там громадных серебристых львов. Им там будет просто негде повернуться.

— Я справлюсь сама, — завершила я.

Джексон завёз нас к Салли и уехал в город.

День я провела в гостях у доброй ведьмы. Она рассказывала мне о травах, минералах и деревьях, делилась маленькими женскими секретами по части косметики и кулинарии. Чуть-чуть погадала мне на прошлое и верно определила, что я рассталась с человеком, которого любила три года, у которого есть маленькая дочь и большой бизнес. О будущем я её не спрашивала, поскольку о плохом лучше заранее не знать, а хорошее пусть будет приятным сюрпризом.

Мы сидели за столом, застеленном клетчатой скатертью, и пили травяной чай с вареньем. На улице уже смеркалось, когда зазвонил мой коммуникатор. Включив его, я

услышала голос Джексона:

— Мы были правы, — сообщил он. — Под стенами нового храма закопаны трупы животных. Под углами — чёрные камни. Под раствором на стенах — следы жертвенной крови. Церковь безнадежно испорчена. Мы уже вызвали представителей из кафедрального собора Нового Орлеана. Думаю, стройка будет прекращена. Новая будет построена на другом месте, и мы проследим, чтоб она возводилась в соответствии со всеми канонами. Как у вас?

— Пока тихо, — проговорила я.

— Как только закончим, я приеду к вам. А пока будьте осторожны.

Я выключила коммуникатор и положила его на стол. Салли смотрела на меня.

— Мы сделали правильный вывод, — сообщила я. — И пресекли большое злодеяние. Теперь будем ждать, что предпримет наш противник. Вы кого-то ждёте?

Салли заметно нервничала.

— Ко мне должна прийти подруга, — призналась она. — Мы хотели погадать на луну.

— Тут есть луна? — удивилась я.

— Конечно. Маленькая, кривая, но тоже луна. Она очень сближает геомагнитные условия Новой Луизианы с Землей, поэтому мы можем пользоваться опытом наших предков. С некоторыми коррективами, естественно.

Я пододвинула к ней коммуникатор.

— Звоните вашей подруге и отмените встречу.

Но в это время раздался стук в дверь. Салли вскочила.

— Сидите! — скомандовала я.

— Но если это Моника... Она может оказаться в опасности.

— Наш враг умеет принимать облик других женщин. Как вы узнаете, что это действительно ваша подруга?

— Салли! Ты дома? — раздался из-за двери женский голос.

— Это она.

— Стойте здесь, — приказала я и, достав меч, подошла к двери.

Приготовившись к нападению, я осторожно открыла дверь. На пороге стояла худенькая девушка в больших очках. На её плечи была накинута шаль с кистями.

— Салли дома? — спросила она. — Простите, я не поздоровалась. Здравствуйте.

— Добрый вечер, — я протянула ей руку.

Немного удивлённая, она её пожала. Я следила за цветом кристалла в своём перстне. Он не изменился. Ничего не значит. Она же не Слуга Тьмы из разряда звёздных странников. Было бы слишком просто, если б кристалл реагировал абсолютно на всю нечисть.

— Моника! — воскликнула Салли. — Входи и закрой дверь!

Моника мимо меня устремила в гостиную. Я быстро захлопнула дверь и, опередив её, снова оказалась между нею и Салли.

— Что случилось? — Моника удивленно смотрела на меня.

Должно быть, мой взгляд не излучал благодушия и приветливости. И тут в дверь снова постучали. Салли замерла. Моника вытянулась в струнку. Я стиснула эфес Налоранта.

— Эй, Салли! — раздался из-за двери тот же голос. — Это я!

— Сожалею, но ты уже пришла! — крикнула Салли, не сводя взгляда с гостью.

А та вдруг дернулась и выбросила вперёд руку с мизерикордисом. Салли отшатнулась и схватилась за ладанку, висевшую у неё на шее. А я быстрым движением развернула эфес и,

сдвинув выключатель, описала мечом быструю и лёгкую дугу на уровне плеча.

Белый луч клинка, как горячий нож сквозь масло, прошёл сквозь шею «Моники». Её голова отлетела и, уже падая, вспыхнула зеленоватым пламенем и осыпалась на пол пеплом, который снова унёс в сторону двери таинственный ветер.

Салли тяжело опустилась на лавку, сжимая в кулаке ладанку. За дверью слышался встревоженный голос настоящей Моники, к которому вскоре присоединился голос Джексона. Я открыла дверь.

— Всё в порядке? — спросил он, пролетая мимо меня в гостиную. — Мы ещё не закончили исследования. Но то, что мы нашли, прояснило картину. В стенах стройки проводился шабаш, на котором была вызвана демоница. Мы прочли её имя на чёрных камнях. Её звали Лутана. Она из разряда суккубов. Она собиралась разрушать браки, соблазнять женатых мужчин и, может быть, делать бесплодными женщин.

— Теперь у неё это не получится, — проговорила я. — Отвезите меня домой. А здесь оставьте парочку ребят на случай если вдруг объявятся участницы того шабаша.

— Вряд ли, — произнёс он. — Но осторожность не помешает.

Я направилась к дверям и, уже выходя, услышала его возглас:

— Отличная работа, мисс Бентли.

— Как же иначе, — пробормотала я, думая о том, что сегодня мне точно приснится что-нибудь ужасное.

11

Но это было утро. Светлое утро, когда солнечные зайчики прыгали по ладошкам листьев и грели кожу приятными прикосновениями нежных лучей. Птицы щебетали на деревьях. По загончику бродил, пощипывая травку, сонный бело-чёрный барашек. А Дженни стояла у порога, глядя как Джулиан седлает коня.

— Это недолго, — проговорил он, подтягивая подпругу. — Три дня туда, три — обратно. Пару дней там... — он обернулся. — Я не могу отказаться. Эта леди — крестница епископа, и он очень беспокоится за её здоровье и здоровье младенца, который должен появиться на свет. Это её первый ребенок, а она уже не так молода.

— Она красивая? — спросила Дженни, подходя к нему.

— Красавица вряд ли просидела б в девках до таких лет, — усмехнулся он. — И в любом случае, ей вряд ли придёт в голову меня соблазнять, находясь в таком положении.

— Там будут другие дамы.

Дженни положила руки ему на грудь и заглянула в зелёные глаза.

— Много дам, — согласился он. — Вокруг меня всегда полно знатных дам.

— Вы меня дразните.

— Конечно, — он улыбнулся и накрыл её руки своими ладонями. — Твоя ревность выглядит забавно. Тем более забавно, что все эти напыщенные, избалованные и манерные дамы и в подмётки тебе не годятся.

— Так уж и в подмётки? — насмешливо уточнила она.

— Тут есть одно обстоятельство, — по секрету прошептал он ей на ушко. — Я врач и знаю всё, что они скрывают от своих любовников. Поверь мне, это совсем не так соблазнительно.

— Какой вы злой! — рассмеялась Дженни. — Разве можно говорить такие вещи!

— Я просто хочу, чтоб ты не тревожилась и спокойно ждала меня. Я приеду и сразу же

явлюсь пред твои очи.

Он обнял её, Дженни прильнула к его груди и почувствовала, как он опустил подбородок ей на макушку.

— Всё будет хорошо, очень-очень скоро мы снова будем вместе и не будем разлучаться больше чем на день.

— Вы так только говорите, — капризно заметила она. — А на самом деле наверняка меня обманываете. И у вас в городе есть покровительница, какая-нибудь знатная дама. Кто подарил вам этот кошелек из золотого шнура?

— От тебя ничего не скроешь, — покаянно вздохнул он, не разжимая объятий. — Мне его подарила одна знатная леди, и она действительно оказывает мне покровительство, но она не моя любовница.

— А чья?

— Я, пожалуй, не буду об этом рассказывать.

— Он, нет! — вздрогнула она и, отстранившись, воззрилась на него горящими любопытством глазами. — Только не говорите, что епископа!

— Я и не говорю, — покачал головой Джулиан.

— Она красивая?

— Да.

— Молодая?

— Моложе меня, но старше тебя.

— И она оказывает вам знаки внимания?

— Дженни! — Джулиан взял её за плечи и тихонько встряхнул. — Я не знаю, что переходит границы: твоя ревность или твоё непомерное любопытство. Я повторяю снова: я не люблю её. Моё сердце принадлежит тебе, и ты можешь ни о чём не тревожиться. Я не обманываю тебя. Я вернусь, потому что только здесь, рядом с тобой я чувствую себя счастливым. И закончим на этом.

— Как скажете, — Дженни опустила золотые ресницы.

Джулиан какое-то время смотрел на неё.

— Ну-ка, подними глаза, — он взял её за подбородок. — Взгляни на меня. Дженни, если ты действительно любишь меня, как говоришь, ты должна мне верить.

— Я верю вам, — глядя ему в глаза, произнесла она. — Я знаю, что вы меня любите. Я не хотела огорчать вас и надеюсь, что вы простите мне мою дерзость. Просто я очень сильно люблю вас и очень боюсь вас потерять. Ведь все эти знатные дамы такие красивые, у них дорогие платья, кружевные чепцы и белые руки.

— Что мне до их чепцов и рук, — вздохнул он. — Они скучны, Дженни. И единственное, чего я хочу сейчас, это остаться здесь с тобой. Но я должен выполнять повеление моего господина. Я служу епископу и, если он сказал мне поехать и принять роды у его крестницы, я должен ехать. Но я вернусь. Ты веришь мне?

Дженни кивнула, но её улыбка была грустна. Джулиан обнял её за плечи.

— Послушай, сейчас я поцелую тебя и этим поцелуем отдам тебе часть своей души. Храни её, и я всегда буду с тобой.

Он нагнулся и крепко поцеловал её в губы, и ей показалось, что трепетное тепло перетекло в её грудь и пушистым котёнком свернулось в клубочек в сердце. Она снова улыбнулась, но уже не так печально.

— Поезжайте, милорд. Я буду ждать вас и больше ни на миг не усомнюсь в вашей

любви ко мне.

— Лучшего напутствия и представить себе невозможно, — шепнул он и, поцеловав её в лоб, вскочил на коня.

А Дженни ещё долго стояла возле своей хижины, залитая лучами утреннего солнца, и с улыбкой прислушивалась, пытаясь различить вдали топот копыт.

12

— Ну, а этот сон с чем связан? — поинтересовался Фарги, когда появился утром во время завтрака. На сей раз Лия не пришла, и я сама готовила себе тосты с джемом и апельсиновый сок. Он спокойно уселся напротив и утащил самый румяный тост. — У тебя ветчины нет?

— В холодильнике, — буркнула я. — Чем задавать мне глупые вопросы о снах, лучше б объяснил, почему я должна гадать кто передо мной, дьяволица или обычная женщина, в то время как мой ангел-хранитель может это сразу распознать?

— Потому что я не ангел-хранитель и не обязан за тебя работать. Я иногда даю тебе ценные советы и помогаю контролировать твоё душевное состояние.

— Спасибо, что просветил. А то я всё время теряюсь в догадках, зачем ты вообще мне нужен. Кстати, кем ты себя считаешь?

— Я твой ментор.

— А я-то думаю, откуда у тебя этот противный менторский тон.

Он и не думал обижаться. Последнее время такие пикировки вошли у нас в привычку. Но он, в отличие от меня, с лёгкостью давал задний ход, когда ему это надоедало.

— Этих тостов на двоих не хватит, — сообщил он, снова совершая покушение на мой завтрак.

— Для призрака ты слишком много ешь, — я всё ещё пыталась оставить последнее слово за собой, но момент был упущен.

— Когда попадёшь на моё место, поймёшь, как важны эти маленькие житейские радости. Как насчёт яичницы с ветчиной?

— Всё необходимое ты найдёшь на кухне, — вздохнула я.

— О'кей, — и прихватив последний тост, он направился на кухню.

Спустя минуту я поплелась за ним. Он с видом заправского повара чародействовал у плиты, быстро нарезаая тончайшими ломтиками ветчину, взбивая яйца и подхватывая сковороду с огня, чтоб не успела перегреться. Интересно, как это выглядит для тех, кому он невидим? Посуда сама по воздуху летает?

— Не задумывайся с утра над такими вещами, — посоветовал он, спихивая первый омлет на подогретую тарелку. — Голова заболит. Бон аппетит!

— Мерси, — кивнула я. От тарелки поднимался такой аромат, что и моё настроение, наконец-то, начало улучшаться.

Я вернулась в гостиную, а спустя минуту появился Фарги, неся в одной руке свою тарелку, а в другой — поднос с кофейником, от которого струились запахи кофе и кардамона, и маленькими фарфоровыми чашками.

— Беда с вами, героями и аскетами, — пожаловался он. — Предпочитаете страдать, вместо того, чтоб доставить себе маленькое удовольствие во имя душевного комфорта.

— Спасибо, — повторила я. — Мой комфорт на приемлемом уровне, за что я тебе крайне признательна. Что теперь?

Не отрываясь от еды, он взглянул на меня.

— Хочешь поговорить о деле? Изволь.

— Два демона за три дня. Это неплохо?

— Можно сказать, хорошо. Но конец твоей безнаказанности всё ближе.

— Ты опять о том же?

— Скажем так. Я решил занять в этом деле более активную позицию и не получил явного запрета. Поэтому ночью я побывал в Храме Тьмы. Меня заметили, и чтоб не засветиться, мне пришлось убраться. Но я успел понять из их разговоров, что они заметили потерю Бромана и Луганы. Они озабочены этим и имеют подозрения, что здесь появился кто-то... Ты, например.

— Кто они?

— Жрецы или демоны... Я не смог подойти ближе. Чёрные мантии с капюшонами и глухие голоса. Я больше не пойду туда. Моя природа не терпит такой близости, кроме случаев, когда необходимо вести с ними бой.

— Они тебя заметили?

— Лора, я же полубог, — пожал плечами он. — Во мне нет ни мельчайшей частицы темноты. Вспомни, откуда я пришёл и где нахожусь. Я как факел в склепе. Естественно, они заметили меня. Конечно, они ничего не могут мне сделать, но...

Его прервал телефонный звонок. Обернувшись, он взял трубку и спросил:

— Алло?.. А кто вам нужен? Тебя!

Я поспешно отобрала у него трубку, с трудом удерживаясь от желания покрутить пальцем у виска. Поднеся трубку к уху, я услышала голос Альмера.

— Мисс Бентли? Доброе утро. Вы не одна? У вас кто-то есть?

— Мой внутренний голос, — ответила я. Фарги с усмешкой пожал плечами. Я догадалась, что он сделал это нарочно, захотелось пошалить. — Доброе утро. Что-то случилось?

— Ничего, просто мне нужно сказать пару слов Лие. Вы не могли бы позвать её к телефону?

— Но Лия сегодня не приходила.

— Нет? — в голосе Альмера прозвучало удивление. — Но она, как обычно, уехала к вам ещё утром.

— Нет, её здесь не было.

— Но как... — я, скорее, почувствовала, чем услышала в его голосе панику. — Она не могла не приехать. Ведь...

— Приезжайте, — перебила я. — Будем искать её вместе.

Я положила трубку на рычаг.

— Что скажешь?

Фарги некоторое время молча смотрел на меня, а потом нехотя признался:

— У меня нехорошее предчувствие.

Через пятнадцать минут снова раздался звонок, но на сей раз это был сигнал коммуникатора. Схватив его, я снова услышала голос Альмера.

— Я нашел машину Лии на полпути к вашему дому. Она стоит в кустах у дороги. Лии там нет. Мне кажется, что-то случилось.

Спустя ещё полчаса мы уже вдвоём осматривали розовый «Бьюик» Лии, а Фарги, стоя чуть в стороне, наблюдал за нами с мрачным видом.

— Видите царапины сбоку? — Альмер провёл голубыми пальцами по борту машины. — Их раньше не было. Её столкнули с дороги и вынудили остановиться. Потом, наверно, вытащили из машины.

— Зачем?

— Её похитили.

— Знаете, кто?

Альмер прищурился, словно увидел прямо перед собой смертельного врага.

— Можно догадаться. Она ведьма. У неё есть оружие и защита. И нет врагов, кроме тех, кто знает, чем она занимается.

— Имена можете назвать?

Он молча покачал головой и, облокотившись на бампер машины, достал свой коммуникатор.

— Я звоню Ларсу. Нужно всех поднять на ноги.

Я не стала спорить. Пока он разговаривал с Джексоном, я решила ещё раз осмотреть салон. Никаких следов борьбы. Никаких посторонних предметов, которые могли бы навести на след похитителей. Никаких знаков-подсказок, которые успела оставить нам Лия.

— Они едут, — сообщил Альмер. — Будут через полчаса.

— Может, сообщить в полицию?

— Ларс свяжется с кем нужно, если посчитает это необходимым. Но в данной ситуации у нас больше возможностей, чем у них.

Фарги тем временем бродил вдоль дороги, что-то высматривая в траве. Потом вдруг остановился и присел на корточки. Я поспешила к нему. Он рассматривал блестящую пуговицу, едва поблескивающую среди травинок. Подняв её, я убедилась, что вряд ли она лежит тут давно.

— Что вы нашли? — подбежал ко мне Альмер. Я показала ему находку. — Это от куртки почтальона, — проговорил он и понюхал пуговицу. — Её потерял Альберт. Я чувствую запах его одеколona. Может, он и не замечает, но запах вечно шибает в нос, как при газовой атаке.

— Кто этот Альберт?

— Наш почтальон, кто же ещё? Нам нужно поговорить с ним!

Нацарапав на клочке бумаги записку, он сунул её за дворник «Бьюика» и поспешил к своей машине. Я поехала следом. Вскоре мы въехали в небольшой посёлок, почти городское предместье, где, как и в Рингроуз, были построены семейные коттеджи. Правда, дома больше напоминали особнячки, сады вокруг них были больше и между участками были поставлены заборы.

Выехав на площадь, где кроме нескольких магазинов и парикмахерской располагалась почта, Альмер остановил возле неё свою машину. Не дожидаясь меня, он выскочил из салона и вбежал в здание. Когда я вошла туда следом за ним, он разговаривал с немолодым мужчиной в форменной куртке и фуражке.

— Да-да, я потерял пуговицу, — с улыбкой произнёс тот. — С рукава, вот отсюда. С трудом нашёл запасную. Но хорошо, что вы принесли её. Пригодится. Пуговицы ведь отрываются время от времени.

— Где вы её потеряли, Альберт? — спросил юноша.

— Может, где-то на дороге, когда ехал на велосипеде к дому миссис Стравински или в церкви. Я не заметил.

— Вы были сегодня на дороге, ведущей к кладбищу?

— Ну, да. Я возил телеграмму сторожу Патриджу. У него родился внук. А что?

— Вы не видели ничего подозрительного?

Почтальон покачал головой.

— Он лжёт, — проговорил Фарги, вошедший вслед за нами. — Это он сообщил своим друзьям по сообществу Цепь Майена, что Лия — ведьма. И он же её выследил. Он участвовал в похищении.

— Ты уверен? — спросила я.

— Конечно, мисс, — кивнул Альберт.

— Я вижу это насекомое насквозь, — с отвращением произнёс Фарги и подошёл ближе.

Он приложил ладонь ко лбу почтальона, и на его лице появилось выражение холодной ярости. В тот же миг Альберт задрожал как осиновый лист и упал на колени.

— Говори, — приказала я.

— Я не знаю, зачем она им нужна! Но они сказали, что нужна ведьма. Чтоб войти во внутренний круг нужно выполнить приказ Майена. Я хочу войти. Я уже десять лет состою во внешнем круге. Я заслужил это право!

— Кто её забрал? — зарычал Альмер, хватая его за горло. Он не перевоплотился, но его тонкие голубые пальцы как стальные когти вонзились в горло почтальона.

— Жрец Ластер.

— Зачем?

— Для шабаша. Сегодня шабаш внутреннего круга.

— Где? — голос юноши вибрировал, напоминая низкое рычание льва.

— Не знаю. Если я хорошо выполнил приказ Майена, и ведьма подойдёт, то мне сообщат, и я сегодня же буду посвящён во внутренний круг.

Альмер оскалил огромные белые клыки и его лицо вытянулось вперёд, превращаясь в морду зверя.

— Хватит, — остановила его я. — Нам нужно узнать, где будет шабаш, а без него мы ничего не узнаем.

Альмер разжал пальцы, и почтальон без чувств рухнул на пол.

— Мы оставим его здесь, — произнесла я. — Он всё забудет. Будет вести себя как ни в чём не бывало. Мы проследим за ним. Освободим Лию и уничтожим внутренний круг Цепи Майена.

— Как мы заставим его забыть обо всём?

— Это не ваша забота.

Я взяла Альмера за руку и вывела из здания почты. Уже закрывая за собой дверь, я обернулась и увидела, как Фарги наклоняется над неподвижным Альбертом. Можно было не сомневаться, что в его голове не останется ни одного ненужного воспоминания.

13

За почтальоном было установлено наблюдение. Он пребывал в блаженном неведении и с волнением ожидал приглашения на шабаш. Мы же вернулись в «Вязы» и с нетерпением ждали вестей.

Джексон сидел у камина и поглаживал устроившегося у него на коленях Иеремию. Его масунты, которых в этот раз было человек двадцать, включая шесть девушек, разбрелись по дому. Только Альмер присел на ковер и задумчиво смотрел на огонь.

— Что это за Цепь Майена? — поинтересовалась я, скорее, стремясь прервать тягостное молчание, чем удовлетворить любопытство.

— Ещё одно тайное братство, — ответил Джексон. — Говорят, что во главе его стоит демон Майен. Его кредо — это уничтожение добрых ведьм, Жриц Света и прочих женщин, практикующих Белую Магию. Давно уже бытует мнение, что все эти тайные аутодафе за городом — работа его рук. Точно никто ничего не знает. Как и во многих других обществах, при посвящении в Цепь Майена у адептов отбирают образцы крови и волос, и при малейшем подозрении на отступничество, энвольтируют, что приводит к смерти подозреваемого. К тому же само название общества говорит о том, что все там связаны одной цепью и являются рабами хозяина.

— Это всё?

— Пожалуй. Говорят, что некоторые чёрные маги, предлагающие свои услуги за деньги, работают на Майена. Они делятся с ним доходами, а он помогает им наводить порчу, привораживать и заниматься прочими тёмными делами. И ещё мы знаем, что кое-кто из внутреннего круга Цепи Майена постоянно ходит в Храм Тьмы и принимает участие в чёрных мессах и шабашах Братства Тьмы.

— Занятно.

Я подошла к окну и заметила, что небо начало потихоньку темнеть. Опять наступал вечер, и мне снова грозила бессонная ночь. Я работала в слишком плотном графике.

Звонок коммуникатора нарушил тишину. Джексон какое-то время слушал, поднеся аппарат к уху, потом коротко приказал:

— Поезжайте следом, держите связь. Мы выезжаем, — сунув коммуникатор в карман, он поднялся. — Ему позвонили. Он собрал манатки в спортивную сумку и сел в машину, едет в сторону города.

— Хорошо, — я взяла с кресла сумку и проверила, на месте ли меч.

Потом, немного подумав, зашла на кухню и, открыв кладовку, взяла с полки небольшой флакончик массажного масла. У меня появилась идея, вернее, смутные очертания плана.

Сев в машины, мы поехали в сторону города. Джексон непрерывно держал связь с теми, кто «вёл» Альберта, и потому мы двигались точно к месту шабаша. Проехав по улицам вечернего города, мы снова оказались в районе предместий.

— Он привёл их к каменоломням, — сообщил Джексон, выключая коммуникатор. — Там достаточно пещер для проведения шабаша. Мы должны немного подождать, а потом незаметно пробраться туда.

— Но мы можем опоздать! — воскликнул Альмер.

— Тебе известен ритуал шабаша, — возразил Джексон. — Он никогда не начинается с жертвоприношения. У нас есть время.

Пять чёрных машин остановились на дороге у подножья невысоких скал под прикрытием чахлах деревьев. На улице темнело, и в небе зажигались звёзды. Потом на нём показалась луна. Она была жёлтой и неровной, больше похожей на астероид, чем на спутник планеты, но при известной доле фантазии вполне могла удовлетворить вкусы невзыскательных романтиков. Или чародеев.

— Пора, — наконец, произнёс Джексон и открыл дверцу машины. — Мы пойдём туда пешком. Подойдём с разных сторон и снимем часовых. Потом разом ворвёмся в пещеру и...

— Это опасно, — возразила я. — Завяжется бой, и они успеют убить Лию. Да и демон исчезнет.

— У вас есть другой план?

— Есть, — кивнула я.

Мы в темноте подошли к самой пещере, где нас уже ждали два масунта, выследивших Альберта.

— У входа в пещеру два часовых, — сообщили они. — Ещё двое внутри. Зал почти сразу у входа. Слева и справа есть дополнительные шахты и в них тоже дежурят часовые.

— Снимите часовых в боковых шахтах и здесь, — распорядилась я. — Врываться сразу после сигнала, с трёх сторон. Ни один не должен уйти. И да помогут нам звёзды...

— Может, не надо так рисковать? — Джексон положил руку мне на плечо.

— Они не могут меня убить. Остальное я переживу. Ждите сигнала.

Я вышла из укрытия и подошла к входу в пещеру. Оттуда слышался расплывчатый гул голосов и нестройное пение. Смутное и малоприятное воспоминание всплыло из глубин памяти. В прошлый раз это стоило мне жизни. Но теперь всё иначе. Я стала сильнее и хитрее.

Я вошла в темноту. Где-то впереди маячил призрачный красноватый свет факелов. Подойдя ближе, я увидела низкий зал и заполнившую его толпу в чёрных мантиях и звериных масках. Вдалеке на возвышении стоял чёрный трон, на котором сидел крупный мужчина в маске в виде кабаньей головы. Слева и справа от него на диагональных крестах были распяты две женщины в белых рубашках. В той, что была слева, я узнала Лию.

Достав из сумки эфес Налоранта, я положила его в щель между камнями, рукояткой в сторону зала. Потом достала массажное масло и намазала им руки. Сунув сумку за камень, я тихонько двинулась дальше.

На меня накинлись сразу с двух сторон. Двое в чёрных балахонах заломили мне руки назад и навалились на плечи, вынуждая опуститься на колени. По залу прокатилось волнение и пение смолкло. Я ничего не видела, только чувствовала, как мне связывают сзади руки. Потом конец веревки протянули вверх и накиннули мне на шею.

Спустя минуту меня уже волокли сквозь воющую и улюлюкающую толпу к чёрному трону.

— Ещё одна! — послышался мужской голос и меня швырнули на каменные ступени. При этом я больно ударилась коленями. Я видела огромные ноги в сапогах, которые спустились ко мне с возвышения, и кто-то грубо взял меня за волосы и откинул мне голову далеко назад. Я увидела кабанье рыло и маленькие красные глазки. Если это была маска, то сделана она была мастерски. Мне очень хотелось, чтоб это была маска.

— Ты будешь третьей, — сообщило рыло.

Я задыхалась из-за неудобной позы, зато натянутая между руками и шеей верёвка ослабла, и я принялась стягивать с запястий путы. Я нарочно изо всех сил напрягала их, когда меня связывали, чтоб теперь в них была слабина. Массажное масло тоже сделало свое дело, и верёвка легко соскользнула с рук. Не дожидаясь продолжения речи Майена, я схватила его за руку, которой он держал мои волосы, а другой, что было силы, ударила его локтем в грудь. Было такое чувство, что я попала по гранитной стене. Но он всё же ослабил хватку и отшатнулся назад.

Вскочив на ноги, я протянула назад руку и повелительно крикнула: «Налорант!» Майен с рёвом бросился ко мне, но эфес, пролетев через зал, уже лёг в мою ладонь. Сдвигая выключатель, я резко нанесла удар сверху вниз, и Майен распался на две половинки, загораясь голубоватым пламенем.

— Три — ноль в мою пользу, — сообщила я ему на прощание и заорала во всю глотку: — В атаку!

И сама бросилась вперёд. К моему удивлению ещё трое в мантиях вспыхнули и опали пеплом под ударами моего меча. Остальные же, хоть и пытались сопротивляться, быстро отступили, а из боковых шахт и с центрального входа уже неслись с рычанием огромные серебряные звери. Блеск голубого золота и драгоценных камней в их украшениях смешался с блеском стали в руках колдунов и ведьм. Кое-где вспыхивали магические взрывы, но для масунтов обычная сталь и огонь были не страшны. Вскоре всё было кончено.

Я стояла на возвышении возле трона и обозревала зал, заваленный телами. Джексон и несколько вернувшихся в человеческое обличье масунтов снимали с крестов Лию и другую девушку, которая, к счастью, была без сознания.

— О чём вы думаете? — подошёл ко мне Эльвер.

— Слишком много крови, — проговорила я. — Оправдана ли такая жестокость?

— Среди них не было невинных, — возразил он. — И все они дрались насмерть. Это не избиение, это бой. В котором мы победили.

— Вы, наверно, правы, — кивнула я и сошла с возвышения.

Лия была спасена, внутренний круг Цепи Майена уничтожен. И я приписала себе и зачёт ещё четырёх убитых демонов.

Мне снова вспомнилось предостережение Фарги. Вряд ли это всё сойдёт мне с рук.

14

Было темно и душно. Она задыхалась в накинутом ей на голову мешке и чувствовала боль, потому что её грубо волокли куда-то по каменным ступеням. Потом вдруг бросили на пол, и воцарилась тишина.

В помещении, где она находилась, было тепло, даже жарко.

— Поднимите её, — приказал властный женский голос, и чьи-то руки подняли её и поставили на ноги. Вслед за этим с её головы сдёрнули мешок.

В большой каменной зале горело лишь несколько факелов, но в первый момент этот свет ослепил её. Потом она увидела сидевшую в кресле женщину и мужчину рядом с ней. Женщина с ослепительно белым лицом и тёмными глазами, в дорогом и очень красивом платье и чепце с кружевными «крылышками» с отвращением смотрела на неё. Мужчина в чёрном с почтением склонился к женщине, ловя каждое её слово.

— Так это и есть любовница Кратегуса? — с недоумением спросила женщина, изучая Дженни с головы до ног. — Эта грязная оборвашка? Вы шутите, Камерон. Чтоб такой пресыщенный и избалованный ловелас, как Кратегус, дни и ночи проводил у этого ничтожества...

— Тем не менее, это именно она, — склонился ещё ниже Камерон. — Ошибки быть не может. Мы уже не раз следили за ним, и каждый раз он ездил к её хижине и оставался в ней до следующего утра.

— Подумать только! Должно быть, он и впрямь пресытился порядочными женщинами, если его потянуло на этакую дрянь.

— Смею заметить...

— Что? — она раздражённо взглянула на него.

— Смею заметить, миледи, — проговорил Камерон. — Это не проходная интрижка. Он ездит к ней уже третий месяц.

— Вот как? — она скомкала кружевной платочек, который держала в руках и резко встала. — Чем эта девчонка так приворожила его?

— Магией, — пожал плечами Камерон. — Волшебством, колдовством.

— Она ведьма? — оживилась дама и с усмешкой взглянула на него.

— Иначе это объяснить нельзя. Как вы верно заметили, миледи, изысканные вкусы господина Кратегуса давно известны в обществе, и его привязанность к столь подлому созданию можно объяснить лишь насланными на него чарами. Как известно, эти чары насылаются с помощью зелий, заговоров, фигурок...

— Довольно. Меня не интересует, как она это сделала, — резко произнесла женщина. — Я хочу, чтоб это было пресечено.

— Надо полагать, что казнь ведьмы освободит господина Кратегуса от её чар.

— Что... что вы говорите? — испуганно пробормотала Дженни. — Я вовсе не ведьма... Я... Я не сделала ничего плохого. Отпустите меня...

— Действуйте, — словно не слыша её, приказала женщина. — Я хочу, чтоб ведьма, как и полагается, была сожжена.

— Хорошо. Мы прибегнем к пытке, и она во всём сознается.

— К пытке?

— Боже мой... — застонала Дженни, стискивая кулачки. — Ради Господа нашего...

— Нет, — после краткой внутренней борьбы женщина покачала головой. — У нас мало времени. Кратегус вернётся со дня на день. Если он успеет до суда, то уговорит его преосвященство пощадить ведьму. Вы знаете, какое влияние он имеет на епископа. Поэтому, медлить нельзя. К его возвращению всё должно быть решено. А я постараюсь удалить епископа в день казни из города, чтоб у Кратегуса не возникло желания вмешаться в божественное правосудие.

Дженни медленно опустилась на колени. Её страх уступил место отчаянию. Она поняла, что обречена.

— Я же не сделала ничего плохого... — шептала она, заливаясь слезами. — Зачем вы так поступаете со мной?

Но знатная и красивая леди не снизошла до того, чтоб услышать её мольбы. Повелительным движением руки, она приказала своим слугам отвести несчастную девушку в застенок. А верный Камерон тут же отправился с поручением к тем, кто был облечён властью судить и сжигать ведьм.

15

— Сегодня он мне не снился, — вяло сообщила я, когда утром Фарги появился в моей спальне.

С минуту он смотрел на меня, видимо, просматривая мой очередной сон, и, наконец, согласился.

— Да, сегодня его не было. Однако сон не из приятных.

— Кошмар, — подтвердила я.

— И явно связан с предыдущими снами.

— Прямо сериал. Только что-то не верится в хэппи-энд. При такой жизни мне прописаны развлечения более весёлого характера.

— Согласен. Советую устроить сегодня выходной. Вытряхнись куда-нибудь, проветришься.

— С кем? С Джексоном? Или с кем-нибудь из несгибаемых кисков?

— Я бы составил тебе компанию, но по понятным причинам не могу.

— Ты только компрометировать меня по телефону можешь, — проворчала я.

В дверь постучали, и она тут же распахнулась. Лия с подносом в руках быстро осмотрела спальню. Выглядела она совсем неплохо, только руки были забинтованы.

— Вы с кем-то разговаривали? — осведомилась она, проходя в комнату и словно невзначай заглядывая за дверь.

— Так, рассуждения вслух. А что?

— Альмер сказал, что вчера у вас кто-то был.

— Вчера? Вчера здесь было не более гостей, чем сегодня, — пожала плечами я.

Лия поставила поднос на столик и присела на кровать.

— Вчера вы всех впечатлили. Если б не вы, меня бы уже не было в живых.

— Мне было приятно оказать вам эту услугу.

Лия с любопытством смотрела на меня.

— Мы гадаем, кто вы. Сперва подумали, что истребительница демонов, но потом... Как вы нашли там пуговицу Альберта? Как поняли, что он лжёт? Как заставили его сказать правду, а потом обо всём забыть? Как вы развязали верёвку, которой вас связали?

— Это единственный вопрос, на который я могу ответить, — перебила я. — Я догадывалась, что меня свяжут, и намазала руки массажным маслом, чтоб они были скользкими. Остальное — дело техники. Мой дядя учил меня, как нужно держать руки, когда их связывают.

— Он чародей?

— Нет. Он десантник.

— А телекинез?

— Какой телекинез?

— Я видела, как ваш меч летел на ваш зов через весь зал пещеры.

— Это единственный предмет, который слушается моих призывов.

— А тарелки? — неожиданно спросила она.

— Разве тарелки летали? — опешила я.

— Нет. Сегодня в раковине было две грязные тарелки из-под омлета. Папа и Альмер сказали, что вам было не до еды и не до грязной посуды. Не могли же вы есть разом из двух тарелок.

Фарги, сидевший на подоконнике, прыснул. Я гневно взглянула на него.

— Ладно, вы меня поймали, — вздохнула я. — Нужно было вымыть эти несчастные тарелки, но... Ко мне иногда заходит призрак моего безвременно ушедшего друга.

— Тебе не стыдно? — воскликнул он.

— Вы же знаете, — как ни в чём не бывало, продолжала я, — что существуют такие ритуалы для вызывания мёртвых...

— Я не мёртвый! — фыркнул он. — Я развоплотившийся!

— Это ещё хуже, — заметила я.

— Что хуже? — нахмурилась Лия.

— То, что вы в это поверили. Просто вчера утром мне очень хотелось есть, может быть, из-за весьма активного образа жизни, который я веду, а, может, из-за полнолуния. Вот мне и пришлось приготовить вторую порцию омлета. Не использовать же при этом грязную тарелку.

— Понятно, — кивнула она и поднялась. — Но версия с покойным другом показалась

мне более романтической.

— Я не покойный, — проворчал Фарги, сердито взглянув на неё.

— Это уж точно, — с довольным видом усмехнулась я и принялась за завтрак, пока мой нахлебник не спохватился.

В честь выходного, я после завтрака долго плескалась в ванне, потом сделала маску, массаж и уложила волосы. Затем наконец-то распаковала чемодан и достала оттуда синий брючный костюм. Одевшись, я спустилась вниз и застала в гостиной Альмера с Лией на коленях. Лия естественно взвизгнула и вскочила, словно я застучала их за чем-то неприличным.

— Не стесняйтесь, — великодушно разрешила я тоном доброго дядюшки. — Я не стану вам мешать.

— Лишь бы мы вам не мешали, — пробормотал смущённый Альмер. — Чем собираетесь сегодня заняться?

— Если на горизонте нет демонов, то я была бы не против отдохнуть. Может, развлечься. В этом городе есть какие-нибудь развлечения?

— В основном, вечером.

— Можно погулять по парку, — предложила Лия. — Покататься на лошадях или лодках. Сходить в замок ужасов.

— Нет, вот ужасов, пожалуй, хватит! — воскликнула я.

— Или в кино.

— Если здесь тёмные кинозалы, то я — пас!

В кресле напротив Альмера материализовался Фарги. Он с упоением разглядывал свежий маникюр на своих ногтях. Скорее всего, придурился.

— Можно сходить в картинную галерею, — выдал новую идею Альмер.

Фарги оторвался от ногтей, взглянул на Альмера, потом на меня.

— Неплохая мысль. Скоротаем день до вечера, а потом нагрянем в кабак.

— Ладно, уговорил, — без особого энтузиазма согласилась я.

Альмер недоумённо смотрел на меня.

— Если вы не хотите...

— Отчего же, я жажду. Но мне кажется, было бы несправедливо тащить вас за собой. Если вы объясните, как туда проехать...

— Вы немного не поняли, — улыбнулся Альмер и бросил взгляд на Лию. — Вообще-то, я здесь потому, что мне поручено вас охранять.

— Да? — я покосилась на Фарги. Он откинулся на спинку кресла и скалил зубы в довольной ухмылке. — Ну, если так, то... поехали.

Картинная галерея располагалась в центре города в огромном викторианском особняке. Мы имели удовольствие бродить по её тёмным прохладным залам и любоваться картинами местных мастеров, что, впрочем, было совсем не скучно. Особенно если учесть, что комментарии к картинам давал один из величайших художников современности, недавно, увы, почивший, но не утративший от этого ни ясности ума, ни колкости языка.

— Знаешь, здесь есть действительно хорошие вещи, — произнёс Фарги, когда мы поднялись на второй этаж, обозрев экспозицию первого. — Особенно хороши библейские сюжеты и портреты. Глянь, какой милый пейзаж! Только из-за этого узкого горизонта глаза выворачивает.

Неожиданно он задержался возле небольшой картины, написанной маслом и

изображавшей развалины какого-то замка.

— Что это такое? — спросил он, внимательно вглядываясь в картину. — Спроси у своего телохранителя.

— Что это такое? — повторила я, не потрудившись придать хоть сколько-нибудь любопытства голосу. Альмер растерянно посмотрел на меня. Ещё чуть-чуть и он начнёт меня бояться.

— Что за место здесь изображено? — уточнила я более подходящим тоном.

— И спроси про художника! — встрял Фарги.

— И кто написал этот шедевр?

— Я не говорил, что это шедевр! — взвился он.

Я с трудом удержалась от ответной реплики.

— Это старое аббатство, — ответил Альмер. — Оно находится неподалеку от вашего дома. А художника я не знаю. Написано: Джон Милтон.

— Это мог бы быть Вильям Шекспир или Фрэнсис Бэкон, — раздражённо пожал плечами Фарги и снова взглянул на картину. — Нужно найти этого парня, если он ещё жив.

Я подошла ближе к картине и внимательнее вгляделась в неё. И всё равно ничего не заметила. Вопросительно взглянув на Фарги, я потребовала ответа.

Он молча ткнул пальцем в угол картины, где стоял какой-то обелиск, отбрасывающий наклонную тень. И только, ещё раз окинув всю картину единым взглядом, я поняла, в чём дело. Если судить по расположению теней, эта тень должна была находиться по другую сторону от обелиска.

— Может, это ошибка? — пробормотала я, чувствуя, как по моей спине табуном промчались мурашки. — Альмер, мы можем сейчас поехать туда?

— В аббатство? Конечно. Но там нет ничего, кроме развалин.

Я пошла к выходу, но тут заметила пожилого зрителя, который поправлял пейзаж, немного криво висевший на стене.

— Извините, — проговорила я, — не могли бы вы сказать, где сейчас художник, нарисовавший вон ту картину?

— «Аббатство»? — переспросил он. — Увы, он давно в могиле. Этот набросок принадлежит кисти vicария церкви святого Амвросия, преподобного Джона Милтона. Егс убило молнией ещё в прошлом веке. Как раз возле этого аббатства.

Поблагодарив зрителя, мы спустились вниз и снова сели в машину. Альмер тревожно поглядывал на меня, а я — на Фарги, сидевшего рядом. Он, наконец, заметил мой взгляд.

— Я художник, и у меня профессиональный интерес к теням на картинах. Художник, тем более такой, как этот, не мог ошибиться. Он рисовал то, что видел. А нарисовав, должен был заметить несуряицу и удивиться, потом заинтересоваться и сунуть туда нос. Вряд ли это была молния.

«Что это может быть?» — мысленно, чтоб не тревожить Альмера, спросила я.

— Трудно сказать. Ещё один портал? Тёмный идол? Или существо? Приедем — увидим.

— А что вы знаете об аббатстве? — спросила я Альмера.

— Нехорошее место, как и все разрушенные церковные здания. Там в полнолуние пропадают люди и животные. И ведьмы устраивают там шабаши. Существует легенда, что лет сто назад в подвале аббатства заточили колдуна, а потом сожгли. Перед смертью он призвал на головы монахов серого демона, который «днём торчит и молчит, а ночами

бродит и порчу наводит».

Фарги, ни слова не говоря, взглянул на меня.

Наконец мы приехали и увидели среди деревьев те самые нехорошие развалины. Нехорошие потому, что от них веяло запустением, смертью и ещё чем-то, от чего волосы начинали шевелиться на голове.

Подойдя ближе, я принялась искать тот обелиск, что видела на картине.

— Вон он! — Фарги указал на выщербленную временем и непогодой колонну.

Я направилась туда. Альмер нехотя плелся следом.

— Зачем мы сюда приехали? — спросил он. — У меня шерсть встаёт дыбом от этого места.

— Значит, именно это место и должно вас интересовать, — ответила я поучительным тоном. — С профессиональной точки зрения.

Теперь я тоже заметила, что тень от колонны падает с той стороны, что развёрнута к солнцу.

— Стойте здесь, — вздохнула я, доставая из сумки меч. А ведь я так надеялась, что сегодня устрою себе выходной!

Выпустив клинок, я осторожно приблизилась к колонне, как вдруг она вздрогнула и взвилась вверх, выпуская в обе стороны большие перепончатые крылья и замахиваясь на меня рукой с длинными когтистыми пальцами. Головы у демона не было и глаз тоже, однако, это не помешало ему весьма точно пустить в меня электрический разряд, вполне похожий на молнию.

Кинувшись в сторону, я нырнула за остатки стены. Демон взлетел в воздух, видимо, надеясь найти меня, а я, направив на него острие меча, до упора сдвинула выключатель. Зачем разыгрывать из себя героя, если можно и не рисковать?

Клинок в одно мгновение удлинился на несколько метров и пронзил чудовище. Оно хлопнуло, взорвалось и разлетелось чёрными клочьями, которые исчезли, не долетев до земли.

Всё стихло. Я выключила меч и сунула его в сумку. Потом выглянула из-за колонны и огляделась.

— Чисто, — сообщил мне Фарги, возникший за моим плечом.

— Я еду домой, — вполголоса сообщила я. — Буду читать книги. Никаких кабаков. Не хватало мне ещё найти демона в миске с салатом!

И пройдя мимо него, я направилась к машине, возле которой топтался Альмер, поражённый до глубины души.

В тот день я снова не пошла гулять в дубовую рощу. Я сидела дома и страдала. Я начинала напоминать себе громоотвод, только вместо атмосферного электричества я притягивала к себе всякую нечисть.

16

Ей снился страшный сон, будто она сидит в подземелье с цепями на руках и ногах и ждёт казни на костре. Ей было холодно, вокруг бегали мыши. Потом она проснулась и поняла, что это не сон. Ей действительно было холодно и темно, а руки и ноги болели от тяжёлых и грубых браслетов. И ещё рядом был кто-то. Этот кто-то вошёл в подземелье с факелом и приблизился к ней.

Она отшатнулась и прижалась к стене, прикрываясь рукой. Но голос, который раздался

в мрачной тишине подземелья, заставил её задрожать всем телом. Она обмякла, и сильные нежные руки оторвали её от стены и прижали к груди, в которой билось сердце, стук которого она ещё недавно с таким блаженством слушала по ночам.

— Дженни, — шептал Джулиан, прижимая её к себе. — Боже мой, дитя моё, что они сделали с тобой?

Она открыла глаза и увидела его лицо при свете факела.

— Это вы, — забормотала она, касаясь холодными испачканными пальчиками его щёк. — Это вы. Я так ждала... Я думала, что вы уже не придёте. Я боялась, что никогда не увижу вас.

— Дженни, — простонал Джулиан, целуя её заплаканное посеревшее от горя личико, — бедная моя малышка!

— Они обвинили меня в колдовстве, — всхлипнула девушка. — Они сказали, что я ведьма и меня нужно сжечь. Они привезли моего барашка и сказали, что он — демон.

— Безумцы! — прорычал Джулиан, и его лицо исказила ярость. — Они пытали тебя? Они сделали тебе больно?

— Нет, — замотала головой она. — Но они совсем не слушали, что я им говорила. Человек, который задавал вопросы, сам же и отвечал на них. И они записывали то, что он говорил, словно это говорила я. Но я ни в чём не сознавалась, я не говорила, что навела на вас чары и кормила барашка своей кровью. Они всё выдумали! Всё до последнего слова! — она с мольбой смотрела на него. — Вы ведь заберёте меня отсюда? Вы не позволите им сжечь меня?

Он отвёл взгляд и опустил голову.

— Епископ уехал, — хрипло произнёс он. — Мне не говорят куда. Все шарахаются от меня, как от прокажённого. Я не знаю, что делать.

Дженни перестала плакать. Она смотрела на опущенную голову Джулиана, потом осторожно провела рукой по его волнистым локонам.

— Ничего. — тихо проговорила она, привлекая его к себе и обнимая. — Ничего. Господь милосерден. Он видит всё. Он примет меня к себе. Вот только жаль, что я больше не увижу вас. Но ведь вы не будете долго печалиться, правда? Вы зажжёте свечу и помянете меня в своих молитвах.

Джулиан медленно поднял на неё полные слёз глаза.

— Несчастное дитя, — прошептал он, проводя ладонью по её лицу. — Моя любовь погубила тебя. И моя проклятая гордыня. Мне нужно было забрать тебя и увезти далеко-далеко отсюда. Мы могли поселиться там, где нас никто не знает. Мы могли обвенчаться и жить долго и счастливо. Мы могли уехать во Францию, в Испанию или, на худой конец, в Шотландию. Ведь жили же там мои предки... Но мне нужен был двор, блеск, успех, восторги дам, зависть соперников... Ничтожный глупец! Я сам погубил нас обоих!

— Нет! Нет-нет, — покачала головой она. — Не надо думать так. Никто не знал, что случится, и вы знать не могли. Вы не причиняли мне зла. Наоборот, вы подарили мне столько счастья! Жаль, что оно так скоро закончилось, но что поделать...

Джулиан медленно и печально качал головой.

— Я не смогу жить без тебя. Как поздно я понял, что ты для меня значишь. И я уже ничего не могу изменить. Лучше б меня самого отправили на костёр. Неужели я буду стоять в толпе и смотреть на твои мучения?

— Вы могли бы избавить меня от них, — робко произнесла Дженни. — Я

действительно очень боюсь боли. Не столько смерти, сколько боли от огня. Мне очень страшно, милорд. И... если б вы дали мне...

— Яд? — тихо спросил он, глядя на неё в упор. — Чтоб я убил тебя собственными руками? А впрочем, — он усмехнулся, — я ведь уже сделал это.

— Не надо, — вздохнула она. — Я не должна была даже заикаться об этом. Ни мне, ни вам незачем брать грех на душу. Господь милосерден и он поможет мне.

— Господь милосерден? — переспросил Джулиан. Его лицо покрылось восковой бледностью и лишь глаза горели лихорадочным огнём. — Если он милосерден, то почему же он допускает это? За какие грехи он позволяет им губить нас? Почему его ангелы не спустятся с небес сюда, в эту грязь и не спасут тебя? Так ли он милосерден?

— Тише, — зашептала она, прижимая палец к его губам. — Не ропщите. Господь испытывает нас, чтоб потом наградить. Его пути неисповедимы.

— Я не выдержал этого испытания, — спокойно произнёс Джулиан. — Ад в моей душе. Пусть будет так. Но я сделаю то, что должен сделать. Я спасу тебя.

— Как вы сделаете это? — печально улыбнулась она.

— Тебе лучше не знать, — он нагнулся и поцеловал её. — Прощай, ангел. Молись за меня. Я уповаю лишь на то, что Он услышит твои молитвы.

Он выпрямился и, не сказав больше ни слова, вышел. Дженни осталась сидеть на грязном полу темницы. Она больше не боялась, она даже не думала о том, что ждёт её завтра. Встав на колени, она сложила руки и подняла взгляд на закопчённый свод подземелья. Ее губы шептали молитву, она молила Господа, Пресвятую Деву Марию и всех светлых ангелов защитить Джулиана и унять в его душе боль.

17

Как и следовало ожидать, следующее утро было серым и промозглым. Фарги не явился. Он и не обязан был находиться со мной круглые сутки. В его обязанности входит просто приглядывать за мной, передавать мне срочные вызовы на работу от небесных работодателей и изредка вмешиваться в ход вещей, если этот ход грозит привести меня к печальной, но логически обоснованной развязке.

Мой предыдущий ментор вообще объявлялся раз в два-три года и лишь для того, чтоб испортить мне жизнь. К счастью, он избавил меня от своего общества, надеюсь, что навсегда. Фарги же был моим другом и напарником, ему нравилось общаться со мной не меньше, чем мне с ним. Но у него полно и других дел, и потому изредка он исчезал с моего горизонта, чтоб потом возникнуть как ни в чём не бывало в самый неподходящий или очень даже подходящий момент.

Я не расстроилась из-за его отсутствия. Я была и без того в отвратительном настроении, и меня даже радовало, что можно не обсуждать сегодняшний сон. Мне хотелось просто забыть о нём, и о том, что произошло наяву за те пять дней, что я провела на Новой Луизиане.

Лия позвонила и сказала, что очень занята и не сможет зайти. Альмер тоже не пришёл. Вместо него в гостиной у камина устроился Эльвер, слишком серьёзный, чтоб мне хотелось с ним поболтать.

Я надеялась, что хоть сегодня мне удастся отдохнуть. Я ушла в библиотеку, задернула шторы на окнах, закрыла дверь, зажгла свет, затопила маленький камин и села возле него с книжкой. Никаких демонов, никаких убийств, никаких мистических ужасов. Роман о любви,

Тургенев... Всё так далеко, мило, трогательно и печально.

Я была уже где-то в середине романа, когда дверь распахнулась, и на пороге появился Эльвер с коммуникатором у уха.

— Мисс Бентли...

— Не делайте этого! — воскликнула я, понимая, что сейчас он разрушит хрупкое очарование захвативших меня слов и чувств.

Остановить его было труднее, чем бегущего бизона.

— Джексон говорит, что вы должны это увидеть.

— Что увидеть? — я заложила страницы шпилькой для волос и встала с обречённым видом.

Эльвер включил телевизор. Передавали новости. Я со смирением смотрела на экран, пытаюсь понять, чего от меня хотят. Затем вдруг увидела знакомый стеклянный подъезд с неоновой вывеской.

— Погромче! — скомандовала я.

Эльвер увеличил громкость. Говорили что-то о странной болезни, поразившей двух охранников этого заведения. Их нашли мёртвыми у задней двери клуба. При вскрытии оказалось, что их мозг совершенно высох и почти не занимал места в опустевшей черепной коробке.

— Вряд ли его и при жизни было много, — попытался пошутить Эльвер. Я подняла палец, призывая его к молчанию.

— Это уже второй случай проявления этого необычного заболевания, — сообщил репортёр, красовавшийся на фоне клуба. — Первый был зафиксирован вчера, когда на рабочем месте был обнаружен внезапно скончавшийся ночной портье Белого Дворца на Йорк-стрит.

Эльвер быстро взглянул на меня, а я на него.

— Кажется, кто-то идёт по вашему следу, — произнёс он. — Высохший мозг... Что-то такое я читал. Демон, который вытягивает информацию, высушивая мозг жертвы. От него ничего нельзя скрыть.

— «Приют ангелов», «Белый дворец»... Салли!

Эльвер, не дожидаясь распоряжений, бросился к двери, на ходу вытаскивая из кармана бренок ключи от машины. Я кинулась за сумкой и едва успела втиснуться в салон машины, как он с места дал полный газ.

— Этого следовало ожидать, — проговорил он, сжимая рулевое колесо голубыми пальцами. — Семь демонов за пять дней, внутренний круг Цепи Майена, разоблачение тайного осквернения новой церкви в Рингроуз, срыв планов покровителя Диметриуса... Это очень много. У вас, наверно, возникло ощущение, что Новый Орлеан кишит демонами.

— А что, разве это не так?

— За пять лет работы здесь, я встретил только восемь, четырех из них — за последние несколько дней.

— Хотите сказать, что я их притягиваю?

— Не знаю. Но сейчас, возможно, я еду на встречу со своим девятым демоном.

Я вздохнула и посмотрела в окно. Начинался дождь.

Когда мы подъехали к дому Салли, он уже лил, как из ведра. Выскочив из машины, я бегом устремилась к двери, и, оказавшись под крышей террасы, забарабанила в дверь.

— Кто там? — открывая, спросила Салли.

— Какая неосторожность! — воскликнула я, входя в дом. — Возможно, за вами охотятся, а вы так запросто открываете двери на первый же стук.

— Охотятся? Чего ради?

— Вы видели меня, а демоны как раз, похоже, заинтересовались, кто занялся их истреблением.

Салли удивленно посмотрела на Эльвера, вошедшего следом и тщательно запер за собой дверь.

— Вы смотрели сегодня телевизор? — поинтересовался он.

— У меня его нет, — пожалала плечами она. — Хотите чаю? Вы промокли.

— Лучше молока, — уточнил он. Почему кошки так любят молоко?

Пока она подогревала для него молоко, я рассказала ей о странной болезни, поражающей тех, кто мог меня видеть.

— И что вы предлагаете? — Салли перелила молоко из ковшика в большую кружку и подала масунту. — Если они хотят найти меня, они найдут.

— Этот фатализм вам не идёт, — заметила я, — к тому же не забывайте, что заполучив вас, они выйдут на нас с Джексоном.

— Пожалуй, — кивнула она и рассеянно взглянула в окно. — И где же я могу от них спрятаться?

Эльвер оторвался от кружки, чтоб ответить, но вдруг стены дома странно завибрировали. Он тут же поставил кружку на стол и пригнулся, чтоб начать перевоплощение и тут же встать передними лапами на пол. Я поспешно достала меч.

Мы смотрели на дверь, но демон явился из дымохода. Худой, в сером балахоне, с включенными седыми волосами и торчащими изо рта зубами, он сразу же бросился на Салли.

Она успела схватиться за ладанку на шее, и её окутало мягкое, едва заметное сияние. Демон взвизгнул и отскочил. В тот же миг огромная голубая лапа льва швырнула его на пол и прижала. Мне осталось только выпустить клинок и нанести удар.

Вибрация смолкла, демон вспыхнул и, как обычно, рассыпался в прах, который унесло в печь.

— Я хотел сказать... — снова принимая вертикальное положение, продолжил Эльвер. — Что в «Вязах» вы будете в безопасности.

Он взялся за кружку и допил молоко. Салли молча смотрела на пол, где несколько минут назад лежал демон, и теребила ладанку.

— Наверно, мне нужно принять ваше предложение, — наконец произнесла она.

18

Вернувшись домой, я собрала в кулак все силы и употребила их на то, чтоб выбросить из головы это происшествие. Снова закрывшись в библиотеке, я взялась за книгу и продолжила чтение. Хотя мне приходилось по несколько раз перечитывать каждый абзац, чтоб понять, о чём в нём говорится, я всё же продвигалась вперёд. И вот когда я снова увлеклась повествованием и почувствовала приятное волнение от чужих метаний и страстей, дверь снова открылась, и в библиотеку вошла Салли.

Она тихонько присела напротив и задумчиво взглянула на меня.

— Что случилось? — спросила я, вовсе не желая услышать ответ.

Салли пожалала плечами.

— Не знаю, мне что-то тревожно. Я беспокоюсь за Монику. Я звонила ей, но она не отвечает.

Молча я вложила шпильку между страницами, закрыла книгу и аккуратно положила её на середину столика.

— Где она живёт?

Салли назвала адрес.

— Я знаю, где это, — раздался с порога голос Эльвера.

— Оставайтесь здесь, — велела я Салли и, прихватив с кресла сумку, направилась к дверям.

Эльвер молчал всю дорогу, пока мы ехали от «Вязов» к дому Моники в Рингроуз. В её окнах не было света, но дверь была приоткрыта. Мы прошли по мокрой от дождя дорожке, поднялись на крыльцо и постучали. Потом Эльвер приоткрыл дверь и вошёл.

Моника лежала на полу в прихожей. Возле неё остались мокрые лужицы от ног того, кто её убил.

— Это был не тот демон, — определил Эльвер. — Тот не оставлял мокрых следов. Он входил не в дверь, а в дымоход.

— И вряд ли успел бы побывать здесь с того момента, как пошёл сильный дождь, и успеть к нам, чтоб мы его прикончили, — подтвердила я. — Звоните Джексону. Моника видела меня и его, но его найти проще.

Эльвер достал коммуникатор. На улице темнело. Из-за пасмурной погоды вечер наступил раньше, чем обычно. Я слышала, как масунт вполголоса докладывал о смерти Моники. Я забрала у него коммуникатор и проговорила:

— Послушайте, Джексон, скорее всего, демон уже на пути к вам. Его следы не успели подсохнуть, так что он был здесь не так давно. У нас есть шанс успеть. Постарайтесь продержаться. Мы уже едем.

Прикрыв за собой дверь, мы вернулись в машину, и Эльвер снова завёл мотор. Всё происходящее напоминало мне сон, и я сама действовала как во сне.

— У меня такое чувство, что я сплю, — поделился Эльвер. — С тех пор, как вы приехали, постоянно что-то происходит. Что-то страшное. Мы вроде справляемся, но всё равно становится только хуже.

— Считаете, мне стоит уехать? — поинтересовалась я.

— Не считаю. Просто мне кажется, что от нас уже мало что зависит. Что-то начинается, а что...

— Смотрите на дорогу, — попросила я и откинулась на спинку сидения.

На улице совсем стемнело. Я пыталась понять, что произошло за последние дни, и приходила к одному странному выводу: от меня тоже ничего не зависело. То, что я делала, мог бы сделать любой более или менее подготовленный человек, будь у него такое оружие. Не было ни противостояния, ни поединка умов, ни тяжёлых битв. Демоны буквально сами наткнулись на мой меч. Они искали меня и кидались ко мне с решимостью самоубийц. Мне оставалось только сдвигать выключатель.

Словно кто-то специально помогал мне набирать очки. Вот только к чему вела такая странная победоносная война? Может, враг заманивал меня и усыплял мою бдительность? Или какая-то иная сила привлекала ко мне внимание Тёмных Владык? В любом случае, это не сулило мне ничего хорошего.

Пренеприятное чувство, что меня используют, уже зашевелилось в душе. Я всегда не

любила, когда меня использовали.

Эльвер подъехал к воротам в высокой каменной ограде и нажал на кнопку на приборной панели. Створки ворот разъехались в стороны, пропуская нас в тёмный сад, в глубине которого стоял узкий двухэтажный особняк.

Эльвер подошёл к двери и позвонил. Ответа не было, хоть в окнах и горел свет. Позвонив ещё раз, он достал из кармана ключи и отпер замок. Едва не бегом мы вбежали в освещённый холл, а затем в гостиную, где увидели странного незнакомца в чёрном пальто, который стоял и задумчиво смотрел на Джексона, застывшего в наспех начерченной пентаграмме.

Обернувшись, демон увидел нас и улыбнулся, обнажив длинные как у вампира клыки.

— Вот и вы. Очень кстати, — сообщил он. — Я ждал вас. Особенно тебя, — он ткнул пальцем в мою сторону.

— Интересно, зачем, — спросила я, запуская руку в сумку.

— Ты нарушаешь наши планы, — объяснил он. — Хозяин недоволен. Он велел устранить препятствие, пока препятствие не устранило нас. Я послан найти тебя и уничтожить. Если не получится, придёт другой, куда сильнее. Мы непобедимы.

— То вы так победоносно удирали с Земли, — усмехнулась я.

Он побледнел, и его взгляд стал злобным.

— Я заболтался, пора действовать.

— Я думала, что ты специализируешься на досужей болтовне.

— Я специализируюсь на поиске и умерщвлении, — возразил он и вдруг выбросил вперёд руку.

Я инстинктивно отшатнулась от синего сверкающего шара, соскользнувшего с его руки, но шар летел мимо. Он был направлен не в меня и ударил в грудь Эльвера, который отлетел и, ударившись о стену, упал. Демон смотрел на меня, наклонив голову на бок. Джексон молчал. Видимо, молчание было условием его защиты. А демон явно ждал от меня ответных действий. Он что-то задумал. Впервые я почувствовала затруднение в своих действиях против демона.

— Ты не убьешь меня? — спросил он.

Краем глаза глядя на Джексона, я достала меч. Тот чуть заметно покачал головой и взглядом показал себе под ноги. Я поняла и очень надеялась, что поняла правильно.

Сбросив с плеча сумку, я сняла куртку и бросила её на кресло. Потом положила на стол меч. Демон ухмыльнулся. Его рука откинулась в замахе, на ладони вспыхнуло синее сияние, и в тот самый момент, когда он кинул шар в меня, я упала на пол, перекатилась демону под ноги и, что было сил, толкнула его в сторону пентаграммы.

Джексон что-то выкрикнул и отпрыгнул прочь, а демон угодил как раз в перекрестье лучей, вырвавшихся из пересечений белых линий. Издав отчаянный вопль, он вспыхнул ярким синим светом и провалился сквозь пол, что, надо полагать, означало в Преисподнюю.

Мы с Джексоном бросились к Эльверу и склонились над ним. Он открыл глаза.

— Что это было? — спросил он.

— Полагаю, энергетический разряд, — ответил Джексон. — Вы успели вовремя. Долг бы я не продержался.

— Что вы с ним сделали? — спросила я, указав на пентаграмму.

— Не я, а вы. Это защитная пентаграмма, а вон те знаки, активизируемые звуком голоса, звучащего внутри, превращают её в капкан, причём, смертоносный. Честно говоря, я не

думал, что получится.

— Почему вы не дали мне попробовать мечом?

— Не знаю, мне показалось, что он ждал этого. Может, у него была защита?

— От моего меча?

Я взяла Налорант со стола. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда.

— А, может, он просто хотел быть убитым? — проговорила я.

— Зачем? — нахмурился Эльвер.

— Девять демонов... — пробормотал Джексон и тяжело опустился на ближайший стул. — Вы убили девять демонов. Существует старое халдейское поверье, что смертный, убивший силой, хитростью или магией девять демонов, обрекает себя на вечную месть Ада. Считается, что он бросил вызов Тьме и потому Тьма этот вызов принимает. Она высылает против него противников одного сильнее другого и, сколько бы ему ни удалось убить, на смену павшему всегда приходит следующий. Тьма не дает своему врагу ни дня передышки и, в конце концов, всегда побеждает.

— Вы хотите сказать, что этот тип покончил собой, чтоб навлечь на меня проклятье? — забеспокоилась я.

— Не исключено. Вскоре узнаем. Если в городе появится сильный демон, значит, так оно и есть.

— Вам неприятно будет это слышать, но, похоже, что и тот, из дымохода, не очень сопротивлялся, — виновато добавил Эльвер.

— Но если вы правы, мне придется сражаться с демонами до конца дней, и каждый раз, когда я убью очередного, будет появляться другой, сильнее прежнего?

— Это только догадка, — Джексон поднял руки. — Хотя, это вполне в их духе.

— Может, вам уехать? — предложил Эльвер.

— Ад вышел в космос, потеряв свой дом на Земле, — возразил Джексон. — Вряд ли это хоть что-то изменит. Мне печально говорить об этом, но, боюсь, что шансов у вас немного. Даже ваших сил не хватит, чтоб уничтожить всех демонов.

— А сколько их?

— Цифры называют разные. Иоган Вейер в шестнадцатом веке утверждал, что их семь миллионов четыреста пять тысяч девятьсот двадцать шесть, неизвестный Альфонс де Спина полагал, что что-то около ста тридцати трех миллионов... с хвостиком.

— Вы меня ободрили, — усмехнулась я.

Мне хотелось плакать. Или, может быть, лучше проснуться. Но это был не сон. Это была моя жизнь. Хотя сны, надо сказать, были немногим лучше.

19

Серое небо низко нависло над тёмными крышами города и маленькой площадью, куда её привели несколько стражников. Толпа уже собралась в ожидании казни и теперь с любопытством наблюдала за приготовлениями.

Дженни было холодно. Босые ноги заledenели на сырых камнях мостовой, а ветер, завивающийся в небольшие смерчи, пробирал насквозь, поскольку тонкая рубашка, в которую она была одета, не давала никакого тепла.

Ёжащийся от холода монах торопливо прошептал положенные ему слова и сунул ей крест, который она безропотно поцеловала. Потом в сопровождении двух стражников

поднялась на невысокий помост к поставленному вертикально бревну и встала к нему спиной.

Чиновник городского суда простуженным голосом читал приговор, торопясь поскорее закончить с этим делом, заставляющим его торчать на улице в такую промозглую погоду. Стражники цепями приковали Дженни к столбу, а рядом привязали её барашка, который тоже замёрз и жалобно блеял.

Пока её обкладывали хворостом, она робко осматривала толпу, но видела только чужие лица. Зрителей было немного, в основном досужие зеваки, да несколько злобных старушонок, которые грозили ей кулаками и плевали на хворост. Её здесь никто не знал, и никого не интересовало, была ли она ведьмой или нет. Если своим приговором епископ отрётся от неё и передаст светским властям, а те постановили её сжечь, значит, и сомневаться в её виновности незачем.

Дженни не плакала. Ей было жаль барашка. И очень хотелось последний раз увидеть Джулиана, но она была рада, что он не пришёл. Он итак был ранен в самое сердце, к чему ему страдать больше?

Подняв глаза, она вдруг увидела в одном из окон дома напротив бледное лицо той самой дамы. Она сидела у окна и с непроницаемым видом наблюдала за приготовлениями к казни.

— Бог тебе судья... — устало прошептала Дженни и отвела от неё глаза.

Дама тем временем тоже обшаривала взглядом толпу на улице.

— Я не вижу Кратегуса, — заметила она. — Мне бы хотелось, чтоб он был здесь. Для него же было бы лучше присутствовать на казни околдовавшей его ведьмы. Это избавило бы его от подозрений в том, что он стал её сообщником в богопротивных делах.

— Мы нигде не могли его найти, — сообщил Камерон, склонившись к своей госпоже. — Он вернулся вчера вечером, пытался узнать, куда уехал его преосвященство. Потом пошёл в темницу, подкупил стражника и краткое время провёл со своей ведьмой. Потом вернулся к себе и заперся в лаборатории. Больше его никто не видел. В лаборатории его тоже нет.

— Может, всё-таки вызнал, что епископ уехал в аббатство и помчался туда? — она поморщилась. — Он только сделает себе хуже. У него итак много завистников, а заступничество за ведьму окончательно испортит его репутацию.

— Не думаю, что он поехал туда. Ночью ворота были закрыты, и из города никто не выезжал. Он где-то здесь, но где...

— Уже не важно. Он не сможет ничего изменить, — перебила прекрасная леди. — Смотрите.

Она жестом приказала Камерону молчать и взглянула туда, где к куче хвороста, окружившей прикованную к столбу рыжую девушку, направился палач с факелом.

Дженни молча смотрела на него. Она думала, что сейчас нужно молиться Пресвятой Деве Марии, но все слова вылетели у неё из головы. Она только смотрела, как нехотя загорелся совсем рядом отсыревший хворост. Барашек опять жалобно заблеял. Дженни всхлипнула и обратила взгляд в небо.

Толпа на миг замерла. Никто не смотрел на смерчи, снующие по маленькой площади, и на самый большой из них, который по кругу приближался к костру, становясь всё больше. Но вот он вскочил на загоревшуюся вязанку, и она разлетелась в стороны.

Недовольно качая головой, палач с факелом снова двинулся к куче, но вдруг замер, как замерли и зеваки вокруг, и девушка у столба, и леди у окна. Серый смерч уже вырос до

высоты в полтора человеческого роста и продолжал раскидывать сложенный хворост, а потом вдруг остановился и опал, открыв взору собравшихся на казнь ужасное чудовище.

Оно было ростом с самого высокого мужчину и сложением напоминало кузнеца, чьи руки и плечи покрыты буграми мускулов. За его спиной были растопырены перепончатые крылья. Вместо человеческих ног — волчьи лапы, а громадные руки заканчивались длинными пальцами с чёрными загнутыми когтями. Большая лысая голова напоминала котёл, острые уши стояли торчком. Лицо было бледным и свирепым с крючковатым, как клюв хищной птицы, носом и оскаленной пастью, из которой торчали клыки. Оно обвело толпу взглядом мрачных глаз, горящих зелёным огнём, и воздело к тучам свои огромные руки. Серое как небо над ним чудовище, казалось, было средоточием холодного сумрака, затопившего город.

— Воздайте хвалу Господу! — хрипло и глумливо прорычал демон и взмахнул руками. С его ладоней разнеслась в стороны мелкая серая пыль, окутавшая всё вокруг.

Люди, вышедшие из оцепенения, бросились врассыпную, но облака серой пыли настигали их. И те, кого они касались, с криком падали на сырые булыжники мостовой и начинали биться в конвульсиях. Их лица и тела покрывали ужасные язвы и в считанные минуты они испускали дух в страшных мучениях.

Ни один человек не ушёл живым с площади. Не спаслась и прекрасная леди, замертво рухнувшая на пол рядом с телом Камерона. И только маленькая рыжая девушка, с ужасом смотревшая на происходившее, осталась невредима.

Когда крики и стоны смолкли, и площадь погрузилась в тишину, усыпанная мёртвыми телами, демон, мрачно взиравший на дело рук своих, обернулся к ней. Одним движением он как паутину разорвал сковывавшие её цепи и замер, глядя на неё зелёными с огненными крапинками глазами.

Слёзы потекли по лицу Дженни. Она смотрела на демона, и один вопрос сорвался с её губ:

— Зачем?..

Демон задрожал, как осиновый лист, и внезапно издав рёв, полный боли и отчаяния, распластал серые крылья, взмыл в небо и спустя мгновение исчез среди туч.

Дженни медленно отошла от столба. Занемевшими руками она кое-как отвязала перепуганного барашка и прижала его к груди. Потом ведя его за верёвку, спустилась с помоста. Осторожно обходя тела на мостовой, она ушла с площади и направилась к воротам, прочь из города.

Никто не остановил её. Никто даже не взглянул на босую девушку в белой рубашке, ведущую за собой чёрно-белого барашка, словно кто-то невидимый хранил её от чужих глаз. Она плакала и молилась, хотя знала, что молитвы её уже никого не спасут. Потому что Джулиан был потерян навеки. И не только для неё.

20

Я проснулась с чувством опустошения и тоски, а, вспомнив о событиях вчерашнего дня, и вовсе почувствовала себя так, словно меня приговорили к сожжению на костре. Кой чёрт понёс меня на эту галеру, то бишь планету? Чем плохо мне было в великолепных дворцах на Киоте в окружении красивых мужчин и верных, заботливых друзей? Что понесло меня сюда, в этот средневековый кошмар, где мне ни днём, ни ночью нет покоя?

Карма... Глубокомысленно изрек бы Фарги, будь он рядом. Ему легко говорить. Он уже

поменял миры, как выражаются японцы. А мне никто не то что лёгкой жизни, но и лёгкой смерти здесь не даст.

Кажется, ещё никогда я не была в таком отчаянии. И некому было меня утешить.

— Фарги... — тихонько проныла я.

Он и не думал явиться. Куда он запропастился в такой момент? Почему его нет, когда он мне нужен? Почему?..

Он и не обязан постоянно торчать возле меня. Раньше я вообще обходилась без помощи ментора. Он меня избаловал. Раньше я со всем справлялась сама.

А раньше бывало так плохо? Не припомню, чтоб хоть раз на меня ополчился весь Ад. Ну, один, от силы два противника одного со мной вида. Экзотические пляски с мечами, хитрые беседы и провокации, а потом — один победоносный поединок... И я снова в лучах славы и в сиянии покоя. Я Скайрейнджер, я разбираюсь в космических энергиях, в делении света на «да» и «нет», в реинкарнации и сути непобедимого Духа. Но я ни черта не смыслю в демонах.

Самое мерзкое, что и Фарги не смыслит. Он прожил в шкуре землянина одну единственную жизнь, и ту — далеко от Земли и её вечных проблем и искушений. Всё, что он о ней знает, он знает из книг, и ему ближе Авеста и Веды, чем мрачные труды по демонологии. Он как был, так и остался вечным искателем Света, Любви и Свободы с невозможно далёкой планеты, умчавшейся тысячелетия назад на другой конец Галактики Млечного пути.

Какое ему дело до падших ангелов и духов тьмы? Похоже, я действительно осталась одна и, на сей раз, у меня нет даже информации.

Нехотя я вылезла из-под одеяла, кое-как умылась, оделась и причесалась. Когда-то я слышала, что в сложных обстоятельствах самое вредное — это апатия, но меня охватила именно она.

Правда, где-то в глубине елебно-добродушный голос увещевал: «Джексон мог и ошибиться. Какая-то древняя, никому не известная халдейская сказка... Да кто они вообще такие, эти халдеи?»

К своему стыду я не знала даже этого.

Я спустилась вниз и застала возле камина Эльвера. Он грелся у огня как кот, хоть и пребывал в своём человеческом облике. Масунты — полубоги, так, по крайней мере, считается на Киоте, где они остаются красивой легендой. Они оборотни и жизнь свою проживают в двух ипостасях, имея две личности — личность ферга, похожую на человеческую, и личность зверя — гордого, прекрасного и отважного льва, сотканную из силы и напора. Их главная наука — это гармонизация обеих личностей, умение поддерживать связи между ними и подчинение их одним идеалам. Перегибы случались. Я встречала масунтов, которые в человеческом облики оставались по-звериному кровожадны и им стоило немалых усилий победить этот порок. Но встречала и таких, которые и в зверином облике любили слушать джаз и стеснительно жевали мороженные отбивные, потому что и без мяса жить невозможно, и убивать ради еды аморально.

Эльвер, похоже, был гармоничной личностью, и потому не знал комплексов и сомнений. Именно таких и привлекали для борьбы со злом, ввиду их неуязвимости, бескомпромиссности и уверенности в своей правоте. Я ему немного завидовала.

— У меня нос в саже? — поинтересовался он, и я поняла, что пока размышляла, беспардонно на него таранилась. Масунты, как все нормальные хищники, подсознательно

воспринимают пристальный взгляд как знак агрессии. А Эльвер даже пошутил, ещё раз подтвердив моё мнение о гармоничности его сдвоенной души.

— Нет, простите, — я пожала плечами. — Просто залюбовалась. На человеческий взгляд ферги очень красивы.

Он смутился. Что ж, скромность украшает не только девушку.

Я прошла на кухню. Настроение у меня потихоньку начало улучшаться. Я вдруг подумала, что сегодня седьмой день моего пребывания на Новой Луизиане, в если проводить библейские параллели, то даже Господь Бог после шести дней творения отдыхал на седьмой. Я тоже натворила немало, и, может быть, заслужила хоть краткий отдых?

Поставив медную турку с водой на плиту, я заметила, что завтраком и не пахнет. На сей раз никто обо мне не позаботился. Эльвер, как любой правоверный масунт, питался сырым мясом, и ожидать от него кулинарных изысков не приходилось.

— Лия не заходила? — спросила я, доставая из хлебницы пышный батон, чтоб сделать гренки.

Вода в турке начала закипать. Я достала банку с кофе и, зачерпнув ложкой немного арабики, занесла её над туркой, чтоб в момент закипания высыпать и тут же снять с огня.

— Она в больнице у отца, — сообщил Эльвер.

Вода закипела. Я высыпала кофе обратно в банку и выключила плиту. Эльвер подпирал плечом дверной косяк и смотрел на меня невозмутимыми глазами тёмного эльфа.

— С Джексоном что-то случилось? — я почему-то подумала о каком-нибудь сердечном заболевании.

Эти заболевания случаются у людей, не подвергшихся генетической коррекции, в отличие от тех, что живут сейчас на Земле. Они обитают в дальних колониях и по-прежнему подвержены заболеваниям, старению и смерти от этих причин. Джексон выглядел не слишком здоровым и молодым. Он был худ, бледен и на его лице было полно морщин. Испытания вчерашнего вечера могли подействовать на него не лучшим образом.

— Какое-то старинное заболевание землян, — пожал плечами Эльвер. — Говорят, что такое не встречается даже на Новой Луизиане.

Он был здоров и, как и я, защищён от болезней своей сущностью. Только я, в отличие от него, сталкивалась с этой аномалией у своих сородичей и знала, насколько она может быть опасна.

— Вы знаете, в какой он больнице?

— Конечно.

Он с готовностью развернулся к выходу, доставая из кармана чёрных брюк ключи от машины.

Мы подъехали к красивому белому зданию, напоминавшему одновременно готический собор, магрибский дворец и небольшой медицинский центр. Над аркой ворот, ведущих к круглому дворику, красовался золотой крест, а под ним герб, изображающий рыцаря и паломника на одной лошади.

Орден рыцарей-госпитальеров, возрождённый романтически настроенными врачами пару веков назад, имел такие лазареты-миссии в самых отдалённых уголках, как Земли, так и Ближнего Космоса. Мне всегда грела душу эта светлая идея, благодаря которой молодые, сильные, хорошо натренированные и имеющие высокую медицинскую и космобиологическую квалификацию мужчины во имя милосердия оказывали помощь всему живому, будь то люди, животные или инопланетяне. К тому же, по счастью, приняв устав

ордена, они вовсе не настаивали на целибате. Жаль только, что женщин посвящали в рыцари далеко не во всех миссиях.

Проехав через дворик, мы остановились возле центрального входа в лазарет. Подъезд приёмного покоя находился в стороне, отгороженный аккуратно подстриженной самшитовой изгородью.

Войдя внутрь, мы подошли к конторке, за которой сидела молодая женщина в белом костюме и косынке с золотым крестиком надо лбом. На груди ее рядом с карточкой-бейджем красовалась небольшая бляха с гербом ордена. Здесь женщин принимали в члены ордена.

Не успели мы спросить о Джексоне, как из бокового коридора появилась заплаканная Лия с высоким крепким мужчиной, у которого из-под ворота халата виднелась широкая цепь из золота. Не знаю, какие у них знаки отличия, но этот был явно высокопоставленным чином в миссии. И вид у него был усталый и замотанный, но очень заботливый и профессиональный.

Увидев меня, Лия опять расплакалась и уткнулась лицом мне в грудь. Доктор с рыцарской цепью протянул мне сильную руку и пожал её, как равной.

— Меня зовут Раймонд, я возглавляю миссию и являюсь главврачом лазарета, — объяснил он.

Я представилась и представила Эльвера. Раймонд внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Они говорят, что он давно был болен, — всхлипнула, немного успокоившись, Лия. — Но я ничего не замечала.

— Мы можем его увидеть? — спросила я.

— Можете, но говорить — нет. Он в коме на полном искусственном жизнеобеспечении. Ещё ночью у него отказали лёгкие, а потом и всё остальное, — Раймонд задумчиво взглянул на Лию. — Не знаю, как можно было не замечать такого.

Он развернулся и повёл нас по коридорам с белыми арочными сводами. Мы остановились возле небольшой палаты, отгороженной от коридора прозрачной стеной. Джексон лежал на высокой кровати, весь опутанный проводами и трубками, покрытый пластиковым куполом кислородной палатки.

— Так что с ним? — спросила я.

— Вы вряд ли знаете что-нибудь об этом заболевании, — произнёс Раймонд. — Современные земляне понятия не имеют что это такое. А несколько веков назад это было опаснейшее заболевание, уносившее тысячи жизней. Это туберкулез или чахотка. Вашего друга привезли к нам из городского клинического центра Святой Терезы, потому что знают, что у нас богатая библиотека, в которой есть старинные книги по медицине. К счастью для него, я сталкивался с этим заболеванием, когда работал в миссии на Армоне. У шахтеров из-за плохих условий труда и большой влажности иногда случалась чахотка. Я знаю, как её лечат. Но здесь... Последняя стадия. Лёгкие практически разрушены. И вы ничего не замечали? — он снова взглянул на Лию.

Она замотала головой.

— Я тоже общалась с ним в последнее время и не замечала никаких симптомов, — заметила я.

— А вы их знаете?

— В основном, по книгам, — призналась я.

— Этого достаточно. Он вообще не должен был передвигаться.

— Он даже не кашлянул ни разу.

— Чертовщина, — вздохнул Раймонд. — Ладно, молитесь и Господь нас не оставит. Его мозг жив. Состояние тяжело, но стабильно. Я созову консилиум, обсудим возможность трансплантации искусственного легкого. Смущает изношенность организма.

— Ему только семьдесят восемь, — пискнула Лия.

— Я думал, лет девяносто. Но, не будем терять надежды. Извините, мне пора готовиться к операции. Наш диспетчер в любое время суток сообщит вам о состоянии вашего отца. Номер телефона у вас есть. Да не оставит вас Господь своим попечением.

Попрощавшись таким необычным способом, он удалился по своим делам, а мы пошли к выходу.

— Он сам вызвал врачей, — бормотала Лия, на ходу утирая слёзы. — И открыл дверь, потому что чувствовал, что когда они приедут, он уже не сможет это сделать. Его увезли сначала к Святой Терезе, потом сюда.

— Тут хорошие специалисты, — рассеянно произнесла я. — Они все учатся на Земле, а потом стажироваться в колониях под руководством опытных хирургов и эпидемиологов. Он не оставил никакой записки?

— Папа? Нет. Он читал, когда ему стало плохо.

«Чертовщина», — вспомнила я слова Раймонда. Верящий в Бога не может не верить и Дьяволу. Раймонд выражался не иносказательно. Он сказал именно то, что имел в виду. Госпитальеры не только лечили, они занимались различными исследованиями, в том числе и историческими, а, может быть, и богословскими, демонологическими и прочими, уж не знаю, как они там назывались. Расцвет Ордена пришёлся на время Крестовых походов, как потом выяснилось, на один из пиков обострения борьбы Добра и Зла на Земле. И они не стояли в стороне. Они многое об этом знали. И современные их последователи наверняка работали сейчас над восстановлением утраченных знаний своих предшественников.

Размышляя таким образом, я шла вслед за Лией и утешающим её Эльвером, когда в поле моего зрения появился человек в чёрном, стоявший, прислонившись к стене и сунув руки в карманы брюк. Проходя мимо, я скользнула взглядом по его лицу, может, потому, что черное на белом было слишком уж заметно. И встала как вкопанная.

Резко обернувшись, я не увидела ничего, кроме белой стены.

— Лора? — тревожно спросила Лия.

— Вы видели здесь человека в чёрном? — я взглянула на неё и Эльвера.

Они переглянулись и отрицательно покачали головами. Лия в её состоянии могла не заметить, но Эльвер с его хладнокровием и профессиональной настороженностью небесного командос замечал всё, что видел. И если он не заметил, значит, не видел.

А я видела. Видела и сейчас, хоть и взглянула на него мельком. Он так и стоял перед моим мысленным взором, в чёрных пиджаке, шелковой рубашке и брюках, с короткой стрижкой и лицом средневекового алхимика по имени Джулиан МакЛарен. Он был таким, каким явился ко мне во сне в первый раз. Только глаза были вовсе не такими ярко-зелёными, а взгляд был холодным, оценивающим и слегка насмешливым. И насмешка была злой.

— Вам что-то показалось? — спросила Лия.

— Вряд ли... — пробормотала я. — Нам нужно поехать в дом Ларса, — я впервые назвала его так. — Если у него было время позвонить в скорую и открыть дверь, значит, скорее всего, он нашёл его и для того, чтоб оставить нам подсказку.

— Подсказку о чём? — дрожащим голосом спросила она.

— О том, кто посетил его этой ночью.

Эльвер внимательно смотрел на меня. Его взгляд был жёстким и понимающим, а голубые пальцы уже поигрывали ключами от машины.

21

В доме Джексона ничего не изменилось. Даже пентаграмма всё так же белела на полу в гостиной. Мы обыскали всё, но не нашли никакой записки.

— Может, у него никого не было, — растерянно проговорила Лия.

— Эта болезнь развивается в течение нескольких месяцев, если не лет, — возразила я. — Она не может развалить организм за несколько часов.

— Папа немолод.

— Но далеко не развалина. Нет, здесь что-то не так, — я осматривалась по сторонам, ища хоть какую-то подсказку. — Его посетили. Задали вопрос, но он не ответил. Болезнь — это наказание. Смущает и то, что на него наслали болезнь, которая уже практически не встречается, потому что методы излечения были найдены сотни лет назад. Её забыли и почти утратили навыки её лечения. А кто-то привёз её сюда.

— Кто-то, кто повелевает недугами и властвует над болью? — спросил Эльвер и показал нам книгу, которая лежала на столе в кабинете Джексона.

Лия перетряхнула её в поисках записки, но не додумалась прочитать то, что было написано на заложённой сухой веткой странице.

— «Демон Кратегус, имеет вид серого человекоподобного существа с волчьими ногами и крыльями летучей мыши, — прочитал масунт. — Повелевает недугами и властвует над болью. Имеет в Аду титул графа. В его обязанность входит борьба с посланцами Небес и охотниками за демонами. Любимое развлечение — совращать знахарок, давая им возможность с помощью чар насыпать на соседей и прохожих тяжёлые недуги. Впервые описано его явление в 1523 году, года он был вызван ведьмой, приговорённой к сожжению за колдовство. Существует легенда, согласно которой ведьма была возлюбленной алхимика, который продал душу Дьяволу с тем, чтоб спасти свою возлюбленную от заслуженной кары».

Я молча смотрела на него и не могла пошевелиться. То, что я была поражена... нет, ошеломлена, — это точно. Более того, внутри у меня возникла жуткая пустота. Ни единой мысли и только образы мелькали один за другим. Джулиан МакЛарен с корзинкой, полной трав, его лицо в свете свечи и воспоминание о его разговоре с искушавшим его дьяволом, женщина с бледным лицом, смертельная бледность на его лице в темнице и прощальный поцелуй. И демон с волчьими лапами, крыльями летучей мыши и глазами Джулиана МакЛарена. И незнакомец в чёрном с его лицом в моём сне и сегодня в лазарете Ордена Госпитальеров.

— Боярышник.

— Что? — я вздрогнула.

Лия вертела в руке высохшую веточку, которой была заложена книга.

— Кратегус Сангвиния. Боярышник кроваво-красный. Лечебное растение.

— Лечебное, — повторила я, взяв в руки веточку, высохшую и почерневшую. — Было.

— Это он? — Лия взглянула мне в глаза.

— Похоже.

Мне было трудно выдержать её взгляд. Явзяла у Эльвера книгу и взглянула на чёрно-белую иллюстрацию рядом с текстом, изобилующим латинскими цитатами. Старинная гравюра, а на ней тот самый демон с торсом и руками культуриста, острыми ушами и лысым круглым черепом, что приснился мне этой ночью. Те же лапы и крылья.

— Всё сходится, — проговорил Эльвер. — Этот демон — истребитель охотников за демонами. Его послали, чтоб он уничтожил вас. Он шёл по следу и вышел на Джексона. Вряд ли Ларс ему что-то сказал. Он по-прежнему ничего о вас не знает.

— Ошибаетесь, — я положила книгу на столик и села в кресло возле камина, похожее на то, что стояло в моём новом доме. — Болезнь Ларса — это не наказание. Это ловушка. Для меня. Кратегус — граф Преисподней, демон высшего уровня. Это значит, что он не просто силён, он дьявольски умён. Он сражается не только с истребителями демонов, то есть смертными, он борется с посланцами Небес. У него есть оружие против ангелов.

— Разве можно убить ангела? — удивилась Лия.

— Его можно изгнать из мира обратно на Небеса. Это нелегко, но возможно. Таковы правила игры здесь, в этом мире. Можно убить оболочку и живущая в ней душа вернётся в свой дом.

— Откуда вы всё это знаете?

— Понятия не имею, — я мрачно посмотрела на раскрытую книгу. — Он наслал на вашего отца эту болезнь, потому что знал, что я приду навестить его. Он ждал меня в лазарете.

— Человек в чёрном, — догадался Эльвер.

— Да, он уже несколько раз снился мне. Но это были сны, а не явления его во сне. Он увидел меня только сегодня. Он понял, что я — тот, кого он ищет, но не узнал меня.

— Тот? Вы сказали «тот»? — нахмурилась Лия.

— Или «то», — я устало пожала плечами. — Он ищет не меня, а то, что во мне, и то, что он может спровадить в Райские Кущи.

— Но вы победите его?

Я усмехнулась, но совсем не весело.

— Постараюсь. Правда, за ним придет кто-то ещё более сильный и страшный, — я перелистала книгу. — Может, великий граф Халпас, испепеляющий города, маркиз Амон, изрыгающий пламя, или великий герцог Агварес, устраивающий пляски мёртвых... Их тут много.

Я захлопнула книгу. Лия смотрела на меня испуганными глазами. Эльвер задумчиво рассматривал потемневший от времени переплёт.

— Я думаю, что вам лучше держаться подальше от меня, — произнесла я. — Пусть это будет только нашей с Кратегусом схваткой. Надеюсь, он не станет отвлекаться на других, и случайных жертв больше не будет.

— Ларс — не случайная жертва, — возразил Эльвер. — Он встал на пути демона осознанно. Это одна из функций «Звёздного щита» — вставать на пути зла. И я, как тот, кто до выздоровления Ларса займёт его место во главе Новолуизианского отделения, заверяю вас, что мы выполним наши функции в соответствии с нашим чувством долга и с применением всего имеющегося в нашем распоряжении арсенала знаний, опыта и оружия.

— Мы знаем, на что идём, — моментально собравшись, пояснила Лия. — Мы — гарнизон Света на этой планете. И вы можете на нас рассчитывать, как и на наших единомышленников из других обществ и конфессий.

— Я буду иметь это в виду, — поднявшись, пообещала я. — И при необходимости воспользуюсь вашей помощью, но без приглашения прошу в «Вязах» не появляться. Я не хочу разрешать проблемы, связанные с захватом моих соратников в заложники.

22

Спорить они не стали: Лия, потому что отец научил её подчиняться дисциплине, а Эльвер — потому что понимал мои чувства.

Я вернулась домой одна, прихватив с собой книгу по демонологии. Дома, устроившись в библиотеке, я прочитала раздел, посвящённый демонам-охотникам, и главу, в которой излагались известные науке сведения о Кратегусе. Утешительного было мало. Если мои сны имели отношение к подлинной истории этого демона, то выяснялось, что спасение маленькой рыжей крестьянки было последним проявлением его человеческой сущности. Глава изобиловала рассказами о том, как к знахарке являлся бледный темноволосый мужчина и склонял её к поклонению Дьяволу, давая взамен возможность насылать недужные чары. Потом спокойно позволял осудить её, сжечь на костре и забирал её душу. И очень гневался, если его жертва, раскаявшись, отрекалась от своих заблуждений и перед смертью успевала вернуться в лоно церкви.

О его борьбе с ангелами было известно немного. С истребителями демонов он разбирался просто: насылал на них боль, которая заставляла их страдать какое-то время, а когда ему надоедало забавляться с несчастными, этой самой болью и убивал их. Видимо, они погибали от болевого шока.

Мне почему-то казалось, что такие методы ко мне вряд ли применимы. Я, благодаря своему здоровью, генетической коррекции и сущности Воина Духа, имела абсолютный иммунитет и очень высокие регенерационные способности. Болевой порог у меня тоже высок, не говоря уж о том, что я имею естественную защиту от магии. Но я всё же уязвима, и мой противник вполне мог быть в курсе этого.

А в книге не было ни слова о том, как он сражался с ангелами, и чем заканчивались эти поединки, он ли возвращал их души в Рай, или они низвергали его в Царство Тьмы. И, как водится, не было ни слова о том, как с ним можно справиться: ни рецепта зелья, ни заклинания, ни плана старого аббатства, где под алтарем спрятан заговорённый кинжал.

День протекал на редкость спокойно. Никто не влетал в дымоход, не вбегал в дверь, не обрывал телефон, пытаюсь вызвать меня на поединок с колдуном или демоном. Я даже решила для разнообразия приготовить себе обед. И как раз, когда я замешивала тесто для пиццы, возник Фарги.

— Составишь компанию? — спросила я, добавляя в тесто муки.

— Только мне без шампиньонов и анчоусов, — немного покапризничал он.

— С ветчиной и оливками устроит?

— И белый овечий сыр, который в холодильнике на второй полке.

— А ты сгоняешь за вином в погреб.

— Идёт!

Всё было спокойно, и никто нам не мешал. Я накрыла на стол, Фарги откупорил бутылку белого вина, мы сели и какое-то время болтали о ерунде. Я то и дело возвращалась мыслями к событиям вчерашнего и сегодняшнего дня.

— Ладно, теперь информации достаточно, — наконец, произнёс он, считав из моих мозгов всё, что ему было нужно. — Хочешь поговорить?

— А ты как думаешь? — поинтересовалась я. — Ещё утром я была в панике, а сейчас в прострации. Утром мне грозило сражение с Легионом Тьмы, а сейчас с профессиональным охотником на ангелов с огненными мечами. И эти сны?.. Что они всё-таки такое?

— Не знаю, но предположения есть.

— Валяй.

— Возможно, твоя душа сама вызвала эти видения, зная, что они могут тебе пригодиться. Может быть, кто-то свыше позаботился.

— Ты знаешь, кто?

— Не из моего окружения. Видишь ли, после того, как ты... в общем, после того, что случилось с тобой три года назад на Киоте, ты уже существуешь в двух ипостасях: Воина Духа в третьей инкарнации, что связывает тебя с Космосом, и как ангельская сущность, воплотившаяся на Земле.

— Прекрати, — поморщилась я.

— Ты до сих пор не можешь к этому привыкнуть, но это так. За несколько часов твоей смерти ты провела тысячи лет в затомисе Земли, и это наложило на тебя отпечаток. Появился новый духовный опыт, новые обязанности и, может быть, новые покровители. Я опекаю тебя как Воина Духа, но, возможно, кто-то оказывает тебе поддержку и как посланцу Небес.

— Я с первой-то ипостасью не знала что делать, а теперь... Ладно, вернёмся к твоему предположению. Видения были посланы мне в помощь? Это связано с тем, что на меня натравят именно Кратегуса?

— Ваш Бог всевидящ и непогрешим.

— Ладно, — с усилием кивнула я. — Допустим. И чем мне это поможет?

— Не знаю. Это не мои воспоминания.

— Воспоминания? Ты что, имеешь в виду, что это моё прошлое? Это моя инкарнация? Этот тип был моим любовником, и меня чуть не сожгли на костре?

— Не шуми, — попросил он, поморщившись. — И не повторяй эту глупую фразу: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Не ты ли уверяла меня, что никогда не жила в Египте? И что оказалось?

— Слушай, это мой второй муж вздрагивал и шипел, если натыкался на «Молот ведьм», потому что его сожгли за колдовство в прошлой жизни. Но я спокойно держала эту книгу дома и даже читала её, не испытывая никаких неприятных чувств.

— Тебя не сожгли. Ты не подвергалась пыткам и долговому заточению. Казнь была весьма буднична и не состоялась. В твоей памяти, скорее, должны были остаться воспоминания, связанные с мужчиной, которого ты любила, и который пожертвовал ради твоего спасения самым дорогим.

— Но их не осталось. Я не испытываю к нему никаких тёплых чувств. Он мне не нравится. Не в моём вкусе!

— Но во сне ты на него запала.

— Это было только сексуальное влечение!

— А что сперва лежало в основе вашей любви?

— Не говори: «вашей»!

— Ты всегда возмущаешься и споришь, — пожал плечами он. — А потом я оказываюсь прав.

Это было правдой. Я вздохнула и откинулась на спинку стула.

— Ладно. Примем это как рабочую гипотезу. Что дальше? Что из этого следует?

— Понятия не имею. Я же сказал. Пока я не вижу, к чему это можно пришить. Кратегус — это не Джулиан МакЛарен. Ты — не Дженни и от твоей любви к Джулиану МакЛарену не осталось и бледной тени. К тому же, если для него прошло что-то около восьмисот лет, то для тебя и того больше. Время только в этом мире понятие жёсткое, а за гранью, где души избирают воплощение, это такое же условное понятие, как и географическое местонахождение. Ты могла воплотиться в эту малышку ещё до того, как родилась Джосером в Древнем Египте. В общем, за давностью лет и в связи с постигшими вас метаморфозами вы совершенно чужие друг другу души. Вы не помните, не знаете и не понимаете друг друга.

— Но если эти видения имели место, то они что-то значат?

— Великий смысл познаётся не сразу, — глубокомысленно изрёк он.

Я какое-то время смотрела на него, а потом вынесла вердикт:

— Я готовила, а посуду будешь мыть ты.

Он закрыл глаза и вздохнул. Я забрала книгу и снова отправилась в библиотеку.

Я залезла на стремянку и принялась рыться в книгах по демонологии, стоявших на верхней полке у дверей. В кухне из крана лилась вода. Теперь я не смогу ворчать, что от моего ментора нет никакой пользы.

Погрузившись в мир пыльных фолиантов и сумрачных теней, я выяснила много занятных вещей, но утешительных среди них не было. Я узнала, что высокопоставленные демоны не обязательно действуют в одиночку. Они могут привлекать к своей деятельности демонов рангом ниже, демонов так называемой узкой специализации. Эти демоны могут, например, насылать слепоту и глухоту, или подбивать антисоциальных личностей на грабежи и разбой, или убивать по приказу хозяина, или соблазнять монашек, или вызывать равнодушие к чужим страданиям, или пробуждать алчность, или возбуждать агрессию в животных, или расшатывать фундаменты домов. В общем, деятельность этой коды является весьма разнообразной, и любого из этих умельцев Кратегус мог подослать ко мне или моим друзьям. Я уж не говорю о всяких там духах, колдунах и злых ведьмах, которых он запросто переманит на свою сторону.

К тому же, как было указано в одном трактате, дьявольская знать весьма образована, знает риторику, лингвистику, историю и философию. Кратегус наверняка сведущ в алхимии и медицине. Надеюсь, он не успел поднатаскаться в генетике и ядерной физике.

Что же касается его магических способностей, то они были, судя по всему, весьма впечатляющи. Он мог в мгновение ока перемещаться из одного места в другое, мог метать молнии, огненные шары и некие «сгустки голубого огня», по описанию сильно смахивающие на энергетические импульсы. Как любой демон высшего ранга он мог проникать в наш мир без помощи портала и мог по своему желанию открыть портал, чтоб вызвать из другого мира подчинённого ему демона. Он мог проникать сквозь стены, защищённые заклятьями, находиться в церкви, и был «устойчив к наложению креста и окроплению святой водой»... В общем, ни дать, ни взять, терминатор пополам с Дракулой.

Краем глаза я заметила какое-то движение сбоку, а, повернув голову, увидела, что ко мне по полу ползёт диванная подушка. При этом она скалилась разорванным боковым швом, из которого торчали зубы. Я задумчиво смотрела на неё, размышляя, как будет выглядеть со стороны, если я начну кромсать мечом плюшевую подушку. А, может, она вообще не ползёт, а мне это только кажется?

Мои сомнения разрешил Иеремия, который ворвался в библиотеку и, оседлав

оскалившуюся подушку, начал драть её огромными когтями. Похоже, у него действительно были личные счёты с нечистой силой.

У моих ног завязалась драка кота с подушкой, от которой в стороны летели пучки шерсти и клочья ваты. Победителем вышел кот. Изорванная подушка распласталась на полу, не проявляя признаков жизни, а Иеремия, подсев к камину, как ни в чём не бывало принялся приводить в порядок свою взъерошенную шерсть.

— Что случилось? — спросил Фарги, входя в библиотеку.

— Подушка взбесилась и пыталась меня искушать.

Он поднял её бранные останки и швырнул в камин.

— Как-то мелко это выглядит.

Снизу из подвала послышался настойчивый сухой стук, и в воздухе повеяло холодом, сыростью, а потом появился жуткий запах кошачьих отхожих мест. Иеремия с тревогой взглянул на меня, опасаясь, что я обвиню его в нечистоплотности.

Стук в подвальную дверь стал громче.

— Открыть? — спросила я.

— Похоже, на тебя уже ополчился легион мелких бесов, — заметил Фарги, ткнув пальцем в другую подушку, перелезшую через порог. — Это раздражает, тебе не кажется?

— Пожалуй. Немного действует на нервы. Кстати, я только что вычитала про одного демона, который специализировался на том, что сводил с ума женщин.

— Каким образом?

— Не знаю и, признаться, знать не хочу.

— Чрезвычайные обстоятельства требуют чрезвычайных мер. Мы не можем тратить силы на всякую ерунду, а, значит, нужно с ней покончить, — жестом фокусника он выхватил из воздуха блестящую гранёную палочку из чего-то похожего на кварц и подбросил её вверх, быстро заговорив на красивом, но неизвестном мне языке.

— Что ты делаешь? — нахмурилась я.

Он отмахнулся, продолжая нащёптывать что-то непонятное. А палочка летала вокруг и рисовала на всём: на потолке, на полу, на камине, на книжных корешках и даже на коте странные морозно-голубые светящиеся знаки, которые тут же гасли. Казалось, что палочка пишет под его диктовку. «Расписав» библиотеку, она вылетела в дверь. Фарги с сосредоточенным видом продолжал бормотать.

Я села в кресло. Через какое-то время снова потеплело, и этот жуткий запах исчез. Ещё через несколько минут стук в подвале стих. Вторая подушка уже давно водворилась на диване в гостиной.

— Всё, — Фарги вздохнул и сел напротив меня. — Я наложил заклятие Света, очень мощное, и ни один демон, ни один злой дух сквозь него не пройдёт.

— Кратегус тоже?

— Ты только что прочитала, что ему не обязательно проходить сквозь стены. Он материализуется прямо внутри помещения. Его заклятья не удержат, — Фарги погладил кота и тот деловито взобрался к нему на колени и начал устраиваться, укладывая лапы, хвост и голову в чёрное пышное кольцо. — Но от мелкой живности мы ограждены.

— Ты можешь каким-то образом воздействовать на Кратегуса? — для пробы спросила я.

— Был бы жив, может, и мог бы. Но я тогда лишился бы многих своих преимуществ. Я всего лишь призрак колдуна. А Кратегус... По нашим меркам это очень сильный злой дух, обитающий во многих мирах. Он равен среднему богу. Он — одно из воплощений Тьмы.

— Как ты — чистое воплощение Света?

— Примерно. К тому же мы из разных миров. Мы не можем навредить друг другу. Я защищён от него, но совершенно безоружен, как и он против меня, — он усмехнулся. — В какой-то мере наши возможности равны. Мы можем воздействовать на окружающую нас среду, перемещаться в пространстве и влиять на умы людей.

— Он тоже читает мысли? — тревожно заёрзала я.

— Нет, не думаю. По крайней мере, не твои мысли. У тебя хорошая блокировка от телепатии. Ты открыта для меня, но ни для кого другого. Но он может создать иллюзию, похожую на реальность. Я такими вещами никогда не увлекался. Мне претит любой обман.

Я понятливо кивнула. Заботами Фарги остаток дня прошёл спокойно. Может, что-то происходило на улице, может, там маршировали легионы Тьмы, может, плевались огнём грифоны и скакали на драконах бледные всадники — я ничего этого не видела. Я задёрнула шторы и уселась с книгой у камина.

Лишь поздно вечером, почти ночью кто-то забарабанил в дверь. Я нахмурилась. Зачем стучать, если есть звонок? Я пошла к двери и спросила, кто ко мне ломится.

— Это я, маг Овейн Ап Лин! Пустите меня. Мне необходимо провести ритуал!

— Какой ещё ритуал?

— Кратегус! Демон Боли грядёт! Он ищет портал, чтоб войти! Я знаю его! Я заключил с ним пакт, но не исполнил его условий. Я бежал сюда, но он нашёл меня здесь. Он грядёт, и только я могу остановить его!

Фарги материализовался у двери, подпирая косяк плечом и молча начал загибать пальцы.

— Первое: Кратегус уже здесь. Второе: чтоб войти, ему не нужен портал. Третье: его не остановит никакой ритуал. Четвёртое: он ещё не знает, что тебе известно о его приходе, но, скорее всего, ему уже доложили, что твой дом защищён от вторжения бесовской мелкоты. Пятое: не впустишь — не войдёт.

— Пустите меня! — кричал кто-то за дверью. — Мне нужно место, чтоб провести ритуал!

— Почему здесь? — спросила я.

— Я бежал через поля и увидел ваш дом. Это знак судьбы. Впустите, или он настигнет и убьёт меня.

— Боюсь, что я ничем не могу вам помочь.

Я отошла от двери. Вопли за ней стали ещё более отчаянными и жалобными.

— Он говорит правду? — спросила я у Фарги.

— Не знаю. Заклятья не дают мне возможности читать мысли через стену.

— А если это правда?

— Знак судьбы? Ты в это веришь?

— Не думаю, но если он погибнет...

— Значит, это его карма. Не всегда нужно вмешиваться в ход вещей. Пытаясь остановить топор возмездия, ты рискуешь оказаться под его ударом. Пусть души проходят свой путь так, как им предназначено. К тому же, может, там какой-нибудь подчинённый демон, колдун или вурдалак. Зачем ставить себя в опасную ситуацию?

— Чтоб спасти человека, — пожалала плечами я.

— Спасать нужно не людей, а души, — улыбнулся Фарги. — Пора понять, что это совсем не одно и то же.

Утро было бледным и туманным. Раздёрнув шторы, я не увидела поваленных деревьев, голых пепелищ и следов дьявольских парадов. Всё было тихо и спокойно. Я умылась, позавтракала в одиночестве и, одевшись, вышла на улицу. Днём мне почему-то было не страшно выходить, хотя на всякий случай я всё равно прихватила с собой меч.

Пройдясь по аллее до ворот и вернувшись обратно, я озябла и вошла в дом. Иеремия с сонным видом танцевал возле холодильника, ожидая утренней порции лучших в мире тортинок от МакЛарена. Вот тебе и совпадение. Накормив его, я вышла в гостиную и увидела в кресле Фарги. Он читал какую-то книгу по магии.

— Как спалось? — спросил он, взглянув на меня.

— Хорошо, — с некоторым удивлением вынуждена была признать я. — Мне не снились демоны, алхимики и костры. Снилось что-то глупое и безобидное, о чём я забыла сразу после пробуждения.

— И жизнь больше не кажется тебе кошмаром?

— Пока нет. Можно нескромный вопрос?

Он с любопытством взглянул на меня. Он всегда обожал отвечать на нескромные вопросы.

— Где ты всё время пропадаешь?

— Когда как... — он пожал плечами. — Сегодня, например, был в Храме Звёздного щита.

— Где? — опешила я.

— В Храме Звёздного щита. Это же религиозное сообщество, которое, правда, терпимс относится к тому, что некоторые из его членов исповедуют другие религии. Серебряным кошкам ведь тоже нужно где-то молиться и петь гимны.

— И голубым... — пробормотала я.

— Справедливо, — согласился он.

— Они поклоняются Крыльям? — изумленно спросила я.

— Какая фамильярность! — нахмурился он. — Если ты с ним на короткой ноге, это ещё не значит, что он не Бог. Крылья Звёздного Дыхания имеет здесь свой храм и милостиво принимает поклонение. Но я по-прежнему его любимый жрец и ученик, а посему он не прочь поболтать и пошляться где-нибудь в иных мирах в компании со мной.

— И куда ж вы летали сегодня?

— Мы не будем отвлекаться от более насущных тем.

— Что ты имеешь в виду?

— Полицейского у твоей двери.

В тот же миг в дверь позвонили.

— Ты же сказал, что не можешь читать мысли сквозь дверь!

— Я вижу в окно полицейскую машину. Иди, открывай.

Я вздохнула и пошла к дверям. На пороге я увидела детектива Шапера. Он был в форме и выглядел усталым.

— Входите, — радушно улыбнулась я, ответив на его приветствие. — Может, чашку чая?

— Не откажусь от кофе, — слабо улыбнулся он, — от растворимого, если у вас горячий чайник. К сожалению, тороплюсь. Я здесь по делу.

— Что случилось?

Я быстро вошла на кухню и достала с полки не раскупоренную банку растворимого кофе. Пока я готовила ему напиток, он сообщил:

— Нам позвонил кладбищенский сторож. Утром он нашёл дверь одного из склепов приоткрытой. А внутри, между могилами лежал какой-то бродяга. Он был мёртв. Наш врач выяснил, что парень умер от разрыва сердца, наступившего вследствие болевого шока. Но никаких повреждений на его теле обнаружено не было.

— На самоубийство не похоже, — повторила я старую полицейскую шутку.

Шапер грустно кивнул.

— Хуже всего, что это не единственная такая смерть в городе за последние сутки. Погибла одна знахарка, прилетевшая на Новую Луизиану пару месяцев назад, старик-прорицатель, весь день вопивший на улицах о пришествии какого-то демона, и колдун Вуду.

— Понятно, — пробормотала я, подумав, что для начала Кратегус занялся своими должниками и тем, кто пытался довести до сведения общественности весть о его появлении в городе.

— Вы ничего не слышали ночью? — без особой надежды спросил Шапер, потягивая горячий кофе. — Конечно, эти смерти могут быть и не связаны между собой, но... Дело осложняется тем, что он влез в склеп очень уважаемого в городе семейства Ап Линов.

Я какое-то время боролась с собой, потом проговорила:

— Послушайте, детектив, я действительно кое-что знаю об этих смертях, но, поверьте, они не в вашей компетенции.

— Эти люди были убиты? — подскочил он.

— Да. И именно тем, о ком предупреждал несчастный старик. Оставьте это дело специалистам. И по возможности передайте все материалы Лие Джексон. И, если будет еще что-то похожее...

— Как всегда, — закивал он, ставя на стол пустую чашку. — Мне не нравится, что в моём городе кто-то убивает людей, и я ничего не могу с этим поделать. Поэтому я и помогаю Джексонам.

Попрощавшись, он ушёл. Я взглянула на Фарги, следившего за нашим разговором из гостиной.

— Он действительно нуждался в помощи?

— Ап Лин? Я не исключал такой возможности. А, может, он был наказан за то, что не выполнил приказ хозяина попасть в дом и причинить тебе вред. Смертные для демонов — лишь подручный материал. Что-то вроде домашнего скота. При наличии тучных стад можно одного-другого и под нож пустить.

— А колдун Вуду?

— Подумай вот над чем. Ему нужны слуги из числа смертных. Если он явился во время шабаша и поразил лидера колдовской группы, то почти наверняка заполучил его адептов с потрохами. Они — его передовой отряд. А колдуны Вуду — это не стадо овец.

Его предположение было не лишено смысла, поэтому я сразу же направилась к телефону и позвонила Лие. Узнав, что Джексону за это время не стало лучше, я рассказала ей об Ап Лине и о том, что узнала от Шапера.

— Очень может быть, — согласилась со мной Лия. — Если он заполучил одну из этих шаек, у нас могут быть неприятности. Я позвоню своему дяде, маминому брату, — он в курсе всех этих дел, — и разузнаю, что смогу. Потом перезвоню вам.

— Отлично, — кивнула я и, услышав в трубке молчание, похожее на замешательство, спросила: — Что-нибудь случилось?

— Пока не знаю, — неуверенно проговорила она. — Скажите, Салли не у вас?

— Салли? Ведь она уехала с вами. Больше я её не видела.

— Вчера она куда-то ушла, пока я была в больнице у папы, и не вернулась до сих пор. Дома её тоже нет. Может, она где-нибудь прячется?

— Почему вы её отпустили? — рассердилась я.

— Но ведь Кратегус уже знает о вас! Мы решили, что Салли больше не представляет для него интереса.

— Кратегус не знает о том, что мы это знаем! — воскликнула я. — Ему неизвестно о том, что мы уже в курсе его появления и уже выяснили, кто он такой!

— Я не подумала об этом, — покаянно призналась она.

— Ладно, теперь уж ничего не исправишь. Продолжайте искать её, и, как найдёте, сообщите.

Я повесила трубку. Было тихо. Фарги опять уткнулся в свою книгу. Я тоже решила воспользоваться этим затишьем, чтоб пополнить свой информационный запас.

Что-то около полудня в дверь снова позвонили. На сей раз это был Эльвер. За ним, понутив голову, вошла Лия. Мне показалось, они поссорились.

— Мы нашли Салли, — сообщил он. — Знаете, где? В городском морге. Вчера вечером её обнаружили на свалке. По заключению медэксперта она умерла недели две назад.

Я какое-то время непонимающе смотрела на него.

— Ошибки быть не может?

— Меня заверили, что у нас в городе очень хорошие патологоанатомы, — он гневно взглянул на Лию.

— Он считает, что мы имели дело с двойником! — раздражённо выпалила она. — Что мы с папой привели в группу магического двойника Салли, которая к тому времени была уже мертва!

— А от чего она умерла?

— От скоротечной пневмонии.

— Что-что? — переспросила я. — Вы что, серьёзно?

— А что? — воскликнул Эльвер. — Она умерла, её подменили, и всё это время мы носились с двойником!

— Это была настоящая Салли! У неё же был дар! У двойника не может быть дара! — закричала Лия.

— Значит, это был хороший двойник! — рявкнул Эльвер. — И если они умеют делать таких двойников, то, значит, мы никому не можем доверять!

Они враждебно уставились друг на друга.

— Уймись, — посоветовала я. — И попробуйте подумать о том, что произошло. Ведьма заболевает пневмонией и умирает, не сумев излечиться и не обратившись к врачам. Её зачем-то подменяют. Интересно, зачем? Ведь тогда ещё не было известно о моём появлении здесь и даже о появлении той демоницы, что мы прикончили в Рингроузе. А теперь на свалке неожиданно находят труп, который незамеченным пролежал там две недели и двойник тут же исчезает. А вы готовы глотки друг другу перервать. Из-за ерунды.

— Это не ерунда, — возразил Эльвер.

— Это ерунда, потому что на самом деле всё было иначе.

— Как именно?

— Вчера некто похитил Салли от дома Лии. Демон, повелевающий недугами, убил её скоротечной пневмонией, как до этого едва не убил Джексона. И бросил на свалке, предоставив вам разбираться с этим феноменом, который вполне может привести вашу группу к расколу.

— А что делать с заключением экспертизы?

— Ничего. Пусть лежит в папке.

— Там написано, что она умерла две недели назад, — напомнил Эльвер.

— Время смерти здесь по-прежнему определяют по степени разложения? — уточнила я и, получив положительный ответ, сходила в библиотеку за книгой. Открыв её на обратном пути, я прочла вслух: — «Иные же демоны занимались только тем, что подвергали растлению тела умерших. Во главе их стоял демон по имени Сабнак», — я захлопнула книгу. — Вам пора понять, что с появлением здесь Кратегуса, мы перешли черту, за которой могут быть вещи не объяснимые естественным путем. Враг сделает всё, чтоб вбить между нами клин и лишить нас сил и доверия друг к другу. А возможности его нам даже трудно вообразить.

Эльвер покосился на Лию и молча протянул ей руку. Она хлопнула ладонью по его ладони.

— Мир.

— Ладно, Салли жаль, но её не воскресишь, — я положила книгу на стол. — Что насчёт колдуна Вуду?

— Папа Джомбо Пали умер сегодня у себя в подвале, где занимался какими-то вызываниями, — ответила Лия. — С ним был его помощник, но он, похоже, сошёл с ума. Всё твердит о зеленоглазом демоне.

— Кратегус, — вздохнула я.

— В книгах ничего нет про зелёные глаза, — воскликнула Лия.

— В книгах не вся правда, — подражая глубокомысленному тону Фарги высказалась я. — Что ещё?

— Во главе его общины видимо встанет его дочь Эфиопия Пали. Признаться, большая стерва. Твердит на всех углах, что живёт с инкубом и пьёт кровь для сохранения молодости. В её двадцать шесть можно было бы и кремами ограничиться.

— Вы знакомы с ней?

Лия пожала плечами.

— Мы все здесь знакомы. Моя мама была жрицей. Дядя был жрецом, пока не нашёл на своём участке нефть. Теперь живёт в своё удовольствие и развлекается, поддерживая дружеские отношения со всеми общинами. Они враждуют между собой, жалуются ему друг на друга, и он помогает им строить всякие козни. Чувствует себя в гуще событий.

— Занятный тип ваш дядя.

— Да, уж. Хотите, чтоб я попыталась выяснить у него насчёт Эфиопии?

— Может, она начнет трезвонить о шикарном темноволосом демоне с зелёными глазами, который свалился в её постель?

— Это шутка?

— Предположение. Кажется, демоны используют те грехи человека, которые у него более всего развиты.

— Понятно, — Лия усмехнулась.

Вскоре они удалились. Фарги задумчиво смотрел на закрывшуюся дверь.

— Что-то начинает закручиваться. Вот только что? И почему Кратегус ещё не появился здесь?

— Мы у него спросим, когда он появится, — пробормотала я. — А пока будем наслаждаться тишиной и покоем.

— Да, это удачная мысль, — он озадачено посмотрел на меня. — Ты действительно считаешь его шикарным?

— Мне нравится его стиль в одежде, — пояснила я и как ни в чём не бывало взглянула на него. — А что?

24

Вечер нагрел неожиданно, а вместе с ним мрачные мысли, которые всегда являются, если больше нечем заняться. А мне заняться было совершенно нечем. И вот я бродила по дому и размышляла о том, что всё-таки произошло с Салли. Версия, которую я подкинула Эльверу и Лие, была чистой воды экспромтом, призванным сохранить мир и доверие в наших рядах. Может, она соответствовала истине, а, может, и нет. Я не знала, и мне было тревожно.

Мне не нравилось и то, что явившийся для схватки со мной демон до сих пор себя не проявил, если не считать мелких пакостей и убийств, гипотетически отнесённых на его счёт. Хотя на его месте я тоже не стала бы вступать в контакт, не выяснив, с кем имею дело. А он не знал этого. У него не могло быть обо мне никакой информации, даже если он заставил говорить Джексона или Салли. Они тоже ничего толком обо мне не знали.

Короче, этот демон был осторожен и умён, что никак не прибавляло мне оптимизма. А тут ещё вся эта магия... Я урывками читала то одну старую книгу, то другую, и запутывалась всё больше. Огромный объём совершенно чуждой и непонятной мне информации просто не мог быть усвоен моим рациональным технократическим мышлением за столь короткий срок. И я, будучи человеком плоть от плоти землян, прожившим на своей планете полвека в общей сложности, была вынуждена признать, что я ничего не знаю о её древних знаниях.

Ну, почему я не столкнулась в космосе с флотилией вооружённых от мачты до киля звёздных крейсеров, имеющих враждебные намерения! Наверно, в этом случае я была бы куда в меньшей растерянности и быстро сообразила бы, что мне делать.

Звонок в дверь вывел меня из задумчивости. Уже по пути к двери я обнаружила, что Фарги исчез, оставив в кресле книгу Элифаса Леви. Сомневаюсь, что его интересовал ритуал магии, скорее, привлék изящный стиль изложения.

— Кто там? — спросила я, подойдя к двери.

— Эфиопия Пали, Великая Жрица Вечной Матери, — послышался из-за двери низкий женский голос. — Я приехала пригласить вас на турнир, который будет происходить сегодня в Новом Орлеане. Мисс Джексон уже приняла приглашение....

— Чёрт, — пробормотала я и протянула руку назад: — Налорант.

Меч тут же сорвался с тумбочки у вешалки и примчался ко мне вместе с сумкой, в которой лежал. Достав эфес, я накинула куртку, сунула руку с эфесом в карман и открыла дверь.

На пороге стояла очень высокая и эффектная мулатка с длинными волнистыми волосами. На ней был блестящий чёрный плащ и сапоги на тонких каблуках. Увидев меня, она тут же впиалась в мое лицо любопытным и недобрым взглядом. Но, видимо, я её

разочаровала. На мне не было золотой кольчуги, позади не топорщились крылья, ангельских кудрей не было и в помине.

— Вам лучше поехать со мной, — заявила она, почти утратив ко мне интерес. — Иначе я пришлю вам голову этой любопытной гусыни по почте.

Вероятно, Лия пошла дальше моих указаний и сунулась прямо к этой мегере, а мегера уже наверняка успела пообщаться с Кратегусом.

— Не будем загружать почту, — проговорила я и вышла, тщательно прикрыв за собой дверь. Надеюсь, заклятия Фарги обеспечат защиту дома от незваных гостей.

Эфиопия Пали приехала на длинном чёрном Кадиллаке. Это был целый крейсер с затемнёнными окнами и двойным рядом фар. Внутри он был также просторен, как небольшой космический корабль, обит кожей телесного цвета и украшен чёрными диванами, покрытыми накидками из чего-то напоминающего шкуру чёрного козла. И конечно разные причиндалы типа мини-бара в виде человеческого черепа, задвижки с рогами и чучела большой летучей мыши посреди салона.

Я села на шкуру и задумчиво взглянула на уютившуюся напротив ведьму. Она со скучающим видом достала пилку в виде козлиного рога и принялась подтачивать свои итак невообразимо острые и длинные ногти.

— Что это за турнир? — поинтересовалась я, устроившись поудобнее. — Я не слишком люблю всякие там драки и прочее.

— Вы не любите кровь? — спросила она, хищно улыбнувшись. — Много крови и отрубленных конечностей.

— Нет, этого я совсем не люблю.

Она усмехнулась.

— Мы устраиваем это турнир экспромтом в честь нашего нового повелителя.

— Повелителя? — я изобразила удивление. — Мне казалось, в городе самоуправление.

— Перестаньте паясничать, — фыркнула она. — Я говорю не о городе, и вам это известно. Впрочем, город скоро тоже ляжет к его ногам. Он — великий граф Ада и прибыл сюда, чтоб стать повелителем этого мира. Я слышала, что вы стоите у него на пути.

— Я? У великого графа Ада? Это ошибка! Я совершенно лояльна к Аду. Тем более, если он собирается здесь воцариться. Я не хочу портить отношения с властями.

Она подозрительно смотрела на меня, а я очень искренне — на неё.

— Я не знаю, та ли ты, за кого себя выдаёшь, но сегодня ночью тебя ждёт смерть, — хрипло пообещала она. — Он так решил и так будет.

Я не стала спорить. Зачем? Слова ничего не решают. Нужно поработать головой и, может быть, руками. Я посмотрела на жрицу и поймала себя на мысли, что если б Лия не была в опасности, я бы с удовольствием её придушила. Не совсем, чуть-чуть... Боже, какие кровожадные мысли. Я усмехнулась. Она заметила это.

— Теперь я вижу, что не ошиблась адресом, — удовлетворённо произнесла она. — Это интересно... Ты действительно можешь убить демона?

Я пожалала плечами. Может, и могу. Может, и придётся.

— Если ты поможешь мне, я помогу тебе, — с улыбкой Горгоны предложила она. — Ты поможешь мне убить Кратегуса.

— Кого?

— Демона, посланного убить тебя. А я помогу тебе остаться в живых.

— Каким образом?

— Мы будем действовать сообща. Чтоб помочь тебе, я должна знать, как это сделать.

Что может убить демона? У тебя есть какое-то оружие против него? Или зелье?

— У меня ничего нет, — вздохнула я. — Я слышала, что демоны бессмертны. И, вообще, его так уж необходимо убивать? Может, с ним можно договориться?

— Ты шутишь? Договариваться с исчадьем ада?

— Ну... Это только Объединение Галактики с террористами переговоров не ведёт, у них есть аргументы повесомее. А при нашей бедности...

— И что ты можешь предложить демону? — мрачно поинтересовалась она.

— Всё зависит от того, что может предложить он, — деловито сообщила я.

— Я думаю, что даже твоя душа его не заинтересует, — ледяным тоном выдала она.

— Боюсь, что нет, — озабочено кивнула я. — Тогда придётся положиться на его здравый смысл. Зачем меня убивать, если ему моя душа не нужна?

— Для развлечения.

Она посмотрела в окно.

— Мы скоро приедем. У тебя всё меньше шансов договориться со мной. Если хочешь валять дурака, продолжай. Но помни, с ним тебе договориться не удастся.

— Да кто он такой? — воскликнула я.

Она коварно усмехнулась.

— Скоро узнаешь.

Она отвернулась, глядя на мелькающие за окном огни города. Я не порывалась продолжить беседу. Всё равно дурацкий разговор получился. Она пыталась что-то выудить из меня, я — из неё. Мы обе действовали непрофессионально и ничего не узнали.

Машина остановилась в каком-то грязном переулке, чем-то похожем на тот, что располагался позади «Приюта Ангелов». Там тоже стояли мусорные баки и темнел невзрачный подъезд.

Выйдя из машины, Эфиопия направилась прямо к подъезду, даже не потрудившись убедиться, что я следую за ней. А куда я денусь, если у них Лия?

Мы вошли внутрь и по короткому коридору прошли в зал, где вокруг небольшой арены размещались ряды для зрителей. Они были заполнены. Подогретая алкоголем публика кричала, вопила, свистела и топала ногами. На арене выплясывал какой-то шут с микрофоном.

— Многоуважаемые леди и джентльмены! — заорал он, увидев меня. — Наконец, мы видим нашу звезду! Главную участницу турнира, мисс Ангел, которая будет сражаться со всеми противниками до смерти!

Зрители на трибунах заорали ещё громче. Я хмуро осмотрелась по сторонам. Довольная произведённым эффектом Эфиопия ткнула своим бесконечным когтем куда-то в сторону, и я увидела над противоположной трибуной небольшую клетку, в которой стояла Лия, вцепившись руками в толстые прутья.

— О'кей, — вздохнула я и направилась к арене.

Вокруг стоял невообразимый шум. Где-то слышались звуки потасовки и звон разбитого стекла. Поднявшись на арену, я огляделась и заметила в третьем ряду того самого незнакомца из моего сна и миссии госпитальеров. Он не принимал участия в общем веселье, а пристально и оценивающе смотрел на меня.

— Итак, мисс Ангел и её огненный меч против Чемпиона Преисподней демона Факуса! — провозгласил шут с микрофоном.

И тут же я выхватила меч и обернулась. На меня двигалось нечто похожее на слегка пережаренного минотавра. Оно ревели, растопырив огромные руки, и нацеливало на меня рога.

Сдвинув выключатель, я выпустила клинок и рубанула по диагонали, разрубив чемпиона пополам. Он взвыл и вспыхнул фиолетовым пламенем, а я уже заметила движение за спиной. Что-то напоминающее огромную зубастую лягушку прыгнуло на меня. Ещё удар, и оно завизжало и лопнуло, осыпав арену зеленоватыми искрами. Хрип за спиной заставил меня сделать ещё один выпад назад, и смрадное лохматое существо отправилось обратно в ад.

Всё стихло. Я стояла в позиции, прислушиваясь ко всему, что слышала. Даже оглушительный шум на трибунах не мог отвлечь меня.

— Это слишком просто, — проговорила Эфиопия. Её голос странным образом перекрыл все другие звуки. — Брось меч!

Я в нерешительности замерла.

— Брось или она умрёт! — приказала ведьма, указав на клетку.

Возле неё появился красный уродец с факелом, похожим на огнемёт.

Я вздохнула и, выключив луч, бросила меч. Потом стащила с плеч куртку. Я понимала, что шансов у меня нет. Моё единственное оружие — это Налорант. В остальном же я просто человек.

Следующий демон был похож на многорукую богиню Кали, такой же страшный и свирепый. Он ринулся на меня. Мне показалось, что время остановилось, он медленно плыл в моём направлении, скаля клыки, вращая глазами и размахивая конечностями, а я смотрела на него и чувствовала, как в моей душе нарастает глухая ярость. Она скапливалась у меня внутри кипящей лавой и, когда демон был уже совсем близко, я развернулась и со всего размаха ударила его ногой по жуткой физиономии. Он отлетел и взорвался. Тут же я попала кулаком в солнечное сплетение длинного белого типа в нижнем белье. Я не успела даже подумать, было ли это инстинктивным выпадом или он просто попал мне под руку. Кажется, он был из камня, и я едва не разбила кулак, но он опал сизой пылью, а я, не прерывая движения, нанесла следующий удар в красную волчью пасть существа, напоминающего птицу. Оно отлетело, упало на спину, но не загорелось. И тогда я подпрыгнула, взлетела в воздух и приземлилась как раз на его брюхо. Под моими ногами оно лопнуло как пузырь.

Я обернулась. Зал был пуст. Только человек в чёрном стоял и ошалело смотрел на меня. Я оскалилась и зарычала. И он пропал.

Пропало всё, кроме арены, пустых рядов и клетки, в которой сидела на полу Лия.

Я вздохнула и подняла с пола меч, потом взбежала по лестнице, идущей между рядами, и лучом перерезала прутья клетки. Лия на четвереньках выползла наружу.

— Больше никакой самодеятельности, — категорично заявила я и, развернувшись, направилась вниз. — Пошли ловить такси.

25

Мне пришлось отпаивать Лию чаем, хотя она больше заслужила хорошую порку.

— Как вы там оказались? — раздражённо спросила я, когда она с побитым видом забила в кресло, сжимая в руках кружку. — Я просила вас расспросить об Эфиопии Пали, а не лезть к ней в когти!

— Она пригласила меня на чашечку кофе, и я подумала, что могла бы что-то у неё

ВЫЯСНИТЬ.

— Отлично! — фыркнула я. — Боюсь, что это она выяснила более чем достаточно.

— Я ничего не сказала.

— Я не об этом, а о турнире.

Лия, нахмурившись, взглянула на меня.

— А куда делись зрители?

— Не было никаких зрителей, — вздохнула я. — Была я, были вы, была Эфиопия и демон. Он создал иллюзию, да такую, что даже я на неё клюнула. Он хотел узнать, на что я способна, и узнал.

— А демоны, которые нападали?

— Судя по реакции их хозяина, они были настоящие. Ему не понравилось то, что он увидел.

— Я думала, что вы можете убивать демонов только мечом.

— Я тоже так думала, — пробормотала я и посмотрела на руку. Разбитые костяшки пальцев уже почти зажили, но ещё болели.

— Я думаю, что он хотел убить вас с помощью этих чудовищ, — сообщила Лия.

— Возможно, это и было его целью, а, может, он хотел выяснить, его ли уровня противник. Если я не представляю опасности, то пусть меня убьёт мелкая сошка. А если я чего-то стою, то нужно знать это наперёд. И теперь он это знает.

— Как всё плохо, — простонала Лия, прижимая кулачок ко лбу. — Я всё испортила. Если б не я, то у вас ещё было бы время, а так... Он знает...

— Да, знает. Вопрос только, что он знает? Что я могу убивать демонов с мечом и без меча? Руками, ногами, ещё чем? Думаю, что пока он знает только то, что без принятия мер предосторожности ко мне лучше не приближаться даже со спины. В моих бойцовских качествах он убедился. Теперь он будет действовать осторожнее и хитрее.

Лия задумчиво смотрела на меня.

— Они могут применить магию.

— Может быть.

Она покачала головой.

— А ведь он испугался. Я ясно видела в его глазах страх. Интересно, что он подумал? Он понял, кто вы?

— А кто я?

— Не знаю. И никто здесь не знает. Но, может, теперь знает он, если это вызвало у него такой ужас?

— Вот бы знать, что он знает, — пробормотала я. — Лично для себя я полна сюрпризов.

Лия недоверчиво смотрела на меня. Я и сама себе не очень-то верила.

Вскоре приехал Альмер, и я передала ему Лию с рук на руки, велев выяснить как можно больше о зале, где проходил демонический турнир. Они уехали, и я осталась в одиночестве.

До полуночи я просидела у растопленного камина со стаканом коньяка, таращась на огонь и переживая из-за того, как низко я пала. Никогда в жизни я не проводила вечера таким декадентским образом. Думать не хотелось. Расплывчатые мысли наплывали и медленно утекали прочь. Я просто сидела и тянула коньяк. А в камине потихоньку догорали дрова. Когда они догорели, я отправилась спать.

Этой ночью я не собиралась видеть снов. У меня не было ни малейшего желания и ночью длить свои страдания, спотыкаясь о чужие могилы и вглядываясь в лица демонов,

разгуливающих по улицам города. Наверно, именно это мне и снилось, пока я не проснулась и не решила, что вижу очередной сон.

Моя спальня была залита голубоватым светом, а возле двери стоял Кратегус в своём человеческом облики, чёрных кожаных брюках и твидовом длинном пиджаке с воротом-стойкой, надетом на тонкий чёрный свитер. Он по-прежнему блистал утончённым вкусом. Взгляд его глаз, вовсе не таких навязчиво-зелёных, как в моих снах, был внимателен и спокоен. Он смотрел на меня и, кажется, только ждал, когда я проснусь.

Я проснулась и тут же включила ночник. Голубоватый свет сменился обычным светом электрической лампы, но демон не пропал. Наоборот, он подошёл и присел на дальний край кровати. Опершись на отставленную назад руку, он слегка откинулся и закинул ногу на ногу.

Он выглядел как вполне обычный человек, совсем не бледный, как было написано в демонологической энциклопедии, а с таким легким золотистым загаром, какой можно приобрести в дорогом солярии. Возле глаз, у губ и на лбу можно было различить лёгкие морщинки. Веки чуть-чуть нависали над глазами, верхняя губа была чуть тоньше и короче, чем следовало, а лоб чуть выше и шире, чем нужно для лица такого типа. Но все эти «чуть-чуть» как раз и делали его похожим на обычного парня, у которого есть деньги и желание их тратить.

Пока я рассматривала его, он изучал меня. Знаю-знаю, я лохматая, не покрашенная и недружелюбная. Видно, что мне не двадцать лет и что я терпеть не могу ночных вторжений посторонних мужчин, не говоря уж о демонах. А с какой стати я должна скрывать, что я думаю о таком хамском поведении?

— Я приношу свои извинения за внезапный визит, — проговорил он приятным голосом. — Я хотел посмотреть на тебя поближе и предупредить о том, что сам решил убить тебя. Я — рыцарь и потому чувствую себя обязанным соблюсти приличия. Сперва бросить вызов и только потом содрать с тебя шкуру...

— Как изысканно... — оскалилась в ухмылке я.

— Изысканно или нет, но отнимать у меня время на драку — это большая честь, за которую нужно платить. Поэтому лёгкой смерти я не обещаю, — он улыбнулся, продемонстрировав ровные белые зубы с нормальной человеческой длиной клыков. — Если уж мне придётся потрудиться, то я предпочитаю получить от этого хотя бы удовольствие. В том, что я тебя убью, можешь не сомневаться.

Он помолчал, ожидая ответной реплики. Я от неё воздержалась. А что можно сказать в ответ на такое благородное и искреннее предупреждение?

— Ты не удивлена и не возмущена, — он чуть склонил голову на бок. — Либо тебя уже били, либо ты знаешь, что я не клюну на твоё женское обаяние, поскольку знаю, что это только маска. Ты ведь понимаешь, что мне всё равно, кто передо мной. Я убью любое существо, как бы трогательно или привлекательно оно не выглядело. Я лишён чувства сострадания и не испытываю сексуального влечения ни к кому. Инкубат — это удел низших демонов.

Я вздохнула. Эти говорливые умники, считающие себя вершиной совершенства и квинтэссенцией коварства. Поговори ещё, может, что и выболтаешь.

— Я всё думаю, кто ты. Сегодняшнее выступление на ринге произвело на меня впечатление.

— На меня тоже, — сообщила я. — Оказывается, у нас есть кое-что общее.

— Безусловно, — он рассматривал меня из-под слегка опущенных ресниц. — Что-то

общее... Я не чувствую в тебе ангельского духа, которым обычно разит от истребителей демонов. Ты пьешь коньяк и рычишь в раздражении, но ты сильнее святых, затворников и аскетов. В тебе есть что-то очень древнее, первобытное, что было ещё до... — он вдруг судорожно вздохнул. — Но это никогда не выступает против нас.

— Значит, в моём случае это — другое.

Он снова вздохнул, но уже спокойно.

— Это ничего не меняет. Меня послали убить тебя, и я тебя убью, как убил многих до тебя. А что ты знаешь обо мне? Достаточно ли, чтоб быть такой спокойной?

— Я знаю о Джулиане МакЛарене, — ответила я, глядя на него.

Он сдвинул прямые тёмные брови к переносице, посмотрел в потолок, скривил губы.

— МакЛарен? Что-то знакомое... Ах, да! — он усмехнулся. — Я вспомнил. Алхимик Его душа давно истлела в плену у моего Господина. Он заслужил это. Он продал её и совершил тем самым тяжкий грех. Потом другой, третий, — Кратегус рассмеялся своим воспоминаниям. — Его искушал сам Люцифер! Он надеялся на его гордыню, но МакЛарен устоял. На него заглядывался Асмодей, думая, что можно будет через ту девчонку заманить его в распутство. Но он постепенно увяз в любви, в которой, как известно, греха нет. И он сам же сдался Сатане, князю Гнева. Несколько часов метаний — и он подписывает кровью пакт. Его душа в закладе и теперь истлела во тьме и дыме.

— Я думала, ты знаешь, — улыbnулась я.

— О чём? — он приподнял свои чёрные, похожие на стрелы, брови.

— Душа нетленна.

— Она мертва, — твердо повторил он.

— Не знаю, вряд ли...

Может быть, если б я стала жарко спорить, он бы воспринял это спокойно, но моя видимая неуверенность разозлила его.

— В любом случае, она погребена под гнётом Ада и останется там до скончания времён. Джулиана МакЛарена не существует. Он умер. И его место занял я, — вдруг он прищурился и его взгляд стал подозрительным. — А ты откуда о нём знаешь?

— Какая разница? — я пожалала плечами. — Он был мне более симпатичен, чем ты.

— Он продал душу Дьяволу. Разве тем самым он не совершил преступление против вашего Бога?

— Он сделал это во имя любви, а в ней, как известно, греха нет.

— Он стал убийцей.

— Нет. Он был врачом, он избавлял людей от страданий, он спасал жизни. У него был дар от Бога. Этот дар был в его руках. А убийцей стал ты — демон Кратегус.

Он мрачно смотрел на меня.

— Выходит, ты считаешь, что МакЛарен — невинная жертва, а я — злодей?

— Он жертва, — кивнула я. — Он слабый человек, который не выдержал испытания, посланного ему. Слишком много любви, слишком много ответственности за любимого человека, слишком много самоотверженности. Думаю, что если б ему самому пришлось идти на костёр, он бы устоял. А ты... Ты то, что ты есть — клубящаяся темнота на месте, где раньше было сердце человека. Остался ум... Джулиана МакЛарена, воля Джулиана МакЛарена, сила Джулиана МакЛарена, его внешность, его вкус. Его псевдоним, как сейчас говорят. Вот и всё. Есть оболочка без души, а на её месте ты — маленькое, тёмное ничто, завладевшее чужим телом и чужим разумом. Это разновидность паразитизма, — я

улыбнулась.

Он злобно прищурился. То ли обиделся, то ли я наступила на его болезненную мозоль.

— Ты будешь умирать очень долго и очень мучительно, — пообещал он.

— Ничего другого я от тебя не ожидала, — покачала я головой. — Ты чертовски предсказуем.

— Тебя не спасёт ни твой мёртвый колдун, ни чёртовы кошки.

— Они-то как раз не чёртовы, — поправила я. — Ладно, я поняла, что ты бросаешь мне вызов и собираешься убивать меня долго и мучительно. Я принимаю твой вызов. Постараюсь убить тебя сразу и наверняка. Назовёшь место и время поединка?

— Слишком много хочешь, — усмехнулся он, легко поднялся и отошёл к двери. — Это будет сюрпризом. Но можешь сходить в церковь, исповедаться и причаститься...

— Воздержусь, — вырвалось у меня.

Он вздрогнул и нахмурился. Его взгляд стал ещё более подозрительным. И после этого он как-то заколебался и исчез, не оставив после себя и следа.

Я сидела в постели, обхватив колени руками.

Жребий брошен, и чаша сия меня не минует. А я не ангел. Я человек и я не совершенна. Я рычу и пью коньяк, и мне до слёз себя жалко. Чёрт бы побрал этого чёртова демона! Не мог подождать до утра. Нужно сбить сон и испортить настроение.

Кто-то решительно заскребся в дверь. Я нехотя сползла с кровати и открыла. Иеремия подёргивая спинкой и подозрительно принюхиваясь вошёл в спальню, запрыгнул на постель и, как бы приглашая, взглянул на меня.

— Конечно, старина, с тобой мне будет не страшно, — пробормотала я, снова залезая под одеяло.

Он уютно урчал у меня в ногах. Я выключила свет и вскоре уснула под это убаюкивающее и покровительственное урчание.

26

— Слушай, о чём ты думала? — раздражённо воскликнул Фарги, просмотрев с помощью телепатии мои ночные воспоминания.

Он спрыгнул с подоконника, и его кошачья грация неприятно напомнила мне Кратегуса. Кстати, я склонна была решить, что он мне приснился, но Фарги был категоричен: разговор происходил наяву, и я вела себя не так, как должна была вести.

— О чём я думала, — проворчала я. — Мне хотелось спать.

— Вместо того чтоб испытывать его гордыню, лучше б постаралась выспросить побольше!

— Как ты себе это представляешь? «Господин Кратегус, не могли бы вы рассказать мне, как вас можно убить? Не то, чтоб я собиралась, просто интересно!»

— Я имел в виду не это, — уже спокойнее возразил Фарги. — А его возможности.

— И того, что мы знаем, уже достаточно, чтоб я занервничала, — огрызнулась я. — Мы вообще не знаем ничего о битвах демонов с ангелами. В религиозной литературе нет ничего конкретного. Схватки ангелов всегда победоносны. Кто будет писать о своих богах, что их побили? А что и как происходит на самом деле, мы не знаем.

Снизу из прихожей раздался звонок. Я посмотрела на часы, собираясь поинтересоваться, кого несёт чёрт в такую рань, и увидела, что уже одиннадцатый час утра.

— Господи... — пробормотала я, вылезая из постели и озираясь в поисках халата. — И

некоторые ещё удивляются, что я рычу.

— В этом как раз нет ничего демонического. Дикае звери чисты, они ближе к богу, чем принято думать. Ты любишь диких зверей и подсознательно им подражаешь. Рычание помогает тебе выпускать излишек ярости.

— Спасибо, что просветил, — я оборвала его разглагольствования и потащила вниз открывать дверь.

Приехали Эльвер и Лия. На сей раз, они вели себя как настоящие единомышленники. Уверенные в себе, энергичные и деловые, они сразу прошли в гостиную и решительно взглянули на меня. Мне оставалось им только позавидовать. Я чувствовала себя старой, не выпавшейся развалиной.

— Вы просили Альмера выяснить насчёт зала, — начал Эльвер. — Ничего интересного. Этот зал принадлежит Лиге боевых искусств и используется для проведения легальных соревнований. Однако сегодня ночью после вашего с Лией ухода там произошло не совсем публичное собрание.

— Шабаш? — предположила я.

— Скорее, Чёрная месса, — уточнила Лия. — С человеческим жертвоприношением.

Давно рвавшийся зевок застрял у меня в горле. Я взглянула на девушку.

— Кто-то убит?

— Эфиопия Пали. Её адепты принесли её в жертву своему новому повелителю. Они перерезали ей горло, сцедили кровь в чашу и сделали по глотку, после чего стали распевать свои гимны. Там их и застучала полиция. Они наперебой рассказывали, что сделали это во имя своего Господина, который грядёт, и с песнями отправились по камерам.

— Шапер сказал, что они до сих пор поют, — добавил Эльвер, — с нетерпением ожидая, когда их повелитель повергнет город к своим ногам и освободит своих верных последователей из застенков инквизиции.

— Долго им придётся ждать, — задумчиво проговорила я.

Эльвер, закусив губу, напряжённо смотрел на меня.

— А если это правда? — наконец спросил он. — Если он попытается захватить город?

— Да что вы в самом деле! — отмахнулась я. — Будь это Ваал или Абигор... А Кратегусу это не по зубам. Да его такие вещи и не интересуют. Он истребитель ангелов. Он здесь потому, что получил задание, и его интересует только его выполнение. Он должен убить меня. Думаю, что этим он и займётся.

— Откуда вы знаете?

Я покосилась на него.

— Это долгая и очень печальная история.

Он не стал настаивать на своём вопросе.

— Что нам теперь делать? — спросила Лия.

Я с пониманием взглянула на неё. Конечно, мне тоже стало бы намного легче, если бы кто-нибудь ответил на этот вопрос. Но у меня ответа не было. Она это поняла.

— Я подумала... — нерешительно произнесла она, пытаясь хоть как-то сдвинуть дело с мёртвой точки. — Если община Пали сейчас в тюрьме, то демон, видимо, будет искать себе новых сообщников среди смертных. Может, нам повывяснить...

— Ерунда, — фыркнул Фарги, появляясь рядом с ней. — В его распоряжении Братство Тьмы. Это они его вызвали, и они сделают всё, чтоб облегчить ему задачу.

— А зачем он привлёк общину Пали к своим проделкам, если у него под рукой Братство

Тьмы и куча мелких демонов? — поинтересовалась я.

Фарги усмехнулся.

— Почему не погубить мимоходом десяток душ, если это поможет делу и доставит удовольствие?

Лия и Эльвер пожали плечами. Они не слышали его ответа, а своего не имели.

— Мы можем заняться этим, — предложил Эльвер.

— Думаю, что это ничего не даст, — я покачала головой и снова взглянула на Фарги. — Вы здесь ни при чём. Я чувствую, что сейчас начался какой-то сложный ритуал. Он бросил вызов. Я его приняла. Но что дальше? Люди обычно выбирают оружие, назначают время и место поединка.

— А демон роняет тебе на голову наковальню или впивается зубами в ногу твоему коню, на котором ты едешь по хрупкому мосту над пропастью. И ты благополучно отправляешься в ад. Или в рай... — Фарги медленно прошёлся по комнате и остановился возле камина, глядя на вчерашний пепел. — Но если учесть, что Кратегус немного более умён, кровожаден и обидчив, чем обычный демон, следует ждать от него игры. Думаю, он сам сделает первый шаг, и ты его в этом не опередишь.

— Но не сидеть же, сложа руки! — воскликнул Эльвер.

— Какой пылкий юноша, — с сарказмом заметил Фарги. — А что он вообще собирается делать? Спроси, какой цели он желает добиться?

Я посмотрела на Эльвера.

— Скажите мне, чего вы хотите достичь своими действиями? Откуда такое нетерпение?

— Я хочу убить этого демона.

— Чтоб следом пришёл другой? Ещё опасней и свирепей? Спасибо за помощь.

Эльвер смутился.

— Но что же делать? — спросила Лия. — Позволить ему убить вас?

— Позволить мне самой разобраться с этой ситуацией.

Я тоже отошла к камину.

— Должен же быть какой-то выход.

— А если его убьёте не вы? — не унимался масунт.

— Какая разница! — отмахнулся Фарги. — Выход безусловно есть... Но я его не вижу. Тебя хотят убить. Кратегус — враг, который должен быть уничтожен. И в любом случае, если ты его не уничтожишь, он уничтожит тебя. А если ты уничтожишь его, ему на смену придёт другой. На первый взгляд, замкнутый круг. И на второй — тоже.

— Я всё равно попытаюсь его убить, — произнесла я. — И следующего. И того, кто придёт за ним. В конце концов, именно это и есть моё предназначение. И в любом случае, я всегда знала, что воины иногда погибают. Однажды это случается с каждым.

— И что будем делать мы? — спросила Лия.

— Заниматься своим делом, — я обернулась к ней. — Кстати, сейчас и займитесь. Что вы делали до моего появления здесь?

— Как хотите... — без энтузиазма проговорил Эльвер. — В конце концов, все герои и ангелы — одиночки. Надеюсь, вы не станете пренебрегать нашей помощью, когда она вам понадобится.

— Не стану, — пообещала я.

— Тогда нам пора, — Эльвер развернулся к выходу. — Поехали к отцу МакЛарену, Лия.

— Как вы сказали? — вздрогнула я.

— К отцу МакЛарену, — повторил он. — Это священник. Он служит в соборе Святого Себастьяна. Нам сообщили, что ночью в храме кто-то осквернил алтарь. Мы обычно проверяем такие случаи, всегда может оказаться, что тут замешана нечистая сила.

— Я думала, что МакЛарен производит кошачий корм.

— Старший — да. И его два сына. Но младший МакЛарен закончил католический коллеж на Земле, а потом духовную семинарию. Он священник. А в чём дело?

Я взглянула на Фарги. Он кисло улыбнулся.

— Похоже, твой парень уже сделал первый шаг.

27

Отец МакЛарен оказался тощим, долговязым и рыжим. Его лицо, усыпанное золотой россыпью веснушек, было озабоченным и печальным. Встретив нас у дверей небольшой церкви, рассчитанной на весьма скромный приход, он пожал нам руки и с тяжким вздохом произнёс:

— К сожалению, я не могу даже предположить, кто посмел натворить такое в храме Господнем. Полицейские тоже не сказали ничего конкретного. Они работали здесь несколько часов и даже не позволили нам провести утренние службы. Пойдемте, я покажу вам.

Он взялся за ручку двери, но тут откуда-то появился большой взъерошенный кот и принялся тереться о его ноги.

Отец МакЛарен смущённо улыбнулся.

— Мы позволяем им входить в храм. Они ловят мышей.

Я подумала, что дело не только в этом. Похоже, страсть к кошкам и, скорее всего, не безответная, была у него в крови.

Он отворил двери, но кот вдруг зашипел, ощерился и умчался прочь. Священник удручённо вздохнул и вошёл в храм.

Мы последовали за ним по узкому проходу между рядами скамей. В первый момент я не поняла, что здесь произошло, но потом до меня дошло, что искусно вырезанное из дерева распятие над алтарем перевёрнуто вверх ногами. Больше никаких странностей я не заметила.

Мы остановились в нескольких шагах от алтаря, глядя на распятие. Оно было тяжёлым, вырезанным из цельного ствола дуба. Перевернуть его, не нарушив при этом убранство церкви, было невозможно. Если, конечно, это делалось вручную.

— Что-нибудь ещё? — спросил Эльвер, нервно потягивая носом воздух. Его тонкие ноздри возбуждённо трепетали. — Я чувствую запах крови. Человеческой крови.

— Да, — кивнул отец МакЛарен. — Чаша стояла на алтаре. Больше ничего не было. Чаша и капли крови на губах распятого Христа. Ужасное святотатство. Чашу полицейские забрали с собой.

— Я думаю, что вы без труда наведёте здесь порядок, — неуверенно проговорила Лия.

— Нам придется вызывать рабочих с техникой, — произнёс священник. — Не понимаю, как они это сделали. Словно кто-то огромный снял распятие, осторожно перевернул его и повесил обратно. Нам придется убирать алтарь, свечи. Возможно, даже на время придется разобрать кафедру. Я уж не говорю о том, что храм осквернён. Нужно будет провести очистительные обряды, а может быть, епископ и вовсе решит убрать это распятие из храма. А ведь оно висит здесь больше ста лет и многие прихожане верят, что оно излечивает женщин от бесплодия и помогает младенцам от вспучивания живота.

— Печально, — посочувствовал Эльвер. — Мы постараемся узнать, кто это сделал.

Отец МакЛарен кивнул без особого оптимизма.

— Полицейские тоже обещали. Они допросили Тилли, но он, как обычно, нёс бог весть что...

— Кто этот Тилли? — спросила я.

— Нищий калека. Он живёт в сторожке на кладбище, помогает сторожу ухаживать за могилами или сидит на паперти, выпрашивая монетки. Он сумасшедший.

— Мы поговорим с ним, — кивнула я.

Мы направились к выходу, когда я вдруг почувствовала дуновение ветра, пронёсшегося от алтаря к дверям. В нём была чистая и добрая энергия. Я сразу узнала её и обернулась.

— Боже! — воскликнул отец МакЛарен.

Он бы, пожалуй, упал на колени в молитвенном экстазе, но его стеснительность не позволила ему это сделать. Он с восторгом смотрел на блистающий золотом алтарь, над которым сверкало словно покрытое свежим лаком дубовое распятие в своём обычном и пристойном положении. Свечи на алтаре сияли язычками радужного пламени. А вокруг распространялся аромат неведомого здесь фимиама, который, однако, был очень хорошо известен Эльверу, потому что курился в храме Звёздного щита среди множества колонн, где по верованиям масунтов обитало их таинственное божество Крылья Звёздного Дыхания.

Масунт коротко и благоговейно зарычал.

— Чудо! — воскликнул священник. — Вы видели? Это чудо!

— Да, конечно, — пробормотала я, глядя на Фарги, который шёл от алтаря к нам и полы его белого плаща развевал ветер.

Он прошел мимо, и я стрелой выскочила за ним.

— Зачем ты это сделал? — воскликнула я.

— Это не я. Это Крылья, — возразил он. — Мы все решили, что если тут свершилось мрачное чародейство, то почему не может свершиться светлое чудо. Разве это не справедливо?

— Но ведь это не его храм!

— Ты ангел этого Бога, — он указал на собор. — Я — другого. Но мы же помогаем друг другу.

Из дверей выскочили Лия и Эльвер. Масунт был взволнован. Схватив меня за руку, он лихорадочно прошептал:

— Мне кажется, это сделал не Христос...

— А кто? — перебила Лия.

— Есть многое такое, друг Горацио... — пробормотала я. — Пошли искать этого Тилли.

— Что может сказать нам этот сумасшедший? — уточнил Эльвер, быстро возвращаясь к деловому тону.

— Он что-то видел. Это что-то может быть важно для нас.

— О чём вы? — нахмурилась Лия.

— Как вы думаете, чья кровь могла быть в чаше?

— Не знаю.

— Мы знаем только одного человека, чью кровь этой ночью сцедили в чашу, — произнёс Эльвер.

— Разве та чаша не в полиции?

— Вот этого мы не знаем.

Он решительно зашагал к видневшейся вдалеке сторожке, на ходу доставая

коммуникатор. Я невольно залюбовалась им. Когда он знал, что делать, он был просто воплощением энергичности. Кроме шуток.

Я шла за ним между могилами, поглядывая на кладбищенские памятники. Они были очень похожи на те, что ещё можно встретить на маленьких кладбищах в старой Европе и на Британских островах.

Когда я подошла к сторожке, Эльвер уже пытался наладить контакт с длинноволосым парнем в чистой, аккуратно залатанной одежде. Но тот смотрел на него, надув губы, и качал головой, что-то бормоча.

— Злая киска, — с трудом разобрала я. — Очень злая киска...

Увидев меня, он вдруг расплылся в улыбке и бодро затараторил:

— Едет святой Георгий на коне, на нём плащ ал... Берегись, дракон! — а потом вдруг взглянул на Фарги и его глаза расширились от восторга: — Спустился с небес Святой Михаил... Берегись, Сатана!

— Тилли, — я приблизилась к нему и присела на корточки. Он сидел на пороге, радостно и доверчиво глядя на меня. Фарги подошёл ближе и погладил его по голове. — Скажи Тилли, что ты видел ночью?

— Тилли видел даму, — кивнул он. — Высокую тёмную даму, — он ткнул пальцем в Лию. Наверно, он имел в виду то, что она, как и Лия, была темнокожей. — У неё были длинные волосы. И горло перерезано, — он ещё раз кивнул.

— Она была ранена? — уточнила я.

— Убита, — с улыбкой кивнул Тилли. — Крови не было. Кровь в чаше. Чашу она несла в руке. Пошла в церковь, — он махнул рукой в сторону храма.

— Она вошла в церковь? Как она открыла дверь?

— Не открывала, — Тилли снова кивнул. — Дверь заперта. Прошла сквозь дверь. Потом шум... Тилли испугался. Ушёл спать.

Он опять кивнул и с благоговением покосился на Фарги, гладившего его по голове.

— Что он говорит? — нахмурился Эльвер.

— Злая киска! — фыркнул на него Тилли.

— Позвоните ещё раз в полицию, — попросила я. — Пусть проверят на месте ли тело Эфиопии Пали.

— По крайней мере, чашу они там не нашли, — сообщил он, с мрачным видом снова набирая на коммуникаторе номер. — И у них тоже появилось подозрение, что это была её кровь. Они как раз собирались проверить.

Я посмотрела на Тилли. Фарги присел рядом с ним на корточки и, глядя его по щеке, что-то ласково нащёптывал. Тилли смотрел на него затуманенным от счастья взглядом и кивал.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Не мешай, — отмахнулся Фарги.

Я пожалала плечами. Эльвер выключил коммуникатор и сунул его в карман.

— Они не могут найти тело. Кто-то забрал его из морга для вскрытия, но до прозекторской его не довели.

— Что ж, нам придётся подключиться к поискам.

Я посмотрела на Фарги.

— Ты с нами?

— Потом, — на мгновение прервав общение со своим новым другом, бросил он.

— Мне всегда больше нравилось помогать живым существам, чем убивать их... — поведал мне Фарги, вытягиваясь в кресле наподобие большого грациозного кота. Он отсутствовал несколько часов и объявился лишь, когда начало темнеть. Вид у него был довольный, если не сказать блаженный. — У бедняги в детстве погибли родители, причём на его глазах. Это было страшное зрелище. Он сам чудом уцелел, но его психика дала сбой. Он так и остался в том возрасте, причём его до сих пор мучили кошмары, по сравнению с которыми даже появление убитой дамы с перерезанным горлом и с чашей крови в руках — не более чем занятное происшествие.

— Ты сказал «мучили»? — я присела напротив него в кресло.

Он посмотрел на мои ноги.

— Я не видел у тебя этих джинсов. Они тебе идут.

— Фарги!

— Ладно, он принял меня за Святого Михаила, он не в себе. Я мог избавить его от этих кошмаров. В конце концов, это мог сделать любой квалифицированный психиатр с навыками парапсихологического гипноза или хотя бы внушения! Я ему помог. Может, этого не заметит никто, кроме него. А если и заметят, что он им скажет? Меня излечил Святой Михаил! На здоровье. Помолимся вместе. А джинсы, и правда, красивые.

— Похоже, ты здорово оттянулся, если заметил штаны, которые я на твоих глазах проносила почти до дыр.

— Не может быть! Я не мог быть настолько невнимательным! — ужаснулся он. Потом пожал плечами. — Хотя, кто его знает. После смерти я не живу, прости за каламбур. Я создаю лишь видимость, для себя. Жизнь — это общение, это помощь другим людям и существам, это творчество. Да, сегодня я оттянулся. Я почти счастлив.

— Почти?

— Я счастлив настолько, насколько может быть счастлив тот, кто уже не живёт.

— Ладно, мой милый, не будем о грустном. Ты сделал хорошее дело. Может, даже излечил несчастного безумца.

— Нет, он так же безумен, как и раньше. Если б я попытался сделать его нормальным взрослым человеком, я обрёл бы его на страдания, которые во взрослом состоянии неизбежны. К тому же он утратил бы свой дар ясновидения. И ради чего? Ради сомнительного счастья быть как все? Нет, пусть живёт среди духов и ангелов. И, может быть, когда-нибудь его дар сослужит хорошую службу этому миру. А пока вернёмся к нашим баранам. Что с Кратегусом?

— Ничего. Масунты разбежались по городу, выслеживая эту зомбированную девицу.

— Вряд ли в данном случае можно говорить о том, что она является зомби в обычном смысле этого слова...

— Фарги!

— Хорошо, не буду. Короче, они ищут ходячий труп Эфиопии Пали. Ребятам положительно нечем заняться.

— Разве не она — та верёвочка, которая приведёт к нему?

Он улыбнулся.

— Лора, детка, ты меня удивляешь. Хорошо хоть, что ты не носишься по городу вместе с котятками. Кратегус может быть где-то рядом с тобой. Ты не выйдешь через Эфиопию на

него, если не это его цель. Он ведёт какую-то игру. Тебе следует просто следить за его действиями и пытаться понять, чего он добивается. Эфиопия — или приманка, или отвлекающий фактор. Тебе не нужно искать его потому, что он сам должен найти тебя. А ты его не найдёшь, да тебе это и не к чему.

— Может, мне удастся застать его врасплох?

— Ты забываешь, что это не существо. Это сущность. У него нет базы. Если ему нужна безопасность, он просто покинет этот мир. Если ему нужно спокойное место, он материализуется в штабе Братства Тьмы и будет витать под сводами или застынет в сумраке колонн. Он не человек. У него нет слабых мест, он ни в чём не нуждается. Он не ест, не пьёт, не спит. Он не живёт. Он существует ради цели.

— Но у него есть разум, интеллект...

— Я не сказал, что, витая во тьме, он ни о чём не думает. И я полагаю, что нам не стоит даже пытаться заглянуть в его мысли. Кроме того, он солгал тебе, сказав, что у него нет чувств.

— Он этого не говорил. Он сказал, что не знает сочувствия и влечения.

— Не знаю, — Фарги прищурился, глядя в огонь растопленного камина. — Он плоть от плоти человека, он долго жил среди людей, он испытывает досаду, обиду, даже страх. Почему не влечение?

— Может, мне его соблазнить? — усмехнулась я.

Фарги серьёзно и задумчиво взглянул на меня.

— Это вызовет такие осложнения, с которыми мы можем и не справиться.

— Я пошутила.

— А я — нет. У тебя бы получилось. Ты могла бы соблазнить и демона, и ангела. Но этот вариант меня не устраивает.

— И даже ангела? — неловко усмехнулась я. Мне так и не удалось привыкнуть к манере Фарги говорить о человеке самое хорошее прямо ему в глаза. Хотя, хорошее ли это?

— Ты что, не читала Ветхий Завет? Разве не помнишь, откуда взялись демоны?

— Это низвергнутые ангелы.

— Верно. А кто их соблазнил? Дьявол? Нет. Дщери человеческие. «Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жёны, какую кто избрал». Бытие, глава шестая. С этого всё и началось. Думаю, что это уязвимое место и для ангелов, и для демонов.

— Это теория?

— Я не хочу проверять это на практике. И тебе не советую. Мы вообще говорили не об этом. Я вёл речь к тому, что, может, у него есть слабости, на которых можно сыграть.

— Кровожадность, самоуверенность, гордыня, любовь к хорошим тряпкам.

— Он тщеславен?

— Не более, чем ты.

— Да, у нас с ним есть что-то общее, — Фарги снова воззрился на огонь камина. — Ещё в детстве меня учили, что прежде чем подчинить демона, нужно его понять.

— Пока ты будешь его понимать, он меня уколошит. Поэтому давай поищем что-нибудь более действенное. Если там вообще есть, что понимать.

— Наверно, ты права, — Фарги усмехнулся и развёл руками. — Я увлёкся. Сегодняшний сеанс диагностики и лечения бедного Тилли так раззадорил меня, что я готов заняться психоанализом и в этом случае. Но у Тилли больна душа. А у Кратегуса души нет. Его дух так

мрачен и ограничен тьмой, что любовь к шикарным прикидам — это, пожалуй, единственное, что нас с ним сближает.

— Так что с Эфиопией?

— Она скоро объявится сама. Не заглядывай его наживки. Просто смотри, слушай и думай.

Звонок в дверь прервал его. Я пошла открывать и, уже подходя к двери, услышала за ней голос Альмера.

— Мисс Бентли, — бархатно прорычал он, видимо где-то в стадии перевоплощения. — Это я.

Когда я распахнула дверь, он как раз поднимался на ноги. Его глаза возбуждённо блестели. Машины за его спиной я не увидела. Должно быть, он бежал на своих четырёх.

— Мы нашли её. Тут совсем близко, на кладбище.

— Вы нашли Эфиопию Пали на этом кладбище? Рядом с моим домом?

— Да, случайно. Кия ехала мимо и разглядела её за статуей. Она вызвала остальных. Мы окружили кладбище. Видимо, она спряталась в одном из склепов, но мы её найдём. Вы идёте?

Он нетерпеливо приплясывал на месте. Наверно он полагал, что я сейчас помчусь за ним сквозь ночную темноту, как Маугли за Акелой.

— Я лучше на помеле, — предложила я.

— Могут заметить, — мотнул головой он. Чёрт возьми, никакого чувства юмора. — А машина что, сломалась?

— Просто мне не пришла в голову столь гениальная мысль, — пробормотала я, возвращаясь в комнату за сумкой с мечом.

Фарги хмуро смотрел на меня. Мне тоже казалось, что это наживка. Но инстинкт Воинки сильнее разума. Я взяла сумку. Фарги поднялся с кресла, показывая, что готов идти со мной.

29

Мы доехали до кладбища за пять минут. Альмер, выскочив из салона, без колебаний устремился куда-то в темноту под деревьями, петляя между могилами. Я шла за ним. Утешением мне было слабое, но светлое сияние, которое излучал шедший рядом Фарги.

Масунты, а их было кошек десять, окружили склеп в самом центре кладбища. Они скалили огромные белые клыки, рычали, припадали мощными грудями к земле и били себя по бокам хвостами с пушистыми кисточками на концах.

Эльвер в человеческом облике стоял поодаль и наблюдал за входом в склеп. Дверь была чуть приоткрыта. Увидев нас, он приветственно кивнул мне.

— Она там. Из-за двери так и тянет свежей мертвечиной.

— Вы уже решили, как достанете её оттуда?

— Войдём и разорвём в клочки. Клочки сожжём. Как обычно.

Он пожал плечами, словно объяснял, как меняют покрышку на колесе. Фарги стоял, глядя на склеп.

— Она сейчас выйдет сама. Она не боится масунтов, но они ей мешают. А теперь цель близка, так что опасностью можно пренебречь.

— Какая цель? — забеспокоилась я.

И в этот момент дверь склепа со скрипом распахнулась, и на пороге появилась Эфиопия Пали, вернее, её мертвое, но всё ещё подвижное тело. Она была бледной, почти серой, а

приоткрытые пустые глаза светились во мраке неживой белизной. На шее зияла огромная рана, и вся грудь была залита уже засохшей и почерневшей кровью.

В своих высоких сапогах на невероятных каблуках она стала спускаться по ступеням склепа. Её белые глаза были устремлены на меня.

Не успела она дойти до низа, как с двух сторон к ней подступили два масунта в человеческом облике и твёрдо взяли за локти. Её одежда зашипела в их пальцах, она дёрнулась и завывала, пытаясь вырваться.

На её лице стал заметен след от огромной ладони с пальцами, заканчивающимися когтями.

— Похоже, она искала вас, — Эльвер обернулся ко мне.

— Что ж, она меня нашла, — я подошла ближе к Эфиопии и дала масунтам знак. — Отпустите её.

Они не без колебаний разжали руки, но она даже не попыталась броситься на меня. Она стояла, опустив руки и, наклонив голову на бок, смотрела на моё лицо, словно пыталась что-то вспомнить или сообразить, что делать дальше.

— Ты меня искала? — спросила я. — Зачем?

Фарги подошёл к ней и изящным движением провёл ладонью над её головой.

— Отвечай, — негромко приказал он.

— Он сказал: найди! — хрипло произнесла она и, подняв прямую руку, указала на меня пальцем. Потом её рука опала бессильно, как плеть.

— Зачем? — повторила я.

Она бессмысленно смотрела на меня, наклонив голову.

— Она не знает, — проговорил Фарги. — Всё, что ей было велено, это найти тебя. Её задача выполнена.

Я вздохнула и достала из сумки меч. Выпустив лучевой клинок, я резко ударила наискосок.

— Покойся в мире. Если сможешь.

Она пеплом осыпалась на ступени чужого склепа. И тут в тишине раздался знакомый недобрый свист. Я дёрнулась в сторону и тут же почувствовала боль в плече.

— Стрела! — зарычал Эльвер, падая на руки, которые уже превращались в огромные львиные лапы. Несколько львов вслед за ним рванулись в темноту, а я лихорадочно зажимала немеющими от напряжения пальцами рану на плече, и вслушивалась в тяжёлое дыхание бегущих хищников.

Потом раздался странный звук, то ли карканье, то ли визг. А спустя мгновение из-за деревьев появился крупный лев. Поднимаясь на задние лапы и продолжая идти на них, он начал перевоплощение. Уже подходя ко мне, Эльвер покачал головой.

— Мне очень жаль, но её раньше перехватил кто-то... Мы не поняли, кто это был. Он улетел.

Я кивнула. Что тут можно сказать? Эльвер итак был встревожен. Он знал, как опасно, если кровь попадает в руки врага. Моя кровь была уже на пути к Кратегусу.

— Можно попытаться установить защиту от энвольтирования, — предложил Эльвер.

— Она действенна? — спросила я без особого интереса.

— Если маг не очень сильный, — ответил подошедший Альмер. — Лия не такая уж сильная ведьма. А Ларс всё ещё в коме.

— Не энвольтирования следует бояться, — проговорил Фарги. — Ты надёжно защищена

от магии. И Кратегус это знает. Он не будет пытаться наслать на тебя порчу или приготовить зелье.

— Скорее всего, следует ждать не магических атак, — согласилась я. — Кровь нужна ему для другого.

— Для чего? — нахмурился Эльвер.

— Со мной уже был похожий случай. Только тогда женщина, которой я доверяла, передала моему противнику прядь моих волос.

— Он был колдуном?

— Хуже, — вздохнула я. — Он был генетиком.

Эльвер непонимающе поднял брови. Я мрачно усмехнулась.

— Сейчас моя сила в том, что Кратегус не знает кто я. Но, проведя несколько тестов, он найдёт ответ на этот вопрос. И это поможет ему подобрать оружие против меня.

— Такое оружие существует?

— Против каждой силы существует контрсила. Таков закон природы.

— Но где он его возьмёт? И как вообще проведёт эти тесты?

Я вздохнула и покосилась на Фарги. Он положил ладонь на мою руку, зажимающую рану, и боль утихла.

— Не только люди вышли в космос, — печально пробормотала я. — Они вытащили за собой свои кошмары. И те тоже неплохо освоились в чужих мирах. Боюсь, что теперь поединка осталось ждать совсем недолго.

Напоминать, что вести я его буду в гордом одиночестве, я не стала.

30

Уже ночью мы сидели вдвоём с Фарги у растопленного камина. На столе стояли тарелки с закусками и бутылка бургундского из винного погреба. Свечи горели, разливая вокруг золотистый трепещущий свет, который упорно, хотя и с переменным успехом, боролся с тьмой, выползающей из углов.

— Вот так и мы, — пробормотал Фарги, глядя на тонкие оранжевые язычки. — Бьёмся, хотя знаем, что никогда не победим тьму до конца. И сгораем без остатка.

— Лучше зажечь свечу, чем проклинать тьму, — проговорила я.

— В данный момент ты так не думаешь.

— Я всегда так думаю, — возразила я. — Просто сейчас я думаю не об этом.

— Что это за стихи? — вздрогнул он и нетерпеливо щёлкнул пальцами. — У тебя сейчас мелькнула в памяти строчка.

— Спрашивается, зачем я вообще утруждаю голосовые связки? — проворчала я.

— Ну, давай же! — воскликнул Фарги. — Вспоминай!

— Что тут вспоминать... — я взяла со стола свой бокал с тёмно-красным, пахнущим виноградом и Францией вином и произнесла:

И лютня плакала, и свечи оплывали,

И за окном вздыхал столетний сад.

А вы опять далёко уезжали

И я не знала, ждать ли вас назад.

Вам было грустно, я об этом знала,

Хоть вы пытались скрыть свою печаль.

И я свою, пусть как могла, скрывала,

И, слёзы пряча, всё смотрела вдаль.

— Я не читал этих стихов, — задумчиво сообщил он.

Фарги вообще считал себя знатоком поэзии. Впрочем, возможно, он и был им.

— Неудивительно, мой милый, — улыбнулась я, — поскольку эти стихи никогда не печатались. Я написала их в двадцать три года и никому не показывала. На Земле тогда был бум рыцарства. Конгресс культуры иногда инициирует такие бумы, чтоб ознакомить молодежь с искусством какой-либо определенной эпохи или цивилизации. Создаются несколько по-настоящему хороших исторических произведений в разных жанрах искусства, разворачивается рекламная компания, и вот уже в моде мечи, гербы, латы, дружеские пирушки, турниры, серенады, верность Прекрасной даме, дома в виде замков и... розы. Множество роз. Мы все писали стихи, но я как-то стеснялась выставлять их на всеобщее обозрение. Мне казалось, что они не согласуются с образом самого молодого и образцового командира поискового звездолёта Земли. Зато мои друзья повеселились тогда на славу, — я усмехнулась, вспомнив, как устроила разнос своим механикам, пытавшимся прикрепить герб Макинтошей на кожух реактора. — Кто б мог подумать...

— Что именно?

— Что для них этот бум сменится другим, бумом Тысячи и одной ночи и дворцов Мавритании, потом наступит черёд повального увлечения Индией, затем безумный латиноамериканский карнавал, потом что-то связанное с самураями, к счастью, без харакири. А я через столько лет по уши увязла в этих мечях, турнирах и крестовых походах.

— Можешь не верить, но мы сами выбираем свой путь, — проговорил Фарги и звякнул своим бокалом о мой. — К тому же ты забыла о дружеских пирушках и великой любви.

— Я горестной тоски полна

О рыцаре, что был моим,

И весть о том, что он любим,

Пусть сохраняют времена.

— Франция двенадцатого века, — усмехнулся Фарги. — Графиня де Диа, да будет любовь её благословенна в веках. Так выпьем за любовь!

Я пригубила вино. В гостиной было полутемно и сумрак, разгоняемый светом свечей и пылающих в камине поленьев, окутывал таинственной дымкой сидевшего напротив Фарги. Он был фантастически красив. И все, кого я любила, были красивы. Так непохожи друг на друга, но так необычны, умны и талантливы. И чувства, которые они вызывали во мне, были так несхожи: от долгой и счастливой любви, до безумной и противоречивой мучительной страсти, от легкого флирта до пламенного обожания. И все они пропали из моей жизни, оставив тёплые, печальные воспоминания и чувство благодарности.

— А, может, пора? — неожиданно для себя проговорила я. — Согласись, ненормально для человеческого существа быть бессмертным. Ведь смерть нужна, чтоб избавиться от груза прожитых лет, от тягостных воспоминаний, от сложившихся установок. Чтоб начать всё с чистого листа.

— Конечно, — кивнул он. — Мы все умираем. По-настоящему бессмертных нет. Но

жить в твоём возрасте — это нормально. Люди живут и дольше. Тебе не двести лет.

— Я иногда кажусь себе такой старой.

— А мне что делать? Как думаешь, давно мой мир покинул достижимые границы Галактики? Многие тысячи лет назад. А для меня это лишь пятая жизнь и она оборвалась ужасно рано. Я привык жить века и тысячелетия, я привык на грудь принимать и удары вражеских мечей, и удары времени. И я никогда не торопил смерть... — он внимательно взглянул на меня своими чёрными очами. — Впрочем, и ты не торопишь. Ты боишься смерти, потому и завела этот разговор. Хочешь мысленно подготовиться к тому, что считаешь неизбежным.

— А что, этого можно избежать? Скажи, как? Во времена самурайских игр мы иероглифами писали на церемониальных кинжалах: «Каждый самурай знает, что он должен умереть». В этом был смысл. И я знаю, что я могу умереть... То, что происходит, несправедливо!

— Жизнь вообще жестокая штука, — вздохнул он, поставив бокал на столик.

— Почему меня кинули сюда, как раба на растерзание львам?

— Ты не раб, — возразил он.

— Но и Кратегус — не лев. По уровню это — твой противник. Ты у нас Блуждающий Бог или что-то вроде того. А он не Слуга Тьмы. Он Демон Тьмы. Он должен оставаться за занавесом и дёргать за веревочки. А я должна биться с его марионетками, с теми, кто мне по зубам. Вот это — игра на равных. Почему он сам вышел против меня? И даже если я его осилю, придёт кто-то ещё хуже. Это справедливо?

Фарги тяжело покачал головой.

— Я сам не знаю, что происходит. Я не могу понять. Равновесие нарушается самым беспардонным образом, но это никого не волнует. Мне не дают перейти на этот уровень, как ему закрыт путь на мой. Я постоянно пытаюсь найти выход из этой ситуации, но не могу.

Я поднялась и, подойдя к нему, положила руку на его плечо.

— Я не сомневаюсь, что ты пытаешься помочь. Я уверена, что ты делаешь всё, что можешь.

— Не уверен.

— Не терзай себя. Если выход есть, мы его найдём.

Фарги резко встал и прошелся по комнате. На его красивом, словно выточенном из мрамора лице появилось мрачное выражение. Я давно не видела его таким, если вообще видела.

— Я не могу так, — признался он. — Я готов пойти на конфликт. Я — не Кларк и для меня долг Блуждающего Бога свят. Если хочешь, это на уровне инстинкта. Я не могу так просто тебя отдать.

— И что мы будем делать?

— Не выходи из дома, — он в упор взглянул на меня. — Здесь я хозяин и смогу защитить тебя. Я создам такую защиту, какую не прошибёт ни один самый мощный демон.

— И что дальше? Созвонимся с Киотой, запустим в эфир сигнал бедствия? Пусть ребята притаранят сюда аппаратуру для телепортации и стрельнут меня на Землю, а там уж я укроюсь в одном из храмов Шамбалы... Это не реально, Фарги. Ты же знаешь, что стоит Кратегусу запустить в город какого-нибудь мелкого пакостного беса, как я выйду из дома, потому что только я могу разделаться с этой мерзостью без особого труда.

— И это тоже на уровне инстинкта, — вздохнул он.

— Я ценю твою заботу и обещаю драться за свою жизнь до конца, но в мою голову слишком крепко втемяшилось: каждый самурай знает, что он должен умереть.

31

Чёрт бы побрал всех этих самураев! Простившись с Фарги, я поднялась к себе и с ногами забралась на кровать. Я не чувствовала себя готовой умереть. Я не чувствовала себя старой и усталой. Мне было что терять. Я ощущала странную пустоту, оттого, что не была ни в кого влюблена в данный момент, а, значит, мне хотелось влюбиться. У меня трое детей и если двоих я благополучно вырастила и поставила на ноги, то младшего беспардонно повесила на шею своему первому мужу. И хоть он обликом и нравом напоминает ангела, и воспринял это бремя со всей ответственностью и даже радостью, поскольку всегда любил детей, я не могла оставить своего малыша без собственной любви и заботы.

Не говоря уж о том, что мне просто нравилось жить. Если тебе не грозит старость и болезни, то, чем больше живешь, тем больше нравится этот процесс. Тем больше странного, удивительного и прекрасного попадает на глаза. Жизненный опыт восполняет недостаток образования. За десять лет скитаний удастся научиться тому, чему в тибетском монастыре научат за год. С годами невольно становишься философом и познаёшь суть вещей, истинную природу жизни и смерти, но жить хочется всё равно.

Нет, умирать мне совсем не хотелось. Можно сколько угодно говорить о долге воина, но на битву идут не умирать, а побеждать.

Я задумчиво посмотрела на старинный эфес, лежавший на тумбочке рядом с кроватью. Он был опоясан рядом глубоко-синих кристаллов, среди которых затесался один дымчатый и бесцветный. Это значило, что Налорант «заскучал» и Кристалл Истины, вправленный в него, померк до тех пор, пока его снова не коснётся моя рука. Тогда он снова станет неотличим от вправленных рядом сапфиров.

Выключатель в виде крылатого льва с раздвоенным хвостом, вдруг навёл меня на странную мысль. У солоров были крылья, а масунты умеют превращаться в людей, но, по сути, и те и другие — звёздные львы, стоящие на страже Добра и Света.

Из глубин памяти всплывали давние воспоминания об иной жизни в иных мирах. Я была моложе и меньше думала. Мне было легче идти в бой. А, может, тогда я была готова умереть, ведь я потеряла всё и всех, осталась одна во всей Вселенной, последней бергарой, потерявшей свой мир и уже не способной возродить свою расу? Кажется, я умерла тогда, именно решив, что пора. Сколько лет мне тогда было? Разве я считала? Пятьсот? Тысяча? Две? Десять?

Я покачала головой. Нет, я и тогда не хотела умирать, я просто решила, что пора начать всё сначала, потому что мне был известен путь души. Никто из нас не хочет умирать. Просто иногда это случается.

Я взяла с тумбочки Налорант и увидела, как вспыхнул Кристалл Истины. Мой палец привычно лёг на спину зеленоватого солора. Я усмехнулась.

Последняя бергара не умерла. Я жива и по-прежнему к услугам тех, кто желает проверить меня на прочность. И я не умру, пока не почувствую, что эта жизнь мне надоела и пора начать другую. Как говорится, они хотят войны, они её получают.

Наверно, в этот момент я готова была сразиться с легионом Тьмы. Или хотя бы с одним мрачным паразитом, устроившимся в теле человеческого существа. Немного поразмышляв, я вернула себе уверенность, которой мне так не хватало последнее время. И если Кратегус не

торопился сразиться со мной, то он допустил серьёзную ошибку, потому что удачный момент был для него упущен безвозвратно.

32

Я проснулась под тихое бормотание неведомого голоса.

И брезжит надежда,
Да время не ждёт.
Добро за горами,
А Смерть — у ворот.

Я открыла глаза. В окно радостно светило солнце. В спальне никого не было, кроме меня. Стояла тишина, лишь за окном щебетали птицы, радуясь утру.

Моя рука снова зажала, и я даже не могла найти шрама от раны, нанесённой вражеской стрелой. Может, ночью мне всё приснилось? И это путешествие на кладбище, и несчастная мёртвая Эфиопия, и поздний ужин с Фарги у камина, и самураи?

Я огляделась по сторонам и увидела на тумбочке Налорант. Кристалл Истины снова померк. Я выбралась из-под одеяла и отправилась в ванную. Пока я принимала прохладный душ, четверостишие Луиса де Гонгоры, вспомнившееся мне на грани сна и пробуждения, без конца вертелось в голове.

К чему бы это, размышляла я, вытаскивая из сумки чёрные джинсы, тонкий свитер из кашмирского хлопка и мягкие замшевые сапожки на низком каблуке. Уже одевшись и взглянув на себя в зеркало, я поняла, что оделась в то, что прихватила с собой на случай, если мне придётся с кем-то биться.

— Смерть у ворот? — спросила я у своего отражения. — Что ж, может это и к лучшему. По крайней мере, не придётся тратить время на её поиски. Вернее, его поиски.

Прихватив с тумбочки Налорант, я спустилась вниз.

Фарги сидел в кресле возле накрытого стола. Приглядевшись, я поняла, что он накрыт к завтраку, а остатки ночного пиршества убраны. Вместо початой бутылки вина в центре красовался сияющий кофейник с подогревом. Взгляд моего друга был задумчив.

— Я вижу, ты решилась, — произнёс он, не утруждая себя приветствиями.

— Чего тянуть? — я перескочила через подлокотник другого кресла и приземлилась на сидение. — Рано или поздно он выманит меня из дома. Я не хочу, чтоб меня выманивали и травили. Я не хочу, чтоб он убивал и калечил ни в чём не повинных людей, пытаюсь произвести на меня впечатление. Если это между ним и мной, то пусть так и будет. Я готова. Что-нибудь не так?

— Даже если?.. — Фарги усмехнулся. — Ты же знаешь правила. Я не имею права вмешиваться в твою драку. Хочешь — иди, и да придут с тобой Светлые Боги.

— Но ты считаешь, что я не права? — задиристо спросила я.

Он откинул голову и, взглянув на меня из-под чёрных густых ресниц, щёлкнул языком.

— Я считаю, что пока ты в таком настроении, у Кратегуса не так много шансов на победу.

— И всё же они есть?

— Я реально оцениваю ситуацию. Он интересный противник.

— Что-что? — поражённо вякнула я.

Улыбка Фарги стала мечтательной, а в чёрных глазах засветились искорки азарта.

— Это было бы занятно, — пробормотал он, а потом тряхнул головой, отчего его чёрная грива переливчато колыхнулась. — Ладно, что бередить душу. Я немного тебе завидую. Убей его, и мы отпразднуем победу. Я знаю тут один шикарный ресторанчик.

— Идёт! — рассмеялась я. — А пока я не заслужила праздничный банкет, давай позавтракаем, и я пойду искать своего противника. Одна.

Его глаза стали холодными как лёд, но улыбка не исчезла с губ. Он кивнул.

— Я послежу за тобой. Издалека. И при необходимости вмешаюсь, если смогу.

— Блуждающие боги никогда не спят, — понятливо кивнула я и окинула взглядом стол. — Итак, что у нас на завтрак?

33

Спустя полчаса я вышла из дома. На мне была кожаная куртка, через плечо перекинут ремень сумки, в ней лежали Налорант и перчатки с металлическими пластинами, закрывающими тыльную сторону ладони, которые подарил мне мой второй муж. Сев в машину, я поехала в сторону города.

Я понятия не имела, где мне искать Кратегуса. Честно говоря, я надеялась, что он сам найдёт меня, и собиралась спровоцировать его своим беспечным видом. Можно конечно было ворваться в Храм Братства Тьмы и попытаться учинить там погром. Но это было небезопасно. На самом деле я совсем не так неуязвима, как мне б того хотелось, и пара сломанных ребер вряд ли увеличат мои шансы в предстоящей схватке.

Поэтому я направилась в центр города и, оставив машину на стоянке, пустилась в поход по магазинам. Я рассматривала золотые безделушки в ювелирном салоне, когда заметила мрачного типа с физиономией творения Франкенштейна, который следил за мной.

Я улыбнулась ему самой обворожительной улыбкой и направилась в магазин женского белья. Он нерешительно топтался на улице, пока я разглядывала кружевные чулки и корсеты, а потом несмело проник внутрь и притаился у входа, делая вид, что изучает розовое боди, надетое на кремовый манекен.

— По-моему, это не ваш размер, — сообщила я ему дружеским тоном, проходя мимо. — Да и цвет тоже.

Он как телёнок на верёвочке потопал за мной. Я остановилась на площади, размышляя, куда податься дальше, а потом обернулась к нему.

— Может, теперь пойдём туда, куда нужно тебе?

Фрэнки с опаской подошёл ближе. Вид у него был тупой и совсем не опасный. Вряд ли он был демоном, но что не человеком — точно.

Пожилой мужчина, с подозрением взглянув на меня, прошёл мимо, едва не зацепив плечом моего нового знакомого, даже не взглянув на него. И только теперь до меня дошло, что вижу его только я.

Я прищурилась и спросила:

— Кто ты такой?

— Я Тень, — хмуро сообщил он. — Ты не должна меня видеть.

— Извини, — хмыкнула я. — Мне жаль тебя огорчать, но я тебя отлично вижу. Что дальше?

— Завтра в Аллее Святого Георга, в шесть вечера, — проворчал он и, развернувшись, ушёл.

— Слишком долго, — вздохнула я и направилась в другую сторону.

Я шла по каким-то улицам, всё дальше уходя от центра города, оживлённых площадей и своей машины. Стены домов становились всё темнее и глуше, они всё теснее сближались друг с другом. Асфальт у меня под ногами сменился брусчаткой. Потом я заметила вокруг себя валуны, огромные камни, сложенные друг на друга и скреплённые раствором. Они образовывали крепостные стены, поднимавшиеся ввысь. Где-то высоко над ними неслись багрово-красные тучи. Тишина, неожиданно окружившая меня, прерывалась далёким воем ветра и звуком моих собственных шагов.

Я шла вперёд, уже сознавая, что нахожусь не в Новом Орлеане. И что до поединка осталось совсем немного времени.

Проход между крепостными стенами становился всё уже, и заливавший его красный свет приобретал кровавый оттенок. А впереди уже сияло зарево адских костров. Потом оно резко померкло, и я вышла на небольшой, мощёный камнем пяточок, как арена окружённый замковой стеной, вернее, почти руинами, потому что стена была покрыта трещинами, кое-где из неё вывалились блоки, образовав жутковатые, зияющие темнотой дыры.

Наверху стены ещё частью сохранились зубцы, и в двух местах к ним поднимались разбитые каменные лестницы.

На верхних ступенях той, что располагалась передо мной, стоял Кратегус в чёрном одеянии, с тусклым наплечником на правом плече. На его груди поблескивал круглый медальон из красного металла. На ногах были высокие ботфорты. Он опирался на меч, вставленный до поры в тёмные узорчатые ножны, на которых холодным светом сияли руны.

Он мрачно улыбался, глядя на меня. Я осмотрелась по сторонам, стараясь оценить место поединка, замечая предметы и особенности площадки, которые при случае могли мне помочь или помешать.

Красная плита неподвижных туч над ареной слегка раздражала, но давала достаточно света. Я с сожалением подумала о том, что, скорее всего, попав в это маленькое искусственное измерение, я выпала из поля зрения Фарги. Он не смог уследить за мной три года назад в чёрной пирамиде, созданной Мени, и тогда это стоило мне жизни. Впрочем, я надеялась, что на этот раз справлюсь без его помощи.

Я вытащила из сумки Налорант, бросила сумку на мостовую и начала снимать куртку.

— Мне не удалось застать тебя врасплох, — пронизательно заметил Кратегус, наблюдая за моими действиями.

— Нет, — ответила я, считая за благо поменьше болтать.

Для меня было предпочтительней сразу перейти к делу. Но ему хотелось порисоваться. Откинув голову, он смотрел на меня из-под тёмных загнутых ресниц. Я прекрасно видела его лицо и слышала голос, хоть он и был довольно далеко от меня. Наверно это было свойство его ристалища. В его глазах плясали зеленоватые огни.

— И ты готова умереть?

— А ты?

— Я не умру, — с превосходством улыбнулся он. — Я бессмертен.

— Блажен, кто верует, — сунув эфес под мышку, я натягивала перчатки с металлическими пластинами.

Он нахмурился. Ему не нравились цитаты из Священного Писания.

— Ты не ответила на вопрос.

— Разве я должна отвечать на твои вопросы? Ты затем затащил меня в эти декорации

для дешёвого триллера?

— Тебе не нравится мой вкус? — ледяным тоном уточнил он.

— Ты мне вообще не нравишься. И сегодня я намерена выпустить свои эмоции. Не думаю, что кто-то завтра вспомнит о тебе с сожалением. Если вообще вспомнит.

— Моё имя уже вписано в скрижали человечества.

— Представляю, что там написано...

— Хочешь знать? «Надменный, одинокий, с гордо поднятой головой идёт он своим путём мимо морали и закона».

Ему нравились цитаты из Цвейга.

— Куда конь с копытом, туда и рак с клешнёй, — процедила я.

Он мрачнел всё больше, и среди зелёных искр в его глазах появились красные.

— Интересно, что там написано о тебе?

— Неизвестный герой — тоже герой, — без улыбки ответила я. — Может, прекратим сотрясать воздух и начнем? Или у тебя в привычке по обычаю дикарей сперва распалить себя воинственными воплями, а потом кидаться в драку? Поверь, это не оригинально. Вы все ведёте себя так. Если тебе так удобнее, то я подожду, пока ты доведёшь себя до нужной кондиции.

— Я просто хотел дать тебе несколько лишних минут жизни, — сообщил он высокомерно. — Но если тебе не терпится вернуться на Небеса, мы можем начать.

Он изящным движением откинул прочь ножны, и в его руках запел нудным голосом чёрный меч. Он внимательно следил за мной, а я тоскливо подумала, что мне стоило настоять на пистолетах.

Это была лакнийская лабелла, жуткое оружие из металла, одно касание которого вытягивает из смертного жизнь. Она как мерзкий лакнийский змей, пожиравший в древних мифах погибшего мира алое светило, пожирала вокруг себя свет, отчего казалось, что вокруг неё клубится тьма. Когда-то, тысячелетия назад, в иных мирах такие мечи несли смерть всему живому, и моим братьям и сёстрам в том числе.

Я улыбнулась.

— Я вижу, ты не терял времени даром. Достойный выбор оружия. Я уже сталкивалась с таким. Даже в этой жизни. В прошлый раз лабелла не спасла того, в чьих руках была. Ведё это всего лишь меч.

Я подкинула Налорант. Вращаясь, он взлетел вверх и изящно вернулся в мою ладонь, опустившись так, что солор оказался как раз под подушечкой большого пальца. Синие кристаллы воинственно блеснули, и я сдвинула выключатель. Белый луч клинка, распространяющий вокруг прозрачный свет далеких светил, вырвался из эфеса.

— Извольте умереть, — без улыбки пригласила я, вставая в позицию.

Кратегус зарычал, оскалив белые человеческие зубы, и прыгнул вперёд. Перевернувшись в воздухе, он приземлился в двух шагах от меня и тут же ринулся в атаку. Я без труда отразила его первые удары и сделала пару пробных выпадов.

Он был силён. У него были мощные и тяжёлые удары, он двигался легко, изящно и очень расчётливо. Заученные до автоматизма классические приёмы он чередовал с экстравагантными трюками, и, наверно, не будь я подготовлена психологически к таким сюрпризам, я бы впала в панику. Он был не просто дьяволом, он и бился как дьявол, хладнокровно и жестоко, не прощупывая и не пугая, а стремясь поразить и уничтожить.

И всё же я была готова. Я чувствовала, как мои мышцы наливаются пульсирующей

горячей энергией, поступающей от клинка через эфес и руку, голова была холодна и ум прозрачен, я тоже была хладнокровна и достаточно сильна. Его лабелла пела песню смерти, пытаюсь пробиться ко мне через оборону, но и в моих руках был не простой меч. Древний ант тоже пел, он пел древний гимн Воителей Света. И я чувствовала, как во мне просыпается последняя бергара, непобедимая Лорна. И сказочное, забытое и непревзойдённое фехтование древнего Бера оживает в каждом моём движении, в каждом блоке, каждом выпаде и ударе.

Я, как и Фарги, была создана для битвы с Тьмой, и это было в моей крови, которая вскипала звёздным прибоем, питая мои силы и придавая ясность моим чувствам. Я начала предугадывать его действия, я опережала его на шаг, всего лишь на шаг, но он начал отступать.

Кратегус шагнул назад, потом ещё раз. Он создал завесу из града чёрных мерцающих молний, в которые превратился его мелькающий с невероятной скоростью меч. Но он уже не нападал. У него не было на это времени. Ему нужно было защищаться.

Мне казалось, что я стала выше ростом, и мои плечи раздались, мышцы гудели от переполняющей их силы. Я теснила демона назад. И он отступал. Вот он уже оказался на нижних ступенях лестницы. Его взгляд был всё также холоден, но где-то в глубине его глаз появился испуг. Мелкие искорки паники, и отступление, шаг за шагом вверх по лестнице.

И он не выдержал. Его гордыня, его желание победить честно, отступили перед страхом поражения. Ведь ему так хотелось победить, а противник настойчиво и нагло мешал. И он решил победить любой ценой.

Я уже была где-то на середине лестницы, когда он бегом отступил на самый верх и оказался на крепостной стене. В тот же миг ступени провалились вниз, лестница превратилась в гладкий и скользкий пандус, по которому я скатилась вниз. Упав на мостовую, я перекатилась кувыркком через голову и вскочила на ноги, как раз вовремя, чтоб дать отпор огромному серому чудовищу с перепончатыми крыльями, которое пикировало на меня сверху. Лабелла казалась в его руках игрушечной. Он был ужасен, но я видела образин и похуже.

Я удлинила клинок и приняла удар лабеллы, по пути задев плечо демона. Он взвыл на низкой ноте и его вой перешёл в свирепое рычание. От его хладнокровия не осталось и следа. С удвоенной яростью он обрушился на меня. Его удары казались ударами падающих скал. Я на мгновение подумала, что могу не выдержать, но спокойный и уверенный голос в моей душе говорил, что я должна продолжать. Я не вправе сдать эту битву. Я могу победить. Я это сделаю. Это моя работа. И мой путь.

Это был мой голос. В моих руках был мой меч. В красных тучах мне виделся голубой ликующий просвет, хоть я и не смотрела вверх. Я знала, что это за свет. И мне показалось, что я чувствую, как за моими плечами раскинулись белые мощные крылья. Мои крылья. Словно Небесное Воинство встало за моей спиной. И я снова пошла вперёд.

На каждый удар серого демона я отвечала двумя. Он рычал и выл, из его груди и плеч сочилась чёрная кровь, на его руках темнели раны.

И я бы победила, если б он дрался честно. У меня не было крыльев. Они только мерещились мне. И потому, когда каменная мостовая начала проваливаться под моими ногами, я потеряла равновесие и на какой-то момент утратила контроль над ситуацией. И через мгновение чёрный, нудно воющий меч вонзился мне в грудь, в солнечное сплетение. И всё кончилось.

Я отшатнулась и упала на холодную грязную стену в каком-то грязном переулке. Рана не болела, но от чёрного, торчащего из моей груди клинка расплзался болезненный леденящий холод, словно по сосудам и нервам пробежал жидкий азот, превращая кровь в колючие кристаллы, разрывающие плоть. Я задохнулась и выронила меч.

Кратегус склонился надо мной, сжимая рукой эфес. Его зелёные глаза с узкими зрачками сияли торжеством.

— Я победил, — низко прорычал он. — А ты умираешь.

Я умирала. В глазах потемнело. Вспышки света и каких-то видений мелькали перед моим взором, чьи-то голоса колючими искрами прожигали тьму, вонзаясь в мозг. И что-то испуганно и тревожно билось в моей груди, отделившись от моей отлетающей души.

Синее небо, зелёные кроны дубов и смеющиеся зелёные глаза с солнечными крапинками.

— Послушай... — донеслось издали. — Сейчас я поцелую тебя и этим поцелуем отдам тебе часть своей души... Храни её и я всегда буду с тобой...

Испуганный котенок бился у меня внутри, пытаюсь убежать от леденящей смерти, растекающейся по жилам.

— Я не могу, — простонала я. — Больше не могу. Прости...

— Эй! — кто-то тряс меня за плечи. — Не торопись...

Я с трудом подняла налитые свинцом веки и увидела Кратегуса. Он был похож на Джулиана, но он был злой. Я хрипло вздохнула.

— Не так быстро, — улыбнулся он. — Ты умрёшь, но не сейчас. Я не обещал тебе быстрой смерти. Ты умрёшь через несколько дней, — произнёс он, гипнотизируя меня зелёными глазами Джулиана МакЛарена. — И ты будешь чувствовать, как смерть отнимает у тебя твоё тело клеточку за клеточкой. И этот холод убьёт тебя.

Прижимая меня к грязной стене, он рывком вырвал лабеллу из раны. В голове помутилось от боли. Я не знала где я и что со мной. Я только понимала, что умираю, что день пришёл, через столько дней, лет и веков.

— Я больше не могу, — прошептала я.

— Что ты там бормочешь? — фыркнул он.

— Я не могу больше хранить её, — лепетала я заплетающимся языком. — Ты сказал: храни её, и я буду с тобой. Я больше не могу. Я умираю.

В зелёных глазах мелькнуло любопытство.

— О чём ты?

Перепуганный кусочек света бился в моей груди, ища спасения.

— Поцелуй меня, — попросила я.

Чёрные прямые брови изумленно взлетели вверх.

— Пожалуйста...

Что-то тяжко булькнуло у меня в груди. Он усмехнулся.

— Если это последняя просьба...

Он нагнулся ко мне, его губы впились в мои, и жуткая боль пронзила моё тело. Бело-синяя молния прокатилась от губ до кончиков пальцев. И я провалилась в темноту.

Я слышала над собой голоса. Я не разбирала ни слов, ни тембра. Просто кто-то говорил. Мне было холодно и больно. Я не чувствовала тела, но оно болело. Это было

странно и, наверно, жутко, но я не думала об этом. Я вообще ни о чём не думала. Я медленно всплывала из чёрного омута небытия к холоду и боли. И к голосам.

Я открыла глаза. В ногах моей кровати с дурацким балдахином стоял Фарги, и устало смотрел на меня.

— Она пришла в себя, — проговорила Лия, сидевшая на стуле рядом с постелью.

Стоявшие рядом Эльвер, Альмер и ещё какой-то масунт подались вперёд.

Я смотрела на Фарги. Он — на меня.

— Как вы себя чувствуете? — бодро осведомилась Лия.

«Я умираю», — подумала я.

— Может быть, — ответил он и, обойдя угол кровати, присел на постель рядом. — Мне не нравится эта рана.

«Лабелла, — мысленно ответила я, — знаю, от этого умирают. Мне очень плохо, но я не готова умереть. Что произошло?»

— Я тебя потерял, — пожал плечами он. — Как три года назад. И как три года назад нашёл, когда было уже поздно. Мне удалось внушить этим детям, где тебя искать. Они привезли тебя сюда. Но больше они ничего не могут сделать.

«Кратегус?»

— Я не знаю, что с ним и где он. Мне не до этого.

Я перевела взгляд на тёмный полог над кроватью. Дышать было трудно, почти невозможно. Лия о чём-то спорила с Эльвером. Ах да, они спорили о том, стоит ли пригласить ко мне доктора.

«Того красивого командора Ордена Госпитальеров», — мечтательно подумала я.

— Если б всё было не так хреново, я бы сказал, что жить будешь, — невесело рассмеялся Фарги.

«Убери их отсюда», — потребовала я.

Он задумчиво взглянул на меня и перевёл взгляд на Эльвера.

— Брысь отсюда! — прикрикнул Фарги, словно прогонял расшалившихся котов.

Эльвер вздрогнул и передёрнул плечами. Потом гневно взглянул на Лию.

— Нечего здесь орать. Давай продолжим разговор за дверями.

— Я не могу её оставить одну! — возмутилась она.

— Много от тебя пользы! — фыркнул он и вышел.

За ним выскочил его безымянный приятель. Следом, оскорблённый в лучших чувствах, устремился Альмер. А потом вышла и Лия, осторожно прикрыв за собой дверь.

Фарги склонился ко мне, взял мою руку в свои ладони и спросил:

— У тебя есть идеи?

«Меня можно спасти».

— Как?

«Не помню, но я сама делала это. Я точно знаю, что один Воин может спасти другого, поражённого лабеллой».

— Ладно, — кивнул он. — Если это возможно, я это сделаю.

Его ладонь легла на мой лоб, и я расслабилась. Вернее, расслабилась моя душа, отделившись от заледеневшего тела. Нежная теплая ладонь друга касалась моего лба, и взгляд чёрных ласковых глаз проник в мою память. Осторожно и заботливо он листал как книгу мои воспоминания, ища затерянный ключ к моему спасению.

— Нашёл, — тихо прошелестел надо мной серебристый шепот. — Я знаю, я спасу тебя.

Я окунулась в золотистый свет и оказалась на лепестках огромного лучезарного лотоса. Холод, сковывающий моё тело, медленно растворялся, превращаясь в мерзкую чёрную грязь, заполнившую меня как сосуд. И руки, такие же сияющие, как лотос, касаясь меня, вытягивали её и выплескивали прочь лёгкими изящными движениями. Я с тревогой наблюдала за тем, как чёрные прожилки начинают струиться по этим добрым рукам, потому, что злобный яд, скопившийся во мне, проникал и в них. Но они неумолимо очищали меня от тьмы и холода, хоть движения их были уже не так легки. Они устало стряхивали яд в бездну, темнея с каждым разом.

— Довольно! — хотелось крикнуть мне, но я не могла. Сил не было.

И тьмы во мне тоже. Усталые, но такие же тёплые руки легли на мой лоб и моё сердце, и вспыхнули золотым Светом, который рекой хлынул в тело. Я чувствовала любовь к себе, это было невыразимое ощущение счастья оттого, что я кому-то нужна, что меня любят, обожают, заботятся обо мне, меня лелеют и ласкают в чьём-то чистом и благородном сердце. Я была на пьедестале и в нежнейших объятиях, я ощущала сладость поцелуев и нежность восторженных взглядов. Я наполнялась этими проявлениями любви, как сосуд наполняется вином. И я оживала, взлетая вверх, с лепестков лотоса прямо к сияющим Небесам...

У меня кружилась голова, когда я открыла глаза. Я едва не мурлыкала, как кошка, которую чешут за ушком. И я увидела Фарги. Он сидел, устало склонив голову на руку. И я узнала руку, которую недавно видела пронизанной чёрными отравленными прожилками.

— О, боже! — вздрогнула я. — Что я сделала! Лучше было промолчать.

Фарги отвёл руку от лица и хмуро взглянул на меня.

— Дура, — беззлобно проворчал он. — Думаешь, мне сейчас было бы лучше, если б ты умерла? Я пошёл отдыхать, а ты не дёргайся. Тебе ещё лежать и лежать, пока оклемаешься. Веди себя хорошо.

Он нагнулся и поцеловал меня.

— Я тоже тебя люблю, — шепнула я.

Он улыбнулся.

— Я знаю, родная.

И он исчез. Он был вымотан, но я была жива. И я знала, что благодаря его любви, уже не умру.

35

Я не умерла, однако приказ Фарги не дергаться был излишним. У меня не было сил, чтоб двигаться или говорить. Он спас мне жизнь, но я по-прежнему была ранена и отравлена. Не слишком серьёзная для моего организма рана, наверно, зажила бы за сутки-двой, если б она была обычной. Но, судя по всему, яд лабеллы, проникший в моё тело, продолжал своё действие, и я поправлялась тяжело и медленно.

Меня то трясло в лихорадке, то накатывал отвратительный озноб. Я забывалась тяжёлым сном, наполненным кошмарами, или, наоборот, маялась, не в силах уснуть.

Я была капризной и раздражительной, категорически отказывалась рассказывать Лие и масунтам, что со мной случилось, и вообще ничего не хотела вспоминать. Я даже не думала о том, что где-то в Новом Орлеане бродит Кратегус, который может явиться ко мне и сделать чёрт знает что, потому что масунты не смогут меня защитить от него, а Фарги куда-то исчез.

Именно отсутствие Фарги тревожило меня больше всего, он не появлялся и не отвечал

на мои призывы. И я становилась от этого ещё более несчастной и несносной. Оставалось лишь удивляться ангельскому терпению Лии, ухаживавшей за мной.

Через несколько дней мне стало лучше, рана затянулась, но я всё ещё была слабой и раздражительной. Мне порядком надоело общество моей сиделки, потому что её сочувствие казалось мне приторным и надоедливым. Я вообще не привыкла к тому, чтоб меня жалели. Кроме того, во мне пробудилась спавшая до того совесть. Я понимала, что девушка устала, измотана и озабочена состоянием своего до сих пор находившегося в коме отца, и что она тоже нуждается в отдыхе. Мне удалось настоять, чтоб она уходила спать ночью в другую спальню, клятвенно заверив, что при необходимости немедленно вызову её по коммуникатору.

Я снова мучилась от бессонницы. За окнами тревожно завывал ветер, и шумели кроны деревьев. Я чувствовала себя старой и усталой. Я думала, что лежу сейчас на постели в чужом доме, на чужой планете, бог знает, как далеко от Земли, от моих родных и близких, и нет со мной даже человека, с которым я могла бы поделиться своими проблемами. Мне хотелось поныть и пожаловаться, но пускать вопли в пространство было не в моём характере. Потому я лежала и страдала, разглядывая розовые тиснёные обои на стене, надеясь в глубине души, что, может быть, объявится, наконец, мой единственный друг, или мне хотя бы удастся уснуть.

И, видимо, на какой-то момент мне это удалось, потому что, внезапно проснувшись, я обнаружила, что уже не одна в комнате.

В ногах у меня стоял мрачной тенью Кратегус. Увидев его, я вдруг вспомнила другую цитату из Цвейга: «Босуэл — фигура, словно высеченная из чёрной мраморной глыбы; стоит в горделиво вызывающей позе, и смелый взгляд его устремлен в века, — мужчина в расцвете лет и сил, во всей суровости и жестокости повышенной мужественности».

Только это был не Босуэл. Это был не человек, пусть даже демонического склада, это был демон. И он стоял, мрачно глядя на меня зелёными глазами демона.

Я почти испугалась. Почти, потому что через какое-то мгновение заметила, что широкие плечи чёрной статуи устало поникли, в вызывающей позе больше отчаянного протеста, чем гордыни, а взгляд его вовсе не смел, а как-то загнан и измучен. Он шагнул ближе и свет от ночника упал на его лицо. И я на миг позабыла о своей ране, потому что выглядел он ничуть не лучше меня.

Его бледное лицо было осунувшимся, лихорадочно горящие глаза запали и были окружены тёмными кругами, на высоком лбу блестела испарина, тёмные волосы были втрёпаны.

— Что ты сделала со мной? — хрипло прорычал он, подавшись ко мне. — Какую дрянь ты в меня влила? Чем ты меня отравила?

Я задумчиво смотрела на него, размышляя, что я такого успела сделать, чтоб привести его в такое состояние. Я решительно не понимала. Можно было подумать, что я успела порезать его Налорантом, но Свет — это не яд, он не может отравить. Он больше похож на огонь. А Кратегус выглядел явно отравленным. Чем можно отравить демона?

Он тем временем обогнул угол кровати и медленно направился ко мне. Он шёл, с угрозой глядя мне в глаза, но слишком медленно, чтоб я запаниковала. У меня было достаточно времени, чтоб схватить с тумбочки меч и проткнуть его, если б я вообще была в состоянии сделать это. И он не мог не видеть Налорант, лежавший рядом со мной, тем более что в лучах ночника его кристаллы воинственно сверкали. И шёл он с той самой стороны,

словно специально подставляясь под удар.

Он был уже в шаге от меня, но остановился так, чтоб я могла дотянуться до меча. Но я не могла. С холодной яростью, смешанной с отчаянием, он смотрел на меня сверху вниз.

— По-моему, я дал тебе слишком много времени, — хрипло проговорил он, склоняясь ко мне.

Его рука потянулась к моей шее, и я отпрянула, насколько позволили мне мои непослушные мышцы. И лишь в следующий момент я поняла, что тянулся он не к шее, а к щеке. Пальцы его руки были расслаблены, и их кончики дрожали. В его глазах появилось странное выражение, губы дрогнули, и вдруг он со стоном рухнул на колени рядом с моей постелью.

Я ошалело смотрела, как Кратегус задрожал от с трудом сдерживаемых рыданий. Его трясло, но когда он поднял голову, его глаза были сухими. Наверно, демоны не умеют плакать, но он был почти готов к этому. С отчаянием он простонал:

— Убей меня. Слышишь? Ты же хотела этого. Ты мечтала победить и уничтожить меня. У тебя получилось. Видишь, я у твоих ног, так нанеси последний удар! — его губы задрожали, и лицо исказила боль. — Я не могу так больше. Я не знаю, что со мною происходит. Я чувствую то, что не должен чувствовать, я думаю о том, что никогда не занимало меня, я вспоминаю то, что меня не касается... — его голос перешёл в рычание. — Я ощущаю в себе то, что давно должно было исчезнуть без следа. И это жжёт и терзает меня. Я схожу с ума. Ты слышишь? — его хриплый голос превратился в жалобный шёпот. — Освободи меня. Молю тебя.

Я, нахмурившись, смотрела на него, пытаюсь понять, что происходит. Таким абсурдным не мог быть даже сон.

— Ты молчишь, — тихо произнёс он, вглядываясь в моё лицо. — Молчишь. Конечно, — он кивнул со слабой улыбкой, — конечно, мне следовало понять, что это ты. Кем ещё ты могла стать, как не ангелом. Путь война начинается через смирение. Теперь я узнал тебя.

Он какое-то время печально и нежно смотрел на меня. Мне начало казаться, что теперь уже я схожу с ума. Мало того, что он подставляет свою грудь под мой меч, так теперь смотрит так, словно...

— Дженни, — с болезненной улыбкой прошептал он. — Это ты. Милая моя, добрая Дженни, неужели твой Бог так жесток, что послал тебя, чтоб терзать меня. Ведь я сделал это для тебя когда-то. Так давно... Ах, зачем я это сделал, Дженни... — он покачал головой. — Ты всегда была доброй девочкой, и когда-то ты любила меня. Последняя милость, дитя моё, ни о чём больше не прошу. Освободи меня от этой боли. Мне нужен покой. Я не хочу больше страдать.

— Ты только начал, — неожиданно для себя произнесла я. — Жизнь безрадостна, но, к счастью, коротка. Я не знаю, что с тобой случилось, и не понимаю, чего ты от меня хочешь.

— Убей меня, — хрипло произнёс он. Его лицо после моих слов побелело ещё больше и словно окаменело.

— Не выйдет, — отрезала я, страдая от подозрительности, свойственной всем испуганным и незащищённым. — Я тебя убью, а следом явится красный бес с рогами и когтями? Он будет цитировать Кафку и доставать нудными нравоучениями? Уволь.

— Я не подумал об этом, — с неожиданным смущением признался он. — Но почему я должен думать о том, что будет после моей смерти? Я предлагаю тебе чистую победу над порождением Зла, я молю тебя о милости, я даю тебе возможность освободить от мучений

невинную душу, а ты думаешь только о себе. Какой же из тебя ангел?

Его возмущение было искренним. Я рассмеялась, и в груди у меня что-то булькнуло.

— Много ты видел ангелов с бинтами на груди? Мне больно и я устала. Всё это или дурной сон, или бред. Я не собираюсь выслушивать эту чушь.

— Дженни... — снова начал он.

— Дженни умерла в монастыре, отмаливая твою душу, придурок! — гавкнула я и замолчала, соображая, откуда я извлекла эти потрясающие сведения.

— Не отмолила, — тихо произнёс он.

— Да где уж ей, — фыркнула я. — Пока она молилась, ты собирал души для своего хозяина. А теперь хочешь просто и благостно уйти...

— В ад, — уточнил он.

— То есть домой, — закусила удила я. — Чёрт тебя возьми, Кратегус. Не знаю, что с тобой такое случилось, но, видать, есть Бог на свете. Как говорит мой друг, жернова Господни мелют медленно, только кары Божьей не избежать. Пришёл твой час. Наслаждайся.

Он резко поднялся, глядя на меня испепеляющим взглядом.

— Я просил тебя, я умолял. Я убил бы тебя, если бы смог, но я не могу. Но я ещё в состоянии заставить тебя пожалеть о твоём отказе, — он улыбнулся одними губами. — Ты ангел, Дженни. И именно потому ты уязвима.

Он резко развернулся к двери и пошёл прочь, колеблясь и исчезая на ходу. Мгновение спустя я снова осталась в одиночестве, размышляя, было ли это сном или явью. Впрочем, мне было не до размышлений. Моя грудь ныла от долгого разговора, я была зла на весь мир и более всего на этого мерзавца, который вечно появляется по ночам.

Мне даже не пришло в голову подумать о том, что он говорил и почему так странно себя вел. Я была слишком сосредоточена на своей боли и, как следствие, на жалости к себе. И вскоре мне пришлось об этом пожалеть.

36

Через два дня я, наконец, встала на ноги, хотя по-прежнему чувствовала себя не лучшим образом. Лия, поняв, что моя жизнь уже вне опасности, поспешила удалиться. У неё были дела и поважнее, тем более что состояние её отца всё так же оставалось критическим. От Кратегуса не было ни слуху, ни духу, и я не слишком расстраивалась по этому поводу, благоразумно считая, что не нужно придавать значения неприятностям, пока они не случились.

Я сидела в то утро в гостиной у камина и пыталась что-то читать. В окно лился бледный серый свет. День намечался пасмурный, и я между делом подумывала, не стоит ли мне пройтись по вязовой аллее. На большее я пока была не способна. И именно в этот момент в кресле напротив возник Фарги.

Он был загорелым и свежим как двадцатилетний юнец, на нём были широкие холщовые брюки и яркая гавайская рубаша, которая показалась мне смутно знакомой. На запястьях звенели широкие серебряные браслеты. Он с довольным видом смотрел на меня, и не понятно было, что его радует: то, что он меня видит, или то, что он видит меня живой.

— Как у тебя дела? — улыбнулся он. — Выглядишь ты совсем неплохо.

— Значит, лучше, чем себя чувствую, — буркнула я, изучая его наряд. — А ты, я вижу, отдохнул, помолодел лет на двести.

— Или около того, — он с блаженной улыбкой потянулся. — Мне нужно было

отдохнуть, тебе же не нужен больной и потому капризный друг.

— Таких проблем мне хватает и с собственной персоной. Ты был на Земле?

— На Рокнаре. Воспользовался твоим бунгалом. Ты не против?

Теперь я вспомнила: это рубашка моего второго мужа, которую он носил несколько лет назад, когда мы ещё жили вместе на Рокнаре.

— Мне она понравилась, — пожал плечами Фарги. — К тому же чистый хлопок. Ему она, наверно, больше не нужна.

— Наверно, нет, — согласилась я. — А браслеты?

— Красивые, правда? — он позвенел ими. — Я взял их у Эдди, когда заскочил на Киоту. Полагаю, он уже забыл об их существовании.

— Эдди... — я немного смутилась, услышав его имя. Мне всегда чуть-чуть стыдно вспоминать покинутых мною мужчин. — Как он?

— Занят предвыборной гонкой, — произнёс Фарги. — Не беспокойся, он уже понял, что жизнь продолжается, но всегда будет готов к твоему возвращению. Как все они.

Я молча покачала головой и отбросила книгу. Мне не хотелось думать об этом и о чём-то другом в этом роде. Я казалась себе слишком измученной, чтоб допускать сомнения относительно того, правильно ли я поступала в прошлом и чем это обернулось для других людей.

— Это действие яда, — сочувственно пояснил Фарги. — К сожалению, я не смог удалить его полностью из твоего организма, и придётся подождать, пока иммунная система справится с этим самостоятельно.

Я молча включила телевизор. По городскому каналу показывали новости, но ничего интересного я не услышала. Молодой диктор как раз заканчивал рассказ о детском празднике в приюте Святой Елены.

— И последнее сообщение на этот час, — произнёс он вслед за этим. — Сегодня зафиксированы ещё два случая заболевания чёрной оспой. Больные госпитализированы. Эпидемиологическая служба магистратуры решила обратиться в Комиссию по биологической безопасности Новой Луизианы с просьбой о помощи в установлении источника заражения и предотвращения распространения болезни. Напоминаем, что на сегодняшний день выявлены шесть случаев заболевания. Однако Городской Совет считает, что говорить об эпидемии рано, и причин для беспокойства пока нет. И всё же, при обнаружении у себя или у ваших близких подозрительных симптомов, мы просим вас не выходить из дома и немедленно позвонить по телефону...

Я перевела взгляд на Фарги и вздрогнула. Он уже успел сменить наряд. На нём были чёрные кожаные брюки и чёрный свитер с высоким воротником под горло. Выражение лица у него было довольно мрачное. Это, вкупе с тем, что он всегда терпеть не мог чёрный цвет и кожаные штаны, заставило меня всерьёз встревожиться.

— Что случилось? — спросила я.

— Позвони в больницу и узнай возраст и пол заболевших, — распорядился он.

— В какую больницу?

Он раздражённо пожал плечами. Мне показалось, что он на меня злится.

Я задумалась. Чёрная оспа была уничтожена несколько столетий назад. Возбудителя этого заболевания больше не существует в природе, хотя раньше эта болезнь выкашивала целые страны на Земле. Кто у нас здесь занимается «историческими» заболеваниями? Госпитальеры!

Я схватила трубку телефона и тут же опустила её на место. А кто у нас «наводит» такие болезни?

— Звони, — негромко произнёс Фарги, встал и подошёл к окну.

Глядя ему в спину, я набрала знакомый номер, и через пять минут аккуратно положила трубку на рычаг.

— Молодые люди заболевали каждый день по двое, — проговорил Фарги, не оборачиваясь. — Каждый раз влюблённая парочка. Бурное развитие заболевания, их увозили прямо с места свидания. Так?

Он обернулся и посмотрел на меня.

— Зачем он это делает? — спросила я.

— Он взял в заложники всех влюблённых города и ждёт, пока ты это заметишь.

— Я не понимаю...

— Знаю, что не понимаешь, хотя всё предельно ясно. Он страдает и требует внимания. Его ненависть вызывают счастливые влюблённые, потому что сам он несчастлив в любви. Он выбрал чёрную оспу, потому что ты знаешь, что её не существует, и только он, пришедший из тёмных веков твоей планеты, может вновь вызвать из небытия этот ужас.

— Несчастлив в любви? — я вскочила с кресла и пошатнулась, едва успев вцепиться за подлокотник. Фарги даже не пошевелился, гневно глядя на меня. — О чём ты? И при чём тут я?

— Кратегус любит тебя, но он тобой отвергнут.

— Да он чуть не убил меня!

— Это было до того.

— До чего?

— До того, как ты вернула ему часть души Джулиана МакЛарена. О чём ты спрашивается, думала?

Я смутно припомнила какой-то грязный переулочек, Кратегуса и что-то трепещущее у меня внутри. Смутные воспоминания из сна, которые казались мне явью, бредовая просьба о поцелуе и удар током.

— Ты что, серьёзно? — изумилась я. — Как я могла это сделать? Это же просто аллегория. «Я передам тебе часть души с этим поцелуем...» Душу, что, так просто отдать на сохранение, и она будет храниться веками как в сейфе, а потом раз — и получи без квитанции? Чушь какая-то.

— Если бы... — вздохнул Фарги. — Что мы вообще знаем о душе? Что это такое? Почему она бессмертна и неистребима, хотя так ранима? Её можно изувечить обычным набором звуков и затем из осколков воскресить одним взглядом. Зачем она появляется на свет, какие цели преследует, что ищет в многочисленных и тяжких воплощениях? Можно ли разделить её, можно ли ею делиться? Никто ничего не знает. Душа — это самое странное и совершенное творение в этой Вселенной, и самое загадочное. Она сама по себе — чудо, и потому ничто самое удивительное, связанное с ней, не является чем-то невероятным. Ты вдохнула в демона человеческую душу. Ту её часть, где был свет любви. И душа начала свою новую жизнь во враждебном окружении. Я не знаю, погубила ли ты её, но эти шестеро на твоей совести.

— Спасибо, — кивнула я. — Что прикажешь делать?

— То, о чём он тебя просил. Убей его, освободи душу МакЛарена, и готовься к новой схватке. Если он, конечно, позволит теперь убить себя.

Я вспомнила ночной визит Кратегуса и была вынуждена признать, что всё сходится. Но тогда он ещё не знал, что с ним происходит. А теперь, судя по тому, как его раздражают влюблённые парочки, до него дошло.

— Вот только влюблённого беса мне и не хватало, — проворчала я. — И где мне его искать?

Фарги вздохнул и скрестил руки на груди.

— Скоро он сам объявится. И, боюсь, самым неприятным образом.

Фарги редко ошибается, если ошибается вообще. Поэтому я ощутила дурное предчувствие и с мрачным видом уселась в кресло. Читать не хотелось. Проблема, от которой я, по своей обычной привычке, настойчиво отворачивалась, снова встала передо мной во весь рост.

Странная метаморфоза, произошедшая с Кратегусом, была невероятна, но теперь вполне объяснима, если только можно принять за истину столь бредовое объяснение.

Демон, посланный силами Ада, чтоб убить меня, вдруг воспылал страстью к моей персоне. Не ко мне, а к той девице, которой я была в одной из своих прошлых и весьма давних жизней. Настолько давних, что я уже не помнила и не понимала её. Жутковато-романтическая история, приснившаяся мне во сне, приобрела реальность и теперь перетекала в кошмар моего настоящего. Что мне делать с влюблённым демоном?

Что вообще представляют собой влюблённые демоны? Я порылась в памяти, вспоминая прочитанные книги и фильмы, которые когда-то смотрела. Никаких аналогий. Демоны не влюбляются. Они злые, противные и коварные, то есть такие, как Кратегус.

От размышлений меня отвлек взгляд Фарги. Он сидел рядом на журнальном столике и с любопытством следил за ходом моих мыслей. Не то, чтоб шпионил, просто для него это было так, словно б я размышляла вслух.

— Ты сам-то видел влюблённых демонов? — поинтересовалась я.

Он беспечно пожал плечами. Судя по всему, нет, но было б интересно увидеть. Я фыркнула и вздохнула. Он улыбнулся. Он больше не злился. Он был любознателен. Его забавляла необычность ситуации. А почему нет, если разбираться со всем этим придётся мне, а не ему?

37

Первым тревожным сигналом был звонок Эльвера. Он позвонил ближе к вечеру и спросил, не у меня ли Альмер и Лия. Они должны были приехать в Храм на вечернюю литургию Крыльев Звёздного Дыхания и не явились. Дома их нет, в лазарете Ордена Госпитальеров тоже. Эльвер был встревожен, но постарался меня успокоить, высказав предположение о романтическом пикнике где-нибудь за городом.

Я не поверила. Только не Лия и только не сейчас. Я испытывала тревогу, подозревая, что тут явно замешан Кратегус. Он что-то хотел мне доказать и вполне мог использовать близких мне людей. Самыми близкими были эти двое, если не считать Фарги, который был ему не по зубам.

Когда стемнело, на улице началась гроза. Выл ветер, стонали кроны деревьев, и струи дождя хлестали в окно. Прекрасная декорация для готического романа. В полночь, как раз, когда часы пробили двенадцать раз, произошло Явление. Кратегус явно тяготел к сценическим эффектам, столь впечатлявшим во времена его молодости.

Он явился серой колеблющейся тенью перед моим креслом и прорычал потусторонним

басом, трепеща перепончатыми крыльями:

— Я жду тебя в усыпальнице МакЛаренов. Приходи одна.

После чего исчез.

— Старый козёл, — раздражённо проворчала я, размышляя о том, что мне придётся переться до кладбища и искать этот склеп. А я едва держусь на ногах после ранения.

Фарги, наклонив на бок голову, смотрел на то место, где только что стоял призрак, а потом взглянул на меня.

— Оденься потеплее и поезжай на машине. Не забудь зонт.

— Да, сэр, — проворчала я и потащила в прихожую.

К счастью, машина стояла недалеко от подъезда, и я успела втиснуться в салон, не промокнув до нитки. Фарги со мной не поехал. Соблюдал чистоту эксперимента.

Ругая на чём свет стоит погоду, судьбу и демонов, я подъехала к кладбищу, раздумывая, где мне искать нужный склеп. Я как раз подъезжала к воротам, когда впереди, перед самым бампером машины заплясал едва заметный блуждающий огонёк, который, сделав несколько изящных па, стал удаляться, словно приглашая меня следовать за собой. Я приняла приглашение, и вскоре он привёл меня к красивому мавзолею в стиле классицизма, с портиком, колоннами и высокой лестницей, ведущей к окованным бронзой дверям.

Огонёк исчез, а дверь беззвучно распахнулась. Из проёма лился красноватый свет. Прямо вход в пекло. Оставь надежду всяк сюда входящий. Ворча и чертыхаясь, я вылезла из салона и с удивлением протянула ладонь, выясняя, идёт ли дождь. Он шёл в метре от меня, но надо мной словно кто-то раскрыл зонтик. Умилившись такой заботе, я не торопясь поднялась по мокрым мраморным ступеням и вошла в склеп.

Здесь было довольно мило и просторно. На стенах горели факелы, рядами стояли каменные надгробия, а в конце прохода между ними, в бликах красного огня стоял высокий мужчина в чёрном. Я направилась к нему. Этот переход был для меня слишком долгим и трудным, но он даже не пошевелился, чтоб сократить это расстояние.

Приблизившись, я поняла почему. В углу склепа, возле стены сидели на полу молодой серебристый лев, прикованный к стене цепью и прижавшаяся к нему Лия. Она прикована не была, но естественно не могла бросить Альмера. Масунт рычал и скалил белоснежные клыки, а девушка вцепилась в его синюю гриву, словно боялась, что её оторвут от него и выдворят прочь.

Кратегус мрачно смотрел на меня.

— Я знал, что ты придёшь, — хрипло произнёс он. — Ради других ты готова рискнуть, верно?

— Ага... — я посмотрела на своих друзей. — Что тебе нужно?

— Справедливости, — ответил он и тоже взглянул на них. — Влюблённые... Какая идиллия. Они проникнуты чувством взаимопонимания и самопожертвования. И потому они счастливы.

— По-моему, они не выглядят такими уж счастливыми, — заметила я.

— Это сейчас, потому что я уже приступил к восстановлению справедливости. Почему кто-то счастлив, если несчастлив я? Разве я не имею право на понимание? Разве я не жертвовал собой? Я уже несколько веков горю в Геенне Огненной. Теперь их черёд.

Он протянул к ним руку и сжал кулак. Масунт дёрнулся от судороги, пробежавшей по его телу, и зарычал. Лия со стоном прижалась к нему. Чем сильнее он сжимал поворачивающийся от напряжения кулак, тем громче становились стоны и хриплое рычание

зверя.

— Прекрати, — приказала я.

Кратегус, не разжимая пальцев, взглянул на меня.

— Я хочу их смерти. Пусть они умрут от боли. Это справедливо.

Лия закричала, а рычание льва превратилось в хриплый стон.

— Хватит!

Я попыталась схватить его за сжатую в кулак руку, но у меня было слишком мало сил. Я просто уронила свою ладонь на его запястье и вдруг заметила, что он вздрогнул. Его мышцы перестали дрожать от напряжения, и стоны стихли. Лия обессилено упала на гриву Альмера. Кратегус остановившимся взглядом смотрел на мою ладонь, лежащую на его руке.

— Чего ты хочешь? — тихо спросила я.

Он вперил в меня затуманенный взгляд и выдохнул:

— Тебя...

— Это невозможно, — я покачала головой и почувствовала, как он снова напряг руку. — Послушай, — быстро заговорила я. — Ты не понимаешь... Дело не в моём желании. Просто теперь всё иначе. Ты не человек, ты — демон. Я тоже не совсем человек, я — ангел.

— Тогда они умрут, — как-то очень печально и обречённо проговорил он.

— Постой!

Он с надеждой взглянул на меня. Я лихорадочно соображала. Ничего не приходило в голову, никаких гениальных идей и изящных ходов. Но нужно было что-то говорить, и я сказала.

— Предлагаю компромисс. Я позволю тебе находиться рядом со мной, в моём доме. Но ты должен оставить свои демонические штучки. Раз и навсегда!

Ничего глупее и представить себе было невозможно, разве что его согласие на это дурацкое предложение. Он смотрел на Альмера и Лию, а потом перевёл задумчивый взгляд на меня и глухо произнёс:

— Я выбираю подвал.

38

На следующее утро у меня раскалывалась голова, и очень хотелось думать, что случившееся ночью было дурным сном. Но из подвала доносился какой-то шум, должно быть наш новый квартирант менял обстановку. Я с мрачной тревогой прислушивалась к этим звукам.

Фарги с философской улыбкой поглядывал на голубеющее за окном небо и гладил нервно подрагивавшего Иеремию, устроившегося у него на коленях.

— Это был оригинальный выход из положения, — наконец похвалил меня мой друг. — Молодец. Ты уже продумала план его перевоспитания?

— Издеваешься, — хмуро определила я.

— Ну, почему? Тебе ведь известно, что в обычае моего народа было отлавливать и приручать демонов. Правда, наши были попроще. Что-то вроде домашних питомцев. А этот... Скорее, демон-компаньон.

— Или домашний тренер по боксу, — проворчала я.

— Взгляни на это с другой стороны, — легко продолжил он. — В сложившейся ситуации есть и положительные моменты.

— Например?

— Ты остановила проклятие. Кратегус обезврежен и не убит, а, следовательно, другой уже не появится.

— Действительно, положительный. Знать бы ещё, что с этим делать.

— Не знаю, — Фарги уже серьёзно взглянул на меня. Видимо, понял, что его шуточки не повышают мой жизненный тонус. — Я ведь этого и боялся. С такими вещами вечно бывает столько проблем.

— Я его не соблазняла.

— Понимаю, и это несколько меняет ситуацию. Он не влюблён. Он любит.

— Но не меня.

— Тебя. Ты для него — Дженни. Он тебя узнал, вернее, тебя узнала душа МакЛарена. Да и как она могла тебя не узнать, если провела с тобой столько веков, будучи маленькой и незаметной частичкой твоей души.

— И что дальше?

— Кто знает... Видишь ли, душа воцарилась на своём прежнем месте, поскольку там была пустота. Но она в теле демона, наполненном демоническими силами, подаренными ей Сатаной. Справится ли она, ведь это не целая душа, а лишь маленький её осколок? Но, с другой стороны, этот осколок не отравлен ядом гнева и падения, к тому же он питался теми же чувствами и идеями, что и твоя душа, он креп и набирался мудрости вместе с тобой. Весь вопрос в том, может ли из одного кусочка возродиться полноценная душа?

— Тем более, что полная душа МакЛарена находится в закладе у Сатаны.

— И это тоже проблема. Я ж говорю, мы ничего не знаем о природе души. Так что всё это — сплошное теоризирование. Посмотрим, что покажет время. Кстати, ты можешь помочь душе МакЛарена.

— Я не люблю его и тем более не могу любить Кратегуса, если ты это имеешь в виду. Я вообще не умею любить по заказу.

— Просто будь с ним полюбезнее.

— Щас!.. — фыркнула я.

— Ты же уже помогла одному демону встать на путь Света.

Я покосилась на него. Он имел в виду, что я сумела наставить на путь истинный главного злодея Галактики.

— Но он был такой душка... — кисло улыбнулась я.

Фарги усмехнулся.

— К тому же он не был демоном, — продолжила я. — Он был человеком. Вернее, анубисом, который превратился в человека.

— Гомункулусом собственного изготовления.

— Но у него неплохо получилось. К тому же генетически он был хорошим и даже очень хорошим. У него кровь Воина Духа.

— Но он всерьёз колебался между Светом и Тьмой. Тебе ведь известно о существовании «перебежчиков». Он мог встать на сторону Зла.

— Нет, не мог. В конечном итоге люди не меняются. Никакие шараханья не могут изменить их природу.

— Значит, нам остается ждать какая природа возьмёт верх в Кратегусе, демоническая или человеческая.

Он занялся котом, всем своим видом показывая, что утратил ко мне всякий интерес.

Я хотела было обидеться на него, но шум в подвале снова привлёк моё внимание.

Тревога постепенно сменилась любопытством. Помаявшись с минуту, я решила спуститься вниз и посмотреть, что там делается.

39

До этого я ни разу не бывала там. Мне было просто ни к чему спускаться в подвал. Открыв дверь на кухне, я увидела тёмные ступеньки, уходившие в полумрак, разгоняемый каким-то зыбким непонятным светом. Держась за перила, я тихонько спустилась на десяток ступеней и замерла, с удивлением глядя вокруг. Деревянная лестница неожиданно переходила в каменные ступени, которые шли вниз по окружности, спиралью опоясывая внутренность небольшой, сложенной из камня башни. Я даже увидела узкое окно-бойницу в противоположной стене, через которое было видно ночное небо с настоящей белой и круглой, как на Земле, Луной. От окна тянуло свежестью и запахом степи, трав и леса.

Круглое помещение внизу освещали четыре факела на стенах. Посреди комнаты стоял большой стол, заставленный какими-то старинными стеклянными ёмкостями, ретортами, бутылками и колбами, завален древними свитками и листами пергамента. На его краю, грозя обрушиться на пол, возвышалась стопка потемневших от времени фолиантов. На стенах висели полки, на которых громоздились глиняные горшки, тугие холщовые мешочки, какие-то деревянные коробочки и шкатулки, камни необычной формы, снова книги, бутылки, реторты. Между полками висели связки трав, гирлянды из сушёных ягод и фруктов, и целые связки разноцветных бус. Всё это напоминало лабораторию алхимика, хотя здесь не было засушенных летучих мышей и крокодила. Не нашла я и Руку Власти, и черепов.

И ещё несколько предметов не вписывались в этот архаичный интерьер. Сбоку у стены стоял небольшой столик в стиле рококо на золочёных изогнутых ножках, на полированной столешнице которого на бронзовой подставке поблескивал большой хрустальный шар. Возле столика располагался такой же хрупкий и роскошный стул. Под лестницей к стене было прислонено огромное прямоугольное зеркало без рамы. Оно напоминало дверь в другой мир, потому что было неприятно чёрным и блестящим. И, наконец, у стены между столиком и зеркалом я увидела большое современное кресло, пышное и удобное, обитое чёрным бархатом. В этом кресле сидел Кратегус и задумчиво взирал на меня.

Он снова был в чёрных брюках и чёрной шёлковой рубашке. Я вдруг подумала, что, может быть, Фарги сменил имидж, глядя на него?

Вид у него был уже не такой измученный, как ночью. Наоборот, он выглядел вполне здоровым, хотя и не слишком весёлым.

— Входи, — проговорил он. — Здесь всё достаточно надёжно. Это не иллюзия.

— Парадоксы пространства на службу человечеству, — усмехнулась я, вспомнив времена, когда на Земле только начали осваивать такие пространственные ниши для расширения рабочей площади звёздных кораблей.

Кратегус внимательно следил, как я, опираясь на стену, спускаюсь вниз.

— Ты ещё не совсем здорова, — заметил он.

— Твоими заботами, — вежливо улыбнулась я.

— Мне нужно было тебя убить, — не моргнув глазом, сообщил он. — Тогда бы всё это не случилось.

— Что это?

Я дошла до низа лестницы и ступила на пол из широких деревянных досок.

— Садись туда, — он указал на стул в стиле рококо. — Там достаточно удобно.

Я села. Он смотрел на меня из-под тёмных загнутых ресниц и его зелёные глаза странно мерцали.

— Если б мне не пришло в голову исполнить твою бредовую просьбу о поцелуе, любовь МакЛарена не завладела бы мной. Ты не представляешь, как мучительно это чувство после веков бесчувствия. Я уже забыл о том водовороте счастья или горя, в который вовлекает человека эта страсть. Я относился к этому с пренебрежением, потому что видел какими жалкими и порочными являются люди, и не помнил, какие страсти сотрясают их слепые души. И вдруг это случилось со мной. Я был смят и ослеплён, меня выжигал изнутри невыразимый и неизъяснимый огонь желаний, которые я не мог понять. Я пытался справиться с этим, сперва сам, потом прибегнув к помощи магии, отворотов и зелий, потом я кинулся за помощью к ведьмам, колдунам и, наконец, к демонам, — он покачал головой. — Их заклинания и снадобья не помогли. Я был уже не просто проклят, а дважды проклят. И ничто не могло мне помочь.

Он задумчиво и мрачно смотрел на меня.

— Я упустил момент, поддался глупой гордыне, был слишком самоуверен и поплатился за это. Теперь мне придётся жить с этим, может, века и века, пока меня не уничтожат. К сожалению, — он слабо улыбнулся, — демоны не склонны к суициду. Но поговорим о тебе, я ведь на такой долгий срок выпустил тебя из поля зрения. Теперь ты тоже бессмертна?

— Относительно.

— Да, тебя можно убить, но это также нелегко, как убить меня. К тому же у тебя теперь другая кровь, ты больше не земной человек. И не ангел, — он усмехнулся, — ты — несущая благословение на челе и проклятие — на плечах. Так вас называют, у вас свои игры, и играете вы на звёздном ристалище. Кто б мог подумать, бедная сиротка-пастушка, и вдруг — Звёздный Воин.

— Прошло много жизней.

Он посмотрел мне в глаза и медленно кивнул.

— Вижу. Ты уже давно не Дженни, но для меня это не имеет значения. Как тебя зовут теперь?

— Лора.

— Красивое имя, такое же, как ты. Ещё что-нибудь о себе расскажешь?

— Может, позже.

Он кивнул.

— «Молчи и слушай». Разумная тактика. А твой друг? Он был твоим возлюбленным при жизни?

— Нет, но в этой жизни у меня было два мужа и несколько возлюбленных.

— Хочешь сказать, что МакЛарен давно забыт, и его затмили сотни и сотни героев, не знавших поражений и падений?

— Наверно, именно это я и хочу сказать, — согласилась я.

— Когда он умер? — Кратегус указал на потолок. — Этот твой божественный дружок.

— Лет семь назад.

— Убит?

— Покончил собой.

— Добровольная жертва?

— Ты очень проницателен.

— Для того чтоб понять это, не нужно быть проницательным, — пренебрежительно

усмехнулся он. — Это вполне в духе вашего братства. Всегда легче жертвовать собой, чем другими.

На его лицо набежала тень, и он прищурился, глядя прямо перед собой, словно что-то вспомнив.

— Странные вещи приходят в голову, — задумчиво произнёс он, — воспоминания, даже привязанности. Как тебе мой подвал?

Я огляделась.

— Не очень похоже на жилище демона.

Он как-то странно взглянул на меня, в глубине его глаз мелькнуло что-то похожее на печаль.

— Лаборатория моего отца в нашем замке в Шотландии. Я много веков не вспоминал об этом, а сегодня вдруг вспомнил, и мне захотелось иметь такую же.

— Он был алхимиком?

— В какой-то мере. Он занимался магией, ворожбой на травах, камнях, дереве, реже на костях и крови животных. Никогда — на человеческих. Считал, что это грех. Он был очень набожным. Только от чумы это его не спасло. Если б у меня тогда был этот дар...

— Повелевать недугами?

Он кивнул, но в следующий момент его взгляд стал колючим и немного насмешливым.

— Но этот дар может быть только у демона, а демоны не лечат, они калечат и убивают. Это условие получения дара. Все дары нам даются под условием.

— Это точно, — согласилась я. — Мой дар мне дан под условием, что я не буду увивать от схватки с исчадьями Тьмы.

— Ангел... — с сарказмом произнёс он. — Все вы не знаете страха и сомнений, все кидаетесь в бой, не жалея белых пышных крылышек, все с лёгкостью отвергаете искушения и купаетесь в небесной любви. Неужели Добро так привлекательно?

Я задумчиво кивнула и усмехнулась.

— Посуди сам. Злу приходится изворачиваться, обманывать, выдумывать искушения, чтоб заманить в свои сети, а Добро, оно такое, как есть. Тьма коварна, она создает сумасшедшие и могущественные дары, чтоб удержать своих слуг на привязи, а тот, кто хоть раз ощутил прикосновение Света и Любви, не забудет его никогда.

— Как изысканно звучат эти рассуждения о любви после тонкого замечания о схватке, надо полагать, беспощадной.

— Одно другому не мешает. Должен же кто-то стоять на границах Света, оберегая его от вторжения Тьмы.

— Если б вы только оберегали... Вы так же экспансивны, как и мы, и не упустите возможности захватить чужие территории.

Я улыбнулась. Разговор становился забавным. Не хватало пары банок пива. Извечный спор между вечными противниками. Всё это длится так давно, что уже потеряло остроту. Пока клинки не извлечены из ножен.

— Эта ситуация не кажется тебе комичной? — поинтересовалась я.

— Кажется, — кивнул он. — И комичной, и безумной. Не то что б я не беседовал раньше с вашим братом, но беседовать об этом с тобой и при таких обстоятельствах... Неужели это надолго?

— Ты знаешь выход?

— Если б знал, я бы избавился от этой болезни и разорвал тебя на куски, пожрал твоё

сердце и развеял бы твой прах по ветру.

— Интересно, что мне мешает поступить так с тобой, разумеется, без пожирания твоего сердца?

Он рассмеялся.

— Щепетильность, мой светлый враг. Ты слишком честна и благородна, ты не можешь отрубить протянутую тебе руку. Не можешь отсечь голову безоружному противнику. Ты жаждешь только честного боя и чистой победы. И мне это на руку. Пока ты верна своим принципам, у меня будет время, чтоб найти способ освободиться от этой проклятой человеческой заразы, проникшей в меня.

— Ещё немного и тебе этого не захочется, — усмехнулась я, поднимаясь со стула в стиле рококо. — Не буду мешать твоим поискам лекарства от любви. Может, по пути изобретешь перпетум мобиле или составишь формулу простого числа. Желаю удачи.

Мой взгляд остановился на зеркале. Оно действительно было совершенно чёрным и ничего не отражало. Я шагнула к нему, чтоб рассмотреть поближе, но в следующий момент Кратегус молнией вскочил с кресла и оказался между мной и зеркалом. Схватив меня за плечи, он поспешно проговорил:

— Никогда не подходи к нему. Никогда не спускайся сюда в мое отсутствие.

— Почему? — наивно спросила я.

Он на мгновение закрыл глаза, вздохнул и снова взглянул на меня.

— Это опасно. А я не хочу, чтоб с тобой что-то случилось.

— А, может, я — причина твоей болезни. Ну, понимаешь, нет ананасов — нет аллергии.

Он какое-то время молча смотрел на меня, аккуратно держа ладонями мои плечи.

— Нет, — наконец произнёс он. — Это — другое. Когда тебя нет — это боль, но если ты рядом, пусть даже такая язвительная и чужая, — это уже похоже на счастье. Или хотя бы на покой. Я хочу посмотреть, что будет потом.

— Посмотри... — кивнула я, осторожно высвобождаясь и направляясь к лестнице. Уже на ступенях я обернулась: — Тебе не обязательно сидеть здесь безвылазно. Можешь подниматься наверх, если захочешь поболтать со мной или моим другом. Я думаю, вы найдёте общие темы.

40

Я вернулась в гостиную, где Фарги с увлечением продолжал свои игры с Иеремией. Присев на подлокотник второго кресла, я задумчиво смотрела на него.

— Он странно ведёт себя, — наконец произнесла я.

— Ты о зеркале? — не поднимая головы, уточнил он. — Это как раз не странно. Это не зеркало, это — портал. Ваше сближение опасно не только для тебя, но и для портала. Во всем этом есть другая странность... Лаборатория.

Он поднял голову и посмотрел на меня.

— Лаборатория? — уточнила я. — Что в этом странного? Это просто пространственная ниша.

— Ты не поняла, — нетерпеливо мотнул головой Фарги. — Дело не в этом фокусе. Дело в его словах. Он сказал, что это лаборатория его отца. Но у Кратегуса никогда не было отца.

— Погоди, — до меня начало доходить. — Ты хочешь сказать, что ещё недавно Кратегус с трудом вспомнил о том, кто такой Джулиан МакЛарен, а теперь говорит так, будто это он и есть. Более того, он, похоже, всё ещё сожалеет о смерти его отца.

— Или делает вид, что сожалеет.

— Вечно ты всё испортишь, — отмахнулась я.

— Демоны коварны. Почему я не могу напомнить тебе, если ты готова об этом забыть?

— Можешь, — кивнула я. — Ещё странности?

— Я долго буду думать за тебя? — осведомился он.

Я обиженно фыркнула, хотя он был прав. Иеремия неожиданно дёрнулся у него на руках и попытался вырваться. Фарги загадочно улыбнулся, глядя куда-то позади меня. Я обернулась. В дверях кухни стоял Кратегус и как-то нерешительно осматривался. Впрочем, заметив, что мы смотрим на него, он снова откинул голову, и взгляд его стал заносчивым.

— Я решил воспользоваться твоим приглашением, — проговорил он, бросив на меня быстрый взгляд, а потом внимательно и оценивающе взглянул на Фарги.

Какое-то время они пристально разглядывали друг друга. Кажется, их интересовало всё, от возможностей потенциального противника до стиля его одежды.

— Входи, не стесняйся, — ласково мурлыкнул Фарги, таинственно улыбаясь. — Коль скоро ты теперь тоже здесь живешь.

— Я-то живу, — процедил Кратегус. — А что ты тут делаешь?

— Имеешь ввиду мою смерть? — как ни в чём не бывало усмехнулся Фарги. — О, мальчик, ты просто не знаешь, что это такое, и потому задаёшь глупые вопросы.

— Не зови меня мальчиком, — рыкнул демон, глядя на него исподлобья.

— Отвык? — сочувственно кивнул Фарги. — Ничего, привыкнешь. В этом доме хозяин я, так что принимай правила игры или сваливай.

Кратегус молча взглянул на меня.

— Ты выбрал подвал, — пожал плечами я. — Там можешь хозяйничать в своё удовольствие, а в остальных частях дома ты — гость.

— Он не слишком гостеприимный хозяин, — поделился со мной Кратегус.

— Ты его просто ещё не знаешь. На самом деле он божественно радушен.

Кратегус с отвращением поморщился. Потом посмотрел на враждебно смотрящего на него кота. У Иеремии был такой вид, словно он только выбирал момент, чтоб ринуться в драку.

— А это животное? Ему обязательно здесь находиться? Что помешает мне сварить из него похлёбку для ведьм?

Я открыла рот, чтоб высказать какую-нибудь страшную угрозу, но заметила, как прищурился Фарги. Похоже, Кратегус пытался меня спровоцировать, чтоб определить мою возможную реакцию на его поведение. Я улыбнулась и произнесла:

— Если с котом что-нибудь случится, сам будешь мышей ловить.

— Мне мыши не мешают... — разочарованно пробормотал он и снова взглянул на Фарги. — Не пытайся. Со мной такие фокусы не проходят.

— Если не проходят, то чего ты боишься? — уточнил Фарги.

Я догадалась, что он пытался проникнуть в мысли Кратегуса. С людьми и низшими духами он делал это без усилий, но демон был не таким простым объектом. Я усмехнулась, зная упорство Фарги. Он из тех, кто никогда не отчаивается и может пытаться снова и снова. Демон настороженно посмотрел на него.

— Я убью кота, если ты не прекратишь, — заявил он нервно.

— Предлагаешь сделку? — рассмеялся Фарги и потрепал Иеремию по загривку. — Бедняжка, ты становишься заложником моего любопытства. Но я согласен, — он кивнул Кратегусу, — а если ты нарушишь уговор, я выверну тебя наизнанку. Пожалуй, это

единственное, что я смогу с тобой сделать, но тебе мало не покажется.

Кратегус с холодным раздражением смотрел на него, но возражать не стал.

— Ну, отношения выяснены? — поинтересовалась я.

— Мы только начали, — возразил Фарги.

— Я пришёл не ссориться, — неожиданно вспыхнул Кратегус. — Просто хотел познакомиться поближе.

— Познакомиться? — живо переспросил Фарги. — Ну что ж, для начала представься, незнакомец. Расскажи, откуда ты пришёл, что занесло тебя в наши края?

Тот с ледяной ненавистью взглянул на него и процедил:

— Я Кратегус, демон высшего уровня, граф Преисподней. Я убийца, забравший души тысяч смертных, я истребитель ангелов. Я отправил тридцать восемь пернатых особей в объятия их Отца.

— Какой послужной список... — вежливо отреагировал Фарги. — Продолжай.

— Я пришел из Бездны, чтоб победить тридцать девятого... — он замолчал и перевёл взгляд на меня. — И первый раз ошибся. Но я ещё надеюсь справиться с этой ситуацией. А ты? — он снова взглянул на Фарги. — Ты, конечно, полубог. Истребитель демонов.

— Я Фарги, наследный принц Голубой Кометы, — негромко и мягко произнёс мой друг. — Я вышел из недр расы, созданной из Света для борьбы с Тьмой. Я Воин и я не считал, сколько исчадий Бездны я вернул в её пучины, потому что это не то, ради чего я рождён. Я не бог, я не ангел, я светлый дух, свеча в темноте, маяк в бурном ночном море. Я несу свет во тьму, я помогаю тем, кто нуждается в помощи, я вывожу на дорогу тех, кто блуждает в тумане, я защищаю тех, кто в опасности.

— Защищаешь от кого? — уточнил Кратегус, ища зацепку для начала дискуссии.

— Иногда от них самих, — без пафоса ответил Фарги. — Я долго живу в этом мире, почти столько же, сколько она, но во много раз дольше, чем ты. Я вижу души и поразившие их недуги, я умею врачевать сердечные раны. Я знаю, что скрыто в глубинах этих душ, и могу раскрыть спрятанные в них сокровища и изгнать из них Зло.

— Ты из самых опасных, — тихо произнёс Кратегус. — Ты не просто Воин, ты плодишь Воинов. И что ты получаешь взамен? Они уходят, страдают, гибнут.

— Они возвращаются вновь, такими, какими я помог им стать, и продолжают свой путь и начатую мной работу. И что я получаю? Любовь... — он мечтательно улыбнулся и, заложив руки за голову, откинулся на спинку кресла. — Ты не представляешь, что значит иметь рядом людей, которые искренне любят тебя, и знать, что таких людей и существ не счесть во Вселенной. Это ощущение... — он вздохнул. — Это и есть подлинное прикосновение Света.

— Ты помогаешь только хорошим? — прищурился Кратегус.

— Я помогаю тем, кто может стать хорошим. А, впрочем... Иногда мне приходилось помогать и плохим.

— Неужели?

— Я не получаю удовольствия, глядя на чьи-то страдания. Я не стану спасать демона от смерти, но избавлю его от лишних мучений.

— Ударом меча?

— Нет. Прикосновением руки. Я не повелеваю недугами, но я тоже властвую над болью. Кратегус молча смотрел на него, а потом усмехнулся.

— И ты бы помог мне? Ведь я пытался убить женщину, которую ты любишь.

— Это прозвучало так интимно, — с улыбкой шепнул Фарги. — Да. Я люблю Лору, — он взглянул на меня. — Я не люблю расставаться с любовью и потому люблю всех женщин, которых мне выпало полюбить. Люблю Дину, люблю Лору, люблю других... Что ж до помощи тебе, — он снова обратился к Кратегусу, — я бы помог, если б ты склонен был принять эту помощь. Но прежде чем принять её, тебе следует учесть то, от кого эта помощь будет исходить, и в чём она будет выражаться. Кстати, Лора тоже умеет врачевать недуги вроде твоего. У неё был прекрасный опыт. Но тебе он не понравится. Она встретила чудовище и превратила его в Воина Света.

— Каким же образом свершилось это превращение? — усмехнулся Кратегус.

— Она его полюбила.

Демон дрогнул. Огонёк ревности вспыхнул в его глазах, по скулам прошлись желваки. Но потом, какая-то мысль зародилась в его голове, он задумчиво взглянул на меня.

— Ты могла бы полюбить меня?

— Что называется, вопрос в лоб, — рассмеялся Фарги.

— Нет, — категорически заявила я, взглянув в глаза демона.

— По крайней мере, честно, — прокомментировал Фарги.

— А МакЛарена? — не унимался Кратегус.

— А причем здесь ты?

— Он здесь, — Кратегус прижал ладонь к груди. — Я знаю, что он здесь, и я позволил бы ему жить, если б мне перепала б хоть частичка любви, доставшейся ему.

Фарги быстро и предостерегающе взглянул на меня. Его взгляд говорил: не спугни эту идею, дай ему надежду, и мы сможем попробовать.

— Я не играю в такие игры, — ответила я им обоим. — Я не влюбляюсь по заказу. Я не знаю, кто такой МакЛарен, и у меня нет причин его любить.

— Тогда я его уничтожу, — злобно рыкнул Кратегус.

Фарги вздохнул и разочарованно покачал головой.

— Делай что хочешь, — ответила я демону. — Это между тобой и тобой, между Кратегусом и МакЛареном. Кто породил кого и кто кого уничтожит... Пусть решит судьба. Но меня больше в это дело не впутывайте.

— Психологическая травма, идущая из той инкарнации, — профессиональным тоном пояснил демону Фарги. — Набожная девушка потеряла возлюбленного, превратившегося в исчадь ада. Это её потрясло, причинило сильную боль, отголоски которой остались в подсознании. В этой жизни вполне естественным является побуждение к отторжению всего, что связано с той печальной историей.

— А разве ты не можешь помочь ей справиться с этой болью? — прагматично поинтересовался Кратегус.

— Ты причинил, ты и справляйся. А я в данном случае умываю руки.

— Это что за разговоры? — взвизгнула я, придя в ярость. — Тебе не кажется, любимый, что ты меня подставляешь ради своих научных экспериментов? А ты, глупое животное, неужели ты не видишь, что он любой ценой хочет подвигнуть тебя к тому, чтоб ты дал шанс душе этого алхимика?

— Я ж говорю, клинический случай, — развёл руками Фарги. — Я пытаюсь спасти живую душу, а она мешает мне, идя против своих собственных принципов. Очень острая реакция на раздражитель.

— Я дам МакЛарену этот шанс, если это даст шанс мне! — пропустив его

разглагольствования мимо ушей заявил демон.

— Мерзавец! — не обратив внимания на его слова, взвилась я, глядя на Фарги.

Потом все резко замолчали. Я возмущенно взидала на Фарги, он — задумчиво на Кратегуса, а тот — с отчаянием на меня.

— Дурацкий разговор... — как-то очень по-людски выдохнул, наконец, демон и повернулся к двери, потом из-за плеча взглянул на нас. — Я только что понял, что мой час близок. Я не думал, что всё будет так.

Он шагнул к двери на кухню и, заколебавшись, исчез.

— А куда делся винный погреб? — озабоченно спросил Фарги.

— Прекрати, — прорычала я.

— Не злись, — с неожиданной усталостью в голосе попросил он. — Я не призывал тебя влюбляться в демона. Я предлагал дать ему надежду. Душа МакЛарена родственна твоей, она мудра. Если б она победила, она смогла бы жить с неразделённой любовью, а потом найти новую. Ты же это можешь. Я всего лишь пытаюсь бороться за живую душу. Считай, что это ложь во спасение.

— Я не хочу лгать, — тихо произнесла я, почувствовав, что мне стыдно за своё поведение. Фарги был прав, он пытался спасти душу. Я должна была помочь ему, но я только мешала. Я не в силах была справиться с собой. — Извини, — пробормотала я. — Может, ты прав насчёт этой травмы, но я не могу. И спасибо.

— За что?

— За то, что не пытаешься избавить меня от этой боли. Ты бы мог сделать это так, что я не заметила бы?

— Ты же не Тилли, — вздохнул он. — Ну и разговор... Мне даже стало жаль его. Такую боль руками не разведёшь. Ему действительно очень больно.

— И что?

— Не знаю. Кстати, я вспомнил о влюблённом демоне. У Лермонтова, помнишь?

Она моя! — сказал он грозно, -

Оставь её, она моя!

Явился ты, защитник, поздно,

И ей, как мне, ты не судья.

На сердце, полное гордыни,

Я наложил печать мою;

Здесь больше нет твоей святыни,

Здесь я владею и люблю!

— Жуткая история... — пробормотала я, вспоминая финал поэмы.

И проклял демон побеждённый

Мечты безумные свои,

И вновь остался он, надменный,

Один, как прежде, во вселенной

Без упования и любви!..

Мне почему-то всегда было жаль Демона. Но не теперь.

— Я не Тамара, Фарги. Я ангел, тот, что отнял Тамару у Демона и отнёс в рай. Я не желаю уступать ему Дженни, потому что я не верю Кратегусу. Он демон. Он исчадьё Тьмы. Он жесток и коварен. Он эгоистичен. Наша задача убивать демонов, а не жалеть их.

— Почему ты не убьешь его?

— Я тоже хочу дать шанс душе Джулиана МакЛарена. И я хочу, чтоб Кратегус почувствовал в полной мере, что значит иметь человеческую душу. Это лучшее наказание для демона. И, может быть, лучшее искупление.

— Ты сама не веришь тому, что говоришь.

— Ты как ребёнок, Фарги. Ты веришь в добро и в чудеса. Ты думаешь, что если ты в это поверил, то так оно и будет.

— Просто я никогда не верю в то, что не может сбыться. У меня есть интуиция в таких делах. Я видел и не такие чудеса. Он нуждается в помощи, и я помогу ему.

— Если он захочет.

— Захочет. Никто не сможет терпеть такую боль долго. Ты не знаешь, здесь в библиотеке случайно нет Лермонтова?

41

Следующие дни прошли в каком-то настороженном покое. Кратегус не вылезал из своего подвала. Судя по приглушенным звукам взрывов и запахам, иногда доходившим до кухни, он снова занялся алхимией в своей лаборатории. Фарги появлялся пару раз, чтоб взять из библиотеки какие-то книги, и снова исчезал.

Я, наконец, немного успокоилась. Моя рана зажила и слабость прошла. Я даже вышла, наконец, прогуляться по дубовой роще, но там всё напоминало мне первый сон о Джулиане МакЛарене, и я поспешила вернуться домой. Мне начала надоедать эта история. Очень хотелось просто забыть о ней. Я и раньше замечала за собой желание отвернуться от неприятной проблемы. Как часто это приводило к печальным последствиям! Но таково, наверно, свойство психики, избегать болезненных прикосновений реальности. Или прошлого, если теория Фарги о психологической травме верна.

Мои друзья из местного отделения «Звёздного щита» не появлялись. Лия и Альмер знали, что я пригласила Кратегуса пожить у себя в подвале, и не рисковали сунуться сюда. А я не звонила им, видимо, из-за нехорошей привычки откладывать неприятные разговоры. Неприятным этот разговор будет потому, что мне придётся рассказывать о своём квартиранте, а мне вообще не хотелось о нём говорить.

Следовало ожидать, что рано или поздно мои друзья не выдержат и явятся, чтоб убедиться в том, что я не стала жертвой своей доверчивости и коварства моего гостя.

Как-то в полдень, когда над миром сияло солнце и птицы радостно распевали в зелёной листве, в дверь моего дома позвонили. Отложив книгу в сторону, я поднялась с дивана и пошла открывать. На пороге кухни я увидела Кратегуса. Он вопросительно смотрел на меня.

— Может, тебе пойти к себе? — спросила я.

— Я что, плохо выгляжу? — поинтересовался он. — Мой костюм не гармонирует с твоей гостиной?

На нём были чёрные брюки из тонкого бархата и шёлковый чёрный свитер с вышитой эмблемой Дома моды Де Лорма на груди.

— Гармонирует, — вздохнула я и отперла дверь.

Как и следовало ожидать, это были Лия, Альмер и Эльвер. Лия залетела первой, тараторя что-то про то, что: слава богу, что со мной всё в порядке, что мне следовало

позвонить, потому что они так волновались, а от меня ни слуху, ни духу. Потом она резко смолкла, заметив за моей спиной Кратегуса. Её глаза округлились, и она стала похожа на Иеремию, готового к прыжку. Масунты, увидев его, тоже зарычали и уже готовы были перевоплотиться, когда я резко подняла руку.

— Хватит. Мне итак стоит немалых усилий, чтоб соблюсти в доме хрупкое равновесие. Прошу вас соблюдать условия перемирия.

— С этим чудовищем? — взвизгнула Лия. — С этим кровожадным животным, исчадьем Тьмы!

Она с отвращением выплёвывала слова в его сторону, но Кратегус только усмехнулся.

— Все самые страшные определения, которые только может найти твой скудный умишко, ничто перед правдой, — надменно произнёс он. — Глупая бездарная девчонка, вообразившая себя ведьмой.

— Я всё равно уничтожу тебя, — хрипло пообещала Лия под аккомпанемент рычания взъерошенных масунтов. — Можешь говорить, что угодно, но я найду способ посчитаться с тобой за отца.

— Ах, ты о том старом колдуне с ревматизмом? — улыбнулся Кратегус. — О том упрямом старом осле, который был настолько глуп, чтоб возражать мне? Я и забыл о нём. Он ещё жив? — он взглянул на меня.

— Я думаю, он выздоровеет, — заявила я.

Он прищурился, глядя мне в глаза. Потом кивнул.

— Конечно. Не пройдёт и суток, как болезнь покинет его.

— Он хочет убить папу? — в ужасе закричала Лия.

— Нет, я отзову чахотку, и он поправится, — уточнил Кратегус, глядя на неё. — Без подвохов. Сутки — и он здоров. Я не делаю это раньше лишь потому, что стремительное выздоровление не безопасно при всей этой уйме аппаратуры, которую к нему подключили. Нужно чтоб эти рыцари стетоскопа и скальпеля успели сообразить, что он поправляется, и освободили его тело от трубок и проводов. В порядке компенсации морального вреда, я заодно избавлю его от ревматизма. Довольна? — он вопросительно взглянул на меня.

— А те шестеро с чёрной оспой?

Он вздохнул.

— Слишком поздно. Я понадеялся, что если возбудитель чёрной оспы уничтожен века назад, то и навыки её лечения утрачены. Я ошибся. Они идут на поправку и не нуждаются в моём вмешательстве. Кажется, на их лицах даже не останется шрамов.

— Какая досада, — с сарказмом посочувствовала я.

— Я сделал что-то не так?

— Он сказал правду? — Лия напряжённо смотрела на меня. — Папа поправится?

— Не знаю, — не отрывая взгляда от непроницаемого лица демона, проговорила я. — Поезжайте в лазарет госпитальеров и держите меня в курсе.

Лия бросилась к двери. Альмер устремился за ней. Растерянный Эльвер нерешительно взглянул на меня, потом на Кратегуса и снова на меня.

— Вы уверены, что у вас всё в порядке?

— Нет, но вы можете ехать. Позвоните мне.

Он кивнул и ушёл. Я посмотрела на закрывшуюся за ним дверь, потом нехотя обернулась. К сожалению, Кратегус не исчез. Он стоял возле двери в небрежной позе и честно смотрел мне в глаза.

— Я не солгал.

— Хорошо, — кивнула я и, вернувшись в гостиную, снова села в кресло и взялась за книгу.

Строчки плыли у меня перед глазами, и я чувствовала на себе пристальный взгляд Кратегуса. Через час позвонила Лия и радостным голосом сообщила, что в состоянии Ларса наступил резкий и положительный сдвиг. Я всё ещё не верила. Кратегус присел в стороне на диван и задумчиво рассматривал свои руки. Ещё через час Лия со слезами радости в голосе сообщила, что её отец начал дышать самостоятельно и пришёл в себя.

— Он поправится, — проговорил Кратегус, когда я положила трубку телефона. — Что бы ни случилось, завтра он будет здоров. Что ещё я должен сделать?

Его голос странно дрогнул, глаза стали усталыми и печальными.

— Если б я сама знала, — пробормотала я и увидела, как он медленно растаял в воздухе, не отрывая от меня взгляда.

42

На следующее утро я проснулась в отличном настроении. Может быть, причиной тому был пьянящий, густой как мёд, аромат роз, заполнивший мою спальню. Открыв глаза, я сразу увидела на прикроватной тумбочке огромный букет винно-красных роз с большими, бархатными цветами в великолепной золотой вазе. Обернувшись, я увидела такой же на другой тумбочке. Большая корзина из золотистой соломки, наполненная такими же цветами, стояла на комод.

С трудом переведя дыхание и слегка отойдя от немого восторга, я начала лихорадочно вспоминать, не день рождения ли у меня сегодня. Иначе с чего бы это моему старому другу делать мне такой роскошный подарок?

И только вслед за этим я поняла, что у него не было причин дарить мне в этот день цветы. Я не успела понять, какие чувства у меня это вызывает, потому что в дверь негромко постучали.

— Войдите! — крикнула я и только потом сообразила, что Фарги не стучится, а Лия больше не приходит по утрам.

В ответ на два незадаанных вопроса воздух перед дверью заколебался, словно от нестерпимого жара, и в центре этого марева возник Кратегус. Я открыла, было, рот, чтоб попросить его удалиться, да так и застыла, с изумлением глядя на него. Он был не в чёрном. На нём были синие джинсы и белая рубашка.

— Доброе утро! — проговорил он как ни в чём не бывало и, подойдя к постели, небрежно присел на её край. — Как спалось?

— Нормально, — кивнула я и невольно бросила взгляд на розы.

Он пристально смотрел на меня.

— Мне кажется, ты любишь такие.

— Да? — это было правдой, но кто здесь, кроме Фарги, устраивающего увеселительные туры по моим воспоминаниям, мог об этом знать?

Кратегус посмотрел на розы и пожал плечами.

— Мне просто показалось.

— Почему? Их любила Дженни? — осторожно спросила я.

— Смеёшься? Она таких цветов в жизни не видала. Но ей бы понравилось, особенно, если б их преподнёс ей МакЛарен, — он снова посмотрел на меня. — Дело не в ней. Мне

показалось, что такие любишь именно ты. Я начинаю чувствовать тебя.

— Что это значит?

— Внимание, помноженное на интуицию, плюс некоторое знание женской природы.

— Ты пытаешься произвести на меня впечатление, — уверенно произнесла я.

Он покачал головой.

— Нет. Видишь ли, я демон, а демоны никогда не спят. Я заперт в подвале. У меня много времени для воспоминаний и анализа своих чувств и того, что со мной происходит. Я не стану тебя завоёвывать. Это не то, что тебе нужно.

Я открыла рот, чтоб уточнить, что, по его мнению, мне нужно, но в следующий момент поняла, что он сказал. Он говорил о том, что не нужно мне, а не о том, что нужно ему. Он задумчиво посмотрел на розы.

— Я вспомнил ту ночь перед твоей... вернее, её казнь. Я понял всё, что пережил тогда, о чём думал, что заставило МакЛарена сделать этот шаг. Это была последняя жертва на алтарь любви. Она была принесена только во имя её жизни. Может быть, в этом была и попытка загладить вину, исправить собственную ошибку. Но всё это было только во имя неё, — он взглянул на меня. — Это был новый уровень чувства, падение в мученическом венце. МакЛарена сгубило то, что так самоотверженно он любил не Бога, а женщину.

— И?..

Он снова вздохнул и пожал плечами.

— Планка повышена, уровень достигнут. Он не может опуститься ниже. Это выстрадано. Я не требую твоей любви. Моя любовь требует от меня служения тебе. Мне не нужно много. Я понял, что ты осчастливила меня уже тем, что просто позволила быть рядом. Мне достаточно видеть тебя, любить тебя, защищать тебя.

— Здорово, — кивнула я. — Я должна верить?

— Это не так уж важно.

— Да? Так вот, наверно, я не очень тебя огорчу, если скажу, что я тебе не верю. Та часть души, которая к тебе попала, ничего о той ночи не знает. Её уже там не было.

Он улыбнулся, а потом покачал головой.

— Я-то хотел уличить тебя в том, что ты не знаешь догматов собственного Бога, и лишь потом вспомнил, что ты не обычный ангел, а звёздный. И ты можешь не помнить о триединстве Духа в вашей религии. А души людские созданы по его образу и подобию. Душа, даже разделённая, едина.

— Стало быть, душа МакЛарена снова воцарилась на своём месте? — уточнила я. — Я могу звать тебя Джулианом?

— Я Кратегус, я всё тот же граф Преисподней, — возразил он. — Я не стал хорошим и не испытываю отвращения к Тьме. МакЛарен... Его давно уже нет. С той ночи. Хотя, нет. Он исчез позже, теперь я вспоминаю, что какое-то время меня ещё мучили его отчаяние, его любовь, его тоска. Но потом они умерли. Я не сожалел и не сожалею об этом. Но сейчас мне приходится мириться с неизбежным. Я получил его любовь, и она свила в моей груди своё гнездо. Мне не вырвать её из...

— Сердца? — с ехидной улыбкой подсказала я.

Он усмехнулся.

— Правильно, у меня нет сердца. Но я люблю тебя так, как будто оно есть. Как любил бы тебя он, если бы воскрес из небытия, вернулся из Ада, где ему самое место. А если я люблю так, то именно этим правилам мне и придётся подчиняться. Я всё делаю с терпением

и последовательностью, достойным моей сущности.

Я улыбнулась. В голове у меня был кавардак. Мне нужно было побыть одной и всё обдумать.

— Мне нужно привести себя в порядок и одеться, — заявила я. — Можно?

— Конечно, — он поднялся и направился к двери, потом вдруг обернулся. — Розы оставить?

— Да, — кивнула я. — Один вопрос!

— Слушаю.

— Тебе больше не хочется разорвать меня на куски?

Он на мгновение задумался, потом небрежно покачал головой.

— Нет. К тому же у меня нет времени на сомнения, потому что скоро здесь появятся другие желающие это сделать.

— О чём ты?

— Ты что, думаешь, нам простят то, что со мной произошло? Мне простят то, что я отказался от исполнения своего задания, а тебе, что ты испортила такую безотказную машину для убийства? И не надейся, — он помрачнел. — Похоже, я снова навлечу на тебя неприятности. Но я, как и тогда, готов пожертвовать всем, чтоб спасти тебя.

Он исчез, оставив после себя охапки роз и тысячу вопросов.

43

Около полудня появился Ларс Джексон. Живой и здоровый, даже помолодевший и слегка порозовевший. Если судить по его внешнему виду, он здорово отдохнул, находясь в коме. Он был в своём привычном сером костюме, и его светлые глаза всё так же пристально оглядывали всё вокруг. Провожая его в гостиную, я подумала, что он, и правда, ничего не боится, если явился сюда.

— Кофе, чай? — спросила я, когда он сел в кресло у камина.

— Нет, спасибо. Мой желудок отвык от нормального способа приёма пищи, и мне не хотелось бы, чтоб он испортил наш разговор.

— Понятно, — кивнула я и села напротив. — Я рада видеть вас в добром здравии, Ларс.

— Вашими заботами, — улыбнулся он. — Я благодарен вам.

— От меня зависело не так много, но если в этом есть хоть малая часть моей заслуги, я счастлива, что мне удалось вам помочь.

— Конечно, — он бросил рассеянный взгляд на дверь в кухню. — Где он?

— В подвале. Упражняется в алхимии, а что?

— Он может нас подслушивать?

Я пожала плечами.

— Он же демон. Он много чего может.

Джексон какое-то время напряжённо смотрел на меня, а потом решил.

— Он всё равно рано или поздно узнает о наших намерениях, вернее, уже знает. Если мы не будем вдаваться в детали наших планов, то хуже не будет. Я не знаю, что вы с ним сделали, Лора, но не думаю, что это чудо сильно изменило его натуру. Он демон и он должен быть уничтожен.

Что-то в моей душе дрогнуло. Я вспомнила розы. Джексон пристально следил за моим лицом, ожидая ответа.

— Вы считаете, что я должна его убить? — спросила я. Господи, конечно, именно так

он и считает, иначе, зачем ему затевать этот разговор?

— Это можете сделать только вы, — кивнул Джексон. — Может, вы и взяли его на какое-то время под контроль, но насколько надёжен этот контроль? Он опасен и вы это знаете.

— Да. Знаю. Проблема состоит в другом, Ларс. Я взяла его под контроль, — не буду я ему объяснять, что нет у меня никакого контроля. — Он отказался от намерения убить меня, — отказался ли? — И он жив. Проклятие девяти демонов остановлено. И теперь я должна прикончить десятого, чтоб из Ада явился новый мститель?

Он отвёл взгляд. Он думал об этом. Но ведь это моё проклятие, причём здесь город и планета? Нет меня, нет проклятия, нет демонов. Я просто обязана принести себя в жертву, верно?

— Нет, — покачала головой я. — Это слишком просто. Я иду по тонкому льду, но я веду свою игру. Не забывайте, что я здесь не только для того, чтоб рубить демонов. Я здесь в связи с заговором Тьмы, и не говорите, что это ваши проблемы. В этой Вселенной меня касается абсолютно всё. Кратегус нужен мне именно для того, чтоб выполнить мою миссию.

— Вы рискуете не только собой, — заметил он.

— Кто не рискует, тот не пьёт шампанского... Извините, это замечание неуместно, но я прекрасно оцениваю свои силы и свои шансы. Я не могу прервать комбинацию сейчас, когда всё идёт по плану. Кратегус нужен мне для более глобальной победы, чем просто уничтожение одного демона. Я хочу раскрыть заговор и уничтожить очаг опасности для всей планеты. Он поможет мне в этом.

Неплохой экспромт, а? Ещё минуту назад я и не думала о таких грандиозных перспективах.

— Он демон, — напомнил Джексон. — Он коварен. Где гарантия, что он сам не использует вас в своих целях?

— Он явился с единственной целью — уничтожить меня и почти достиг её, но я перехватила инициативу в последний момент.

Скажите, что это не так!

— А если в последний момент его намерения изменились?

— Он же демон! — воскликнула я. — Он действует прямолинейно, если выполняет задание, тем более обусловленное проклятием.

— Он подтвердил, что дело в проклятии? Он не мелкий бес, он дьявол высшего уровня.

— Кто из нас истребитель демонов! — разобиделась я. — Вы будете мне объяснять, на что они способны! Я прекрасно разбираюсь в этих тварях, в их повадках и обычаях! И я всё держу под контролем!

Какая вдохновенная ложь! Ангелы рыдали в небесах... А свиньи летали стаями.

— Ваша уверенность в собственных силах вызывает уважение, — непреклонным тоном заявил Джексон. — Хорошо, если вы правы. Надеюсь, вы посвятите нас в свои планы?

Я приподняла бровь. Кто б меня в них посвятил... Кто б мне вообще объяснил, что я здесь несу и ради чего, собственно? Не хочется осложнять себе жизнь новым знакомством с джентльменами, пахнущими серой, или демона с зелёными глазами стало жалко?

Ларс истолковал мою гримасу по-своему, именно так, как мне и хотелось.

— Вы нам не доверяете или не нуждаетесь в нашей помощи? — холодно уточнил он.

— Я не хочу подвергать вас опасности, — проникновенно заявила я. — Постараюсь справиться сама, но если мне понадобится ваша помощь, я думаю, вы мне не откажете.

— Конечно, — утрюмо кивнул он. — Это наш долг. Мы всегда выполняем свой долг, — он резко поднялся. — Всегда. Может, наше понимание долга отличается от вашего. Не обессудьте, если мы спутаем ваши планы. У вас есть время убедить нас, что мы не правы. До того момента мы будем продолжать выполнять наш долг.

— Хочешь меня убить, старик? — раздался от окна голос Кратегуса.

Ларс вздрогнул и обернулся именно в тот миг, когда демон возник у него за спиной. Кратегус смотрел на него с пренебрежением.

— То, что ты ещё жив, — не более чем следствие нелепого стечения обстоятельств, и я уже начинаю жалеть, что проявил снисходительность к тебе.

— Скоро у тебя появятся более веские основания жалеть об этом, — спокойно проговорил Джексон.

Кратегус приподнял свои чёрные стреловидные брови, изобразив удивление.

— Какая уверенность! — он опустил голову и исподлобья взглянул на него. Это был страшный взгляд. Ларс порывисто вздохнул, но устоял. — Хочешь попытаться сразиться со мной? — прорычал утробным басом демон и в его глазах заплясали красные огни. — Жалкий шарлатан, возомнивший себя магом, ничтожная букашка, если б ты знал, с кем связался. Мне достаточно одной мысли, чтоб превратить тебя в груды разложившейся плоти. Мне достаточно взмаха руки, чтоб погрузить этот город во мрак ужаса и отчаяния, мне достаточно одного заклинания, чтоб сделать эту планету кладбищем, на котором будет царить смерть. И ты посмел угрожать мне? Я уничтожу тебя, но прежде я займусь твоей дочерью. Она так мила! Чума или холера? Выбирай.

Он этак гнусно улыбнулся. Ларс молчал.

— Он не посмеет, — проговорила я.

Кратегус перевёл мрачный взгляд на меня и по его скулам прошлись желваки.

— Я спасу тебя из пасти Ваала, но ничто не помешает мне посеять смерть вокруг твоего оазиса.

— Ты обещал.

— Я солгал.

Ларс обернулся и взглянул мне в глаза.

— Ещё раз подумайте над своими планами, Лора, — резко бросил он, и, взглянув на Кратегуса, вышел из гостиной.

Через мгновение я услышала, как хлопнула дверь. Кратегус всё так же мрачно взирал на меня.

— Какую же роль я играю в твоих планах?

Я прищурилась. Я начала злиться. Разве я обязана отчитываться перед ним? Разве я клялась ему в бескорыстной дружбе? Хватит и того, что он ещё жив.

— Если я тебе расскажу, то сюрприз не получится, — хмуро огрызнулась я. — Что ты рычишь? Я тебе что-то обещала?

— Я понадеялся на твою честность.

— Как мне жаль тебя разочаровывать!

— Что ты задумала? — зарычал он и в следующий момент очутился совсем рядом со мной и вцепился рукой мне в горло.

Пожалуй, я удивилась, а не испугалась. Я ошарашено смотрела на него, а он вдруг скрипнул зубами и разжал руку.

— Чёрт возьми, Лора! Я же демон! Я не могу позволить тебе мешать нам! — в отчаянии

крикнул Кратегус.

— А я ангел, — растерянно пожала плечами я. — Чего ты от меня хочешь?

Какое-то время мы смотрели друг на друга. Потом он вздохнул и покачал головой.

— Чем дальше, тем хуже. Я сижу в твоём подвале, не могу раздавить этого наглого колдуна, и, оказывается, должен спокойно взирать, как ты рушишь планы моего Лорда! Более того, я ещё и занимаю какое-то место в твоих планах. Куда ни кинь, я в дураках. Потому что ты мне ничего не обещала!

— Перестань кричать! — возмутилась я. — Тебя послушать, так это я образец коварства!

— Ты пользуешься моей любовью! Я тебе не нужен, но почему бы не воспользоваться ситуацией, так?

— Только не строй из себя оскорблённую невинность!

Он махнул рукой и отвернулся. Я пожала плечами.

— В любом случае, ты не должен трогать Ларса. И никого другого.

— Я и не собирался, — ответил он нехотя. — Просто выпустил пар.

— Он попытается тебя убить.

— Знаю, — он продолжал стоять у окна спиной ко мне.

— У него может получиться?

— Возможно.

— Серьёзно?

Он обернулся.

— Есть несколько способов помимо твоего меча. Хочешь знать какие?

— Мне достаточно меча.

Он подошёл и сел напротив.

— Ему могут помочь, если поймут, что я отступился. Но это не в твоих интересах. Пока я жив, проклятие приостановлено, но с моей смертью оно оживёт.

— Пугаешь?

— Предостерегаю. И тебя, и себя, — он вздохнул. — Для меня это было бы выходом. Я бы умер, не совершив отступничества по-настоящему. Но я не хочу, чтоб это откликнулось тебе новыми проблемами. Следующий тебя убьёт.

— Догадываюсь.

— Если ты будешь действовать против наших, это случится быстрее, чем ты думаешь.

— Намекаешь, что мои руки тоже связаны?

— Ты мне не веришь?

— Конечно, нет.

Он откинулся на спинку кресла, щёлкнул пальцами, и в камине запылал огонь. Заложив руки за голову, он задумчиво смотрел на пламя.

— Итак, что мы имеем. Твоя цель — спутать карты Братства. Они это понимают и вскоре поймут, что я стал отступником, причём по твоей вине. Они попытаются тебя убить. Пока я жив, они не могут направить против тебя следующего истребителя ангелов, но могут действовать другими методами. Мне их методы известны и я постараюсь им помешать. Но я тоже вскоре окажусь под прицелом. Они меня знают и постараются нейтрализовать или забрать обратно. Кроме того, этот твой приятель-колдун приложит все усилия, чтоб меня уничтожить. Если ему это удастся, тебя уже ничто не спасёт. И некому будет раскрыть заговор. Братство победит, — он улыбнулся. — Что ни делается, всё к лучшему.

— А ты не поможешь мне с заговором? — поинтересовалась я с простоватым видом.

— Скорее, помешаю.

— Если заговор удастся, я погибну.

— Не волнуйся, мы до этого не доживем.

— А ты оптимист.

— Если быть оптимистом, то... Я тебя спасу. Спрячу в другом измерении, где тебя никто не найдёт.

— Спасибо.

— Не за что.

— Итак, что мы имеем, — проговорила я. — Моя цель — спутать карты Братства. Это не в их интересах и они меня не любят. Ещё ты тут путаешься под ногами. С одной стороны, вроде как защищать собираешься, с другой — мешать всем моим начинаниям. Из-за тебя я рассорилась со своими друзьями, и они, того и гляди, вместо того, чтоб помочь мне, избавят меня от защитника и обрушат мне на голову новую рогатую напасть. А мне позарез нужно достигнуть цели. Твоя смерть мне невыгодна, но и проку от тебя никакого.

— Да, с какой позиции ни глянь, кругом мрак, — кивнул он.

— А зачем тебе портал в подвале? — неожиданно спросила я.

Он прищурился.

— Я, пожалуй, оставлю себе пару тайн про запас.

— Есть ещё одна?

— Не одна, — проговорил он. — Много. Я демон, я окружён мраком, это моя сущность и моё оружие. Я найду выход из любого положения и в любом случае добьюсь своего. Мне только нужно собраться с мыслями и вникнуть в условия игры.

— Хорошая идея, — согласилась я. — Может, этим и займёмся?

— Конечно. У нас есть свои цели, мы знаем о том, что нам мешает. Стало быть, вполне можем заняться составлением плана действий. А потом приступить к их реализации. Я ухожу. Пока. Но помни, что я всегда рядом, чтоб защитить тебя или помешать тебе.

44

И он снова исчез. Я вздохнула и посмотрела в камин, где плясало пламя. Мне нужно было обдумать запутанную ситуацию, которая сложилась. Влюблённый демон, который готов защищать меня до последней капли крови, но постарается помешать мне выполнять мою работу. Мои единомышленники, которые вдруг озаботились тем, как избавиться от моего защитника и обрушить мне на голову проклятие в виде следующего демона-убийцы. И мой единственный друг, который пропадает неизвестно где именно тогда, когда он мне нужен.

Неизвестно где... Я вдруг почувствовала, как заскрипели мои зубы и глаза прищурились. Розы, да? Лучший способ произвести впечатление на девушку? Синие джинсы, белый свитер? Артист должен переодеваться, чёрт возьми! Или мне нужно было дождаться пока этот несчастный идиот начнёт цитировать рубаи Хайяма, чтоб понять, кто за этим стоит?

— Фарги! — взревела я, стиснув кулаки. — Сюда немедленно, подлый трус!

— Зачем так кричать? — раздалось у меня за спиной. — Я уже давно здесь.

Я обернулась и увидела, что он действительно сидит в уголке диванчика с Иеремией на коленях. Я была готова поклясться, что ещё минуту назад его здесь не было. И что, если б он

не прикрывался беззащитным животным, я бы разорвала его в клочки.

— Как ты посмел? — прошипела я.

Он пожал плечами, теребя пальцами кончик пушистого кошачьего хвоста и невинно глядя на меня.

— Что я такого сделал?

— Спроси лучше, на чём ты прокололся! — рявкнула я. — Отвечаю: на розах! Я прекрасно помню ту романтическую историю о розах, с помощью которых твой друг Джонни Вейдер завоевал любовь самой красивой девушки на Киоте. И не без твоего участия.

— И что? Ты любишь розы. Он искренне хотел сделать тебе приятное, причём бескорыстно. Почему я не мог дать ему маленькую подсказку?

— Действительно, — я подошла и присела напротив него на низкий журнальный столик. — А эти разговоры о падении в мученическом венце, о достигнутом уровне любви, о жертвенности... О жертвенности! — я снова зарычала, наклоняясь к нему. — Это твой любимый конёк, Фарги. Ты Сатану уговоришь пожертвовать собой ради того, чтоб накормить дюжину оголодавших детишек.

— Ах, если б Сатану... — мечтательно и нежно вздохнул он, а потом посмотрел мне в глаза. — Кратегус не глуп, он способен во всём разобраться сам, я только избавил его от боли и дал ему направление мысли. У меня получается, и я прошу тебя если не помочь мне, то хотя бы не мешать.

— Вот где ты пропадал? Всё время внизу, с ним?

— Он отличный собеседник. Куда более осведомлённый и мудрый, чем можно было предположить. И я подумал... — он опустил длинные ресницы, тени от которых упали на щёки. — Я поддался искушению, Лора. Я хотел... Я искренне хотел помочь ему и вовсе не любой ценой, как ты думаешь. Но... У меня появился меркантильный интерес. Я подумал, коль скоро нам придётся задержаться здесь по делам, то было бы очень полезно иметь такого союзника. Информация, которой он владеет, бесценна, я уж не говорю о его магической силе.

Он снова взглянул на меня. В его тёмных зрачках не было ни капли раскаяния, ни тени сомнения. Он поддался искушению, но он оценил ситуацию, выявил приоритеты и принял решение, которое считал верным. Во благо. Он не человек, ему легче.

— Ты знаешь, что я об этом думаю, — только и смогла произнести я.

Поднявшись со стола, я подошла к окну, за которым продолжался чудесный летний день. Меня не радовало солнце и пенье птиц. Для меня всё было слишком сложно.

— Кстати, — добавила я. — Он не собирается нам помогать. Он сказал, что будет мешать нам всеми силами.

Тихий смех раздался у меня за спиной.

— Бедная моя, — шёпот скользнул по моему затылку. — Не думаешь же ты, что демон с ходу приклонит колено, склонит голову и произнесёт клятву на мече, давая обет верности Свету. Он же демон!

Я обернулась. Он всё также сидел на диване с котом на коленях и задумчиво смотрел на меня.

— Ты совершенно права, жизнь — жестокая штука. Она постоянно ставит перед нами выбор. Кратегус оказался на грани между мирами и долго он на этой грани не устоит. Ему придётся сделать шаг сюда или обратно. Я не хочу, чтоб он возвращался.

— Ты всегда всё решаешь за других, — проговорила я, — И считаешь, что прав. А ты не

боишься ошибиться? Ты понимаешь, на что ты его обрекаешь?

— Ты думаешь сейчас о нём или о себе? Если о себе, так подумай и о нём, если о нём, то что для него может быть хуже Мрака? Я обрекаю его на Свет. Никто не убедит меня в том, что Свет — это зло, поскольку это абсурд. Джулиан МакЛарен может вернуться к жизни, пусть даже в теле демона. Его безвинная, благородная и самоотверженная душа может вернуться в мир.

— В теле демона?

— Есть многое такое, друг Горацио... — Фарги вздохнул и взглянул в потолок. — Я не откажусь от него. Я уже вижу свет этой души. Она должна светить.

Я молча смотрела на него и вдруг поняла, что улыбаюсь.

— Бедный мой друг... Прости меня, я была слишком эгоистична и жестока. Я совсем забыла, что именно ради этого ты когда-то покинул свою чудесную родную планету. Ради того, чтоб пробуждать к жизни и любви чьи-то души.

Он с усмешкой смотрел на меня.

Фарги был не истребителем демонов, он был из плеяды Спасителей душ и Учителей. Одна пробужденная душа дороже для него уничтожения сонма демонов. Он уже давно говорил мне об этом, а я не слышала. Я злилась и рычала. С тем же успехом можно злиться на солнце, что оно светит. Он просто не мог иначе. Живая душа... Если он уже почувствовал её трепетание в своих ладонях, если чья-то рука уже коснулась его пальцев с безмолвной просьбой о помощи, если у него появился хоть крохотный шанс вернуть кого-то из Тьмы во Свет... Ничто в этой Вселенной не сможет остановить его. Он больше чем человек. Наверно он больше чем ангел.

— Я Фарги Падающая Звезда, — негромко произнёс он. — Спасибо, что поняла меня Поможешь?

Я вздохнула.

— В пределах своих возможностей. Они не так велики.

— Ты себя недооцениваешь.

— Я тебя умоляю...

Он рассмеялся.

— Я всё сделаю сам. Просто смотри на него внимательно и постарайся понять меняется ли он и в какую сторону. И относись к нему соответственно. Я верю в твой дар разбираться в людях и помогать тем, кому ты действительно хочешь помочь... И не забывай о заговоре и проклятии.

— Боже... — простонала я.

— Просто помни, что несчастный демон — это далеко не самая большая твоя проблема.

— Да, у меня ещё есть проблемы. Например, Ларс, который пообещал костями лечь, но уничтожить твоего питомца.

— Джексон, это — проблема, — Фарги запустил руку в свои ухоженные локоны и задумчиво их взъерошил. — Можно было бы воздействовать на него через Крылья, но он не согласится.

— Крылья Звёздного Дыхания?

— Конечно, он мой друг, но он же Бог. Он ещё больший зануда, чем я. И никогда не будет снисходить с откровениями на того, кто может допереть до мудрых мыслей сам. В общем, Джексон — это твоя забота. Ты хоть с ним поговорить можешь. Заговор — забота Джексона, у него полно связей. Моя забота — Кратегус. Забота Кратегуса — проклятие.

Если каждый будет хорошо делать свою работу, то мы просто обречены на победу.

Он всё разложил по полочкам и улыбнулся. Чтоб я без него делала?

45

Не то, чтоб Фарги удалось убедить меня в том, что причин для беспокойства у нас нет, но мне стало легче. У меня появилась надежда, что всё не так плохо и, может быть, со временем станет лучше. Может быть, он сам действовал на меня умиротворяюще, и мне не хотелось думать ни о чём плохом. Что ни говори, а его умение превратить жизнь в праздник граничит с гениальностью.

Он никуда не исчез, а отправился на кухню греметь посудой и дверцей холодильника. Ему хотелось романтики, потому он решил приготовить филе цесарки с ананасом. Я попыталась возразить, что у меня нет ни цесарки, ни ананасов, но он выгнал меня с кухни, велел накрыть на стол. С ним бесполезно спорить.

Я накрыла на стол, а он приготовил то, что хотел. Не знаю, была ли это цесарка, но ананасы были настоящие. И белое вино из запасов покойного доктора Дривера. Он всё-таки выяснил, куда делся винный погреб.

Уже начало темнеть, когда я почувствовала себя нехорошо. Мне не хотелось обижать Фарги, сомневаясь в его кулинарных талантах, и я промолчала. Неприятное тянущее чувство в желудке скоро сменилось странной дрожью, а потом появилась слабость.

Фарги, щебетавший о какой-то ерунде, вдруг прищурился и замолчал.

— Что происходит? — спросил он.

— Всё в порядке, — попыталась возразить я, но в голове у меня помутилось, в глазах на мгновение потемнело, а потом появилось ощущение, что мою голову стянули железными обручами.

— Это не цесарка, — отрезал он и моментально пересел из своего кресла на подлокотник моего. Он коснулся рукой моего лба, и мне стало лучше. Стоило ему убрать руку, как всё вернулось к тому же. Он взял мою руку, прощупал пульс, потом внимательно посмотрел в глаза, причем его, скорее, интересовало состояние зрачков.

Я порывисто вздохнула и потянулась к горлу. Не то, чтоб мне было трудно дышать, просто не хватало воздуха.

— Плохо.

Фарги поднялся и, подхватив меня на руки, перенёс на диван.

— Может, врача? — пробормотала я.

Как все хронически здоровые люди я боюсь всяких недугов. Он покачал головой.

— Скорее, мага.

Он направился к дверям на кухню. Я протестующе замычала, но он только отмахнулся.

Господи, как мне было плохо! По привычке оценив свое состояние, я была вынуждена признать, что у меня ровным счётом ничего не болит, ничего не ноет. Но мне было плохо так, что хотелось громко стонать и звать на помощь. На какое-то мгновение я потеряла сознание, а очнувшись, почувствовала, что моё запястье находится в сильных прохладных пальцах.

Кратегус присел на край дивана и тоже щупал мой пульс. Фарги стоял рядом и мрачно смотрел на него.

— Ну, кудесник, что с ней? — резко спросил он.

Кратегус поднялся. Его ноздри трепетали от ярости.

— Ты знаешь, — обличительным тоном произнёс Фарги. — Мне даже не нужно

заглядывать тебе под череп, чтоб понять, что ты знаешь.

Демон прищурился, глядя на меня.

— Если ты согласишься, то увидишь, — резко ответил он.

Фарги взглянул на меня, а Кратегус быстрым скольльзящим движением провёл рукой у него перед глазами. Фарги невольно отшатнулся, а потом снова взглянул на меня и его глаза расширились.

— Что это такое? Куда?.. — его взгляд метнулся от меня куда-то в сторону камина. — Кто это делает?

— Я не знаю, — Кратегус поводит рукой в воздухе, словно пытался рассеять что-то невидимое. — Бесполезно. Нужно найти колдуна.

— О чём речь? — пробормотала я. — Не желаете поделиться?

— Если б ты могла смотреть моими глазами, то увидела бы серебряную нить, которая тянется от твоего солнечного сплетения туда, — демон махнул рукой в сторону камина. Кто-то вытягивает твою энергию.

— Энергию? — ошарашено пробормотала я.

— Ци. Так понятнее?

— Да. Так понятнее.

Я положила руку на солнечное сплетение и почувствовала неприятную тянущую боль.

— Ты сказал: колдун, — вернул его к прежней теме Фарги.

— Не демон, — покачал головой Кратегус. — Они предпочитают действовать в более тесном контакте. Это магическое опосредованное действие. Колдовство, сильное, если учитывать, что Лора — не обычный человек и защищена от магии. Женщины редко бывают способны на такое колдовство. Почти никогда.

— Энвольтирование? — продолжал допытываться Фарги. — Куда ты дел её кровь со стрелы?

— Уничтожил после того, как узнал то, что хотел. Я никому её не передавал. С какой стати? У нас слишком жёсткая конкуренция, чтоб делать кому-то такие подарки.

— Энвольтировать можно не только на крови, — пробормотал Фарги. — Волосы, ногти...

— Нет, — отмахнулся Кратегус. — Это не энвольтирование. Это что-то другое. Что-то, что действует на ангелов. Или на Воинов Духа. Амулет, меч, волшебное зеркало...

— Что-то вроде лабеллы, — подсказал Фарги. — Куда ты её дел?

Кратегус взглянул на меня и в его взгляде появился ужас.

— Ну, зеленоглазый, соображай! — рыкнул Фарги. — Энергия вытекает из того места, где была рана от лабеллы. Этого достаточно для колдовства.

— Вполне, — процедил сквозь зубы демон. Его лицо исказила ярость. — Ладно, я найду его, и одним колдуном этой ночью станет меньше на Новой Луизиане.

— Ты знаешь, кто это? — снова спросил Фарги.

— Знаю, — утробно прорычал Кратегус, превращаясь в серого демона. — Но это моя забота. Он будет умирать долго.

— Эй! — крикнул Фарги, но демон взмахнул перепончатыми крыльями и взлетел, направляясь к окну.

На какое-то мгновение мне показалось, что он сейчас вышибет раму, но он исчез, не долетев до неё. Фарги взглянул на меня и пожал плечами.

— Сколько волка не корми... — он присел рядом на диван. — Надеюсь, он

поторопится, потому что я немногим могу тебе помочь. Если только этим.

Он положил тёплую ладонь на мои глаза, и я тут же погрузилась в глубокий сон без сновидений.

46

Моё пробуждение было похоже на дурной сон. Открыв глаза, я увидела в ногах своей постели Кратегуса с лабеллой в руках. Этот надменный и холодный взгляд, направленный на смертоносное оружие, заставил меня поёжиться от страха. Потом он взглянул на меня и чуть вытянул меч из тёмных, покрытых рунами, ножен. Воздух тут же за клубился мрачным туманом вокруг нудно поющего чёрного клинка. Кратегус с лязгом вогнал его обратно в ножны и бросил на кровать, прямо к моим ногам.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он тем самым тоном, каким обычно спрашивают тяжёлых пациентов заботливые врачи.

— Как будто меня побили.

— Хорошо — не убили, — раздалось от окна.

Фарги как обычно сидел на подоконнике. Вид у него был хмурый. Надеюсь, не из-за меня.

— Нет, ты почти в порядке, — ответил он на мой мысленный вопрос. — Денёк-другой и ты полностью восстановишься.

— Тогда в чём проблема?

Фарги взглянул на Кратегуса, тот — на него. Не то, что б они напоминали заговорщиков, но явно что-то скрывали.

— Что-то случилось? — спросила я. — Ночью, пока я спала. Ты нашёл колдуна?

Кратегус подошёл ближе и присел на край кровати в своей обычной изящно-раскованной позе.

— Я нашёл колдуна, — он улыбнулся холодной, мертвенной улыбкой. — Даже не одного. Их было двое, стариков в мантиях за двумя из трёх алтарей, составленных треугольником в центре пентаграммы, горящей лилово-алым светом. За третьим была ведьма, молодая, но многообещающая. Если б у меня было время, я бы ею занялся, — он вздохнул: — извини. Не так просто избавиться от старых, можно сказать, древних привычек.

— Кто это были? Ты их убил?

— Одного, того, которого звали Марэнусом. Других оставил в живых. Забрал только меч, который они укрепили над алтарями в центре. На нём ещё остались капли твоей крови. Я совершенно об этом забыл.

— Значит, незачем было дырявить меня стрелой? — попыталась улыбнуться я.

— Нет, та кровь была не пригодна для моих целей. Но она вполне сгодилась на то, чтоб снова связать клинок с раной.

— Господи... — пробормотала я. Потом задумчиво взглянула на демона. — А почему ты не убил тех двоих?

— Скоро узнаешь. Очень скоро.

Внизу раздался звонок в дверь. Кратегус снова улыбнулся с видом библейского Змея.

— Будет лучше, если откроешь ты.

— Тогда убирайтесь, — проворчала я. — Оба.

До завтрака я всегда так мила.

Фарги закатил глаза и со вздохом растаял в воздухе. Кратегус поднялся, с сомнением

взглянул на лабеллу и вышел через дверь, аккуратно прикрыв её за собой.

С кряхтением и стонами я выползла из-под одеяла и стала переодеваться. Меня даже порадовало, что нет времени принять душ, поскольку это было очень трудно и требовало много сил.

По лестнице я спускалась, крепко держась за перила и размышляя о том, что на Новой Луизиане моему несокрушимому здоровью слишком часто наносится урон. Мне явно не везёт.

Нетерпеливые звонки уже сменились стуком в дверь. Можно подумать стук громче, чем это отвратительное дребезжание. Кратегус стоял у дверного косяка, подпирая его и ехидно улыбаясь. В руках он держал лабеллу. Я наградила его мрачным взглядом и поплелась через холл к невообразимо далёкой двери.

Наконец, открыв её, я увидела на пороге Джексона, Лию, Эльвера с Альмером и ещё какого-то масунта, кажется, его звали Тимин.

Джексон пылал то ли гневом, то ли нетерпением, но мой вид почему-то охладил его пыл.

— Что с вами, Лора. Вы больны?

— Нет, у меня была бурная ночь... А что?

— Мы можем войти? — резко спросил он.

— Почему бы и нет, — я поспешила убраться с порога, пока стадо возбуждённых бизонов не растоптало меня.

Развернувшись, я поплелась обратно в гостиную, глядя на Кратегуса, который спрятал лабеллу за спиной и так же мерзко ухмылялся.

— Где ваш квартирант? — входя за мной следом, спросил Джексон.

— Вот он! — взвизгнула Лия, стиснув кулачки.

Я слышала позади рычание и едва успела обернуться и встать между гостями и демоном, поскольку разъяренные масунты уже начали превращение.

— В чём дело? — рявкнула я. Откуда и голос взялся?

Ларс мрачно взглянул на меня.

— Прошедшей ночью ваш демон убил моего старого друга Марэнуса. Я не собираюсь больше терпеть это исчадие ада, даже если мои действия нарушат ваши наполеоновские планы.

В следующий момент он с неожиданной для человека его возраста и здоровья быстротой выхватил откуда-то склянку с ядовито зелёной жидкостью и бросил в Кратегуса. Тот отпрянул было в сторону, но пузырек замер в воздухе и его тут же подхватила смуглая рука Фарги.

— Так-так, зелье, — улыбнулся он, — действенное? — он взглянул на демона. Тот приподнял бровь. — Думаю, что одной склянкой они не ограничились.

Он подошёл к застывшему в изумлении Джексону и выудил у него из кармана ещё один пузырёк, а потом сунул руку в сумку Лии. Она вскрикнула, а он показал мне третью склянку.

— Пока всё. Можно продолжить беседу.

Он взмахнул рукой, и бутылочки с зельем исчезли. Джексон исподлобья смотрел на Кратегуса. Фарги он не видел и теперь думал, что явно недооценил противника.

— Он убил вашего друга? — спросила я. — Вы видели?

— Он сделал это у меня на глазах.

— Они играли в преферанс на троих и были беззащитны как овечки, — рассмеялся

Кратегус, а потом перешёл на утробное рычание. — Стол из трёх алтарей и атамы вместо карт. И жизнь в виде ставки.

— Твоя жизнь, демон, — хрипло произнёс Джексон. — Этой ночью мы пытались убить тебя, но нам не удалось. Ты убил Марэнуса. Тем не менее, мы попытаемся снова.

— Кого вы пытались убить? — уточнила я. — Его? — я ткнула пальцем себе за плечо. — Почему ж тогда мне вчера было так хреново?

Джексон с недоумением взглянул на меня.

— Потому что они пытались отнять не мою, а твою жизнь, любовь моя, — интимно шепнул Кратегус. Он подошёл ко мне и встал рядом, с ледяной ненавистью глядя на Джексона. — Они пытались это сделать с помощью меча, которым я ранил тебя, и который я отдал на сохранение Марэнусу, как одному из Членов Совета Братства Тьмы.

— Ты лжёшь! — воскликнул Ларс.

— Откуда он у него взялся?

— Это реликвия его семьи.

— Этим мечом я с тобой бился? — Кратегус сунул лабеллу к моему носу.

Я с отвращением оттолкнула меч от себя.

— Видишь, каковы твои друзья, — шепнул он, склоняясь ко мне. — Они посылали тебя против демонов и бросили, когда ты стала объектом проклятия. Более того, они хотят, чтоб оно снова обрушилось на тебя, чтоб ты погибла, ведь тогда они избавятся от большой проблемы. Только, что является их проблемой: демоны, которых ты притягиваешь, или ты сама?

— Логично, — пожала плечами я, и пошла в гостиную.

Ещё до того, как я добрела до ближайшего кресла, меня догнал Ларс. Он попытался схватить меня за руку, но замер, потому что возле его горла нудно запела лабелла.

— Не прикасайся к ней, — с угрозой прорычал Кратегус.

— Прекрати, — пробормотала я и села.

Демон убрал меч и сел на подлокотник рядом, зорко следя за каждым движением Джексона.

— Послушайте, — проговорил тот, садясь напротив меня и едва не на колени к Фарги. Тот едва успел вскочить с кресла. — Поверьте мне. Это или дьявольская ошибка, или провокация. Целью нашего ритуала было убить демона, а не вас.

— Тем не менее, это я едва не умерла вчера от оружия, которое действительно именно против меня и таких, как я. А Кратегус спас мне жизнь.

— Он обманывает вас. Уверяю, он сам всё подстроил.

— Ларс, — перебила я, — у меня слишком мало сил, чтоб спорить, но я знаю то, что знаю, и то, чего не знаете вы. Склоняюсь к мысли, что ваш старый друг обманул вас и использовал вашу силу против меня по приказу Братства Тьмы. Но в словах Кратегуса есть доля истины. Как это ни печально, вы с самого начала воспринимали меня как орудие вашей борьбы, а не живого человека. Вы использовали меня и, когда я оказалась под прицелом демонических сил, сочли, что было бы благом, если б я исчезла вместе с ними. Так нельзя, Ларс. Я не ангел. У меня одна жизнь. И когда меня ранят, мне больно и у меня течёт кровь. Она красного цвета, как и ваша. И мне тоже бывает страшно. Хотя, знаете, с тех пор, как в моём подвале поселился демон, у меня не бывает кошмаров. Подумайте над этим. До свидания.

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

— Аудиенция закончена, — тихо произнёс Кратегус.

— Простите, — услышала я голос Джексона. — Наверно, вы правы. Может быть, ваша исключительность и ваша сила затмили мне глаза. Может, просто мы все живем здесь на грани жизни и смерти, добра и зла. Мы знаем, что можем погибнуть и слишком легко начали относиться к этому. Я приношу извинения.

— Им всё ещё нужен твой меч, — шепнул Кратегус.

Я открыла глаза и поискала взглядом Фарги. Тот пожал плечами.

— Его раскаяние искренне, но не глубоко. Слишком велика ответственность, которая на нём лежит. Его дочери и масунтам действительно стыдно. Они ещё молоды и их души не успели зачерстветь. Думаю, тебе не стоит отказываться от сотрудничества.

Кратегус издал тихое рычание, а потом нагнулся к Джексону.

— Я буду внимательно следить за тобой, старик, и если ты вольно или невольно, мыслью, словом или делом навредишь ей, я сожгу тебя так же, как сжёг Марэнуса.

Джексон вздохнул и отвел глаза.

— Ему обязательно быть всё время рядом с вами? — несмело спросила Лия.

Я снова взглянула на Фарги. Тот усмехнулся. Как всегда.

— Мне надоели ранения и магические атаки, которые грозят привести к летальному исходу, — ответила я. — Мне нужен телохранитель, и лучшего мне не найти. Вам придётся с этим смириться.

Я взглянула на демона, сидящего на подлокотнике моего кресла. Он поглядывал на меня с некоторым ехидством.

— Ничего, — улыбнулась я. — За ним тоже есть, кому присмотреть.

Подтверждением тому был негромкий серебристый смех Фарги.

47

А потом снова наступило спокойное время. Мне уже перестали нравиться такие тихие, не расцвеченные поединками с демонами дни. После того разговора ни Джексон, ни Лия, ни масунты больше не появлялись. Можно было подумать, что они передумали сотрудничать со мной. Но, во-первых, сомнительным было, что они предпочтут изнурительную борьбу с демонами, стоящую больших сил и жертв, риску всё же воспользоваться моим славным мечом. А, во-вторых, я внимательно изучала газеты, смотрела телевизионные новости и слушала радио. Никаких подозрительных случаев, которые могли быть связаны с вторжением сил Зла в Новый Орлеан, не наблюдалось. Просто ничего не происходило, и это напоминало очередное затишье перед бурей.

Фарги, собиравшийся внимательно наблюдать за поведением моего самозваного телохранителя, опять куда-то исчез. Для умершего он вёл на редкость активную жизнь.

Кратегус погрузился в алхимию, без конца что-то поджигая и взрывая в своей подвально-башенной лаборатории, что не мешало ему регулярно оставлять в моих комнатах охапки свежих благоухающих роз.

Я никуда не ездила, постепенно приходя в себя после очередного покушения на свою бесценную жизнь. Пару раз я вышла прогуляться по аллее, но завидев вдалеке кладбищенскую ограду, возвращалась назад.

Время шло, и ожидание неприятностей стало немного тягостным. Я уже была вполне в состоянии сразить парочку средних демонов, но они и не думали объявляться.

Не дождавшись тревожных вестей, я в очередной раз выключила телевизор, ощущая

глухую досаду, и, встав с кресла, отправилась в библиотеку, в надежде порыться в демонологических фолиантах и извлечь из них хоть какую-то полезную информацию.

Однако едва переступив порог библиотеки, я застыла в недоумении. В первый момент мне показалось, что за столиком возле небольшого камина сидит Фарги, но в следующий момент я поняла, что это Кратегус. Он сидел, склонившись над какой-то старинной книгой с рукописными текстами. И ещё через мгновение до меня дошло, что это магическая книга из сундука на чердаке.

— Что ты тут делаешь? — взвизгнула я, вспомнив, что ведьмы очень берегут эти книги от посторонних, не говоря уж о демонах.

Он взглянул на меня.

— Ищу заклинание, отгоняющее волков.

— Кого? — опешила я.

Он хлопнул книгу и взмахнул рукой. Она исчезла. Кратегус вздохнул.

— Здесь тоже нет, — вид у него был озабоченный. — Я что-то напутал с башней. Возле нашей башни не было волков, а тут они есть. И воют. Всё время луна, всё время ночь, и они на радостях устраивают концерты. И ещё филин. Без конца подглядывает в окно. А вчера на спинку кресла уселся ворон и принялся орать.

— Ты хочешь сказать, что за пределами твоей башни что-то есть? — очень заинтересовалась я.

Он небрежно пожал плечами.

— Шотландия. Я думал шестнадцатого века, но что-то не сошлось. Явно раньше.

— Не знаю, — пробормотала я. — Может, я и ошибаюсь, но в Шотландии в шестнадцатом веке были дни. Понимаешь? Солнце встаёт, светит, садится и только потом ночь.

— Логично, — кивнул он. — Наверно, всё дело в этом. Спасибо за идею.

— Пожалуйста, — вежливо улыбнулась я, надеясь, что он уйдёт.

Но он и не думал уходить. Он сидел, задумчиво глядя на меня.

— Тебе не одиноко здесь одной? — неожиданно спросил он. — Я много повидал одиноких женщин, можно сказать, я на них специализировался. И все они хотели быть с кем-то, порой всё равно с кем, лишь бы не одной.

— Я, видимо, самодостаточна, — пожалала плечами я.

— Может быть. Но неужели не хочется даже видимости союза? Где твой мёртвый дружок?

— Фарги? Не знаю, он вечно где-то шляется. Он, как кот, гуляет сам по себе. У него полно дел и он очень любознателен. А что?

— Разве он не должен охранять тебя?

— Ах, вот ты о чём! — рассмеялась я. — Конечно, нет. Он должен раз в столетье сообщать мне волю Блуждающих Богов. Больше у него обязанностей по отношению ко мне нет. Я совершаю свой путь в одиночестве. Мы все — воины-одиночки. Просто, кроме прочего, он мой друг и нам приятно время от времени пообщаться.

— Да, с ним приятно общаться, — Кратегус встал и подошёл к окну. На нём опять была чёрная шелковая рубашка и брюки с широким ремнём, украшенным чеканной пряжкой. — Должен признаться, мне его уже не хватает. Иногда вдруг мелькает мысль, а вдруг он больше не появится. И становится как-то грустно.

— Подумать только, всё-то у него получается, — усмехнулась я.

Кратегус обернулся и как-то странно взглянул на меня. В его взгляде была именно грусть и немного растерянности.

— Это ловушка, да? Об этом ты пыталась меня предупредить?

— Именно об этом, — кивнула я. — О том, что Фарги — алмаз, который способен оставить глубокий след на самом твёрдом сердце. Он входит в душу мягко и незаметно, он щедро поит её мудростью и любовью, а когда он уходит, самые сильные не могут сдержать слёз печали. Не бойся, это не ловушка. Он никого не держит. Ты свободен и можешь уйти в любой момент. Но он уже никогда не оставит тебя, потому что он принял тебя в своё сердце.

— Не понимаю, — вздохнул Кратегус. — Слишком сложно. Сейчас я узнаю так много нового, того, что раньше проходило мимо меня. Я воспринимаю всё не так, как обычно, а так, как воспринимал когда-то, века и века назад. Сегодня утром я вышел на улицу. И у меня закружилась голова, от солнца, от зелени, от голубизны неба, от ветра и птичьего щебета. На какое-то мгновение всё это захлестнуло меня, и мне показалось, что я могу умереть. А потом я понял, что стою, раскинув руки, и впитываю в себя это солнце, это небо, эту зелень, этот ветер и птичьи песни. У меня было такое чувство, что я много столетий не видел и не слышал всего этого. И это было так, — он взглянул на меня. — Потому что я не обращал на всё это внимания. Я на многое не обращал внимания. Я с презрением смотрел на людей с их короткими жизнями и суетными страстями, а теперь я понимаю, как сильны и отважны они, стремящиеся к мудрости и счастью, несмотря на то, что всё это может оборваться и исчезнуть в единый миг. Я читал древние рукописи и манускрипты в поисках тёмных тайн, способных умножить мои силы, а теперь заметил стихи на полях.

Он усмехнулся.

— Твой приятель в восторге от этого нечаянного эксперимента. Мне и самому интересно, какие бездны могут открыться нечеловеческому разуму, если он связан с частицей человеческой души.

— Я рада, что тебе это начинает нравиться, — произнесла я.

— Мне это не нравится, — неожиданно помрачнел он. — Я испытываю постоянный страх. Как рак отшельник, покинувший свою старую раковину, но ещё не забравшийся в новую. У меня слишком много врагов, у меня нет друзей, и на мне лежит слишком большая ответственность. Однажды я уже проиграл в этой игре. Сейчас всё куда сложнее.

— Жизнь вообще сложная штука, — изрекла я.

Он вздохнул.

— Мне очень трудно. И я очень боюсь. И у меня нет надежды.

Я недоумённо взглянула на него. Демон печально улыбнулся.

— Объясняю. Я люблю тебя, мне хочется выразить свою любовь, но я не хочу тебя беспокоить. Я боюсь потерять тебя, боюсь, что не смогу защитить от того, что тебе угрожает, и снова оказаться в одиночестве и отчаянии. И у меня нет надежды, что я когда-нибудь снова стану Джулианом МакЛареном, которого любит маленькая Дженни.

Что я должна была ответить на это? Мне было грустно, мне было жаль его и немного стыдно за то, что я заставляю его страдать. И не немного даже. Ведь я такая чувствительная, такая сострадательная... Я покачала головой.

— Странные мысли для графа Преисподней, Кратегус.

— Я уже начал забывать о том, что я — граф Преисподней, Лора. Снова хочу стать Джулианом МакЛареном. Потому что никогда я не был так счастлив, как он. И спасало меня только то, что я не помнил, как он был счастлив. Я завидую смертному, — он усмехнулся. —

Возрадуйся, жестокий ангел, твои раны отомщены! Граф Преисподней завидует падшему, обманутому, убитому и проклятому во веки веков алхимику потому, что он любил и был при этом любим. День за днём я перебираю его воспоминания, касаясь рыжих волос, белой кожи, целуя нежные губы и глядя в глаза... Я понимаю, то, чего он не понимал тогда, потому что тогда он был просто влюблён и счастлив, а я испил всю чашу страданий, порождённых его любовью. Я — Кратегус, граф Преисподней. Почему же после всего этого в моей груди не пустыня?

«Потому что ты не граф Преисподней, печально подумала я. С возвращением, возлюбленный мой Джулиан...» И, подумав так, я не ощутила протеста, мне было грустно. Он вернулся, через много лет, вернулся другим, в другое время. И ко мне, уже другой. И я ещё менее чем когда-то была способна спасти его и избавить от страданий.

— Ты плачешь? — тихо спросил он. — Почему? О, глупец! Прости, я забыл, что ты ангел и растревожил твою душу. Прости, я не буду больше говорить об этом. Я просто буду рядом, ладно? Я всё-таки должен попытаться спасти тебя. На этот раз.

Он замолчал, глядя на меня глазами, какими смотрел на меня мой лорд, прекрасный и знатный господин, мой Джулиан. Я только теперь заметила, что слёзы текут по моим щекам. Я вытерла их. Мне было неловко. Он вернулся, но он вернулся демоном. И это уже ничто не могло исправить. И я уже ничего не могла изменить.

48

Звонок в дверь прервал напряжённое молчание, возникшее между нами. Я с облегчением вздохнула.

— Я открою, — поспешно произнёс он и пошёл открывать.

Я осталась одна, пытаюсь привести свои мысли и чувства в порядок, но вдруг подумала, что это мог прийти Джексон с его дурацким зельем, и ринулась следом за Кратегусом.

В прихожей стоял не Джексон, а какой-то солидный джентльмен с тростью, на которой поблескивал серебряный набалдашник. Эта трость неприятно напомнила мне другую, которой без конца поигрывал мой предыдущий ментор. Впрочем, это было единственным, чем он его напоминал. Этот господин был невысокий, полноватый, лысоватый и улыбчивый. С ним была красивая молодая женщина типа вамп, яркая блондинка с голубыми глазами. И её масть и цвет глаз почему-то показались мне искусственными. И вообще я терпеть не могу таких вот дамочек в шёлковых тряпках, которые вот так вот пялятся на чужих мужчин. Не то, чтоб я ревновала или имела какие-то права на Кратегуса, но ведь она-то не знает, что я их не имею. Наоборот, должна бы думать, что я имею, и всё равно... Стоп!

Мне стало смешно. Я заверила себя, что эта дамочка просто напомнила мне некую алкорскую принцессу, к которой я когда-то бешено приревновала своего второго мужа. Это было похоже на правду, а, значит, и речи не было о ревности. Мои собственные объяснения меня удовлетворили, и я смогла сосредоточиться на том, что говорит розовощекий толстячок с тростью, растерянно осматриваясь по сторонам с виноватой улыбкой.

— Доктор Драйвер? — переспросил Кратегус и обернулся ко мне. — Ты знаешь кто это?

— Знаю, — кивнула я. — Прежний хозяин этого дома. Он умер.

— Какое несчастье! — воскликнул толстяк. — Неужели? Мой бедный друг! Ты слышала, Эдна?

Она, наконец, оторвала взгляд от моего демона и закивала.

— Да. Это большое несчастье.

— Отчего же он умер? — кинулся ко мне толстяк, но Кратегус с быстротой молнии переместился, заняв позицию между ним и мной. Видимо, на лице у него появилось соответствующее выражение, поскольку толстяк отпрянул, смутился и засуетился. — Простите, это так неожиданно. Я друг доктора Дривера. Мы ещё полгода назад договаривались, что я приеду, я много путешествовал, и у меня не было времени связаться с ним. Мы и заехали почти по пути, верно, Эдна?

— Мы очень много путешествуем, — она плотоядно улыбнулась, взглянув на Кратегуса.

— Я ничего не могу сказать вам о его смерти, — произнесла я, добавив в голос слегка извиняющиеся нотки. — Я купила этот дом у его компаньона доктора Джексона. Может, вам лучше обратиться к нему?

— Жаль, но мы не знакомы, — загрустил толстяк. Впрочем, он снова оживился, заулыбался и с наивной надеждой взглянул на меня. — Простите, не сочтите меня навязчивым, но я просил бы вас позволить мне воспользоваться библиотекой доктора Дривера. Вы можете навести обо мне справки. Я учёный. Я приехал сюда с целью провести некоторые исследования и закончить работу над книгой по оккультизму. Доктор Дривер пересылал мне иногда копии рукописей и книг из своего собрания, и это очень помогало мне в работе.

Я уже открыла рот, чтоб сказать вежливое, но твёрдое «нет», как вдруг Кратегус отступил в сторону и изысканным жестом пригласил эту странную парочку в гостиную.

— Не стоит говорить об этом на пороге, — мило улыбнулся он. — Проходите. Дорогая, ты не приготовишь чай для гостей?

Дорогая — это я. Я весело осклабилась и сообщила:

— Нет.

— Женщины... — развёл руками он.

А толстяк уже протопал в гостиную вместе со своей русалкой. Они уселись у камина. Свободное кресло оставалось одно, и я поспешила занять его. Ничуть не смутившись, Кратегус устроился на широком подлокотнике рядом со мной, интимно облокотившись на спинку у меня за спиной.

— Меня зовут Джулиан МакЛарен, — беззастенчиво соврал он. — А это моя невеста Лора. У нас что-то вроде предварительного медового месяца, поэтому мы не можем пригласить вас пожить в нашем доме. Но если вы желаете поработать в библиотеке, то, возможно, мы и сможем позволить вам это. После получения соответствующих гарантий, естественно. В Новом Орлеане не так спокойно, чтоб доверять всем, кого видишь в первый раз.

— О, конечно, мы и не думали... — заулыбался толстяк. — Простите, мы не представились. Я Гордон Фимз, а это миссис Фимз, и, уверяем, мы ещё не забыли, что такое медовый месяц.

— Гордон Фимз... — Кратегус прищурился. — Постойте... «Путешествия в Астрале или Опыт Ка и Ба», «Оккультное значение предметов из гробницы Тутанхамона», «Перстень Соломона и другие магические предметы». Я не ошибся?

Гордон Фимз смущённо замялся.

— Никак не ожидал, что на Новой Луизиане читают мои опусы.

— Прекрасные эссе, — ласково заверил его Кратегус. — Вы очень наблюдательны и тонко улавливаете суть. Я получил истинное наслаждение, читая ваши сочинения. Особенно на меня произвели впечатление ваши записки об этнографических исследованиях в

Центральной Африке. Этот бамбуковый жезл для превращения человека в крокодила... Глиняные вольты и ведьмина лестница, магнитная корона Риора... Замечательно!

Он замолчал, заметив мой недоумённый взгляд.

— Я читал эти книги, малышка. Я читаю не только спортивные новости.

— Приятная неожиданность, — пробормотала я.

— Лора предпочитает точные науки, — пояснил он Фимзу. — Она из тех, что предпочитают астрономию астрологии и аллопатию гомеопатии.

— Как я вам сочувствую, — улыбнулась Эдна, глядя на демона.

Наверно, она решила, что я не знаю, что такое аллопатия, и бедняжке Джулиану просто не с кем поговорить о бамбуковых жезлах и магнитных коронах. Она была готова исправить положение, принеся себя в жертву.

— Мы не во всём сходимся, но главное — любовь. Не так ли? — обворожительно улыбнулся ей Кратегус.

Мне показалось, что он нашёл себе очередную ведьму. Может, он займётся ею и оставит меня в покое? Интересно, стала бы я её спасать, если б он задумал заполучить её душу? А там есть что получать?

— Вы ведь позволите нам поработать в вашей библиотеке? — она томно смотрела на новоявленного «жениха». — Мы не будем вам мешать. Честно.

— Разрешим? — демон с улыбкой взглянул на меня сверху вниз. Кажется, я поняла, что он имел в виду, рассуждая о женском одиночестве.

— Как знаешь, — пожала плечами я. — Если тебе скучно со мной...

— Просто мне кажется, что мы бы сделали доброе дело, позволив мистеру Фимзу закончить его книгу, — он взглянул на гостей. — Мы согласны. Позвоните нам завтра, и мы обо всём договоримся.

Странная чета удалилась, рассыпаясь в благодарностях и бросая на нас взгляды различной степени нежности. Захлопнув за ними дверь, Кратегус рассмеялся и потёр ладони.

— Намечается что-то интересное.

— Правда? — улыбнулась я.

— Не злись. Этот тип что-то знает. В его книгах полно тумана и ерунды, но есть намеки на знание того, что смертный знать не должен. Я давно хотел заняться им, но с иной целью. Я хотел выжать из него источники этих знаний и приложиться к ним ради собственной выгоды. Но теперь я хочу узнать, что он тут делает, и не угрожают ли его знания тебе.

— Я тронута.

— Можешь не верить, но он тут неспроста.

И он прошествовал мимо меня в гостиную. Ему понравилась роль «жениха» и он решил продолжить спектакль без зрителей.

49

Основная проблема моей жизни состоит в том, что меня окружают очень активные мужчины. Мало того, что Кратегус тут же занялся в библиотеке поисками «прекрасных эссе» Гордона Фимза, так и Джексон, едва услышав от меня по телефону о неожиданных визитах, сообщил, что будет через полчаса. Может, у него тоже период творческого застоя?

Пока он не приехал, я решила проверить нового знакомого по своим каналам. Они у

меня есть. И в чём-то Кратегус прав, я предпочитаю точные науки и получение информации не из ноосферы, а из более надежных источников.

Достав свой верный ноутбук, я устроилась в гостиной и через спутник связи вышла на разведстанцию Звёздной инспекции. Вы ведь знаете, что такие крутятся под видом космического мусора возле всех населённых планет? Через неё я связалась своим личным кодом с информационной сетью и запросила данные о Гордоне Фимзе и его супруге.

Так вот, никакой супруги у него просто не оказалось. И в Центральной Африке он не бывал. Он вообще не был на Земле. Его не пустили, не выдали визу и всё. Краткая биографическая справка была впечатляющей. Судя по всему, ему было около пятидесяти лет. Родился он на Сионе или на Арсиное в семье золотоискателя или контрабандиста. С шестнадцати лет занимался подделкой артефактов и похищением исторических ценностей с различных планет. Пару раз попадал в тюрьму, но сбегал.

В тридцать лет неожиданно увлекся оккультизмом, поступил в какой-то колледж на Сионе и закончил его с отличием. Начал писать статьи, потом книги, действительно много путешествует. Его интересы в основном вращаются возле аномальных мест, святилищ Тёмных богов на разных планетах. Состоит в нескольких Братствах Тьмы. Коллекционирует артефакты, имеющие мрачную известность чёрно-магических аксессуаров. Среди учёных слышит шарлатаном и фальсификатором. По вышеизложенным причинам его и не пустили к могилам предков на Земле. И, думаю, были правы.

Сведений о его браке не было. Более того, было указано, что он не женат, детей и живых родственников не имеет. При посещении планет — членов Объединения Галактики должен находиться под негласным наблюдением местных отделений ЗИ.

Учитывая, что это сообщение было общедоступной для сотрудников Звёздной Инспекции ориентировкой, дальше шло подробное разъяснение причин, почему он должен находиться под наблюдением. При первом прочтении я не поняла ничего, а при втором до меня дошло, что нужно просто собрать сведения о его контактах и немедленно сообщить «выше». А это значило только одно: что обычному сотруднику в такие дела лучше не соваться и доверить это дело более опытным и осведомлённым товарищам. Например, тем, кто занимается метафизическими проблемами и магическими диверсиями.

Распечатав текст ориентировки, я прошла в библиотеку. Кратегус сидел на стремянке и листал книгу, лежащую у него на коленях.

— Он тот, за кого себя выдаёт, — сообщил он, показав фотографию на обложке.

— Не думаю, — я протянула ему ориентировку.

Он пробежал её глазами и с одобрительной усмешкой взглянул на меня.

— У тебя такие источники информации...

— Знание является ко мне с небес, — пояснила я.

Из прихожей раздался звонок.

— Я открою, — произнесла я и пошла открывать.

Это был Джексон. Он был очень возбуждён.

— Этот человек никогда не был другом Дривера... — проходя в гостиную, сообщил он. — Дривер никогда не писал ему и ничего не пересылал. Нам Фимз известен, как шарлатан и мрачный мистик.

— Нам тоже, — кивнул Кратегус, выходя из библиотеки. Он подал Джексону ориентировку и присел на журнальный столик, перелистывая книгу.

Джексон кое-как справился со своим раздражением при появлении демона и взглянул

на листок.

— Мы не знали, что он так далеко зашёл, — констатировал он, закончив читать. — Но я не удивлён. Меня интересует, что ему нужно здесь.

— Нас тоже, — согласилась я. — И ещё нас интересует, явился ли он сюда в связи с разговором Тьмы или это стечение обстоятельств.

Мы с Джексоном взглянули на Кратегуса. Он покачал головой.

— О заговоре мне ничего не известно. Меня вызвали сюда как высококлассного киллера, мне дали информацию о мишени и пустили в свободное плавание. Но я не верю в совпадения. Меня смущает эта тишина. В городе не ощущается активности тёмных сил. Это значит, что у них всё идёт по плану. Фимз может быть частью этого плана.

— И я? — уточнила я.

Он улыбнулся.

— Может, и ты, но, скорее всего, дом. О тебе они ничего не знают. Я говорил тебе о конкуренции.

— Ты говорил, что тебе дали информацию о мишени.

— Мне сказали: истребитель демонов, не сущность, но человек. За неделю — девять демонов. Ты же знаешь, что я искал и выманивал тебя. Но я никому не сказал, кого я нашёл. Моё дело выполнить работу, а не отчитываться о ней.

— А Марэнус? — мрачно уточнил Джексон.

— Он знал, что мечом, который я ему передал, я ранил противника, что только этим мечом его можно убить. Больше ничего. Вы энвольтировали на крови вслепую. Только дьявольская мощь самой лабеллы позволила вам добиться успеха.

— Так... — я присела рядом на подлокотник кресла и скрестила руки на груди. — Если они обо мне ничего не знают, и просто их интересует дом...

— Или что-то в доме, — уточнил Кратегус.

— То мы можем сыграть. Фимз отказался встречаться с Ларсом, видимо, потому что тот может его разоблачить или сообщить, что Драйвер не был знаком с ним. Нас он считает просто новыми владельцами дома, никак не связанными с его прошлым. Мы можем сделать вид, что так оно и есть, и понаблюдать за ними.

— Я намерен познакомиться поближе, — усмехнулся Кратегус. — С обоими.

— А ты уверен, что они о тебе ничего не знают? Что ты здесь?

— Кто здесь? Кратегус или Джулиан МакЛарен, о котором ещё недавно вообще никто не помнил? Я не собираюсь распускать крылья и бросать импульсные разряды. А моего человеческого облика на этой планете никто, кроме вас, не знает. Раньше я не так часто прибегал к нему.

— Но тебя будут искать.

— Может, уже ищут. Может, даже подозревают, что со мной что-то не ладно. Но пока я в образе человека, они не смогут меня выследить.

— Ты же запугивал меня, что на меня уже идёт охота! — разозлилась я. — Что мне не простят твоего отступничества.

— Я был в депрессии, — пожал плечами он. — Нет никакого отступничества. У меня просто появился личный интерес. Я не состою членом какого-нибудь сообщества, я — одиночка, наёмник. За тебя я плату ещё не получил и потому могу нарушить контракт. Считай, что у меня контракт с тобой.

— Такое разрешается?

— Если я не буду никому говорить, что не собираюсь получить твою душу в качестве платы, то будет выглядеть похоже. Я могу обхаживать тебя хоть триста лет. Перспектива подарить твою душу моему Лорду будет неплохим оправданием.

— Стервец... А я ночей не спала, ожидая, когда против меня восстанет весь ад.

— Он восстанет, — успокоил он меня. — Когда ты начнешь действовать в своём обычном репертуаре, а я стану прикрывать тебе спину.

— Мы говорили о Фимзе, — нетерпеливо напомнил Джексон.

— Колдун, ты начинаешь меня утомлять... — вздохнул Кратегус, поднимая руку и распуская веером пальцы.

Я поспешно перехватила его руку и сжала её. Демон мрачно взглянул на меня.

— Вы забываете, что я — демон. Моя человечность на него не распространяется. Мы прекрасно справимся со всем этим вдвоём.

— Нет. Они нам тоже нужны, — возразила я. — Вернее, мне нужны, как и ты. Поэтому успокойся и постарайся смириться с тем, что придётся работать в команде.

— В команде? — он с отвращением скривился. — Что же будет связывать эту команду?

— Для начала я и мои личные цели, а там увидим.

— Я работаю с тобой, — хмуро согласился он. — И постараюсь не превратить в крыс твоих приятелей.

— Уже прогресс, — пробормотала я. — Что скажете, Ларс?

— У меня тоже нет желания работать с вашим демоном, я ему не доверяю.

— Ваша позиция понятна. Что о Фимзе? Мы позволяем ему прийти или я устраиваю скандал своему жениху, и он вынужден отказать гостям в приёме?

— Если это поможет выяснить его планы, то пусть приходит. Мы установим за ним наблюдение.

— Хорошо — кивнула я. — И мне бы хотелось выяснить, кто такая миссис Фимз.

— Этим займусь я, — Кратегус улыбнулся.

— Если б ты не был демоном, я бы подумала, что она тебе понравилась, — заметила я.

Он прищурился, глядя на меня, потом вздохнул.

— Нет, к сожалению, это не ревность. Она мне не понравилась не потому, что я демон, а потому, что в моей душе нет места для других женщин. Когда-то очень давно я уже говорил тебе об этом. А заняться ею лучше мне, потому что у меня есть опыт. Я произвёл на неё впечатление и могу попытаться развить его во что-то большее. Пока она будет заниматься своими чувствами, я спокойно выведаю у неё всё, что захочу. Если понадобится, я скажу ей кто я и пообещаю то, что обещал сотням других.

Я поморщилась.

— Мы же договаривались, что ты завязываешь со своими штучками?

— Что, соблазнения ведьм это тоже касается? — нахмурился он. — Ты мне хоть что-нибудь оставишь?

— Потом поговорим, — проворчала я.

— Вы репетируете? — поинтересовался Джексон. — Не буду вам мешать, — он повернулся к дверям. — Если что узнаю, немедленно сообщу. Надеюсь, вы поступите также. И совет старого колдуна, Лора, не верьте демону. Как он сам сказал, у него большой опыт соблазнения.

Кратегус резко выбросил ему вслед руку. Я вздрогнула, но, к счастью, следствием этого жеста была всего лишь резко распахнувшаяся дверь. Джексон вышел, и дверь с треском

захлопнулась за ним.

— Почему когда он рядом, ты всё время приводишь меня в ярость? — раздраженно спросил Кратегус.

— Потому что тебе не нравится, что я занимаюсь не исключительно тобой, эгоист несчастный, — вздохнула я.

50

На следующее утро чуть свет раздался телефонный звонок. Кратегус, который почти всю ночь проторчал в библиотеке, читая эссе нашего нового знакомого Фимза, стрелой метнулся к аппарату. Похоже, освежив в памяти его опусы, он проникся прежним интересом к оккультным тайнам, которыми обладал мрачный мистик с застенчивой улыбкой. А, может, его заинтересовала фимзова русалка.

Я готовила себе завтрак и попутно прислушивалась к тому, что говорил демон своему невидимому собеседнику.

— Я навёл справки, — неожиданно холодным тоном произнёс он. — Вы можете приехать, — он на мгновение замолчал, видимо потому, что Фимз кинулся изъявлять свою безбрежную благодарность, а потом тихим шелестящим шепотом оборвал его: — Подожди благодарить. Ещё успеешь.

Положив трубку на рычаг, он изящно, как тореадор на арене развернулся ко мне и улыбнулся. К такой улыбке очень пошли бы торчащие клыки и зрачки-щёлки, как у кошки. Танцующей походкой он подошёл и принялся подпирать косяк двери в кухню.

— Они будут здесь через час.

— Ты что, решил сменить тактику? — спросила я. — Больше не собираешься изображать обычного жениха обычной невесты?

— Всё сложнее, — он усмехнулся. — Мне кажется, нам не удастся надолго занять их внимание, а потому придётся импровизировать. Я знаю, чем можно заинтриговать таких людей.

— О чём ты говоришь? — нахмурилась я и чуть не прокараулила кофе. Подхватив турку с огня в последний момент, я поставила её на подставку и снова обернулась к нему.

Кратегус задумчиво смотрел на огонь. Заметив мой вопрошающий взгляд, он приподнял брови и чуть пожал плечами.

— Я проанализировал его писанину и пришёл к выводу, что он — не главный. За ним кто-то стоит. Видишь ли, я заметил, что в своих эссе он пишет исключительно о чёрно-магических артефактах Земли, и пишет как очевидец. Но ведь он не был на Земле. При этом, как следует из полученной тобой ориентировки, он должен очень много знать о подобных вещах, существующих на других планетах, но как раз об этом он не пишет.

— Табу?

— Скорее всего, но дело не в этом. А в том, что, как я уже говорил раньше, он обладает подлинной информацией о том, о чём пишет. В других источниках я не смог найти ничего похожего. Значит, он берёт её не из литературы. Тогда откуда?

Я кивнула и с задумчивым видом посмотрела на медную турку, в которой отражались отсветы огня газовой горелки. Красноватые блики вдруг напомнили мне адское пламя.

— Информацию ему даёт кто-то с Земли. Или что-то с Земли. И на эту информацию наложено табу, потому что из-за обстановки на Земле эта информация потеряла практическую ценность.

Кратегус осторожно кивнул, чтоб подтвердить, что считает мои предположения

верными.

— И этот кто-то или что-то, потеряв своё влияние на Земле, ищет новое место воцарения, — медленно продолжила я, — используя в качестве агента Фимза. У Фимза задание и он поторопится его выполнить. Ты это имел в виду?

Демон снова кивнул. Я налила в чашку кофе, а потом опять взглянула на него.

— Ты хотя бы предполагаешь, кто это может быть?

Он покачал головой.

— Боюсь даже предполагать. Видишь ли, это может быть что угодно. Судя по тому, что те данные, которыми обладает Фимз, относятся в основном к древним обрядам, шаманству, только частью встречающимся в практике Вуду, это может быть что-то, что не имеет отношения к нам.

— К вашему бесовскому сообществу? — уточнила я.

Он присел на табуретку у двери и какое-то время молчал, собираясь с мыслями.

— Зла в мире очень много, — проговорил он. — Как и добра. Зло и добро ведут борьбу везде, в том числе и там, где нет людей. Они огромны, всеобъемлющи и всепроникающи. Они были всегда, даже в те незапамятные времена, когда не было нас. Демоны древнего мира были куда ужаснее. Бог создал ангелов и установил между ними порядок и дисциплину. Ангелы пали и стали демонами, но порядок и дисциплина в их рядах сохранились в какой-то мере. Мы — первая организованная сила зла, мы — хорошо выстроенная армия. И мы — в какой-то мере тот компромисс, который допускает Мироздание, чтоб укрепить границы нашего мира перед осаждающим его хаосом. Наша организация, наш интеллект, наша мощь делают нас опасными, но не только для людей, а и для тех, чьё место мы заняли. Мы вытеснили куда более страшную силу, чудовищ и демонов, которые не только уничтожали, растлевали и поглощали, они извращали всё, требуя человеческих жертвоприношений, превращая блуд в священнодействие, а игры — в кровавые побоища. Мы — дети перед ними.

— Не утрируй, — остановила я его.

— Последняя из известных вам подобных цивилизаций вела войны только для того, чтоб захватывать пленных, которых тысячами приносили в жертву древнему злу.

— Они приносили жертву Солнцу, — поправила я.

— Кто внушил им эту ересь? Кто однажды дал им понять, что не будет крови — не будет света? Кто, в конце концов, пил эту кровь? И почему ваше Небесное Воинство, известное своей чистотой, вдруг встало за спинами жалкой кучки кровавых головорезов-конквистадоров, которые за несколько лет смели с лица земли процветающие города? Или ты думаешь, резня была только на поверхности Земли?

Я вздрогнула, потому что мне показалось, что я что-то вспомнила. Это было не так, я не помнила ничего, но ощущение ярости, боя, стиснутых зубов и кровоточащих ран вдруг оглушило меня.

— Может быть... — пробормотала я, поднося чашку к губам.

— Так вот, — серьёзно проговорил он. — Если Фимз связан с кем-нибудь из этих... нам придется туго.

— А ваши нам не помогут? — наивно спросила я.

Он прищурился.

— Зло всегда зло. Кровь, кем бы она ни была пролита, не меняет вкуса. Несмотря на долго существовавший компромисс, нас изгнали. Кто знает, не попытаются ли некоторые из

нас создать новые альянсы? Представляешь, наш интеллект и их мощь. А вокруг безбрежный космос.

— Ты бы вступил в такой альянс?

— Нет, я не вступаю в альянсы. Я — одиночка. Наёмник. Я предпочитаю свободу от обязательств. И у меня свой кодекс чести.

— Неужели?

Он мрачно взглянул на мою кислую физиономию и поднялся.

— Говорить с ними буду я, а ты продолжай дуться и смотреть по сторонам. И держи меч под рукой.

51

Как ни странно, но эта маленькая лекция о древних демонах меня успокоила. Я вспомнила, что уже встречалась с ними, и не раз. Они были разными и не похожими друг на друга, беспредельно тёмными и злобными, но мне обычно удавалось выкрутиться. Они пугали куда меньше, чем силы ада. Может быть, потому, что уничтожив демона, можно покончить с ним навсегда. Его гибель, как правило, не означает, что его место тут же займёт другой. Жуть представляемой Кратегусом силы была именно в её организованности и неисчерпаемости. А также в хорошем знании человеческой природы и природы вообще.

Решив, что с древними демонами я как-нибудь разберусь, я в отличном настроении закончила завтрак и вымыла посуду. К тому же я с иронией подумала о том, что Кратегус, кажется напуган.

Подивившись странности своей логики, я пошла в библиотеку и уселась в уголке, перебирая книги Фимза, разложенные на столике возле камина.

Когда раздался звонок в дверь, я как раз листала опус о путешествии Ка и Ба. Сотрудники Каирского музея обалдели бы от таких откровений. Краем уха я слышала голоса в прихожей, а потом появились и гости в сопровождении Кратегуса. Я бросила на них мимолетный взгляд и чуть не упала с кресла, увидев наряд миссис Фимз. Эдна была завернута в прозрачное сари, под которым не было ничего кроме кованого пояса в виде двух драконов и дюжины гнутых браслетов на всевозможных местах всех четырёх конечностей. Её белокурые волосы были распущены, глаза фосфоризировали, а вокруг плыл какой-то безумный аромат чувственности.

Она тёрлась возле озабоченного своим утренним открытием демона, а Фимз радостно таранился вокруг, обозревая книжные полки. Думаю, что он острым взглядом высматривал раритетные издания, ради которых якобы явился на Новую Луизиану.

— Присаживайтесь, — предложил им Кратегус и сел на диванчик у окна.

Эдна тут же уселась рядом, едва не ему на колени, и томно сверкнула глазами из-под длинных ресниц. У меня слегка закружилась голова от её духов. Фимз тем временем устроился в кресле напротив меня и лицом к окну.

— Я так рад, что вы позволили нам поработать здесь, — затарахтел он. — Я просто не знаю, что бы и делал, если б не вы. Мне так необходима эта информация.

— Что именно вас интересует? — спросил Кратегус и посмотрел на Эдну долгим взглядом. Она так вся и выгнулась ему навстречу. Он прищурился и снова взглянул на Фимза. — Какие книги вам нужны?

— «Некрономикон»? — ядовито мурлыкнула я тоном «чего изволите», перекидывая ноги через подлокотник кресла. — «Изумрудная скрижаль»?

Фимз ошалело уставился на меня. Я послала ему очаровательную улыбку.

— Кое-что из этники, — проговорил он. — Центральная Африка.

— Могу предложить «Откровения старого шамана» Юмбо Тао, — предложила я. — Или «Шаг через Замбези», написанную Колдуном Уту. Жуткая вещь.

Я обернулась и посмотрела на Кратегуса. Он внимательно смотрел на меня. Я закусила губу и подмигнула ему.

— Очень интересно, — кивнул Фимз, — но меня больше интересует эссе Глена Брауна «Примитивный шаманизм Центральной Африки»...

— Что интересного может быть в эссе человека, который считает шаманизм Центральной Африки примитивным, — капризно пробормотала я. — Но то, что вы ищите, вон там.

Я подняла руку и показала на верхнюю полку у себя над головой. Фимз нерешительно посмотрел туда, потом на стремянку, а потом на меня. Я снова улыбнулась, не двинувшись при этом с места.

— Что у вас за духи? — поморщился Кратегус, взглянув на Эдну.

— Вам нравится? — голосом сирены пропела она.

— Нет.

Она широко раскрыла глаза и взглянула на Фимза.

— В них слишком много феромонов, — рассмеялась я, догадавшись, что со мной происходит.

— Мне тоже так кажется, — кивнул демон.

Я спустила ноги на пол и постаралась унять игривое настроение. Это было нелегко. Помогла злость из-за того, что меня потравили этой заразой, причём как-то мимоходом, потому что и этот наряд русалки и её ароматы были предназначены для Кратегуса. Ему-то наплевать, а у меня в голове сладострастный туман и ещё чёрт знает что.

— Ну-с, мистер Фимз, — Кратегус тем временем встал с дивана и, подойдя к толстяку, встал перед ним, засунув руки в карманы брюк. — Может, поговорим начистоту? Я же сказал, что навёл о вас справки.

Фимз напряжённо смотрел на него. Я поглядывала на Эдну, которая вдруг напряглась, как готовая броситься на жертву пантера.

— Хорошо, — кивнул Фимз. — Я вижу, вы действительно навели справки и, может, даже выяснили, что я не был знаком с доктором Дривером. Но вы всё-таки приняли нас. Почему?

— Здесь я задаю вопросы, — негромко проговорил демон. — Что вы собираетесь искать в этом доме?

— Книгу, редкую книгу. Это правда. Дривер сослался на неё в одном из своих исследований. Я выяснил, что он приобрел её на аукционе, когда был проездом на Киоте. Мне нужно только взглянуть на неё.

— Что за книга?

Фимз покосился на меня.

— Можете не верить, но это действительно «Некрономикон». Рукописная копия 12 века.

— «Некрономикон»? — пробормотал Кратегус. — Вы уверены, что он здесь?

— Абсолютно. Я готов на всё, только бы увидеть эту книгу. И, может быть, кое-что скопировать.

— Где она может быть? — Кратегус осмотрелся по сторонам.

— Вряд ли в библиотеке, — проговорил Фимз. — Может, в подвале или на чердаке. Или в каком-нибудь тайнике.

— «Некрономикон», — тихо и очень внятно произнёс демон, словно это слово ласкало его слух, хотя, может быть, так оно и было.

— Я вижу, вы знаете, что это такое, — вкрадчиво проговорил толстяк, поднимаясь с кресла. — Если вы поможете мне, я помогу вам. У вас есть книга, а я могу воспользоваться ею. Нас свела судьба.

Кратегус бросил на него быстрый взгляд.

— Конечно, — неопределённо произнёс он и прошёлся по библиотеке, потом взглянул на меня: — Ты не сварьшь нам кофе?

Я мотнула головой.

— Эдна! — встрепнулся Фимз. — Вы позволите, МакЛарен? Эдна превосходно варит кофе.

При упоминании своего имени демон вздрогнул и взглянул на толстяка.

— Да, пожалуйста.

Русалка тут же вскочила и помчалась на кухню. Я вдруг подумала, что она запросто может подсыпать мне в арабику крысиного яда и поплелась следом. Усевшись на табуретку возле входа, я внимательно смотрела, как она варит кофе, но ничего опасного не заметила. Она за всё это время не проронила ни слова, впрочем, и я не испытывала особого желания болтать с ней, поскольку у меня до сих пор кружилась голова от её парфюмерии.

Вылив кофе в кофейник и поставив рядом на поднос чашки, русалка обольстительно улыбнулась мне. Я ответила ей задорным оскалом.

Когда мы вернулись, Кратегус, скрестив руки на груди, стоял у окна, а Фимз бегал по библиотеке.

— Мы договорились, Эдна! — радостно сообщил он.

— О чём, интересно? — уточнила я.

Демон мрачно взглянул на меня.

— Мы будем искать её вместе! — сообщил толстяк. — За это нужно выпить, хотя бы чудесного кофе!

Он подхватил с подноса одну из чашек и, подбежав к Кратегусу, сунул её ему в руки. Я взяла другую чашку. Демон поднёс кофе к лицу и вдохнул его аромат. На его губах появилась слабая улыбка. Пройдя мимо меня, он подошёл к русалке и нежно, с придыханием произнёс:

— Могу вас поздравить, отличный напиток.

Она томно улыбнулась. А от меня не укрылся тот факт, что проходя, он провёл ладонью над моей чашкой, словно сделал незаметный пас. Я задумчиво смотрела на чашку.

— Пей, тебе понравится, — он ободряюще улыбнулся и пригубил свой кофе.

Я пожалала плечами и отпила маленький глоточек. В голове у меня зашумело, я едва успела поставить чашку на стол и провалилась куда-то назад, где было очень темно.

Я проснулась спустя мгновение, или мне так показалось. Я не испытывала никаких неприятных ощущений, голова была ясная. Но библиотека оказалась пуста, а за окном начало смеркаться.

Затем я заметила, что книги на полках сдвинуты, а кое-где скинуты на пол. Выйдя в гостиную, я увидела перевернутую кверху ножками мебель, нижние части кресел и дивана были вспороты. В углу со стены свисал оторванный край обоев. Кто-то здесь что-то

усиленно искал.

Обойдя дом, я выяснила, что обысканы все комнаты. Дверь на чердак, правда, была закрыта. Подумав, что до неё пока не добрались, я напрямик направилась на кухню.

Дверь в подвал была приоткрыта. Я спустилась на несколько ступеней по лестнице и наткнулась на Кратегуса. Он как ни в чём не бывало стоял, опершись на перила. Я неожиданно разозлилась и вцепилась ногтями ему в затылок.

Он раздражённо зашипел и, обернувшись, поднёс палец к губам, а потом указал куда-то вниз. Я подумала, что выцарапать ему глаза я ещё успею, и тоже перегнулась через перила. Его башни внизу не было. Был обычный подвал с уходящим в темноту винным погребом. В углу, в полумраке копошились наши гости, что-то бормоча и отталкивая друг друга.

— Они почти нашли, — шепнул мне демон.

— Что именно?

— Сейчас узнаем, — он улыбнулся и начал медленно спускаться по лестнице. — Так-так... — громче произнёс он, привлекая к себе внимание, — а ведь мы договорились искать вместе.

Двое внизу резко обернулись, Фимз, прижимая к груди какой-то плоский чёрный ящик, а Эдна, оскалив длинные клыки.

— Какая неожиданность, — взглянул на неё Кратегус. — Кто твой дантист, детка? Что вы там нашли, Фимз? По крайней мере, не «Некрономикон». Его здесь нет. Я знаю, где он. Увы, эта книга недоступна ни для вас, ни для меня. Впрочем, мне она и не нужна. Я уже читал её, лет пятьсот назад.

— Вы... — начал Фимз, выпучив глаза.

— Да? — переспросил демон. — Ах, кофе... Превосходный напиток. Я затрепетал от вожделения, когда почувствовал знакомый аромат. Шпанская мушка, в лошадиной дозе. Надеюсь, вы не ошиблись в дозировке, ведь это зелье применяется и как любовное?

— Андэ! — Фимз ткнул пальцем в демона, и его русалка кинулась вперёд, выпустив из пальцев длинные загнутые когти.

Но Кратегус даже не повернул голову в её сторону. Одним движением руки он отшвырнул её прочь. Она отлетела и, ударившись о стену, сползла на пол. Демон медленно надвигался на Фимза, постепенно превращаясь в серое чудовище с перепончатыми крыльями.

— Что ты нашёл, червь? — прорычало чудовище.

Фимз завизжал, прижавшись спиной к стене, но, не выпуская из рук свой ящик. Кратегус склонился над коротышкой и сжал его горло огромной когтистой лапой.

— Кто тебя послал? — прогудел он. — Говори или умрешь.

Фимз открыл рот и вдруг затрясся, его глаза выкатились из орбит и он вспыхнул синим пламенем. Демон с рычанием обернулся. На месте Эдны стояла красная демоница с рожками на лысой голове и лапами ящерицы вместо рук.

— Ты мешаешь, Кратегус! — провыла она, присев, видимо, готовясь к прыжку.

— Андэ, — оскалился он и выбросил вперёд лапу, с которой сорвалась синяя молния, ударившая демоницу в грудь.

Она закричала, вспыхнула, и спустя мгновение осыпалась на пол кучкой пепла. Кратегус уже принял свой человеческий облик и теперь, глядя на пепел, поправлял пиджак.

— Ничего личного, Андэ, — проговорил он и обернулся к обугленному трупу Фимза, чтоб взять из его рук чёрный ящик.

Всё произошло очень быстро. Я мрачно смотрела на дыру в стене подвала, на труп Фимза и на кучу пепла на полу.

Кратегус, придерживая свою добычу под мышкой, спокойно поднялся по лестнице и небрежно махнул рукой. Вместо подвала внизу снова была его башня с алхимической лабораторией и полной луной в окне.

— У меня есть намерение выцарапать тебе глаза, — сообщила я. — Во-первых, что за дрянь ты подсыпал мне в кофе? Во-вторых, кто будет прибираться весь этот бардак в доме? И, в-третьих, ты только что убил в моем доме демоницу.

— Во-первых, я ничего не подсыпал, — возразил он. — Я трансформировал зелье, подсыпанное Андэ, в совершенно безобидное снотворное. Кстати, ты проснулась быстрее, чем я предполагал. Во-вторых, в доме нет никакого бардака. А, в-третьих, если б я не испепелил Андэ, она бы нас выдала.

— А ещё говорят, ворон ворону глаз не выклюет, — проворчала я, поднимаясь обратно в кухню.

— Не сравнивай нас с глупыми птицами! — обиделся он.

Я вернулась в гостиную и с удивлением увидела, что мебель стоит на своих ножках, а обои прочно приклеены к стене. Заглянув в библиотеку, я убедилась в том, что все книги находятся на своих местах. Кратегус ехидно улыбался.

— И что мы имеем? — продолжала ворчать я. — Кто их послал, мы не знаем. Правда, мы получили то, что они искали... Ну чего стоишь, открывай!

— А если это ящик Пандоры? — поинтересовался он. — Я открою, а оттуда что-нибудь появится?

— Вряд ли, — возразила я. — Фимз говорил о «Некрономиконе», а обычно в таких случаях говорят полуправду. Там, наверно, книга.

— А ты знаешь, что бы случилось, если б простой смертный открыл «Некрономикон».

— Ты не простой смертный и я тоже, так что не тани! — начала раздражаться я.

— Это была твоя идея, — пожал плечами Кратегус и положил ящик на журнальный столик. Щёлкнув пальцами по замку, он откинул крышку.

Книги там не было. В ящике было несколько отделений. В одном лежал длинный чуть загнутый нож с мерцающими рунами на чёрной эбонитовой ручке, в другом — стопка жёлтых прямоугольников из пергамента, в третьем — два костяных кубика — игральные кости и, наконец, в четвёртом — небольшая чёрная коробочка. Открыв её, я увидела, что она пуста. В ней была только небольшая бархатная подушечка со складкой.

— Здесь должно быть какое-то кольцо, — проговорила я.

Кратегус тем временем рассматривал пергаментные прямоугольники.

— Это похоже на карты, но изображения не видны, — произнёс он. — Наверно, должно что-то произойти, чтоб они появились, — потом достал из углубления кости и подкинул на ладони. — Тёплые... И пульсируют, как сердце. Они тоже для чего-то нужны.

— А нож? — я взяла его в руки. — Атам?

— Скорее всего. Надпись на арамейском языке: «Отсекая, освобождаю». Интересно... Им очень важно было заполучить эти вещи, но они знали, для чего они нужны, а мы не знаем.

Я задумчиво взяла в руки один из жёлтых прямоугольников и вдруг увидела, как на нём

медленно проступило изображение. Сначала появилась тёмная мантия, потом — остроконечная шляпа, а следом — седая борода и алмазный посох.

— Маг, — определил Кратегус. — Попробуй ещё несколько.

На следующей карте возникло изображение ангела с мечом и большими лебедиными крыльями.

— Ангел, — кивнул демон.

Я взяла ещё несколько карт. На верхней появился дьявол с рогами и крыльями летучей мыши. Ещё на одной проступило изображение ведьмы, летящей на помеле, на другой — странное существо, верхняя часть которого была волком, а нижняя — человеком, на третьей — рыцарь с мечом. Следующие остались пустыми, да и рыцарь как-то странно мерцал, то появляясь, то пропадая.

— Больше не получается, — сообщила я.

Кратегус забрал у меня карты и разложил на крышке коробки.

— Маг, Ангел, Дьявол, Ведьма, Оборотень и рыцарь под вопросом... — он задумчиво смотрел на расклад. — Что это тебе напоминает?

— Нашу компанию, — пожала плечами я. — Маг — Джексон, Ангел — я, Дьявол — ты, Ведьма — Лия, Оборотень — любой из масунтов. А рыцарь... Может, имеется в виду МакЛарен, которого вроде и нет, но он есть.

— Он не рыцарь. Он — алхимик. Фарги?

— Он больше похож на Ангела или Мага. Если его назвать богом, он тоже будет не в обиде, но рыцарь... Нет. У него и меча-то никогда не было.

— Наверно дело в рыцаре, — Кратегус постучал пальцем по карте. — Его нет, но он должен быть. Тогда расклад будет полным.

— Если мы вообще правильно его разложили. И вообще к чему всё это?

— Может быть, эти карты действительно показывают ситуацию и дают подсказки.

— А кости?

— Не трогай. Не исключено, что бросив их можно изменить ситуацию, но никто не знает в какую сторону.

— Странно это всё, — я снова повертела в руках чёрный атам. — Карты и кости — для игры и для гадания. Нож для ритуала магии. А кольцо? Что связывает эти предметы? Почему они собраны все вместе и для чего они нужны?

— Выясним со временем, — Кратегус осторожно взял у меня из рук нож и, положив его обратно в ящик, закрыл крышку. — Нет кольца. Комплект не полон. А кольцо может иметь большое значение. Кольцо часто дает власть, — он задержал взгляд на моей руке, вернее, на старинном перстне с синим Кристаллом истины. — Это магический перстень?

— В какой-то мере, — согласилась я.

— Может, потому карты и ожили в твоих руках, — пробормотал он. — Не нравится мне всё это. Где кольцо? Кто бы ни стоял за Фимзом, он что-то замышляет и ему нужны все эти вещи, включая кольцо. Подумай, карты показывают ситуацию, кости её, допустим, изменяют, нож может отсечь что-то уже существующее. Но что создает ситуацию? Может, действительно, кольцо?

— Нам нужно связаться с Джексоном, — заявила я.

Кратегус что-то злобно проворчал, но возражать не стал.

Джексон явился не один, с ним были Лия и Эльвер. Они внимательно изучили содержимое ящика и расклад карт на крышке, потом Джексон задумчиво взглянул на меня.

— Вы не думали, что это карты Таро?

— Конечно, думали, — раздражённо ответил ему Кратегус. — Но решили, что это не так. Во-первых, среди классических раскладов не существует расклада в шесть карт. Есть три, пять, семь и больше. Во-вторых, если интерпретировать Мага и Дьявола как первый и пятнадцатый арканы, даже если притянуть Ангела к двадцатому, то арканов соответствующих ведьме и оборотню в Таро не существует.

— Ведьму можно отождествить с Великой жрицей, — возразил Джексон.

— Или с Папессой? Папесса на помеле? Даже я не додумался до такого кощунства! А Оборотень?

— Получеловек, полужверь. Может, Сфинкс.

— Вот это? — демон взял карту и поднёс к его лицу. — Это вервольф, а не сфинкс. К тому же на карте нет Колеса Судьбы, обязательного для десятого аркана. Если это и Таро, то какой-то необычный вариант.

— Но это Рыцарь мечей, — Джексон поднял мерцающую карту.

— Потому что он с мечом? — уточнил Кратегус и пожал плечами. — Ладно, кудесник, — он вырвал у него из пальцев карту и положил на место. — Будем считать, что это полный расклад Таро. Что ты видишь?

Джексон посмотрел на карты. Лия тихонько подошла и встала рядом.

— Не знаю, папа, — тихо произнесла она. — Если это и расклад, то без знания его смысла трудно сказать, что это. В любом случае не слишком хорошая комбинация карт.

— Мягко говоря, — вздохнул Джексон. — Я согласен. Будем считать правильной вашу версию.

— Это тоже всего лишь версия, — покачала головой я. — Пока мы ничего не знаем. Да это и не имеет в данный момент такого уж большого значения.

Я села в кресло у растопленного камина и посмотрела в огонь.

— Что нам известно? На Новой Луизиане что-то затевается. В этот дом подсылают адепта чёрной магии в сопровождении демоницы. Они должны найти этот ящик и ради этого не останавливаются перед двойным убийством.

— Для них убийство не такой уж непопозволительный акт, — заметил Кратегус, присаживаясь на подлокотник моего кресла.

— В ориентировке нет ни слова о том, что Фимз настолько опасен, что так запросто пойдёт на убийство. К тому же вмешательство полиции может осложнить их задачу. Значит, либо они очень торопятся, либо знают, что скоро произойдёт что-то, после чего никто уже не будет преследовать их за это. Ларс, вы узнали что-нибудь о заговоре?

— Мало, только то, что несколько членов Братства Тьмы поступили на работу в компанию, обслуживающую орбитальные спутники.

— Все спутники обслуживает одна компания?

— У нас тихая планета. Спутников немного.

— Но спутники — это защита планеты, это — контроль, это — связь с внешним миром. Насколько высокие посты они заняли?

— Пока мы выяснили только насчёт среднего инженерного персонала.

— Кто принял их на работу?

Джексон пожал плечами.

— Выясните. Это важно, — я посмотрела на ящик. — Итак, они срочно пытались заполучить эти вещи. Они важны для их планов. Что в них такого?

— Мы не знаем, — покачал головой Кратегус. — Но нам известно, что среди них нет кольца.

— Если это кольцо, — Джексон открыл коробочку. — Такие футляры для колец появились куда позже того времени, когда люди пользовались пергаментом. Тут могла быть монета или ещё что-то.

— Монету никто не стал бы ставить на ребро, — возразил Эльвер. — Если в кольце был камень, то такая форма футляра напрашивается сама собой.

— Нам нужно найти кольцо, — нервно произнёс демон. — У меня плохое предчувствие. Все эти предметы связаны между собой, ящик сделан для того, чтоб хранить их вместе. И именно вместе они имеют полную силу. Возможно, именно кольцо на прикасающейся к ним руке пробуждает их.

— Но у Лоры нет магического кольца, — заметила Лия.

— Есть, — я посверкала своим Кристаллом истины. — Никто не знает в чём сила этого камня, но что сила у него есть, можете не сомневаться.

— Нам нужно найти кольцо раньше них, — упрямо повторил Кратегус.

— Конечно. Ларс, этот дом построен доктором Дривером?

— Нет, он купил его лет тридцать назад.

— У кого?

— Не знаю точно. Думаю, где-то в доме должна быть купчая.

Я решительно поднялась.

— Ищем купчую!

Купчая нашлась в библиотеке, в ящике секретера. Как было в ней указано, дом был приобретен у некой Сандры Рейнольдс.

— Найдите эту Сандру Рейнольдс или её родственников, — распорядилась я. — Выясните, кто был владельцем дома, если всплывет ещё одно имя, ищите потомков следующего. Нам нужны полные сведения.

— Проще поехать в ратушу и поднять бумаги, — возразил Джексон.

— Хорошо. Вы — в ратушу, Лия и Эльвер — к этой Рейнольдс.

— Зачем нам нужен предыдущий владелец дома? — с недоумением спросил масунт.

— Он умер, Эльвер, — пояснила я. — А перед этим он спрятал ящик в подвале своего дома. Кольцо обычно носят на руке и лучший тайник в данном случае — могила.

— Логично, — согласился Джексон.

Он направился к дверям, но я его остановила.

— За этими вещами могут прийти. Лучше, если их здесь не будет, — я отдала кости Джексону и Лие, атам — Эльверу. — Карты останутся у меня, я могу ими пользоваться. Поторопитесь.

Они ушли. Я обернулась к Кратегусу. Я была удивлена, что он не попытался протестовать, когда я раздавала содержимое магического ящика своим друзьям. Но он сидел на подлокотнике кресла и мрачно смотрел в пламя камина.

— Если эти вещи не действуют без кольца, — бодро проговорила я, — может, и оно не действует без них.

— Твоё кольцо не зависит от этих вещей, но рядом с ним карты имеют силу, — негромко возразил он. — Может, ящик был им нужен только из-за кольца. Мы ничего не

знаем.

— Ты что-то не блещешь оптимизмом.

Я присела рядом. Он взглянул на меня своими зелёными глазами, в которых плясали искры пламени.

— Они собираются отрезать планету от внешнего мира. Долго это продолжаться не может, всё равно вскоре заподозрят неладное, но видимо им нужно не так уж много времени, чтоб сделать свое дело. Я без конца думаю об этом кольце. И о раскладе. Почему шесть карт? Почему не семь, что было бы более естественным? И почему Андэ убила Фимза до того, как он назвал имя хозяина? Почему пришла Андэ? Когда-то она была гуараггед аннон, валлийской озёрной девой. И лишь потом стала суккубом, но я и понятия не имел, что она начала убивать.

— Она не очень похожа на озёрную деву с этими красными рожками.

— Деяния меняют облик. Зло несовместимо с красотой. Красота остается только в виде маски.

— Ты был с ней знаком?

— В её демоническом образе я её встречал, — он снова замолчал, переведя взгляд на огонь.

Я больше не стала приставать к нему с расспросами и отправилась в библиотеку. А через час позвонил Джексон и сообщил, что дом принадлежал преподобному Джефри Рейнольдсу, который был богословом и практиковал экзорцизм. В молодые годы он жил на Сионе, но потом вдруг прервал свою блестящую карьеру и улетел на Новую Луизиану, где жил отшельником в построенном им доме. После того, как он умер, его единственная дочь продала дом и поселилась в городе. Старик похоронен на кладбище неподалеку от дома в небольшом склепе из розового песчаника.

— Я знаю, где это! — резко поднялся Кратегус и почти бегом направился к выходу.

Я надеялась, что он меня подождёт, но он исчез, не успев дойти до дверей. Мне одной пришлось садиться в машину и ехать по тёмной пустынной дороге к кладбищу. Уже у самых ворот меня едва не ослепил свет фар машины, которая ехала навстречу из города. Она свернула в ворота, и я узнала чёрный автомобиль масунтов. Поехав следом, я вскоре оказалась в боковой аллее. Ехавшая впереди машина остановилась, и из неё выскочили Джексон и Эльвер. Я последовала их примеру и увидела возле самой дороги маленький домик со стилизованными колоннами, на ступенях которого сидел Кратегус. Джексон и масунт пробежали мимо него. Я услышала, как скрипнула дверь склепа.

Кратегус поднял на меня взгляд.

— Мы опоздали.

Из чёрного проёма появился Джексон и проговорил:

— Гроб открыт, у мертвеца отрезан палец, кольца нет.

Из склепа послышался глухой скрип, должно быть Эльвер водрузил на место сдвинутую крышку саркофага. Джексон спустился со ступеней и сверху вниз посмотрел на демона.

— Откуда мы знаем, что кольцо не у тебя?

— Боюсь, что очень скоро вы в этом убедитесь, — ответил тот и, поднявшись, пошёл по дороге. Спустя мгновение он растворился во тьме.

54

Следующее утро было мрачным и серым, с такими чернильными тучами, ветром и каркающим вороном на дубе, из кроны которого почему-то торчали жутковатые сухие сучья.

Может, они торчали и раньше, но я их не замечала, а сейчас, на общем фоне они вдруг стали заметны, подчеркивая леденящий колорит пейзажа.

Вздыхнув, я отошла от окна и направилась на кухню варить кофе. Когда я снимала турку с плиты, дверь подвала за моей спиной тихонько скрипнула. Кратегус появился из своей башни. Хмуро взглянув на меня, он присел в плетёное кресло возле окна. Я так и застыла с туркой в руках. Он был облачён в просторную чёрную мантию до пят. На его груди поблескивал круглый медальон из красного металла, который я уже видела на его боевом доспехе в тот день, когда он меня чуть не убил.

— Кофе? — спросила я, поставив турку на подставку и потянувшись за чашкой.

— Пожалуй, — тихо проговорил он, чем поверг меня в окончательное изумление. Я просто не предполагала, что демоны пьют кофе.

Разлив напиток по чашкам, я подала одну ему, вежливо спросив:

— Сахар, сливки?

Он молча мотнул головой.

Мы пили кофе в полном безмолвии. Он то и дело поглядывал в окно, на угрюмый пейзаж. Почему-то это зрелище не радовало его inferнальную сущность.

— Ты что, не выспался? — поинтересовалась я, чтоб отвлечь его от созерцания туч и деревьев, в ветвях которых носился ветер.

— Я никогда не сплю, — также тихо ответил он и снова смолк.

— Значит просто не в настроении, — определила я.

— Тебя это волнует? — не отрывая взгляда от окна, спросил он.

— С какой стати? Просто интересно, что омрачает твои мысли в такое прекрасное утро.

— Это тот ворон, — он указал чашкой в сторону дуба. — Тот, что орал у меня на спинке кресла.

— Или его близнец, — кивнула я.

— Для такой погоды у тебя на удивление хорошее настроение, — вздохнул он.

— Это из чувства противоречия, — пояснила я. — Давай, выкладывай, что случилось.

— Ничего, — он, наконец, обернулся и посмотрел на меня. Мне стало не по себе. В его зрачках играли красные искры, а лицо было неприятного сероватого оттенка. — Я понял одну вещь. Измерение, куда я вынес свою башню, не то, которое я хотел. Это не тот мир, который существовал в реальности в те годы, когда жил МакЛарен. Он похож, но это не то. Там действительно нет дня, но есть травы и листья на деревьях, есть птицы и звери, рыба в озёрах, светляки и кузнечики. Я только не нашёл там людей.

Я с недоумением взглянула на него.

— А кто есть?

— Фейри.

— Кто?

— Пикты, спанки, слуа... Может, ещё какие-нибудь, не знаю.

— Ты уверен, что это пикты, а не пикси? — уточнила я.

Он какое-то время смотрел на меня, пытаясь уловить иронию в вопросе, но не уловил.

— Это пикты. Ещё я видел шупилти, ку ши и кайт ши. В детстве кормилица много рассказывала мне о них. Она была тёмной и невежественной женщиной, жила в мире легенд и обладала несомненным даром рассказчика. Я до сих пор помню её сказки. Этой ночью я увидел их наяву.

— Ты хочешь сказать, что ты подсоединился к какому-то параллельному пространству,

где живут сказочные существа старой Шотландии?

— Или это тёмные века Шотландии, Каледонии, как её тогда называли. До сих пор никто не знает, что на самом деле происходило там до десятого века. Почему это не может быть реальностью?

Я хотела возразить, но вовремя вспомнила, что разговариваю с демоном, кой является косвенным доказательством возможности существования фейри, водяных лошадок и магических котов и псов.

— Допустим, — кивнула я. — Значит, ты подсоединился к этому миру по ошибке. И заодно подсоединил к нему Новую Луизиану.

— Не переоценивай мои возможности. И не забывай, что мы находимся, чёрт знает, как далеко от Шотландии.

— Парсеков тридцать. В данном случае это имеет значение?

— Не это, а то, что я могу воссоединить созданную мною пространственную нишу с тем миром, который мне хорошо известен, а чтобы его узнать, я должен побывать там несколько раз. Я не был в этом мире. Я не мог к нему присоединиться и уж тем более соединить его с реальностью.

— Что это значит?

— Это значит, что кто-то другой притянул этот мир к Новой Луизиане, кто-то, кто, быть может, способен соединить его с реальностью. Я по ошибке коснулся его и принял за тот, который мне нужен. Я поставил свою башню в чужом измерении, которое уже существовало здесь на Новой Луизиане.

— Зачем кому-то нужно возродить здесь шотландские сказки?

— Может, именно это и есть цель, — кивнул он. — А, может, кто-то «подтянул» это измерение к далекой планете, чтоб выйти из него сюда.

— Мило... — пробормотала я и, поставив чашку, пошла в библиотеку за ноутбуком. Присев за столик, я включила компьютер и некоторое время стучала по клавишам. Потом выключила и, прикрыв крышку, вернулась на кухню.

— Ты выясняла, что со спутниками? — вяло поинтересовался Кратегус.

Я некоторое время молча смотрела на него, а потом сообщила:

— Там нет спутников. Зато я нашла настоящую Луну, Большую Медведицу и Волопаса. И вообще все созвездия, знакомые мне с детства. Только мой компьютер заверил меня, что если судить по звёздам, сейчас 1168 год от Рождества Христова.

— Мы вернулись в прошлое? — без выражения спросил он.

— Мы не на Земле. Мы по-прежнему на Новой Луизиане, — ответила я.

Он медленно поднял голову и вдруг оскалился. Тихое утробное рычание заставило меня вздрогнуть. Его клыки стали длинными и острыми, как у вампира.

— Это ещё что? — мрачно поинтересовалась я.

Он перестал рычать, но лицо его стало ещё более бледным и хмурым, и при этом каким-то обречённым.

— Ты светишься... — хрипло сообщил он.

— Да?

Я отошла в глубину комнаты и посмотрела на свою руку. Она действительно излучала слабый, белый свет, подобный лунному.

— А крылья у меня не появились? — я повернулась к нему спиной.

— Прекрати! — рывкнул он.

Я обернулась. Он поднялся и отшатнулся от меня, прижавшись к стене. В тот же миг что-то зашипело, из-за его плеч показался дым, а он с воплем отскочил в сторону. Там, где он только что стоял, на стене проявился его силуэт, заполненный светящимися голубыми рунами, такими, какие я видела в подвале под виллой Фарги на Киоте.

Я неожиданно рассмеялась.

— Ну! Что такое? Разве ты больше не устойчив к окроплению святой водой и наложению креста?

Он снова зарычал и как-то внезапно оказался рядом. Его горящие красным пламенем зрачки впились злобным взглядом в моё лицо, а руки превратились в серые лапы с длинными когтями и потянулись к моему горлу. Это вдруг показалось мне забавным. Он прищурился и отступил.

— Ты не боишься... Странно, правда?

— А разве когда-то я боялась тебя?

— Может быть, и не боялась, но пугалась. Разве нет? Вспомни...

Он взмахнул своей лапой, и я услышала нудное пение лабеллы у своего лица.

— Пожалуй, — кивнула я. — И что это значит?

— Что-то происходит, — он вцепился мне в плечи, к счастью, своими обычными человеческими руками. — Я чувствую, что что-то происходит!

— Я знаю. Планета, на которой мы находимся, оказалась на месте Земли много веков назад.

Он покачал головой.

— Я не о том, Лора, — тихо проговорил он. — Что-то происходит со мной... и с тобой. Я чувствую, что это разрывает меня, то, что во мне, хочет проявиться в полную силу. И то, что в тебе, тоже.

— Я ничего не чувствую. О чём ты говоришь?

— О сущности. Твоя сущность не находится в таком противоречии с тобой, как моя со мной. Ты — ангел даже в своей человеческой ипостаси. А я...

— Демон.

Он разжал пальцы и опустил голову.

— Я уже не уверен.

Он обернулся и посмотрел на почти погасшие руны на стене.

— Впрочем, это именно так, я демон, — он снова взглянул на меня и выпрямился, расправив плечи. Потом вдруг заколебался и спустя мгновение на нём уже был чёрный сюртук со стоячим воротником, и белым галстуком, подчеркивающим бледность его лица. — Я Кратегус, граф Преисподней.

— С возвращением, любимый, — съязвила я и направилась в гостиную.

Сев в кресло у камина я сняла трубку телефона. Он, к моему удивлению, работал. Набирая номер, я следила взглядом за Кратегусом, который прошествовал мимо меня к окну и застыл там, подобно статуе Командора. В трубке звучали длинные гудки.

— Странный выбор костюма, — заметила я. — Ты случайно не знал Джека Потрошителя?

— При жизни — нет, — ледяным тоном ответил он.

— Как интригует... — в трубке, наконец, послышался голос Джексона. — Ларс, доброе утро, хотя я сильно сомневаюсь, что оно доброе. Вы знаете, что произошло?

— О чём вы? — как-то очень осторожно спросил он.

Кратегус, наблюдавший за мной искоса, чуть слышно зарычал, снова показав длинные клыки. Я даже не стала его спрашивать, был ли он знаком с Бремом Стокером, они наверняка были членами одного клуба. Лондонского, очень аристократичного и закрытого.

— Знает, мерзавец, — подтвердила я его мнение. — Я именно об этом, Ларс. О заговоре, который был вашей заботой и при этом блестяще удался. Тёмные силы похитили Новую Луизиану, и мы проснулись не там и не тогда, где засыпали. Или вы ещё не в курсе?

Джексон с минуту молчал. Врать и расписываться в своей полной профнепригодности было глупо. Он сдался.

— Мы узнали это полчаса назад, от нашего человека в обсерватории.

— Мы тоже узнали это недавно. Но последствия уже сказываются.

— Ваш демон?

— О, он чувствует себя прекрасно. Спасибо, что спросили.

— Нам приехать?

— Если желаете поболтать. И попрошу без вашего треклятого зелья!

Я положила трубку. Кратегус мрачно смотрел в окно. Мне необходимо было поговорить с Фарги.

— Наверно, ему непросто будет найти нас, — неожиданно произнёс демон.

Я вздрогнула, и подозрительно воззрилась на него. Он что, научился читать мысли?

— Я о твоём божественном приятеле, — пояснил он. — Мы перенесены в другое измерение, возможно, во вновь созданное. А он обычно уходил из нашего измерения, стало быть, вернувшись, он нашёл там лишь пустоту, как и звёздные корабли Объединения, которые прилетят, чтоб установить, почему планета не выходит на связь. Они будут удивлены? Будут искать? Или решат, что это ещё одна загадка космоса?

Они произведут исследования на месте, всё проанализируют и спишут дело в архив, как списывали до этого другие исчезнувшие планеты. Я посмотрела на ноутбук. Там есть сведения о других исчезнувших планетах. Если найти параллели... Что это даст? Ничего.

— Ты, правда, не знаешь, что это может быть? — спросила я.

Он улыбнулся одними губами.

— Предположения есть.

— Выкладывай.

— Я думаю, что кому-то, — он взглянул на потолок, — нужно жертвенное мясо, которое кончилось в его мире, в котором есть всё, но не осталось людей.

— Ты опять о древних кровавых божествах?

— Есть другие версии?

— Нет. И что нам в свете твоего мнения грозит?

— Ужас, затем, как следствие, всеобщая истерия. Множество кровавых сект или, скорее всего, один кровавый культ. Они просто начнут приносить друг друга в жертву и умрут. А оно будет искать новую обособленную планету.

— Оно это не Он?

— Сатана? Нет. Я бы знал.

— Да, ты ведь граф Преисподней. Кстати, что здесь ожидает графа?

— Я могу пойти на сотрудничество, что противоречит моему жизненному кредо. Могу восстать, что глупо и не дальновидно. Могу уйти.

— Точно! — вскочила я. — Ты же можешь перемещаться между измерениями, и ты...

Я осеклась. Он с усмешкой смотрел на меня.

— Я дьявол. Я люблю кровь и боль. И я не творю добра.

— Скажи лучше, что не знаешь пути, — пожала плечами я.

Я снова села в кресло и включила телевизор. Мне хотелось узнать, как на это всё отреагировали в городе. По телевидению никто не вещал о Конце Света. Наоборот, жизнь продолжалась. По двум программам показывали мультфильмы, по остальным: какую-то занудно-нравоучительную мелодраму, репортажи с городского турнира по настольному теннису и с благотворительного аукциона, а также рекламу жидкости для полировки мебели, средства от облысения и от блох у собак.

— У них есть время до ночи, — улыбнулся Кратегус. — В полночь начнётся. Мертвецы встанут из могил, город заполонят призраки, муть поднимется из глубины душ. И ничто уже не сможет их спасти. Город превратится сперва в сумасшедший дом, затем в место резни, потом — в кладбище и, наконец, — в пустыню.

— За одну ночь?

— Нет, агония будет длиться долго... очень долго.

— Я вижу, ты в предвкушении. Поучаствуешь в пире или будешь наслаждаться зрелищем?

— Я ещё не решил.

Я какое-то время молча смотрела на него. Потом снова пожала плечами и пошла допивать кофе. В дверь кто-то яростно забарабанил. Кратегус издал сдержанное рычание.

— Минуту назад я решила, что у меня проблемы, — поделилась я с ним, — но теперь я уверена, что у меня большие проблемы.

Стучал Джексон. Я открыла дверь и осталась стоять на пороге, сумрачно глядя на него.

— Звонок не работает? — вежливо спросила я.

— Я не проверял. Вы меня не впустите? — поинтересовался он.

По небу неслись низкие серые тучи. Слегка подвывал в вершинах деревьев ветер. Где-то опять каркал ворон.

— Как насчёт зелья? — спросила я.

— Я же обещал...

— Не помню.

— Вы уже положили трубку. Я не брал с собой зелье.

— А другое оружие против демонов?

— Об этом речи не было.

— До свидания.

Я повернулась, чтоб захлопнуть дверь перед его носом, но он поспешно воскликнул:

— У меня ничего нет, кроме рук и головы. Клянусь.

Я смерила его тяжёлым взглядом и вернулась в дом, оставив дверь открытой. Джексон вошёл и тщательно её запер. Потом вслед за мной направился в гостиную.

— Значит, вам тоже всё известно, — произнёс он, глядя на скалящегося Кратегуса. — Что он говорит?

— Ничего разумного. Несёт всякую ересь. Про то, что здесь установится кровавый культ и всех принесут в жертву древнему божееству. Какому, не говорит.

— Не лишено смысла. Это точно? — он взглянул на демона.

Тот зло усмехнулся, прищурился красные глаза.

— Он ничего не знает. Теоризирует. Сочиняет. Мечтает. Он немного не в себе. Его человеческая ипостась ослабла, а демоническая не может проявиться. Он похож на вампира.

— А вы встречали вампиров?

— Даже находилась с одним в родстве. По линии Джорданов. Это семья моего второго мужа. Так что вы узнали?

Я села в кресло у камина. Кратегус щёлкнул пальцами, и в камине запылал огонь. Потом он присел на подлокотник и стал мрачно следить за действиями Джексона. Тот сел в кресло напротив и вздохнул.

— К сожалению, мы действительно проиграли на этом этапе. Мы оказались отрезанными от всего мира. Спутники на орбите исчезли. Станции связи на настоящий момент безнадежно выведены из строя. Звездолёты, находившиеся на планете, а их вчера было девять штук, взорваны. Не знаю, какой в этом был смысл. Нам негде искать помощи. В двенадцатом веке новой эры даже Объединения Галактики ещё не существовало.

— Но были достаточно высокоразвитые его будущие члены, например, Лозна, Пеллара и Ригор. Не стоит забывать о Великом Кольце, существующем уже многие тысячелетия.

— Пожалуй, — без энтузиазма признал Джексон. — Но нам это уже не поможет. Мы остались один на один с нашим противником. И мы даже не знаем, кто он.

— Но пока не время впадать в панику, — пробормотала я.

— Самое время, — возразил Кратегус, с улыбкой глядя на подавленного Джексона. — Что вы можете? У вас было всё: связи, деньги, информация, технологии, масунты. Вы были обязаны предотвратить это. Но вы впали в гордыню. Вы отказывались от помощи, которая могла спасти этот мир, и сами делали недостаточно. Вы проиграли. Вы не понимаете, что происходит. Теперь вы готовы ухватиться за соломинку, принять любую помощь, пойти на любые уступки. Не поэтому ли ты пришёл сюда один и без оружия, хотя знал, что встретишь меня? Ты не знаешь, что делать. Ты растерял все козыри, которые были у тебя на руках, колдун. Гордыня — самый страшный из грехов, погубил тебя. И ты повержен.

Джексон сидел молча, потупив взгляд.

— Ты прав, демон, — наконец, произнёс он. — Но я ещё жив и могу попытаться исправить...

— Что? — Кратегус нагнулся к самому его лицу, — Ты даже не знаешь, что произошло. Доверенная тебе планета оказалась в ином месте, в ином времени и в ином измерении. А ты не можешь постичь ни одну из трёх великих тайн: пространства, времени и многомерности. Разве ты можешь сдвинуть этот мир с его орбиты, ускорить время или открыть портал, способный вывести всех к спасению? Ты можешь только сражаться и умереть. На счастье или на беду, твои силы теперь тоже возросли, как, впрочем, у всех колдунов, ведьм и демонов в этом мире.

Он поднялся и прошёлся по гостиной, высокий и прямой, в чёрном, ещё более подчёркивающим осанку сюртуке.

— Минуточку! — я подняла палец. Я не прерывала его, пока он высказывал Джексону мои мысли, которые я бы не высказала в силу своей деликатности, но сейчас он сообщил занятную новость. — Что ты имеешь в виду, говоря о том, что их силы возросли?

Он перевёл на меня взгляд своих фосфорицирующих глаз.

— Энергия переполняет меня, ты светишься в полумраке как Лилит, едва он вошёл, я почувствовал, что вокруг него струится Сила. Это происходит со всеми и со всем. Я же говорил тебе только что. Мир меняется, и мы меняемся вместе с ним. Мы не только не будем больше там, где мы были. Мы больше не будем такими, какими мы были, — на его лице на какое-то мгновение промелькнуло выражение грусти. — Мы стали ещё дальше друг от друга.

Мелькнуло и исчезло. Бледное лицо снова стало холодной и надменной маской. Он посмотрел на Джексона.

— Всё это означает, что борьба будет ещё более кровавой и беспощадной. По правилам, которые вам не понравятся. Если вообще будут какие-то правила.

— Мило, — оценила я. — Что скажете, коллега?

Джексон устало смотрел на демона.

— Нужно узнать, кто пришёл, и постараться уничтожить его.

— А если именно он поддерживает стабильность этого мира? — одними губами улыбнулся Кратегус. — И вместе с ним погибнет планета?

— Боюсь, что это будет лучшим выходом по сравнению с жизнью под властью чудовища.

— Не будет никакой жизни...

— С твоей версией мы уже знакомы, — перебила я его. — Пока она остается лишь версией. А направление действий, предложенное доктором Джексоном, меня вполне устраивает. А там посмотрим. Не хочешь поискать подтверждений своей гипотезы?

— Нет, — отрезал демон и демонстративно отвернулся к окну.

— В чём-то ты остался прежним. Хотя не могу сказать, что это обнадеживает.

Где-то неподалеку раздался жуткий звук, похожий на истошный женский крик, но в нём было что-то нечеловеческое.

— Убирайся прочь! — яростно прорычал демон, обращаясь к кому-то на улице.

Я взглянула в окно и успела заметить на ветке вяза в нескольких метрах от дома женщину с очень длинными белыми волосами. В следующий момент она исчезла.

— Что это такое? — спросила я, очень надеясь, что моя догадка неверна.

Кратегус обернулся и взглянул на меня с дьявольски очаровательной улыбкой.

— Ты и без меня знаешь, что это баньши.

55

Джексон вскоре убрался, исполненный мрачной решимости что-то предпринять. У меня было такое чувство, что ничего путного у него не выйдет, просто он был из тех людей, которым обязательно нужно развивать бурную деятельность в том случае, если они не знают, что делать.

Я тоже не знала. Мне нужен был Фарги, если не для дельного совета, то хотя бы для успокоения души. Впрочем, внешне я почему-то оставалась спокойной и язвительной, будто всё это ерунда, она меня несколько раздражает, но, в основном, забавляет.

Я понятия не имела, что делать в такой ситуации. Кроме «Звёздного щита» у меня практически не было знакомых в городе, не говоря уж о надёжных источниках информации. Мне последнее время было как-то не до новых знакомств. Оставалось ждать дальнейшего развития событий и надеяться, что я окажусь в их эпицентре, чтоб иметь возможность на них повлиять.

Кратегус тоже успокоился. Теперь я начала догадываться, что утром он был в панике. Теперь он, похоже, снова нащупал почву под ногами, или, как и я, только делал вид, что нащупал. По крайней мере, он с завидным упорством торчал поблизости от меня и с таким же упорством молчал.

Если судить по часам, было что-то около полудня, но на улице царили сумерки, по небу всё так же неслись низкие чёрные тучи. На дубе настойчиво орал ворон. Хорошо, что не

баньши на вязе.

Я включила телевизор и снова его выключила. Пока никто ничего не заметил или делали вид, что не заметили. Передачи шли в полном соответствии с программой и даже в выпуске новостей не сказали ничего тревожного, кроме того, что погода, похоже, испортилась и, наверно, будет дождь.

Кратегус сидел в углу на диване и задумчиво хмурил брови. Не знаю, о чём он думал, но явно мысли его были не из весёлых. Чем дольше я смотрела на него, тем больше мне становилось не по себе, от того ощущения ирреальности, которое меня охватывало. Я вдруг очень ясно вспомнила Джулиана МакЛарена, не из своих снов, а из той жизни. Я вспомнила его бледное лицо, странные зелёные глаза... Я вспомнила, что далеко не всегда они были насмешливыми и ласковыми. Его взгляд бывал холодным, как сталь, напряжённым, как натянутая тетива лука, и яростным, как гудящее пламя. Наверно, те месяцы в лесном домике не были такой уж идиллией, да и придворный врач и алхимик епископа вряд ли был ангелом во плоти.

Но Дженни любила его и таким. Или я любила? Не чувство, призрак чувства вспыхнул где-то в глубине души, нежность, граничащая с болью и тоской. «Ты нужен мне, — нашептывали бесплотные губы из небытия. — Неважно, что ты говоришь, как ты смотришь на меня, к кому ты от меня уезжаешь. Даже если ты забываешь обо мне... Мне не до обид. Ты нужен мне. Наперекор всему, всему назло, я жду тебя. Я люблю... Мне нужны твои глаза, даже если они смотрят мимо меня, мне нужны твои руки, даже если сегодня им не до ласк, мне нужны твои губы, даже если час назад они целовали другую...»

Я невольно мотнула головой, прогоняя наваждение. Голос смолк, словно сбилась радиоволна. Но он остался, Джулиан МакЛарен, демон по имени Кратегус. Именно так Джулиан МакЛарен, ставший демоном. Прямой, задумчивый и мрачный... Почему я раньше не замечала, как он красив?

Я вздрогнула, словно внезапно проснувшись от толчка, и резко встала.

— Что за день...

Чары... Любовные чары. Мне показалось, что минуту назад я была не в себе.

Кратегус сумрачно взглянул на меня из-под ресниц. Губы плотно сжаты, глаза прищурены... И всё равно, хорош, стервец...

— Что за выбор костюма? — поинтересовалась я, чтоб хоть что-то сказать. Голос неожиданно прозвучал совершенно спокойно и слегка ехидно.

— Под настроение, — он поднялся со своей скользящей грацией. — Если тебе не нравится, я переоденусь. В кольчугу и латы. Скоро нам всем придётся так одеться.

— Почему?

— Потому что на дворе двенадцатый век, — со спокойствием удава произнёс он. — Добро пожаловать в тёмные века средневековья. Крестовые походы, чума, костры аутодафе. Тебе это ничего не напоминает?

— Может, на сей раз, меня действительно сожгут? — задумчиво предположила я.

Его глаза неожиданно вспыхнули, а по скулам прошлись желваки.

— Ты знаешь, что я сделал в прошлый раз, чтоб предотвратить это. Теперь я и вовсе ни перед чем не остановлюсь.

Я смотрела на него и понимала, что Дженни любила его и, когда он был в гневе. С нежностью, граничащей с болью. Или я любила?

— Ты думаешь, я позволю тебе ещё раз выкинуть такой фортель?

Он усмехнулся.

— Тебе жалко тех мерзавцев, подкидывавших хворост в твой костёр?

— Как ни странно, но на сей раз я не о них.

Я отвернулась и вздохнула. За окном было всё так же серо. Серо как в тот день, когда Дженни взошла на свой костёр... Серые чужие лица, и нет среди них его... Как мне хотелось увидеть его. Или ей хотелось?

— Нужно быть поосторожнее с желаниями, — пробормотала я. — Может, пройдемся?

Погода не располагала к прогулке, но мне нужно было проветриться.

— Почему нет?

Он всё-таки сменил свой сюртук на современную одежду, правда, опять чёрную. Похоже, ему уже было не до романтики. Мы шли по вязовой аллее. Говорить не хотелось. Я нехотя перебирала в памяти свои сны, глядя по сторонам, но ничего не видела из-за неизвестно откуда взявшегося тумана, клубящегося за деревьями. Такой же туман клубился и в голове, и из него изредка выплывали странные образы, расплывчатые картины. Я не цеплялась за них, продолжая плыть по волнам смутных воспоминаний, задерживаясь лишь на миг, если память посылала мне образ Джулиана МакЛарена. Нечаянный взгляд, поворот головы, небрежное движение руки, поправляющей тёмный завитой локон. И призрак всё того же томительного чувства...

Кратегус молчал. Я вдруг заметила, что он внимательно смотрит по сторонам. Похоже, его что-то тревожило. Мы уже дошли до середины аллеи, когда из тумана донеслись стенания, а следом странный глухой смех. Он даже не повернул в ту сторону голову.

— Что это? — спросила я.

— Ерунда, — небрежно бросил он. — Наверно, бродячие мертвецы. Кладбище рядом.

Кажется, он не шутил. Он с явным беспокойством смотрел куда-то вперёд и втягивал ноздрями воздух, словно принюхивался.

Смех послышался ближе. Он остановился, по-прежнему глядя вперёд.

— Может, вернёмся? — предложила я, зябко поёжившись от внезапно налетевшего ветра. Клубы тумана заволновались. Мне стало не по себе.

Кратегус стоял, пристально глядя в конец аллеи. Он вдруг выпрямился и откинул голову, его взгляд был холоден, и что-то похожее на раздражение и злость мерцало в глубине глаз. Было похоже, что он готов задать кому-то трёпку, но услышав мой голос, быстро посмотрел на меня. Секунда внутренней борьбы и сомнений, и он кивнул.

— Тут небезопасно... Для тебя.

Мы повернули к дому. Неожиданно громкий стон раздался буквально в паре метров от меня. Я вздрогнула, и тут же демон резко взмахнул рукой, словно нанёс удар. Что-то в тумане охнуло, и раздался хлопок, как от лопнувшего пузыря. Ни стоны, ни смех больше не повторялись, зато где-то сзади послышался лай собак. Я остановилась и обернулась.

— Не останавливайся! — приказал он, взяв меня за локоть.

Но я уже не могла оторвать взгляда от конца аллеи, который как-то резко приблизился, контуры вокруг него заволновались, как воздух от сильного жара. Послышался топот копыт, и в следующий момент Кратегус столкнул меня с дороги. Я налетела спиной на дерево, и он тут же встал, закрывая меня собой и повернувшись к аллее лицом. Из-за его плеча я увидела огромного чёрного пса, с лаем промчавшегося мимо, потом ещё одного. За ними появился громадный чёрный жеребец с всадником в седле. Я не смогла разглядеть его, хоть он был совсем рядом, только большой чёрный плащ хлопал сзади как крылья. За ним тут же

промчались ещё два всадника. И через какое-то время ещё один.

Я хотела посмотреть им вслед, но аллея была пуста. Кратегус обернулся и взглянул на меня.

— Ты в порядке?

— А что со мной сделается? Это призраки, да? Дикая охота?

Он какое-то время молчал, словно его терзали сомнения, но потом кивнул.

— Да, просто Дикая охота.

— Просто Дикая охота, — повторила я. — Мне это нравится.

Он пожал плечами и снова втянул ноздрями воздух.

— Похоже, пока всё. Можем продолжить прогулку.

Я подумала о странных столах и смехе, и о том, что аллея переходит в дорогу к кладбищу.

— Да нет уж. Пойдём-ка домой. Там спокойнее.

Он неожиданно поморщился.

— Там хуже, чем в церкви. Эти заклинания на стенах... Словно всё провоняло ладаном и кто-то без конца нащёптывает «Pater Noster».

— И стены горячие, — ухмыльнулась я. — Нечего тогда торчать в доме. В подвале заклинаний нет.

Он опять разозлился.

— Я о тебе думаю! Если я могу попасть в дом, минуя стены, значит, может и кто-то другой. Особенно теперь!

— Не дуйся, — улыбнулась я, беря его под руку. — И не думай, что я не ценю. Если будешь хорошим демоном, я приглашу тебя на обед... — потом посмотрела на бесконечные тучи и уточнила: — На ужин при свечах.

— Хороших демонов не бывает, — проворчал он и для приличия подул ещё секунд тридцать.

Мы шли к дому, и я размышляла о странностях судьбы. Видел бы нас кто-нибудь. Дьявол с ангелом под ручку направляются ужинать при свечах. Что-то в этом мире происходит не то... Ага, наконец-то заметила!

56

Идея с ужином при свечах была ошибкой. Может быть, я это понимала ещё до того, но поддалась какому-то подсознательному порыву. Я старомодна и романтична. И я люблю такие трапезы в полумраке, с мерцающим рыжими искрами хрусталем, сладким и терпким ароматом вина, тишиной, из которой вытекают негромкие звуки музыки, текущие прямо в душу. И чтоб напротив были глаза, от которых можно сойти с ума. Это было уже сотни раз, но на сей раз я допустила ошибку.

Всё было так же. Хрустальные бокалы и вино из бездонных запасов доктора Дривера. Белая скатерть и молочно-матовый фарфор, дополненный серебром. Полыхание огня в камине и тонкие язычки, танцующие на бледных пальцах свечей. И тихие переборы гитары из невидимых динамиков. Только глаза... Нет, от них вполне можно было сойти с ума, зелёные, мерцающие, задумчивые и невыразимо печальные.

Он, как многие до него, сидел напротив и молча смотрел сквозь рубиновое вино на пламя свечи. Прозрачная ножка бокала поблескивала в изящных пальцах. И так просто и естественно было поддаться этому очарованию... Даже если б он не был Джулианом, даже если б я не знала его раньше, даже если б видела впервые. Если б я ещё не знала, что он

демон.

— Твои достоинства поистине неисчислимы, — негромко произнёс он. Взмах ресниц и зелёные глаза взглянули на меня с нежной грустью. — Ты, оказывается, ещё и отличная хозяйка. Прекрасно готовишь. Перед таким искушением не устоял бы и святой Даниил. Как я жалею, что я не просто мужчина, который мог бы претендовать на место в твоей жизни. Ты продолжаешь терзать меня.

Он вздохнул, мягко по-кошачьи потянулся, и на его лице появилась едва уловимая усмешка.

— Ты чувствуешь это? Я об очаровании этой минуты, о чём-то, что окутывает нас в этот миг, о сладчайшей иллюзии, что всё можно изменить, если просто протянуть друг к другу руки, сплести пальцы, соединить губы...

Я с трудом удержалась, чтоб беспокойно не заёрзгать в кресле. Вместо этого я уточнила:

— И снова получить удар током?

— Не знаю... — улыбка растворилась на его губах. Он опустил очи долу и покачал головой. — Я ничего не знаю, Лора. Может, теперь этого бы и не случилось, только как раз теперь это и не нужно. Очарование мига, — он снова взглянул на меня и улыбнулся. — Мне пора учиться довольствоваться малым. Спасибо и на том.

Он поднялся и подошёл к окну. Тучи сгустились и неслись, едва не цепляясь за вершины деревьев.

— Мне сейчас пришла в голову занятная мысль, — произнёс он, не оборачиваясь. — Ведь в этом мире мы остались с тобой один на один. Во всём мире, поскольку наш мир сейчас ограничен этой маленькой планетой. Ты не можешь покинуть её. Твоего мира, из которого ты пришла, к которому ты привыкла, теперь просто не существует, — он обернулся. — Ты одна, даже Фарги здесь нет. Нет ни одной живой души, которая бы понимала тебя, которая бы действительно была равнодушна к тебе. Кроме меня.

— И что?

— Ничего, — он снова отвернулся к окну. — Это ни к чему не ведёт. Просто ты одна и ты ничего не можешь с этим поделать. И я почти ничего не могу сделать для тебя. Если ты не погибнешь, быть может, тебе придётся здесь жить годы и годы, может, века, тысячелетия. В этом жалком, замкнутом и безнадёжном мирке. Может, тогда ты хоть немного начнёшь понимать меня.

— Кого тебя? — я встала и подошла к нему. Прислонившись к стене возле окна, я взглянула ему в глаза. Я была немного благодарна за то, что он разрушил это тягостное очарование вечера. Я вспомнила, что ещё день, просто погружённый в магические сумерки, и что со мной не близкий человек, которому можно доверять. — Я должна понять графа Преисподней или Джулиана МакЛарена, который все эти века и тысячелетия незаметно жил в моём сердце? Молчишь... Думаешь, меня не пугает описанная тобой перспектива, или я её не понимаю? Я всё равно буду пытаться выбраться отсюда и вернуться домой.

— Ты будешь биться, как птица о стекло. Только не сможешь погибнуть.

— А что будешь делать ты? Ах, да, ты же можешь уйти из этого измерения.

Он покачал головой, не отрывая задумчивого взгляда от мрака, царящего за окном.

— Нет, я останусь с тобой и буду пытаться вытащить тебя отсюда, — его губ коснулась призрачная полуулыбка. — Наконец, и у меня появился смысл жизни.

Я покачала головой и отошла. Для проверки ещё раз включила телевизор. Никакого намёка на случившуюся катастрофу, всё мило и традиционно.

— Нужно было сразу понять, — проговорил Кратегус, подходя ко мне. — Если они готовили захват планеты, то позаботились, чтоб средства массовой информации оказались у них под контролем. Никто ничего никому не скажет. Никто ничего не поймёт и не будет знать до конца. И если кто-то вдруг скажет что-то похожее на правду... Тактика проверенная временем.

— Думаешь, это происходит во всех городах?

— Если есть все города, то, скорее всего.

— Хочешь сказать, что здесь мог оказаться только Новый Орлеан?

— Почему нет?

— Действительно, — согласилась я и выключила телевизор. — До вечера ещё уйма времени. Ты не думаешь, что мы могли бы что-нибудь предпринять?

— Что именно?

— Съездить в город.

— Зачем? По городу рыскает колдун со своими оборотнями. Он всё разузнает и доложит тебе. К чему раньше времени рисковать? Здесь безопасно.

— А ты не мог бы кое-что разузнать по своим каналам? — я попыталась закинуть удочку, но он не клюнул.

Взглянув на меня зелёными непроницаемыми глазами, он покачал головой.

— Нет. Одну я тебя не оставлю.

— Мне теперь тысячелетия придётся наслаждаться твоим обществом? — уточнила я.

— За безопасность нужно платить, — ехидно пояснил он. Я всегда подозревала, что его преданность не так уж бескорыстна.

— Ладно, — кивнула я. — Но учти, что плату нужно отрабатывать.

— Что это значит? — насторожился он.

— Завтра с самого утра мы отправляемся в поход на природу, — сообщила я. — Мне надоели эти стены. И я хочу, наконец, знать, что происходит в мире. Если в нём вообще, что-нибудь происходит!

— Неудачная мысль, — после некоторого молчания произнёс Кратегус.

— Нормальная, — возразила я. — Не забывай, что провал с предотвращением заговора и на моей совести. Я воевала с тобой, вместо того, чтоб заниматься делом. И я не хочу сидеть здесь до скончания веков, даже в твоём обществе.

Спорить он не стал, снова сел за стол и взял бокал. Огненные искры опять замерцали в гранёном хрустале. Импровизированный вечер при свечах продолжался.

57

Ночью меня разбудил стук. Я проснулась и никак не могла понять, где я и что происходит. Наконец, до меня дошло, что кто-то ломится во входную дверь. Не без труда отыскав халат, я поплелась вниз, натягивая его на ходу. На первом этаже горел свет. Кратегус с книгой в руках стоял на пороге библиотеки и угрюмо смотрел на дверь.

— Откройте, мисс Бентли! — послышался из-за двери голос Джексона. — Это мы!

— Кто мы? — поинтересовалась я.

— Со мной Лия и Эльвер.

— А зелье?

— Нет зелья, клянусь! Ради бога, откройте быстрее!

— За ними что, стая волков гонится? — проворчала я, направляясь в прихожую.

За спиной раздался издевательский смешок демона.

— Скорее свора собак, любимая.

— Дикая охота, — сообразила я.

В дом они буквально ввалились: взлохмаченные Джексон и Лия, а следом, спотыкаясь, вошёл большой серебристо-голубой лев. Его бока кровоточили от множества ран. Взглянув на меня затуманенным взором, зверь рухнул тут же в прихожей.

— Скорее, аптечку! — кричал Джексон, а Лия упала на колени и стала трепать масунта за гриву:

— Эльвер, не отключайся! Мы тебе поможем.

— Собаки, — выдохнул Джексон, поймав мой взгляд. — Шесть огромных чёрных псов с огненными глазами. Машина встала посреди аллеи, едва они появились. Я пытался защититься, но не смог. Эльвер задержал их, пока мы бежали к дому.

Он больше не просил аптечку. Масунт лежал на боку, вздрагивая огромным мощным телом, и весь пол в прихожей был залит кровью из рваных ран. Лия взглянула на меня с отчаянием. По её лицу катились слёзы. Джексон похлопал её по плечу и отвернулся.

Я погладила зверя по встрёпанной гриве, в которой затерялась постепенно тускнеющая диадема из голубого золота. Он потихоньку затихал.

— Да, здорово ему досталось, — услышала я голос Кратегуса. Он вышел в прихожую, положил книгу на тумбочку и, присев рядом на корточки, с интересом посмотрел на зверя. — Значит, вот они какие, масунты, звёздные оборотни. Слышал, но никогда не видел так близко, — он протянул руку, но не коснулся серебристой шкуры. — Энергия так и струится. Красавец. В этом обличии он нравится мне гораздо больше.

У меня вдруг мелькнула надежда.

— Ты можешь его спасти?

Он поднял голову и взглянул на меня, потом покачал головой.

— Нет, по многим причинам. Он не человек, он оборотень, к тому же инопланетный. Он ранен не просто собаками, а... скажем, тоже оборотнями. Его поразила сила, имеющая ту же природу, что и мой дар. Мой дар от Тьмы, а он — дитя Света. Его может спасти только Свет.

Я кивнула. Эльвер лежал неподвижно и уже не дышал. Его глаза были закрыты, а на морде застыло скорбное выражение. Мои пальцы путались в его мягкой шелковистой гриве. Рядом плакала Лия. Джексон стоял, опустив голову.

Я взглянула на демона и увидела, что он неотрывно смотрит на меня. Потом, он снова взглянул на масунта и осторожно коснулся его шкуры, какое-то время задумчиво изучал свою ладонь, перебирая пальцами, а потом кивнул:

— Я попробую.

— Не трогай его! — взвизгнула Лия, но тут же отшатнулась.

Кратегус выбросил в её сторону руку, превратившуюся в серую когтистую лапу, и яростно зарычал.

— Никогда не вставай между врачом и его пациентом, — спокойно пояснил он свои действия и опустился на колени прямо в лужу крови.

Положив ладони на тело льва, он закрыл глаза и откинул голову. Его тело напряглось, позвоночник выгнулся, он глубоко вздохнул и расслабился. На его лице застыло выражение покоя, столь непривычное, что мне стало не по себе. А потом его руки начали излучать странный свет. Прозрачный белый свет струился из-под его ладоней в тело зверя. Я не верила своим глазам. Это был столь знакомый мне лотосный свет исцеления.

Демон вдруг застонал, его тело снова напряглось, но, как мне показалось, уже от боли. Его мышцы мелко дрожали, брови сошлись к переносице, и между ними залегла глубокая складка. Он скрипнул зубами, но его ладони всё также расслаблено лежали на теле масунта.

Эльвер дёрнулся и заворчал. Потом медленно начал перебирать лапами. Ладони Кратегуса соскользнули вниз, и он согнулся, прижавшись грудью к коленям. Не замечая его, масунт открыл туманные глаза, осторожно развернулся и, покачиваясь, встал на все четыре лапы, тут же начиная превращение. Лия кинулась к нему, быстро подхватила руку Эльвера и, перекинув её через своё плечо, увела его в гостиную. За ними ушёл Джексон.

Я подошла к Кратегусу и опустилась рядом с ним на залитый кровью пол. Он не шевелился. Я провела рукой по его тёмным волосам, а потом погладила по спине. Наконец, он хрипло вздохнул и приподнялся, глядя на свои руки.

— Что произошло? — шепотом спросила я, глядя в его бледное измученное лицо.

— Дар МакЛарена... — хрипло проговорил он. — Вернулся ко мне... Сторицею... Почему?

— Потому что ты захотел сделать доброе дело. Для того он и был дан.

— Понятно. Это значит, что я отступился, — задумчиво проговорил он. — Когда я по своей прихоти излечил колдуна, это было капризом. А сейчас я пожалел и возжелал спасти создание Света. И если это оценено им, — он взглянул на потолок, — то, значит, будет оценено и им.

Кратегус опустил пальцы и коснулся пола. Что-то щемяще тоскливое было в этом осторожном прикосновении. Он вздохнул и устало взглянул на меня.

— Вот до чего довёл меня твой подарок.

Я осторожно провела пальцами по его щеке.

— По крайней мере, теперь ты не один.

— Ты о них? — он мотнул головой в сторону гостиной. — Не говори им ничего. Пусть думают, что это пустая прихоть.

— Ладно, гордец. Но я не о них. Я о себе.

Он печально смотрел мне в глаза.

— Кратегус не умрёт так просто. Я буду цепляться за жизнь. И я по-прежнему исчадьё ада.

— Я помню, — я похлопала его по плечу. — Вставай, исчадьё.

— Дай кошке мяса, — поднимаясь с колен, посоветовал он.

— Они не едят замороженное.

— Сейчас он даже сено есть будет, — усмехнулся демон и пошёл в гостиную.

Эльвер сидел на диване, бледный и немного напоминающий побитого кота. Увидев Кратегуса, он как-то странно напрягся, вглядываясь в его лицо.

— Что-то не так? — поинтересовался демон.

— Именно, не так.

— О чём ты? — Лия пихнула Эльвера в бок.

Тот открыл рот, но Кратегус его опередил.

— Молчи об этом, дикая кошка. Это и будет твоей благодарностью, — потом перевёл взгляд на Джексона. — Вы сказали, что собак было шесть?

— Если я не ошибся. Не до подсчётов было, знаете ли.

— Шесть, — кивнула Лия. — Я считала, когда они прыгали вокруг машины. Пять и одна — поодаль.

— Тебя драли все шесть? — он снова взглянул на масунта.

— Нет, один стоял в стороне. Я видел краем глаза. Думал, что он выжидает момент, но он так и не подошёл.

— Занятно, — демон развернулся и посмотрел в пламя камина. Потом снова быстро взглянул на свои руки. — Очень интересно.

— Ты знаешь, что это за свора? — я подошла к нему. — Это ведь не Дикая охота?

— Выезд Дикой охоты всегда сопровождается грозой и ураганным ветром, — сообщил Джексон.

— Я пока не уверен, — покачал головой Кратегус. — Если буду убеждён — скажу. Как насчёт кофе?

— Я сварю, — с готовностью вскочила Лия.

— И поешь чего-нибудь, — жалобно попросил Эльвер. — Хотя бы колбасы.

— Мяса, — безапелляционным тоном распорядился Кратегус. — Всё, что есть в холодильнике.

Джексон внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал. Лия умчалась на кухню. Я села в кресло у камина. Демон примостился рядом на подлокотнике, положив руку на спинку у меня над головой.

— Что вы узнали? — спросила я.

Ларс вздохнул и покосился на Эльвера.

— Ничего хорошего, — проговорил масунт. — Мы так толком ничего и не узнали, кроме того, что ключевые должности в муниципалитете и крупных компаниях нашего города занимают люди, связанные с заговорщиками. Заговор молчания. Ничего не происходит. Многие чувствуют, что творится что-то не то, но средства массовой информации делают вид, что просто слегка испортилась погода. Они объясняют это аварией в центре управления климатом. Он, кстати, выведен из строя. По этой причине совершенно официально отменены космические рейсы. Возможно, в других городах то же самое. Связи с ними нет.

— Что ещё?

— Что? — Джексон снова вздохнул. — Дороги из города перекрыты под тем же расплывчатым предлогом об аварии, что это якобы может привести к стихийным бедствиям за пределами города.

— И всё-таки, это Братство тьмы? — уточнила я.

— В том-то и дело... — начал Эльвер, но в этот момент в комнату вошла Лия с большим подносом, на который был выложен весь мой мясной запас. Забыв обо всём, он ринулся навстречу, на ходу превращаясь во льва. Самое занятное, что и Кратегус вдруг сорвался с места. опередив зверя, он подошёл к Лие, забрал у неё поднос и, опустившись перед Эльвером на одно колено, поставил поднос перед ним. На его губах появилась коварная улыбка, а глаза азартно блестели.

— Прекрати! — вскочил Джексон, но демон уже отправил первый кусок мяса в пасть льва. — Мисс Бентли, он не должен кормить его с рук! — с беспокойством проговорил он.

— Что значит «в том-то и дело»? — поинтересовалась я, наблюдая за этой парочкой. Эльвер продолжал выхватывать мясо из рук Кратегуса, мне тоже это не нравилось, но масунт в возрасте Эльвера должен контролировать себя и в зверином облики, а, значит, понимать из чьих рук принимает пищу.

— Братство Тьмы замешано, — проговорил Джексон, хмуро наблюдая за своим

помощником. — Но главные не они.

— Кто? — спросил Кратегус, не прерывая своего занятия.

— Неизвестно... Впрочем, кое-что мы выяснили. Это какой-то языческий орден, члены которого ведут свою родословную от друидов Каледонии. Они зовут себя «Сынами Панкаура». Они появились здесь недавно, активно защищали идеи экологической безопасности и водили хороводы возле своих любимых кустов.

— Священного боярышника, растущего на берегу ручья? — неожиданно вздрогнул демон. Масунт нетерпеливо зарычал, и он сунул ему в зубы очередной кусок.

— Да, именно так. Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Нет.

Джексон раздражённо пожал плечами.

— Никто ничего и предположить не мог. Когда эти «зелёные» начали баллотироваться в органы городского самоуправления и посылать резюме в промышленные компании, их, естественно, принимали. Это были хорошие специалисты в природоохранной деятельности, а Новая Луизиана — это молодой и не очень стабильный в экологическом смысле мир. Они все жили нормальной жизнью, и их орден напоминал, скорее, воскресный клуб. И вот, поди ж ты.

— Нужно сказать, что тактика, к их чести, была выбрана безупречно. — демон засунул в пасть масунта последний кусок и потрепал его по гриве, потом поднялся. — Кто будет искать межпланетное зло в рядах защитников природы?

— Да, это удобная ширма, — неохотно согласился Джексон.

— Если это ширма... — Кратегус наблюдал, как масунт превращается в человека. Эльвер немного смущённо покосился на него, потом на меня. Демон задумчиво смотрел на него. — Есть люди, которые готовы убить человека, чтоб спасти зверя. В язычестве духам деревьев приносили в жертву детей.

— Ты думаешь... — начал масунт.

— Я рассуждаю... Вслух, — он повернулся ко мне. — Теперь твоя идея не кажется мне неудачной. Нужно узнать, что происходит за пределами города. Они не зря охраняют дороги. Там что-то есть.

— Вы собираетесь идти туда с ним? — изумился Джексон.

— Я тоже пойду, — вдруг заявил Эльвер.

— Безумие.

— Кофе, — Лия внесла поднос с чашками и кофейником и покосилась на отца. — Я бы тоже пошла, папа. Нужно узнать, что они скрывают, что происходит за городом. Не забывай, что многие члены этого ордена построили себе загородные дома довольно далеко от Нового Орлеана. У них там могут быть святилища.

— Нам потребуются лошади, — не слушая её, продолжил Кратегус. — Себе я достану. Эльвер, можешь достать коня для Лоры?

— Я достану, — заявила Лия. — Эльвер лошадей ест, поэтому они его боятся.

— В компании с ним я тебя никуда не пущу! — заявил Джексон.

— Я никого не приглашаю, — сообщил Кратегус в пространство. — Кто сочтёт нужным, присоединится. Утром возле дома. Верхом.

— Почему нельзя ехать на машине? — угрюмо глядя на него, поинтересовался Джексон. Демон даже не повернул к нему голову.

— На какой машине? — уточнила я. — На той, что глохнет от собачьего лая?

— Собаки! — вздрогнула Лия. — Как мы выйдем отсюда? Они же нападут снова.

— Ну, — Кратегус вежливо улыбнулся, — у вас же есть магия, не так ли?

— На сей раз я с ними справлюсь, — заявил Эльвер.

Кратегус негромко зарычал и взглянул на него исподлобья.

— Ладно, только из любви к искусству, — он взмахнул рукой и выхватил из воздуха небольшую зелёную ветку, которую протянул Лие. — Возьми, ведьма, разломи пополам, сложи крестом и перевяжи красной нитью. Когда собаки появятся, покажи им этот крест, и они исчезнут. То же, если нападут всадники.

— Всадники? — изумилась она.

— Хватит! — раздражённо перебил он. — Ты злоупотребляешь моим временем, задавая глупые вопросы. Я итак делаю больше, чем должен!

— Благодарю, — пробормотала она и посмотрела на ветку. — Боярышник.

Они ушли, пообещав вернуться утром с лошадьми. Я проводила их до двери, а потом пошла искать Кратегуса, потому что в гостиной его не было. Как ни странно, он покинул дом. Я нашла его в башне. Он сидел в чёрном кресле и мрачно смотрел на свои руки.

— Что это значит? — спросила я, спускаясь вниз по лестнице. — Ты что-то не договариваешь. Откуда ты знаешь про этот орден, про этих псов и всадников, про боярышник? С какой стати ты вдруг взял на себя инициативу в нашем разведывательном походе? Или ты здесь теперь не только для того, чтоб защищать меня?

— Вопросы... — тихо произнёс он, взглянув на меня. — Слишком много вопросов, ответы на которые я не хочу давать даже себе. Зачем я взялся за это задание? Мне сказали: ты просто убьешь истребителя демонов. К чему всё привело? Я погружаюсь в чужие чувства, в чужие воспоминания, в чужое прошлое. И вот я игрушка страстей и ветеринар для звёздной кошки. Помимо тёмной силы я обрёл светлый дар и всё глубже увязаю во всей этой истории. А ты спрашиваешь меня про боярышник?

— Ты не ответил, — я присела на нижнюю ступеньку лестницы. — Это ведь важно. Ты что-то знаешь. Кто знает, Кратегус или МакЛарен?

Он задумчиво скользнул взглядом по заставленным горшками и книгами полкам.

— Кто сможет нас разделить? Трансформация завершилась. На это потребовался один день. Новая Луизиана заняла на небосводе место Земли, а МакЛарен воцарился в теле демона. Теперь я это понял и мне с этим жить. Можешь звать меня Джулианом. От этого я не перестану быть демоном. Один день. Ещё утром я сопротивлялся, а теперь даже не хочу. Я такой, какой я есть, будут ли меня за это любить или ненавидеть, я буду делать то, что следует сделать, по моему мнению, и говорить то, что сочту нужным. Проклятые язычники! — он вскочил и скинул со стола какие-то свитки и сосуды. Черепки зазвенели по каменным плитам. — Это их магия ускорила дело... Они обострили борьбу. МакЛарен со своей любовью к жизни во всех её проявлениях заставил меня дрогнуть от жалости к умирающей звёздной твари, а тот, кто наверху, не упустил момент, и я попался.

Он взял со стола стеклянный кубок и стиснул его пальцами так, что он лопнул, и окровавленные осколки посыпались на стол. Он какое-то время смотрел на свою изрезанную ладонь.

— За один день я стал другим, — хрипло прошептал он. — Меч над её головой, братство Панкаура, псы МакЛарена и руки, глаза, губы... Всё тянет назад, в плен старой жизни, прожитой судьбы и безумных надежд. И страхи смертного в бессмертном теле.

Кровь перестала течь. Раны затягивались. Он снова взглянул на меня.

— Я снова с тобой, любовь моя, хоть я тебе и не нужен. Я с тобой во всём. Но не задавай мне вопросов, на которые я не хочу отвечать. Иди спать. Я разбуду тебя рано. Нас ждёт нелегкий день.

Я поднялась со ступеней. Взгляд Кратегуса, обращённый ко мне был спокоен и твёрд. И это был не взгляд демона. Я не стала ни о чём больше спрашивать его. Я ушла и легла спать. В голове и в сердце была пустота. А за окном выл ветер.

58

Просыпаться мне не хотелось. Я валялась в постели, сознательно удерживая себя в полусне и отгоняя какие-то неприятные воспоминания о прошедшей ночи. Мне не хотелось думать о чём-то, от чего странно щемило душу. Это было где-то рядом и походило на жалость к себе и ещё к кому-то. Мне не хотелось вспоминать к кому. Я удерживала голову в волнах постепенно редющего белого тумана.

Лёгкий скрип двери прозвучал так, словно это была дверь на эшафот. Я нахмурилась во сне. Кто-то подошёл к постели и стоял надо мной. Присутствие делало моё состояние ещё более неудобным, но сдаваться не хотелось.

— Подъём, любимая, — бодро прозвучало рядом, и тяжёлая штора на окне с треском отъехала в сторону, впуская бледный свет утра.

О, нет... Я вспомнила окровавленные осколки кубка и изрезанную руку. И голос, и слова... И глаза...

— Поднимайся. Уже утро. Я знаю, что ты не выспалась, но нам нужно поторопиться.

Я открыла глаза и увидела тёмный силуэт на сером прямоугольнике окна. Утро всё-таки наступило. Я нехотя села и хмуро взглянула на своего мучителя. Господи, как он это делает?

Он был бодр и даже весел, и к тому же хорош до невозможности. Чёрные джинсы фирмы «Кинг Лейр», шёлковая рубашка с не застегнутым воротом и закатанными рукавами. Гладко зачёсанные волосы блестят как после душа, а глаза мерцают, как море в солнечный день. И улыбка с журнальной обложки. «Ощути наслаждение! Отпуск на Гавайях».

— Хочу на Гавайи, — поделилась я, мрачно глядя на него.

— Я подумаю, что можно сделать, — с готовностью рекламного агента кивнул он. — Но для начала могу предложить сытный английский завтрак и верховую прогулку.

— А кофе в постель?

Он развернулся и на ладони поднёс мне небольшой поднос, на котором стояла белая чашечка с кофе.

— Дьявол... — проворчала я и взяла чашечку.

Он поставил поднос на тумбочку и присел на край кровати в своей неизменно изящной позе. Потягивая кофе, я посматривала на него. А он — на меня из-под умопомрачительных чуть загнутых ресниц. Почему у них у всех такие ресницы?

— Как спалось? — поинтересовался он беспечным тоном.

— Спасибо, что спросил, — я изобразила улыбку и тут же стерла её. — Отвратно.

— Извини, наверно это из-за моей вчерашней истерики. Понимаю, это выглядело отвратительно. Всё из-за моей дурацкой натуры. Терпеть не могу, когда чего-то не понимаю. Впадаю или в ярость, или в панику. К счастью, это бывает не часто. Больше это не повторится.

— Уверен? — я допила кофе и поставила чашку на поднос.

— Да... — почти убеждённо произнёс он. — Видишь ли, я не спал всю ночь.

— Это о чём-то говорит?

— Само по себе нет, но я нашел в библиотеке старую книгу и прочел её. Называется: «Как перестать беспокоиться и начать жить».

— Помогло?

— Да, — он похлопал меня по колену и встал. — Поднимайся, жду внизу.

Забрав поднос, он ушёл. Мне показалось, что насчёт книги он пошутил. А если это правда? Кошмар.

Я нехотя выползла из-под одеяла, нехотя приняла душ и нехотя натянула джинсы и свитер. Так же нехотя сделала лёгкий макияж, что было уж совсем ни к чему. И уже когда моя рука потянулась за спреем для укладки, я поняла, что делаю что-то не то. Перенаправив руку к расчёске, я причесалась и спустилась вниз.

— Приятные духи... — с интимной полуулыбкой сообщил он, встретив меня возле стола, накрытого к завтраку.

Какие духи? Ах, да... Не стоило этого делать.

— Ты сегодня просто обворожительна, — мурлыкнул он.

Я слабо рыкнула и села за стол. Через двадцать минут, когда я из-за него встала, жизнь уже не казалась мне такой уж отвратительной штукой. Утро всё-таки наступило, а мой демон больше не изводил меня стонами и рычанием. И вообще он вполне похож на человека. Даже очень. Даже слишком.

В дверь позвонили. Ещё один плюс. Мои гости вспомнили о существовании звонка.

Он встал и грациозно потянулся.

— Я открою.

— Может, ты ещё и посуду вымоешь? — поинтересовалась я.

— Щас! — усмехнулся он. Я вздёрнула бровь. — Заведи себе джинна, — посоветовал он и направился в прихожую.

Чудеса не могут длиться вечно. Я вынуждена была это признать.

Это были Лия и Эльвер. За ними тащился хмурый Джексон. Вся компания в джинсах свитерах и куртках. На Лие ещё вязаная шапочка цвета кофе, в тон куртке.

— Одевайтесь теплее, на улице холодно, — с улыбкой посоветовала она.

— Правда? — я изобразила озабоченность. — Пойду, поищу что-нибудь в шкафу, а вы пока вымойте посуду.

Она не стала возражать. Герои не обязаны мыть посуду. Хорошо, что она так думает.

Пока я рылась в вещах и искала куртку, они навели внизу порядок. Спустившись вниз, я застала всю компанию в креслах. Кратегус сидел на диване, а возле его ног прогуливался Иеремия, которого я не видела со времени исчезновения Фарги. Он ещё не подходил, но уже и не проявлял агрессию. Наши гости внимательно следили за котом. Демон смотрел на него с улыбкой, а потом ласково поинтересовался:

— Киска хочет в суп?

Киска презрительно фыркнула и направилась на кухню.

— Не хочет, — резюмировал Кратегус и взглянул на меня. — Готова? Тогда по коням!

Коней было три, крепкие рыжие лошадки для долгих переходов, не слишком грациозные, зато очень выносливые. Они немного нервно косились на Эльвера, который, выйдя на улицу, тут же трансформировался, видимо собираясь передвигаться на своих лапах.

— Ты сказал, что достанешь для себя коня, — напомнила Лия демону.

Он улыбнулся, сунул в рот два пальца и лихо свистнул. Где-то за деревьями раздалось

ответное ржание, а потом топот копыт. Чёрный конь изящный, как лебедь, мощный, как лев, и нервный, как лань, выбежал на дорогу и подошёл к нему, кося на нас странным лиловым глазом. Кратегус погладил его по изогнутой шее, потом легко вскочил в старинное, расшитое золотом седло и натянул широкие зубчатые поводья, от чего чудо-конь затанцевал на месте.

Я вздохнула. Мне тоже хотелось такого. Потрепав по холке своего рыженького битюга, я села в седло. Чёрт знает, что у этого коня на уме, если это вообще конь, а не какой-нибудь мелкий демон, который специализируется на заманивании любителей лошадок с тем, чтоб завести их в болото, в море или скинуть с обрыва.

Лия и Джексон взобрались на своих скакунов, и Кратегус без лишних слов ударил пятками в бока своего беса. Тот встал на дыбы, возбужденно заржал и помчался по вязовой аллее.

— Нам не туда!.. — крикнула Лия, но испуганно смолкла.

Эльвер вскинулся на задние лапы и свирепо зарычал. Я увидела, как затуманился воздух вокруг конца аллеи, и оттуда послышался лай собак и конский топот. Три всадника мчались прямо на Кратегуса, который с вызывающим видом гарцевал прямо у них на дороге. По бокам неслись два чёрных пса и где-то позади бежал третий. Между ним и призраками оставалось около десятка метров, когда он вдруг поднял своего коня на дыбы и направил его навстречу чёрным охотникам. Расстояние между ними стремительно сокращалось, когда вдруг охотники и псы исчезли, и по аллее пронёсся промозглый ветер.

Кратегус вернулся назад, не торопясь проехал мимо нас и направился прочь от города. Я быстро догнала его и возмущенно фыркнула:

— Это что за демонстрация?

Он с искренним удивлением взглянул на меня.

— Демонстрация? Я просто хотел посмотреть на них поближе.

— И что увидел?

— То, что ожидал, — он пожал плечами. — Призрачные охотники в дорогих одеждах примерно двенадцатого века. Одеты по романской моде, не исключено, что участники какого-нибудь крестового похода. Впереди мужчина моих, прошу прощения, средних лет, следом двое помоложе. Похожи между собой как братья. На лицах выражение привычной ярости и ни грамма интеллекта.

— Тебе это о чём-то говорит?

— Мне это говорит о многом. Ты заметила, что шестой опять бежал позади всех?

— Шестой? Хочешь сказать, что это всадники время от времени превращаются в псов?

— Здорово эти парни влипли, да? Мало того, что призраки, так ещё и оборотни.

— А шестой?

— То же самое. Угодил за компанию, хотя сам, возможно, и не в восторге от этого. Слабое звено.

— И что?

Он снова пожал плечами.

— Ничего.

Он опять что-то недоговаривал, но вытягивать из него было бесполезно. Мы ехали по узкой тропе меж деревьев, и в нескольких шагах от нас, чуть в стороне бежал Эльвер. Ожерелье на его мощной груди тихонько позвякивало. Похоже, сам процесс бега по мягкой, мокрой от утренней росы траве доставлял ему удовольствие.

Утро было облачное, но довольно светлое. Небо затянули светло-серые облака, которые

двигались очень медленно, так что невозможно было понять, в какую сторону они плывут. В ветвях слегка пожелтевших деревьев снова пели птицы. Воздух был холодным и бодрящим.

Кратегус сидел в седле с той великолепной небрежностью, с какой делают это люди с малых лет привыкшие к передвижению верхом. Его необычный конь слушался его беспрекословно, мгновенно реагируя на самое слабое движение пальцев, держащих поводья. Сам он с интересом осматривался по сторонам, изредка приподнимаясь в стременах и прислушиваясь к каким-то ему одному слышимым звукам. Иногда он вдруг резко оборачивался и я, взглянув туда, замечала какое-то движение в траве.

— Пикси, — наконец пояснил он спокойным тоном.

Я пригляделась внимательней, но так ничего и не увидела.

— Может, просто ёж? — предположила я.

Он кивнул.

— Они любят прикидываться ежами. Сейчас в город уже начала просачиваться всякая нечисть. Скоро они заполонят всё.

— Ужасно, — в тон ему кивнула я.

Он серьёзно взглянул на меня.

— Придётся привыкнуть.

Какое-то время мы ехали молча. Он всё также внимательно следил за тем, что происходит вокруг, и, судя по мрачному выражению лица, это нравилось ему всё меньше. Я ничего тревожного не замечала, кроме разве что лёгкого свиста в ушах и давящего ощущения в глазах.

— Ты ничего не замечаешь? — неожиданно спросил он, слегка потянув повод, отчего его конь встал, как вкопанный.

— Нет.

Он резко обернулся назад, где следом за нами ехали Джексоны.

— Никто ничего не замечает?

Ларс с раздражённым видом пожал плечами.

— Ничего, кроме признаков кессонной болезни, — проворчала Лия.

Масунт негромко зарычал, высунувшись из-за куста бузины. Кратегус посмотрел на него и снова тронул коня. Меня несколько озадачил ответ Лии. Мои ощущения тоже были похожи на кессонную болезнь. Демон ехал теперь, опустив голову в мрачном раздумье, и на своём странном коне выглядел довольно колоритно, если не жутко.

— Что происходит? — наконец, не выдержала я. — Ты что-то заметил?

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Я зря поехал...

— Мы не должны ехать туда?

— Вы — должны, мне — нельзя. Я лишаю себя права выбора. Я подозревал это с самого начала, но... У меня и не было выбора, — он откинул голову и высокомерно окинул взглядом всё вокруг. — У меня всё равно его не было.

— Знаешь, что меня в тебе раздражает? Твоя дурная привычка говорить загадками. Или говори прямо или вообще молчи.

— Ты спросила, я ответил. Как мог.

— Я чувствую перепад давления. Что это может значить?

— Изменение гравитации, наверно.

— А, может, высоты над уровнем моря?

Я начала злиться. Мне казалось, что он надо мной издевается.

— Не высоты, это точно. Мы подъезжаем к границе другого мира.

— Какого мира?

— Давай посмотрим, — он улыбнулся какой-то мертвенной улыбкой и вдруг гикнул и ударил коня пятками по бокам.

Его скакун яростно заржал и припустил вперёд, выбивая дробь по лесной тропинке. Мне ничего не оставалось, как поторопиться следом.

Какое-то время я скакала по лесу, видя впереди чёрного всадника, время от времени пропадающего за деревьями и зарослями кустов. Потом деревья как-то резко поредели, и я выехала из леса. Конь Кратегуса уже танцевал в нескольких метрах от меня в высокой траве широкого луга. Демон удерживал его от дальнейшего бега, напряжённо глядя вперёд. Я взглянула туда же, но сперва ничего не увидела. Потом я заметила странную мерцающую полосу, за которой трава резко становилась выше, гуще и зеленее. Ещё дальше поднималась красивая, словно сошедшая с картины дубрава. Я могла рассмотреть каждое дерево, мощные стволы, толстые узловатые ветви и пышные шатровые кроны. Прямо над дубравой в прозрачно-голубом небе висела фиолетовая грозовая туча, в которой что-то сверкало, а потом по небу прокатывался раскат далёкого грома.

Над нашими головами всё ещё было облачно, но облака простирались только до той самой мерцающей границы. А дальше небо было чистым, если не считать этой тучи.

— Этого я и боялся! — крикнул Кратегус. Его конь гарцевал, удерживаемый на расстоянии от границы.

— Чего ты боялся? — воскликнула я.

Дубрава так и манила своей свежестью и красотой. Туча тоже не казалась такой уж грозной. Я всегда любила грозу.

— Странно! — воскликнула позади меня Лия. — Тут не было никакого леса. Только луга! Мы ездили сюда на пикник. Помнишь, папа? Вон там было озерцо с камышами и утками.

— Вы что, не видите? — зарычал на низкой ноте демон, с яростью обернувшись к нам.

— Горизонт, — хрипло произнёс Джексон. — Это не наш горизонт.

Я замерла, заново окидывая взглядом грандиозную панораму луга, дубравы, холмов, укутанных далёким туманом. Мысленно убрав деревья, холмы и туман, я была вынуждена признать, что линия горизонта почти прямая, как очерченная по линейке. Это был горизонт большой планеты, не такой как Лозна, но куда более крупной, чем Новая Луизиана. Скорее всего, это был горизонт Земли.

— Всё ещё хуже, чем я думал, — громко говорил демон, уже не без труда удерживая своего беснующегося скакуна. — Я думал, они пришли в этот мир. Но они соединили оба мира, чтоб иметь свою территорию и захватывать чужие.

— Надо проверить, что дальше! — воскликнула Лия и поскакала к границе, но демон моментально пересёк ей путь и схватил повод её коня.

— Подумай, хочешь ли ты ехать туда? — резко спросил он. — Ты не боишься?

— Что за глупости! — разозлилась Лия.

— Это не глупости, — покачал головой он. — Это не просто другой мир, это заповедье. Перейдя эту границу, ты уже не сможешь вернуться назад.

— Почему?

— Потому что если мы поедem дальше, мы станем другими. И вернемся уже совсем в

другой мир.

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, но если ты надеешься...

— Стой! — перебил её демон. — Послушайте меня все, может, у нас и нет выбора, может, это судьба, может, этот путь ведёт к победе и величию, но он ведёт вас от вас сегодняшних. Вы уже никогда не станете такими, какие вы сейчас.

— Зачем ты всё это говоришь? — Джексон медленно подъехал к нему. — Чего ты боишься, демон?

— Того, о чём говорю, — тихо ответил, глядя ему в глаза, Кратегус. — Я тоже изменюсь и не знаю, в какую сторону. Вернее, догадываюсь. Посмотри: нас пятеро. Ангел, дьявол, ведьма, колдун, оборотень. Тот самый расклад. Я даже начинаю догадываться, где можно раздобыть рыцаря, но это потом. Почему выпала именно такая комбинация? Что это: предначертание или руководство к действию? Если мы пересечём эту границу, мы вступим в бой. Нам придётся действовать вместе. И нам придётся раскрыть ту сущность, что скрыта в нас. Может, ты станешь настоящим колдуном-друидом, а твоя дочь — ведьмой. Кошке нечего бояться. А чем станем мы с Лорой?

— Тебе тоже нечего терять, — заметил Джексон.

Взгляд Кратегуса стал усталым и бесконечно печальным.

— Что ты знаешь?

Он медленно объехал Джексона и подъехал ко мне. От его тоскливых глаз у меня щемило сердце. Он покачал головой и измучено улыбнулся.

— Я зря поехал, любимая, — тихо произнёс он. — Но у меня не было другого выхода. Я ж не мог отпустить тебя одну. Я думал, что у меня нет надежды, и лишь теперь, теряя её, я понял, что она снова воскресла в моём сердце. Я хотел стать прежним, но теперь я боюсь этого.

— Может, это и не случится, — прошептала я.

— Карта... Я снова стану демоном, а ты станешь ангелом.

Я бросила испуганный взгляд на границу. У меня что, вырастут крылья, и я оденусь в белую тогу и золотые латы?

— Нет, не до такой степени, — успокоил он. — Просто между нами разверзнется пропасть. Я снова теряю тебя. Но я всё равно буду рядом. До конца.

Он смотрел в мои глаза, и взгляд его был обречённым, словно теперь ему предстояло взойти на костёр. Или он опять почувствовал чад адских огней.

— Я люблю тебя, — одними губами шепнул он. — Один поцелуй, чтоб мне было не так страшно.

Я не вспомнила в этот миг ни о сером демоне, ни об ударах током, ни о ране, нанесённой мне лабеллой. Я потянулась к нему, он осторожно обнял меня за плечи, я закрыла глаза и... Птицы смолкли на миг, гроыхание грома стихло, мир отхлынул, как волна, и лишь нежное прикосновение тёплых губ к моим губам, лишь объятия сильных рук и горячее плечо под моими пальцами заполнили всё вокруг. Я открыла глаза. Джулиан улыбнулся, как много веков назад.

— Теперь я ничего не боюсь, — шепнули его губы, и, разжав объятия, он пришпорил коня.

Я тряхнула головой, отгоняя остатки наваждения. Лия и Джексон молча смотрели на меня. Кратегус во весь опор скакал к границе, пересекавшей луг. Рядом с ним бежал по траве масунт. Я рассмеялась и тоже поддала своему рыжику пятками. Он словно того и ждал, и

радостно помчался навстречу новому миру и новым приключениям.

Мне было легко, и я готова была сразиться с армией гоблинов, имеющей поддержку роты колдунов. И вовсе не из-за перспективы стать ангелом с огненным мечом. Из-за поцелуя, полученного мною от прекрасного, сильного и преданного мужчины.

59

Мы пересекли границу, но ничего не произошло. Шелест крыльев не слышался за спиной. Даже лопатки не чесались. Кратегус тоже не торопился распускать свои перепончатые крылья. Он во весь опор скакал к дубовой роще, время от времени вскидывая голову, чтоб взглянуть на грозовую тучу, нависшую над деревьями.

Меня догнала Лия. Она пристроилась рядом, неодобрительно поглядывая в мою сторону.

— Что это значит? — требовательно спросила она. — Почему вы с ним целовались?

Я усмехнулась.

— Вы же целуетесь с Альмером.

— Мы любим друг друга! — возмущённо воскликнула она. — И собираемся пожениться, когда его родители, наконец, дадут согласие.

— Да? — я изобразила озабоченность. — А мы пока о женитьбе не думали.

— Вы с ума сошли! — взвизгнула она. — Он же демон!

— Весь мир сошел с ума! — рассмеялась я. — Ах, не вмешивайтесь! Пусть всё идёт своим чередом. Посмотрим, куда выведет кривая!

— Вы в него влюблены?

Я всерьёз задумалась над её вопросом, а потом мотнула головой.

— Пока нет.

— Не нравится мне это «пока».

— Мне тоже. Но поверьте моему богатому опыту, если это всё-таки случится, то с этим совершенно бесполезно бороться.

Кратегус тем временем достиг первых дубов и придержал коня, осматривая толстые тёмные стволы. Мы подъехали к нему.

— Как вам эти деревья? — спросил он.

— Им лет по двести, — проговорила Лия.

— Если не больше, — кивнул он.

Я провела рукой по грубой коричневой коре, вглядываясь в странные переплетения глубоких трещин. Мне мерещились в них древние руны, какие-то лица, фигуры. Сверху раздавался мерный гул листвы. Я вдохнула густой воздух и невольно закрыла глаза. Я вдруг вспомнила Кристофа, он был плоть от плоти таких лесов, он знал, что у каждого дерева есть своя душа, а вместе эти души образуют единую душу, Дух леса, сила которого может творить чудеса, быть животворной, мудрой и доброй, а может быть беспощадной и страшной. «Мы пришли с миром», — мысленно произнесла я, передавая часть своей души через ладонь шершавой коре дуба.

Может, он и услышал меня, но вида не подал. Я улыбнулась и открыла глаза.

Тем временем подъехал Джексон.

— Меня удивляет, как просто мы смогли пересечь границу, — заметил он. — Заговорщики охраняют дороги, но ведь пройти можно и минуя их, как мы — по тропам, или просто по лесу. Почему в городе до сих пор не знают о том, что мы оказались на другой

планете?

— Боюсь, что мы очень скоро об этом узнаем, — ответил Кратегус. — А граница, — он бросил назад задумчивый взгляд. — Она не для охраны. Она просто отделяет тот мир от этого.

— А этот от того... — ворчливо кивнул Джексон.

Кратегус как-то сочувственно посмотрел на него, улыбнулся и покачал головой.

— Нет, именно как я сказал: тот от этого. Мы в ловушке. Я же сказал, что обратной дороги нет. Ни для вас, ни для меня.

Джексон испуганно обернулся назад, и я следом. Не было никакой границы, не было леса, из которого мы только что выехали. Был бесконечный луг, холмы и где-то далеко на горизонте — синие горы. И бескрайнее синее небо без единого облачка.

— Добро пожаловать в ад, господа, — вкрадчивым шепотом произнёс демон. — Вас тут не ждали, но примут с почётом.

Я взглянула на него. Он усмехнулся и покачал головой.

— Я ещё не стал прежним, и я всё ещё с вами. Просто я везде чувствую себя как дома. Тем более в аду. Ну что, колдун, — он обернулся к Джексону, — вперёд, коль назад дороги нет?

Джексон мрачно взглянул на него и кивнул. Пришпорив коней, мы поехали вглубь дубравы. Вскоре наш маленький отряд расположился в прежнем порядке: я и Кратегус ехали впереди, позади, чуть отстав от нас, следовали Джексоны, справа пробирался сквозь заросли кустов Эльвер, лишь изредка напоминая о себе чуть слышным треском сломанной ветки.

Я смотрела по сторонам, с интересом разглядывая огромные старые деревья, меж которыми клубились высокие заросли пышного папоротника, росли густые кусты, в ветвях пели невидимые птицы. В траве под ногами коней шныряли какие-то маленькие зверюшки. Высоко над головой сплетались в шатры тёмно-зелёные кроны, и золотились пробивающиеся сквозь листву солнечные лучи.

Это был обычный и в то же время необычный лес. Он был древний и чистый, как родник, и в то же время пробуждал в душе чувство неясной тревоги, словно где-то рядом таилась опасность. Вернее, не где-то, а вокруг, на ветвях этих вековых дубов, в кустарнике, в траве, и где-то там, где грохотала гроза, навстречу которой мы направлялись.

Кратегус, как прежде, прямо сидел в седле, сохраняя на лице непроницаемое выражение. Лишь изредка его ресницы вдруг вздрагивали, и взгляд обращался в сторону, где не было ничего, кроме листьев и травы. Иногда он прислушивался, чуть сдвинув к переносице брови. Впрочем, заметить всё это можно было, лишь пристально вглядываясь в его лицо, и я поняла, что уже несколько минут внимательно наблюдаю за ним.

— Ты действительно так уверен в себе, как пытаешься показать? — спросила я.

— Ты сама ответила на свой вопрос, — нехотя ответил он и посмотрел на меня. — Я чувствовал бы себя куда уверенней, если б был один.

— Боги леса... — пробормотала я, тоже прислушиваясь к окружающим меня звукам. Я слышала дыхание ветра, потрескивание веток, шелест листвы, пересвист множества птиц и движение вокруг, на многие сотни метров. В этой какофонии негромких звуков слышался какой-то общий ритм, словно их издавало одно огромное существо. Мне кажется, никогда ещё я не слышала такого, ни в карпатских лесах, ни в джунглях Амазонки, ни в девственных лесах Дикта. — Мой муж...

— Твой муж?.. — переспросил он.

— Да, — кивнула я. — Было время, когда его звали Сыном Волка, он вышел из таких же лесов. Он говорил, что для врагов они опасны, потому что имеют сознание и умеют управлять силами, заключёнными в них.

— Он был друидом?

— Никогда. Воином, варваром, принявшим крещение в Риме у первых христиан. Он сражался с римлянами. Потом был крестоносцем, потом — священником, но навсегда остался сыном лесов. Он был плоть от плоти леса и чувствовал себя его частью. Теперь я начинаю понимать его слова, но чувствую себя совсем не так уверенно, как он.

Кратегус кивнул, задумчиво глядя по сторонам.

— Чужая магия, слишком древняя и слишком первобытная. Но я чувствую, что могу понять её. Если...

— Что если? — спросила я, услышав в его голосе нерешительность.

— Если я позволю себе стать МакЛареном. Его кровь тоже была замешана на древесных соках, не зря же на его гербе красовалась ветка боярышника. Он от отца получил уроки ворожбы на травах, и его алхимические опыты были основаны не на контактах с потусторонними силами, а на взаимодействии с элементами, духами стихий.

— Правда? Он был язычником?

— Еретиком, хоть и служил у епископа, — Кратегус усмехнулся. — Его преосвященство полагал, что его любимец балансирует на хрупкой грани добра и зла, заигрывая с мелкими бесами, и по-отечески предостерегал его об опасностях подобных затей. Но узнай он, что сей достойный юноша экспериментирует с древними языческими ритуалами, сведения о которых почерпнул в калханах своей дикой родины, он бы...

— Он бы?..

— Отправил его в застенок, а потом — на костёр. Лучше свои бесы, чем языческие.

— Логично. И как, эти опыты были удачными?

— Нет. Он был слишком набожным человеком, и это мешало ему вступить в реальный контакт. Но он был хорошим травником.

— Что тебе мешает стать МакЛареном?

Он пожал плечами.

— Кратегус. Пойми, я демон, и я не могу так просто сказать себе: я — Джулиан МакЛарен из клана МакЛаренов, я сын Ангуса и Хизер, брат Эдмунда и Керолайн. Я человек и кровь моя — кровь человека и сотен других людей — моих предков, которые жили до меня в моём доме. Я — сын Шотландии и Каледонии, я потомок Абарида и сила его магии живёт в моём сердце.

— Да, это слишком ответственное заявление.

— Опять смеешься, — вздохнул он. — А я почти готов сказать это, но у меня не человеческая кровь, и у меня нет сердца, — он покачал головой. — Это ужасно, чувствовать себя человеком, но не быть им. И понимать, что моя демоническая сущность ещё даст о себе знать в самый неподходящий момент. Я не хочу поддаваться этой иллюзии, потому что это будет самообманом. А самообман ведёт к ошибкам и, в конечном счёте, к поражению. Моя голова должна быть ясной, только тогда я смогу всё правильно оценить и вовремя среагировать на опасность.

— Но если именно эта иллюзия даст тебе возможность понять древесную магию...

— Мне так кажется. Но я могу ошибаться.

— Понятно.

Мы снова ехали молча. Вокруг постепенно темнело, и гром гремел уже совсем близко. Я изредка поглядывала вверх, туда, где над высоким шатром из веток виднелась туча. Казалось странным, что она висела неподвижно, словно была приколочена к небу.

По мере того, как мы двигались вглубь дубравы, покрытой этим грозовым покрывалом, лес становился всё мрачнее, листва — более жухлой, а потом и вовсе пропала. Мы ехали среди чёрных сучковатых дубов, голые ветви которых сплетались в странные узоры, а за ними как за прутьями решётки клубилась фиолетовая туча. Стало холодно, и навстречу нам подул ветер, к которому скоро присоединились мелкие капли дождя. Серая, засыпанная истлевшей листвой тропа вела нас всё дальше, туда, где сверкали белые молнии и откуда докатывались до нас оглушительные раскаты грома.

— Проклятое место, — пробормотала я, застёгивая воротник куртки. — Нам точно нужно туда ехать?

Демон пожал плечами и пришпорил коня.

60

Что должно быть в таком месте? Пещера дракона? Заколдованный замок? Капище тёмных богов? Поторапливая коня вслед своему спутнику, я перебирала догадки одну мрачнее другой. Ветер бил в лицо и над головой клубилась фиолетовая темнота, замешанная сполохами молний и сдобренная бесконечными раскатами грома. Чем дальше вглубь грозы мы продвигались, тем тягостнее становилось на душе. Воображение рисовало проклятый город, населённый душами грешников, или жуткое чудовище, обгладывающее кости своих жертв. А, может, там провал, ведущий прямо в Преисподнюю?

Но ветер стих и наступила тишина. Гром слышался позади, а здесь не было слышно ничего, кроме шелеста листвы под копытами коней. Туча, подсвеченная странным голубоватым светом, висела над мёртвыми деревьями, и этот свет заливал всё вокруг, придавая и без того жуткому пейзажу совершенно ирреальный вид.

В полном молчании мы выехали на небольшую поляну, где увидели не замок, не капище, а маленькую чёрную хижину, кое-как сооружённую когда-то из бурелома и почти окаменевшую в течение многих лет, если не веков. Из её крыши, представлявшей собой сплетенье сучьев, вверх тянулся сизый дымок, который уходил к небу, где вливался в колдовскую тучу. Из хижины слышался хриплый старческий голос, что-то бормотавший или напевавший.

— Это хижина колдуньи? — спросила Лия, с опаской осматриваясь по сторонам.

— Похоже, — ответил её отец. — Только что мы тут делаем?

— Собираемся узнать будущее, — негромко ответил Кратегус и спешил. Привязав коня к корявой ветке одного из деревьев, он осторожно приблизился к входу и заглянул внутрь. Потом обернулся: — Кто со мной?

Первым, как ни странно, отозвался Эльвер, который зарычал и, приподнявшись на задние лапы, превратился в человека.

— Я пойду с тобой, на тот случай, если тебе понадобится помощь.

— У меня, похоже, тоже нет выбора, — пробормотала я, спрыгивая с коня.

— Я тоже, — кивнула Лия.

— Папа останется сторожить лошадей? — ядовито осведомился демон.

Джексон ворча сполз с седла.

— Это может быть опасно, — хмуро сообщил он. — Если это настоящая ведьма, то она

может нас всех заколдовать.

— По меньшей мере, троим бояться нечего, — усмехнулся демон и, нагнувшись, вошёл в хижину.

Изнутри она выглядела куда больше, чем снаружи. Это был почти зал, стены которого были сложены из огромных окаменевших от времени стволов. Всюду висела паутина, связки каких-то корней, плодов, дохлых птиц и летучих мышей. Посреди зала был разведён большой костер, над ним на медном треножнике стоял чёрный котел, из которого и струился вверх фиолетовый дым. Вокруг котла бродила скрюченная старуха в лохмотьях и помешивала своё варево, бормоча заклинания.

Старуха была как раз такая, как изображают в детских книжках злых ведьм: неопрятная, хромая, страшная, с грязными седыми космами и огромным крючковатым носом.

— Что вам надо? — прохрипела она, не отрываясь от своего занятия. — Я никого не звала к себе в гости. Уходите.

Кратегус, который с брезгливым видом озирался по сторонам, недовольно взглянул на неё.

— Ты просто забыла, Веледа. Должно быть, я слишком задержался в дальних странах.

Его слова, а, вернее, даже голос произвели на старуху неожиданное впечатление. При первых же звуках она резко вздрогнула и выронила свою поварешку, которая с бульканьем утонула в котле.

— Кратегус, — ещё более хрипло пробормотала она, бочком подкатываясь к нему. — Будь ты проклят!

Последнее замечание прозвучало не столько проклятием, сколько просто как выражение изумления. Старуха подошла и снизу вверх посмотрела на него. Её маленькие глазки поблёскивали из-под седых лохматых бровей.

— Задержался, возлюбленный мой, ещё как задержался!

— Время для меня идёт незаметно, — пожал плечами он. — Не ожидал увидеть тебя здесь.

— Где ещё мне быть? — проворчала она и заковыляла обратно к котлу. — Я старше тебя на тысячу лет. Здесь мне самое место. Ты всё такой же красавчик, а я всё так же стара, и уже никакие чары не вернут мне молодость. Я продолжаю стареть, но не умираю. Я уже не могу колдовать, как прежде, потому что у меня болят руки.

Она продемонстрировала ему искривлённые пальцы с опухшими суставами. Он кивнул. Старуха недовольно покосилась на меня, потом на Лию.

— А ты всё соблазняешь знатных дам и морочишь ведьм?

— Быть может, — неопределённо пожал плечами Кратегус, подходя к котлу и заглядывая в него. — Зачем тебе эта гроза, Веледа? Лес вокруг вымер. Ты гневаешь своих богов, может, потому и стареешь.

— Может, — согласилась она. — Я не выхожу и не хочу выходить. Гроза защищает меня от непрошенных гостей. Вы потому и прошли, что тебя я звала. Я долго ещё звала тебя ночами, пока не явился другой и не сказал, кто ты на самом деле. И я перестала тебя звать. Мне не нужен ни христианский бог, ни христианский дьявол.

— Что это за мир? — спросил демон, протягивая руку над котлом.

— Обычный мир, каким он был и тогда, когда ты, якобы сбившись с пути, заехал к моей хижине.

— Значит, это всё-таки Земля? — спросил Джексон, отрываясь от изучения какого-то

чёрного пня в углу.

— Неизвестно, — покачал головой Кратегус. — То, что Веледа считает так, не значит, что она права. Она из друидов, прорицательница, и ей куда больше тысячи лет. Я принял её тогда за обычную знахарку. Она была молода и хороша собой, но потом я увидел её отражение в воде и понял, что это — чары. Она почти не изменилась с тех пор, — он с некоторым сожалением взглянул на старуху. — Она такой же миф, как и пикси, которые следили за нами в лесу. Она могла даже не заметить, как её дубрава очутилась в другом мире.

— Отойди от котла? — неожиданно крикнула ведьма, замахнувшись на Ларса половником, который неизвестно как снова оказался в её руке. — Нечего выведывать чужие секреты.

— Это почти комплимент, — усмехнулся Кратегус. — Она приняла тебя за конкурента.

— Что тебе нужно? — старуха снова взглянула на него. — Ты явился неспроста и задаёшь странные вопросы.

— У меня есть вопросы, на которые ты можешь дать ответ.

— Разве дьяволы больше не всеведущи? — рассмеялась она.

— Это не мой мир, Веледа, — Кратегус склонился к ней. — Ты зря боишься, что придут монахи. Тут теперь всё так, как было до их прихода. И я здесь чужой.

Она какое-то время внимательно смотрела на него, потом протянула свою уродливую руку и погладила его по щеке.

— Я не держу на тебя зла, Кратегус. Я бы помогла тебе, если б могла. Но как? Вокруг моей хижины давно нет птиц, чтоб я могла гадать по их крикам. Я могла бы погадать на жертве, но вряд ли ты позволишь убить кого-то из своих спутников.

— Брось дерево.

— Руны... — вздохнула она. — Разве можно бросать дерево такими руками?

Она протянула ему свои искривлённые руки, но он тут же взял их в свои и произнёс:

— Это можно исправить.

И тут же старуха охнула и замерла. Её пальцы на глазах выпрямлялись и становились ровными и гладкими.

— Ты дьявол, Кратегус! — рассмеялась она и бодро заковыляла куда-то в угол. Вытащив из кучи хлама кожаный мешок, она вернулась обратно и села на пол. — Кому гадать?

— Леди... — Кратегус указал в мою сторону.

Ведьма внимательно посмотрела на меня.

— Хочешь знать будущее?

— Нет, — покачала головой я. — Что будет, то будет.

— Неправильный ответ, — возразил демон. — Лучше быть подготовленной к тому, что будет. Веледа может дать тебе совет, который трудно понять, но если в сложной ситуации ты его вспомнишь и поймёшь, это может спасти тебе жизнь.

— Ладно, хочу... — нехотя сдалась я и уселась на грязный пол напротив старой колдуньи.

Старуха сунула руку в мешок, зачерпнула оттуда что-то и бросила на пол. Это были почерневшие от времени деревянные пластинки с вырезанными на них знаками. Какое-то время она изучала их расположение, а потом покачала головой.

— Вижу путь, в конце пути предательство, плен, похожий на смерть, сон, похожий на явь, любовь, похожую на обман... Разбей зеркало.

— Какое зеркало? — переспросила я.

Веледа хмуро посмотрела на меня.

— Не знаю. Просто тебе нужно разбить зеркало.

— И что будет?

Она снова посмотрела на свои деревяшки.

— Не вижу. Дальше ничего нет.

— Здорово... — пробормотала я, поднимаясь и отряхивая брюки. — Куча ужасов и дальше — ничего. Всё равно, спасибо.

— Теперь я! — Лия тут же присела на моё место. — Я хочу знать, что меня ждёт.

Старуха неприязненно взглянула на неё.

— Думай сама...

Лия ошарашено смотрела на прорицательницу, а потом обернулась к Кратегусу.

— Это ответ, — произнёс он. — Другого не будет.

Лия пожала плечами и встала.

— Колдун! — демон обернулся к Джексону.

Тот подошёл, демонстрируя свое нежелание подчиняться, и всё-таки сел напротив Веледы. Та какое-то время изучала его, потом полезла в мешок и бросила свои пластинки.

— Слабый... Слабый. Слабый! — раздражённо проворчала она. — Ничего не видишь не слышишь, и упрям как осёл. Идёшь навстречу поражению, куда бы ни шёл. Беда в тебе самом. Старик, а обманут, как мальчишку. Брось кости.

— Кости? — перепросил Ларс.

— Ступай! — замахала на него руками колдунья. — Не побывав учеником, метишь в учителя, бесстыдник!

Джексон растерянно пожал плечами и встал. Было видно, что он смущён и даже расстроен. Похоже, он куда серьёзнее относился к способностям ведьмы, чем хотел показать.

— Иди сюда, дитяtko, — ласково позвала Эльвера колдунья и похлопала ладонью по полу.

Эльвер подошёл и присел напротив.

— Хочешь знать будущее, сынок?

Эльвер кивнул с серьёзным видом. Она снова бросила свои пластинки и, посмотрев на них, зацокала языком.

— Путь прям, как меч, будет битва, будет кровь, будет плен, будет боль. Темница и цепи. Одиночество и обида. Кому веришь — может предать, но сердце не обманет. Над тобой крылья. У тебя есть защита. Дерево молчит, я говорю: прямой путь в сторону не уведёт. Иди своей дорогой — не ошибёшься.

— Спасибо, Веледа, — глядя на неё, тихо произнёс масунт и поднялся. — Твоя очередь, демон.

Кратегус вздохнул и, подойдя, сел напротив ведьмы. Та так же внимательно взглянула на него и нахмурилась.

— Это точно ты?

— Что за странный вопрос? — пробормотал он, хмуро глядя на неё.

Она протянула руку и снова провела пальцами по его щеке, а потом посмотрела на свои пальцы.

— Я думала мне показалось, выходит, нет. Ты был холодный как лёд, бледный как снег

и в твоей груди было тихо как в могиле. Теперь от тебя исходит тепло, мне кажется, я чувствую ток крови в твоих жилах, слышу стук твоего сердца. И ты боишься того, что можешь услышать.

— Скажи мне то, чего я не знаю, — перебил он.

Подозрительно глядя на него, старуха в четвёртый раз запустила руку в мешок и бросила свои деревяшки.

— Иди на Запад, там то, что ищешь. Тебя ждёт трудное испытание. Какой путь изберешь, того нужно держаться до конца. Выберешь меч — бейся до победы или до смерти. Выберешь кинжал — убивай всех без жалости. Попытаешься избежать выбора — проиграешь.

— А если я выберу неверный путь? — тихо спросил он, глядя на тёмные пластинки под руками ведьмы.

— Неверного нет. Оба трудные, но идти по ним нужно до конца.

— Ясно, — кивнул он. — Благодарю, Веледа. Мне жаль, но я должен вернуть тебе твой артрит.

Ведьма растерянно посмотрела на свои руки, поспешно сжала их в кулаки и спрятала за спиной.

— Ладно, — устало вздохнул демон, поднимаясь. — Пусть будет так, но учти, твоя болезнь не от старости, она послана тебе в наказание, так что скоро вернётся. Подумай над тем, что я сказал, может, в этом есть крупица истины. Нам пора, леди и джентльмены. Мы узнали всё, что нам нужно было узнать.

Попрощавшись с колдуньей, мы направились к выходу. Ясно было, что никто не услышал от неё ничего хорошего, и я ещё раз укрепилась в своём убеждении, что будущего лучше не знать. Похоже, и Кратегус был не слишком обнадёжен её прорицанием. Он шёл следом за мной, склонив голову в раздумье.

— Постой, — прохрипела ему вслед ведьма.

Он остановился и обернулся.

— Я вижу, что с тобой, — произнесла она. — Твоя сила в слабости, а слабость — в силе. Но что — слабость, что — сила, можешь решить только ты.

Он молча кивнул и вышел из хижины.

61

Мы снова ехали по лесу, серому, тёмному, мрачному. Под копытами коней шелестела истлевшая листва. Чёрные сучья голых деревьев тянулись к нам, то ли пытаясь ухватить за шиворот, то ли простирая их в немой мольбе. Мои спутники молчали, видимо, размышляя о полученных от Веледы предсказаниях. Никто не услышал ничего хорошего. Я, между прочим, тоже. Хотя предсказание было весьма туманно, но то, что перспективы моего путешествия не сияют всеми цветами радуги, было вполне ясно. Ни тебе роз, ни лилий. Что-то про любовь и про обман. Я покосилась на демона. Кратегус сидел в седле, устало опустив голову на грудь, и лицо его было хмурым. Взгляд прямо перед собой и никуда, ноздри раздуваются, губы сжаты, челюсть напряжена. Чего злитесь? Ему хоть выбор предложили, а есть выбор — есть выход, а у меня...

Я мотнула головой. Ничего не известно. Я не пешка в руках Судьбы. Я ферзь и со мной приходится считаться.

— Ладно, — я выпрямилась и расправила плечи. — Может, ещё ничего страшного и не случится.

— Ты не веришь в предсказания? — не шелохнувшись, спросил демон.

— Верю. Я даже сама их делала и, представь, сбывалось. Только я замечала из собственного и чужого опыта, что предсказания всегда весьма туманны и сбываются не тогда и не так, как их толкуют. Иногда с точностью до наоборот. Так что пока не сбудется, всё равно не поймёшь, что имелось в виду.

— И что ты предлагаешь? — он чуть повернул голову и искоса посмотрел на меня.

— Приберечь пепел до того момента, как появится причина посыпать им голову.

— Легко вам говорить, — проворчал сзади Джексон.

— Ларс! — неожиданно рассмеялась я. — По-моему, вам-то как раз сказали самое, что ни на есть перспективное: учиться, учиться и ещё раз учиться.

— И поменьше выпендриваться, — проворчал демон.

— Легко вам говорить, — повторил Джексон.

Кратегус тяжело вздохнул и слегка придержал коня, чтоб приблизиться к ехавшему следом колдуну.

— Веледа очень стара. Она не просто друидесса, хотя самые ранние сведения о ней, известные мне, относятся к 70 году после Рождества Христова, когда она была прорицательницей племени бруктеров в Бельгике. Я думаю, что она много старше, она почти богиня, дух столь древний, что уже и сама не помнит, какую роль отвело ей мироздание. И она разочаровалась в тебе. Стала бы она разочаровываться в человеке, от которого нечего ждать, который не одарён настолько, что может вершить нечто, что Веледа вправе ожидать? Подумай над этим.

Джексон недоверчиво смотрел на Кратегуса.

— Зачем ты говоришь мне это, Враг человеческий?

— Я дьявол, — устало и равнодушно произнёс тот. — Веледа усмотрела в тебе силу. Сила даёт власть. А власть — есть искушение, способное погубить душу. Ещё вопросы есть?

Он взглянул на Джексона. Тот хмыкнул и отвернулся.

— У меня есть вопросы! — воскликнула Лия. — Вам хоть есть, что обсуждать. А мне вообще ничего не сказали.

— Неправда. Тебе сказали: думай сама.

— И что это значит?

— Значит, надо думать, — утомлённо пожал плечами Кратегус и, пришпорив коня, вновь поравнялся со мной. — А у тебя есть вопросы?

Я кивнула.

— Куда мы едем?

— На Запад.

— А что у нас на Западе?

— Всё зависит от того, где мы находимся.

— Давай исходить из того, что в Шотландии.

— Атлантический океан, за ним — Северная Америка.

Я внезапно подумала, как здорово было бы взглянуть на доколумбову Америку. Обширные равнины, огромные стада бизонов, самобытная культура индейцев.

— И никаких ковбоев, — я мечтательно вздохнула.

Увы, вплавь мне Атлантику не переплыть. Если только повернуть на Восток, добраться до Скандинавии, и позаимствовать у викингов дракар с экипажем. Мечты...

— Хорошо, — я нехотя отвлеклась от заманчивых грёз об исследовании древнего

мира. — Если исходить из того, что мы в Коледонии? Что у нас на Западе?

— Вообще-то, насколько я помню, на запад от Галлии и Иерны, а, следовательно, и Коледонии, находилась Великая равнина или Равнина Услады, она же Земля Живых, она же Земля женщин, она же Земля вечно молодых.

— Рай?

— Сразу видно, ты — ангел, — поморщился он. — Загробный мир. То бишь, мир-за-гробом.

— Может, лучше в Америку?

— Зачем? — он усмехнулся. — Здесь не хуже, тут тоже коллекционируют головы убитых врагов и украшают ими святилища. Мне лично кажется, что кельты были куда более изобретательны по части человеческих жертвоприношений, они сжигали свои жертвы самыми различными способами, топили их...

— Перестаньте нас пугать! — взвизгнула Лия.

— Я не пугаю. Это исторические факты.

— Пока мы исходили из того, что здесь нет людей, даже в виде кельтов, — напомнила я. — Мы пока ни одного не видели. Веледа не считается.

Кратегус с коварной усмешкой покосился на меня, а потом вдруг поддал своему скакуну шпорами и помчался вперёд. Нам не оставалось ничего другого, как последовать его примеру.

Скакали мы долго, но скорость была такой, что на скаку можно было если не беседовать, то хотя бы думать. И я вдруг подумала, что мы уже очень далеко отъехали от хижины Веледы, а вокруг ничего не изменилось, та же мёртвая листва, мёртвые деревья, и тёмная, странно светящаяся туча, повисшая над их верхушками. И это показалось мне странным.

Кратегус тем временем мчался впереди, а потом вдруг резко осадил коня и я, вылетев следом на широкую поляну, едва не налетела на него. Гневное ржание его дьявольского скакуна низким рокотом разнеслось в застывшей тишине заколдованного леса. И тут я заметила посреди поляны странное сооружение из грубых каменных плит, обнесённое частоколом. В каменных нишах сооружения размещались сотни черепов. Они были белыми, жёлтыми, коричневыми, чёрными, разбитые и целые, украшенные увядшими цветами, бусами из самоцветов и звериных зубов и даже оправленные в золото со вставленными в глазницы разноцветными камнями. С кольев, вкопанных вокруг, тоже скалились десятки черепов.

— Боже... — испуганно пробормотала за моей спиной Лия.

Страшно зарычал, скаля огромные клыки, Эльвер. Он царапал когтями землю и смотрел на святилище красными от ярости глазами, словно собирался в следующий момент броситься и сравнять его с землей.

— Если придерживаться нашей версии, то, возможно, это и есть последние люди, жившие здесь, — с усмешкой заметил демон.

Я смотрела на святилище с той же яростью, что охватила нашего масунта. Тьма и Злоба взирали на меня из низкого чёрного входа, темневшего под вереницами черепов. Зло древнее, беспощадное и ненасытное обитало в этом жутком сооружении, и мне хотелось схлестнуться с ним и изгнать его из этого мира, разметать эти камни, предать огню столбы, захоронить останки жертв.

— Мы пришельцы, чужаки, — услышала я рядом шёпот демона. — А оно живёт здесь

вечно. Это его дом. Вправе ли вы...

— Вправе... — выдохнула я, исподлобья глядя на капище.

Грозно зарычал Эльвер, встав на задние лапы.

— Давайте уедем отсюда, — быстро проговорил Джексон. — Нехорошее место.

Он развернул коня и помчался прочь.

— Папа! — крикнула Лия и поскакала следом.

Кратегус расхохотался и этот хохот громом раскатился по лесу.

— Ах, колдун, ах, трус!

— Мы вернёмся, Эльвер, — пообещала я. — Так или иначе, мы с этим разберёмся. Дай срок.

Масунт застыл в стойке на краю поляны. Он внимательно смотрел на меня тёмно-синими, как ясное ночное небо глазами, а потом тряхнул гривой, гневно прорычал что-то в сторону капища и большими скачками помчался за Джексонами.

— Может, устроим здесь привал? — поинтересовался Кратегус.

— Откуда ты знал, что здесь? — спросила я, разворачивая коня.

— У меня отличное обоняние.

Я снова взглянула на жуткое сооружение.

— О чём-то сожалеешь? — спросил он.

— О том, что не взяла с собой взрывчатку. Но я вернусь сюда.

Я прищорила коня и поскакала вслед за нашими спутниками, едва разобрав слова Кратегуса:

— Что-то подсказывает мне, что это не понадобится.

Мы догнали их в жиденьком перелеске, за которым виднелась унылая серо-коричневая холмистая равнина. Стало холодно. Джексон сидел в седле, нахохлившись, должно быть, сообразив, как выглядело его поспешное бегство. Лия была бледна, насколько это позволяла её тёмная кожа. Потом она вдруг подняла руку и ладонью вверх вытянула её перед собой.

— Что это? Что? Это то, что я думаю?

Снежинки одна за другой закружились вокруг нас бойким хороводом.

— Снег, — произнёс Джексон. — На Новой Луизиане не бывает...

Он осёкся и замолчал, глядя на танец белых пушинок.

— На Земле бывает, — ледяным тоном уточнил демон. — В Шотландии бывает много снега, жестокие метели, бураны. Нужно ехать. До темноты мы должны найти какое-нибудь укрытие от непогоды. Если вы, конечно, не собираетесь спать на снегу как сибирские лайки.

Он первым двинулся вперёд, и тут я увидела, что он опять изменился. Вернее, не он, а его одежда. Вместо модной зимней куртки, на его плечах лежал огромный тяжёлый чёрный плащ с широким воротником из серого косматого меха, похожего на волчью шкуру. Плащ был так велик, что закрывал круп коня. Поскольку мы замерли, поражённые очередным фокусом, он обернулся, и я увидела, что на нём чёрный костюм, состоящий из штанов и камзола, расшитого золотом, на ногах — длинные сапоги из мягкой кожи, а на руках — замшевые перчатки с раструбами почти до локтя.

— В чём дело? — поинтересовался он. — Я одет не по погоде?

— Уши не отморозишь? — усмехнулась я. Модельная стрижка не очень шла к средневековому наряду, но, нужно отдать ему должное, выглядел Кратегус колоритно.

Он раздраженно фыркнул и поднял коня на дыбы, а затем, как и следовало ожидать, понёсся впереди нашего отряда по заснеженному полю.

Это длилось долго. Я уже начала забывать, где мы, и как мы тут очутились. Бесконечные заледеневшие холмы, неподвижное серое небо и холодный ветер пополам с мелким сухим снегом. Мы скакали вперёд, хотя можно было решить, что, по сути, мы стоим на месте. Только Кратегус со своим конём, да Эльвер были неутомимы. Я устала от серости, холода и странного ощущения безысходности, внезапно проникшего в душу. Зелёный мир Новой Луизианы остался так далеко, что казался сном, временем странных и неправдоподобных сказок. А иногда начинало казаться, что всё вокруг — это просто тёмный болезненный сон, из которого невозможно выбраться. Или ад... Да, такое тоже приходило в голову.

Джексоны двигались позади, сжавшись от холода и натянув капюшоны курток. Кажется, Ларс ещё надел лыжную шапочку. Наши рыжие кони, достаточно выносливые и всё же неприспособленные к таким концам да ещё при такой погоде давно уже перешли с галопа на усталую рысцу. К тому же им, в отличие от нас, хотелось есть. Это мне казалось, что после увиденного на поляне посреди мёртвого леса кусок в горло не полезет.

Пологие холмы тянулись бесконечно. Я уже устала надеяться, что поднявшись на вершину очередного, мы увидим город, или селение, или хотя бы дом. Только холодный камень, снег и иногда маленькие, изломанные, неживые деревца.

А потом начало темнеть. Демон попытался прибавить скорости, и я склонна была последовать его примеру, но кони уже этого не хотели. Они уныло трусили, опустив головы, навстречу морозному ветру. На вершине очередного холма Кратегус остановил коня и дождался меня. Приподнявшись в стремях, он осмотрел утопающую в сумерках равнину.

— Я чувствую запах дыма... — сообщил он. — Там!

Он вытянул в указующем жесте руку в тёплой, подбитой тонким мехом перчатке. Зачем ему тёплая одежда, если он не мёрзнет? В отличие от нас.

— Поехали, — кивнула я и свернула туда, куда он указывал.

Ещё час пути по тёмным холмам, когда сумерки сгущались вокруг, а в небе слышались странные глухие звуки, то ли звон мечей, то ли стоны умирающих. Я с раздражением думала о том, что нюх его иногда всё-таки подводит. Но к исходу этого часа, когда небо запылало странными зарницами, в которых то и дело угадывались причудливые силуэты коней, воинов с мечами и каких-то чудовищ, похожих на слонов, а звуки призрачной битвы стали довольно отчетливыми, вдали, наконец, вспыхнул огонёк.

Окрылённые надеждой мы сумели-таки перейти на галоп и вскоре уже поднимались на вершину холма, где в окружении чёрных измождённых деревьев стоял невысокий дом, в окнах которого горел свет. Издалека он выглядел довольно зловеще, но по мере приближения я рассмотрела, что он довольно симпатичный, аккуратный и даже ухоженный.

— Миленький домик... — пробормотала Лия, глядя на него.

— Миленький? — изумлённо переспросил Кратегус, а потом пожал плечами: — Какая никакая, а всё крыша.

Когда мы подъехали ближе, и наши кони начали возбуждённо ржать, дверь домика распахнулась, и из него выкатился невысокий круглый старичок в зелёной одежде и овчинной жилетке. Он начал радостно кланяться и хватать коней под уздцы. Он что-то говорил, скорее, даже трещал без умолку, но я не понимала ни слова.

— Он говорит, что ночью будет буря, и потому приглашает нас переночевать, — сообщил демон, спешиваясь.

— Очень хорошо... — простонал Джексон, слезая с коня.

Мы с Лией воздержались от комментариев, но тоже были очень рады этому приглашению. Старик увёл коней в сарай за домом, а мы вчетвером вошли. Тут же от очага к нам кинулась такая же маленькая кругленькая старушка. Она приняла от старичка эстафету и затрещала тоненьким скрипучим голоском. Вскоре к ней присоединился и старичок. Нас усадили за стол, и старушка забегала между ним и очагом, выставляя на стол блюдо с лепёшками, какое-то вяленое мясо, крынку с молоком, блюдец с мёдом.

Кратегус очень учтивым тоном разговаривал со стариком. Он неплохо знал этот язык, однако, стоило Лие протянуть руку за лепёшкой, как он обернулся и произнёс:

— Советую здесь ничего не есть.

— Почему? — нахмурилась она.

— Просто не советую, но если желаете... — он коварно осклабился.

— Я на диете... — сообщила я удивлённому старику и достала футляр с таблетками пищевого концентрата.

Поколебавшись какое-то время, Джексоны тоже потянулись за пилюлями. Кратегус что-то обстоятельно объяснял старику, указывая на нас. Надеюсь, он не говорил, что мы едим только очень-очень маленьких детей.

В комнате было жарко. После длинного пути по заснеженным холмам и долинам меня слегка разморило. К тому же я была сыта. Не удивительно, что мне хотелось спать.

— А где Эльвер? — спросила Лия.

— Наверно, отправился на охоту, — пожал плечами демон. — Или вы думаете, он стал бы есть ваши пилюли? Кстати, у вас есть что-нибудь для лошадей?

— Им не дадут овса?

— У этих бедных людей нет овса для ваших трех проглотов, — терпеливо пояснил демон.

Лия, уже почти засыпая, вытащила из своего рюкзака несколько круглых лепёшек в ярких упаковках.

— Трёх хватит, — произнёс демон, возвращая остальные. — Своего я тоже отпущу поохотиться.

Он вышел. Лия упала на лавку и уснула. Я кое-как доплелась до широкого ложа, устланного шкурами. Наверно, это была кровать хозяев, но если мне оказывают гостеприимство, я стараюсь не обижать их. Ларс стащил одну из шкур, завернулся в неё и улёгся на пол в углу. Я ещё какое-то время лежала, таращась на огонь в очаге и уже ни о чём не думая. Кажется, я видела, как вошёл Кратегус, сел возле очага и застыл в неподвижности. Именно с этим странным ведением задумавшегося над своими проблемами демона я и уснула.

Спала я крепко, но снилось мне что-то плохое, с погонями и кровавыми драками, я слышала вопли, рычание и ещё, чёрт знает, что. К счастью, сразу же после пробуждения я забыла, о чём был сон. И на какой-то момент я вообще обо всём забыла.

Я проснулась в полумраке, от тяжелого спёртого запаха запустения. Открыла глаза и увидела, что нахожусь в каком-то грязном чулане. Я рывком села и только тут заметила, что заботливо закутана в огромный чёрный плащ, подбитый волчьим мехом. Я лежала на широком настиле посреди каких-то грязных засаленных шкур. В углу валялся в куче рванья Джексон, а на грубо оструганной лавке клубочком свернулась Лия. Впрочем, она тоже уже проснулась и со стоном потягивалась.

— Как я ужасно спала, — проныла она и замерла с открытым ртом.

Её тоже привело в изумление то, что мы оказались в этом грязном сарае. В нём трудно было узнать уютную тёплую комнату, в которой мы уснули. И всё же и старый осыпавшийся очаг, и широкий почерневший от грязи стол и лавки были на местах. И дверь тоже. Она распахнулась, и вошёл Кратегус.

— Где мы? — пискнула Лия.

Её папа проснулся от этого писка и, едва очнувшись, начал испуганно отбиваться от грязного тряпья, в котором спал.

— По крайней мере, под крышей и за стенами, — сообщил демон. — И вчера этот домик вам показался таким миленьким.

— Это?..

— Обычная иллюзия для легковерных путников вроде вас.

— Что произошло? — спросила я, не спеша вылезать из его плаща, поскольку в доме было довольно промозгло.

— Всё, как в старой доброй сказке с моралью, что на каждого людоеда однажды найдётся свой вампир.

— Это были людоеды? — воскликнула Лия.

— Я не знаю, кто это были и что у них было на уме. Я не очень разбираюсь в мифологии кельтского мира и решил не выяснять их намерений. Я сидел у огня. Старик подошёл ко мне и, глядя в глаза, спросил: «Не хочешь ли ты спать, рыцарь?» «Нет, говорю, не хочу». Он отошёл. Через десять минут подходит старуха, заглядывает в глаза, зрачки как у кошки: «Не хочешь ли ты спать, рыцарь?» «Не хочу, выпался в седле». Удивилась, но отошла. Потом старик подходит с кубком, дал мне выпить какой-то дряни и опять спрашивает: «Не хочешь ли ты спать, рыцарь?» «Теперь, говорю, после этого бодрящего напитка и вовсе спать не хочется». Пошушукались они в углу и к двери бочком. «Куда, спрашиваю, направились? На дворе буря, не ровён час зверь какой нападёт, оборотень или келпи»...

— Кто это, келпи? — уточнил Джексон, прекратив брезгливо отряхиваться.

— Конь-оборотень весьма дурного нрава, — пояснила я и подумала, что скоро стану экспертом по этой части.

— Ну, я имел в виду не настоящего келпи, — пояснил демон, — а то, что может встретиться что-то отдалённо похожее. Но они не поверили. Похихикали и вышли. А потом, — он картинно покачал головой, — крики, вопли, рычание... Я не стал выходить. Буря на дворе.

— А сейчас вышел? — уточнила я. — И что там?

— Утро ясное, всё засыпано снегом, лошади отдохнули и готовы продолжить путь.

— А эти двое?

— Я нашёл в снегу у подножия холма какие-то кости и обрывки коричневой шкуры. Наверно, Эльвер пообедал. Моему коню двоих за раз не съесть.

— Эльвер убивает нечисть, но не ест, — возразил Джексон.

— Значит, сегодня мой обжора овса не получит, — свирепо пообещал демон и усмехнулся. — Ну что, по коням и в путь?

Дольше задерживаться в этом доме желания у нас не было, и мы не стали с ним спорить. Я нехотя вернула ему плащ. На улице действительно было чудно. Голубое небо и заснеженные холмы. Жутковатая, покосившаяся хижина, которая ночью показалась нам довольно милым домиком, уныло торчала чёрным пятном посреди этой белизны. Из-за дома

появился Эльвер в человеческом облике.

— Доброе утро, — деловито поздоровался он. — Ночью я охранял дом и увидел возле него двух... не знаю, как они называются, худые, косматые с длинными лапами и большими когтями. Я их убил, хоть они и пытались убежать.

— Ты завтракал? — как бы, между прочим, спросил Джексон.

— Утром поймал двух кроликов на той стороне холма, а что?

— Ничего.

Кратегус усмехнулся и свистнул. Его конь не показался. Он свистел снова и снова. Мы успели вывести из заднего сарая и оседлать своих лошадей, когда, наконец, его адский скакун появился. Мне показалось, что он потолстел за ночь и от этой мысли меня передёрнуло. Кратегус бесцеремонно двинул его кулаком по зубам, а потом вскочил в седло, и мы продолжили свой путь.

62

Я на сей раз держалась поближе к демону, поддерживая заданный им темп. Торопиться было некуда, но это был единственный способ не слышать бесконечного нытья Джексона. Он вопрошал о том, почему мы едем на запад, а не на восток, юг или север; разумно ли доверять словам какой-то выжившей из ума старухи; и заявлял, что таким манером мы ничего не найдём, ничего не узнаем и вообще рискуем заблудиться. Можно подумать, мы знали, где находимся и куда нам нужно. По мне так можно было ехать в любую сторону, так почему бы ни поехать туда, куда нам указали? На самом деле Ларс и сам это понимал, просто второй день скачки по заснеженной равнине был слишком суровым испытанием для его старых костей.

Мне тоже, при всей моей выносливости, эта перспектива не внушала особого восторга. Однако, поскольку выбора не было, я настроилась на долгий переход, а после, возможно, ночёвку под открытым небом или в логове разбойников. Или в каком-нибудь холме у эльфов.

Холмы через некоторое время сменились низкими старыми горами, двигаться стало сложнее, и мы поневоле перешли на шаг. А затем небо впереди потемнело, предвещая новую бурю.

— Там что-то есть, — проговорил Кратегус, глядя на тёмное небо. — Это за перевалом.

Я раздражённо взглянула на него. Мне хотелось узнать, откуда столь многозначительные выводы, однако потом, присмотревшись, поняла, что эта темнота также неподвижно висела в небе, как волшебная туча над хижиной Веледы.

Вскоре бы миновали перевал, и нашим взорам открылось узкое ущелье между двумя горами, с самого дна которого поднималась скала. К её вершине, по-змеиному петляя, вела дорога. На самой вершине сквозь туманную дымку виднелось какое-то странное сооружение, то ли башня, то ли замок.

— Веселенькое местечко... — пробормотала Лия, остановившись рядом со мной.

Эта скала с венчающим его зданием и странная дорога были явно магического происхождения и смотрелись на фоне ущелья, как наложенный на горный пейзаж рисунок из старой книжки готических романов.

— Нам точно туда надо? — мрачно уточнил Джексон. Кажется, он, наконец, начал понимать справедливость слов старой ведьмы и потому чувствовал себя неуверенно.

— В этом замке если не разгадка, то, по крайней мере, ответы на многие вопросы, — ответил Кратегус и тронул повод.

Его конь начал уверенно спускаться в ущелье.

По мере того, как мы приближались ко дну ущелья, небо затягивалось тёмно-серой грозовой пеленой, которая тревожно клубилась, изредка грохоча глухим громом. А загадочное строение наоборот становилось видно всё более отчетливо. Спустившись вниз, туда, где чёрные камни покрывали дно ущелья, и совсем не было снега, мы, наконец, увидели странное узкое сооружение из нагромождения остроконечных башен со шпилями красновато-коричневого цвета.

— Похоже на кирпич, — неуверенно произнёс Джексон.

— Скорее, на запёкшуюся кровь, — поправил демон.

Мы медленно двигались в полной тишине, только стук копыт по камням нарушал её. Но и без этого было ясно, что это магическое место.

— Тебе это что-нибудь напоминает? — спросила я.

Кратегус неопределённо пожал плечами.

— Слишком многое и ничего конкретного.

Мы въехали на дорогу, ведущую вверх. Она была вымощена шестиугольными плитами с какими-то знаками. Почувствовав гладкую дорогу, кони сами перешли на лёгкую рысь, и хоть мне совсем не хотелось подниматься к этому странному замку, он становился всё ближе с каждой минутой, преображаясь при этом. Я с удивлением смотрела, как по мере приближения он разворачивался вширь. У него появилась высокая крепостная стена с зубцами. Высокие, острые как клинки башни по мере расширения стены расползались в стороны, занимая свои места по периметру. В самом центре прямо из дороги выросла массивная четырёхугольная башня, за ней из-за стены высунулись контуры совершенно не подходящего ей по стилю готического собора, а за ним прорисовался алый силуэт огромной башни, похожей на вытянутый вертикально барабан. Это смешение стилей и цвет загадочной цитадели напомнил мне что-то далёкое и давно забытое.

Наконец, превращение завершилось, и мы подъехали к огромной арке ворот в квадратной башне. Как ни странно они были открыты. Вернее, никаких ворот не было. Их обломки лежали в тёмном проходе у стены. С другой стороны валялась покорёженная решётка. Подъёмный мост уже врос в землю, почти слившись с дорогой, а по бокам висели жалкие остатки оборванных цепей, на которых он когда-то крепился. Над воротами я разглядела полустёртый барельеф: ключ и протянутая к нему рука.

— Въезжаем? — обречёно поинтересовался Джексон, но демон, даже не повернув головы, направил своего коня под своды арки.

Проехав по гулкому тоннелю под башней, мы въехали во двор. Прямо перед нами высилась громада готического собора, неизвестно как занесённого в эту крепость. Это был собор, опустевший, с побитыми витражами, но по-прежнему торжественный, устремлённый к небесам. Присмотревшись, я увидела, что его витражная роза была расколота поперёк, многие из украшавших её скульптур сломаны, причём намеренно. У ангелов отломаны крылья, у святых — головы, разбиты все изображения креста и других святынь. И только горгульи, рассаженные на углах башен и на водостоки в виде драконов, остались невредимыми.

Я как во сне рассматривала это сооружение, и при этом не могла отделаться от странного ощущения, что я здесь всё знаю, но чтоб попасть туда, куда нужно, следует пройти мимо собора и отыскать вход в круглую барабанную башню. Хотя, нет, я тут никогда не была и всего этого не видела. Точно.

— Может, посмотрим, что за собором? — предложила я.

— Считаешь, что нужно начинать знакомство с достопримечательностями с перестрелки со служителями? — поинтересовался Кратегус и указал мне на небольшого страшенького человечка в красной курточке. Он стоял, расставив короткие ножки и наставив на нас дуло внушительных размеров лучемёта системы «Поларус», и при этом гнусно ухмылялся. Оглядевшись, я увидела вокруг ещё около двух десятков этих кошмарных малюток в разноцветных нарядах.

— Эльвер, не трогай их, — проговорил Джексон. — Даже если они так безобидны на вид, как выглядят, у них в руках оружие.

— Они не так безобидны, — пояснил Кратегус, опершись локтем на высокую луку седла и разглядывая малюток. — Если меня не подводит зрение, это — спригганы. Говорят, что они — потомки великанов, и при желании могут вырастать до огромных размеров. Не будем их злить и посмотрим, чего они хотят.

Он произнёс несколько слов на незнакомом мне языке. Один из человечков что-то выкрикнул в ответ, повелительно указав на тёмную арку входа в собор. Перевода не требовалось. Кратегус невозмутимо кивнул и спешился. Мы последовали его примеру. Демон взялся за гриву своего коня и, притянув к себе его голову, что-то прошептал ему на ухо. Тот фыркнул и кивнул.

— Прощу! — Кратегус гостеприимным жестом указал нам на вход в собор.

Ненавижу старые, пустые дома. От них веет смертью и ужасом. Что уж говорить об осквернённой церкви. Мы вошли под огромные своды старого собора, словно оказавшись внутри скелета легендарного чудовища. Стены его и изначально являвшие собой лишь каркас сооружения, теперь, когда окна были большей частью выбиты, более всего напоминали голые рёбра, сквозь которые струился призрачный серый свет, излучаемый нависшей над крепостью мглой. Мозаичный пол был засыпан мусором, трещавшим под ногами. Хрупкие потрескавшиеся своды грозили обрушиться на наши головы в любой момент. Мы медленно шли туда, где раньше размещался алтарь, а теперь лишь темнел ажурный балдахин, под которым, возможно, когда-то размещалась рака с мощами одного из многочисленных католических святых.

Маленькие человечки с большими пушками сопровождали нас, окружив кольцом. Метрах в десяти от балдахина они остановились. Замерли и мы. И тут раздался оглушительный грохот, пол под нашими ногами задрожал, стены затряслись, и в центре балдахина полыхнул взрыв, из которого повалил клубами чёрный дым. Запахло серой, и по собору пронёсся угрожающий рёв Эльвера. Это немного смазало эффект. Потом балдахин разлетелся в стороны, и на его месте возникло чудовище, похожее на минотавра, красное, окружённое языками пламени, метров пять высотой и отвратительное до тошноты.

— Я Князь Тьмы! — загрохотало оно. — Склонитесь передо мной!

Несмотря на вмешательство Эльвера, явление было впечатляющим, но что-то меня всё-таки смутило. Может, эти мелкие бесенята, а, может, пушки в их руках. Я тоже когда-то стреляла из такой.

— Сатана, — упавшим голосом произнесла Лия.

— А он не преувеличивает? — шёпотом спросила я, повернув голову к Кратегусу.

— Чуть-чуть, — кивнул тот. — Он всего лишь маркиз. Специализируется на осквернении христианских святынь, а поскольку дело это неблагодарное, промышляет то здесь, то там, в основном разрушает храмы, искушает священников и сбивает с пути

истинного монахов. Способен, правда, и на крупную пакость. Его нельзя недооценивать.

— Он выше тебя по положению? Ну, в Преисподней...

— Конечно, он же настоящий демон, а не рекрут как я. Этот из павших ангелов. Слегка хромает.

— Я читала Лессажа, — усмехнулась я.

Наши перешёптывания не ускользнули от чудовища. Он с некоторым недоумением прислушивался.

— Его зовут Астмос, — сообщил тем временем наш демон.

Наверно, он был прав, потому что чудовище вдруг взревело, так что сверху посыпалась пыль, выросло до потолка и обрушилось на нас. Я невольно зажмурилась и присела, прикрыв голову руками, хотя это вряд ли помогло бы, обрушья на меня такая туша. Но ничего не обрушилось. Снова открыв глаза, я увидела, что чудовище исчезло, а к нам направляется невысокий худощавый юноша, почти мальчик, с соломенными волосами, в чёрном костюме испанского покроя, какие носили веке в пятнадцатом. Что ж, учитывая, что мы имели счастье находиться в первой половине двенадцатого века, он был очень прогрессивен в части моды.

Остановившись в нескольких шагах от нас, он внимательно изучил холодным взглядом нашу компанию. Его взгляд был оценивающим и настороженным. Что-то вдруг ткнулось мне в бок и, взглянув вниз, я увидела, что на поясе у Кратегуса появился внушительных размеров меч, на эфес которого он демонстративно положил руку в перчатке.

Несколько мгновений они внимательно смотрели друг другу в глаза, а потом бледный юнец вдруг улыбнулся и развёл руками, словно демонстрируя, что у него нет оружия.

— Граф Кратегус, я не сразу узнал тебя в этом обличии, да ещё в столь пёстрой компании, — он картинно поклонился мне и с любопытством взглянул на Эльвера в образе льва. Тот поднялся на задние лапы и принял человеческое обличие. Улыбка на лице Астмоса побледнела. Он снова взглянул на Кратегуса, словно даже не заметив Джексонов. Должно быть, смертные его не интересовали. — Ты ведь одиночка и вдруг такая свита! Ты выполнил приказ?

— Я должен отчитаться перед тем, кто мне его дал, а не перед тобой, маркиз Астмос, — Кратегус изобразил учтивый поклон.

— Ты прав. Ступайте прочь, — маркиз устало махнул изнеженной ручкой и вооруженные до зубов малютки разбежались. — Коль вы заехали ко мне, может, воспользуетесь моим гостеприимством? А-то в горах такой холод ночью. Да и меня это развлечёт. Тут такая скука, — капризно вздохнул он. — Так как?

— У нас есть выбор? — поинтересовался Кратегус.

— Думаешь, мне придёт в голову мериться с тобой силой? Ты же знаешь, я не силён в поединках. Это ты у нас мастер фехтования. Ты же видел: ворота открыты. Каждый может войти и выйти. А мои стражи... Это для смертных дураков, — он снова внимательно взглянул в глаза Кратегуса. — Тебе ж слова довольно, чтоб их на месте скрутило.

— Скорее, мысли, — учтиво поправил тот. — Мы принимаем твоё предложение. Позволь представить моих спутников: — Леди Лора...

— Она то, что я думаю? — перебил Астмос, с опаской глядя на меня.

— Именно это, так что будь осторожен. Рыцарь Эльвер...

Эльвер, взиравший на маркиза с ледяным презрением, усмехнулся.

— Он странный оборотень, — вяло прокомментировал тот.

— Я масунт, — проговорил Эльвер. — Это куда хуже оборотня.

— Похоже на правду. Ну что ж, — Астмос оживился, в очередной раз проигнорировав Лию и Джексона, — идём в пиршественный зал. Я по-прежнему умею устраивать пиры, даже для ограниченного круга гостей!

Мы вышли из собора через пролом в стене и оказались у входа в круглую башню. Войдя внутрь, я увидела вдалеке вход во внутренний двор, и мне снова показалось это знакомым, но мы свернули в сторону, поднялись по лестнице и через большие двустворчатые двери вошли в просторный зал. Когда-то он был совсем неплох. На потолке — роспись: античные боги среди облаков и голубого неба. Мозаичный пол весь в цветах. Стены изукрашены цветной лепниной и позолотой. Огромные стрельчатые окна вдоль двух противоположных стен, а в глубине на возвышении — резной трон. И всё это покрытое пылью, потрескавшееся и осыпавшееся.

Астмос щёлкнул пальцами и посреди зала появился большой покрытый белой скатертью стол, накрытый на четыре персоны. Кратегус криво усмехнулся. Маркиз устало закатил глаза и на дальнем конце стола появились ещё два прибора. Стулья там, в отличие от остальных высоких с готическими спинками, были обычные.

Едва мы сели за стол, в зале прямо из воздуха соткались несколько музыкантов с лютнями и скрипками, которые заиграли что-то ностальгическое, а затем появились несколько бледных длинноволосых девиц в белых рубашках, которые начали танцевать, впрочем, довольно красиво.

Стол был заставлен блюдами с жареным мясом, рыбой, фруктами, овощами, какими-то паштетами, рулетами, пирогами, рядом возвышались высокие кувшины с вином и кубки венецианского стекла весьма причудливой формы. Музыка была очаровательной и неторопливой, такой завораживающей, а движения танцовщиц — плавными и будто слегка гипнотизирующими. Астмос поднял свою чашу за гостей, но поскольку никто не притронулся ни к вину, ни к угощениям, осушил её в одиночестве и заговорил о чём-то с сидевшим рядом Кратегусом. Их разговор перемежался какими-то именами древнееврейского, древнеегипетского или арабского происхождения. Похоже, они перемывали кости общим знакомым по Преисподней.

Танец мне нравился, и именно это смущало. Посмотрев на своих спутников я заметила, что Лия с прозрачной улыбкой качает головой в такт музыке, Джексон, не отрываясь, следит за бледными красавицами, и только Эльвер с мрачным видом озирается по сторонам. Мы встретились с ним взглядами. Так и есть. Дело не в том, что он не любит хореографию. Ему тоже не верится, что пиры у адской знати выглядят подобным образом.

Встав из-за стола, я подошла сзади к Кратегусу и положила руку ему на плечо. Он вздрогнул и обернулся.

— Я хочу знать, о чём вы говорите, — произнесла я.

— Мы не скрываем, — пожал плечами он.

— Неужели, мастер иллюзии? За кого ты меня принимаешь? Что надето на этом парне? — я мотнула головой в сторону Астмоса. — Костюмчик пошит в те времена, когда даже люди устраивали попойки куда менее благопристойно, а ты хочешь меня убедить, что его пир выглядит, как торжественный обед престарелых попечительниц в монастырской школе для девочек-сирот.

— Я щажу ваши чувства, — бледно улыбнулся маркиз, но его глаза при этом остались насторожённо холодными.

— О своих чувствах я позабочусь сама, — я взяла Кратегуса ладонью за подбородок и резко откинула его голову назад так, что наши глаза встретились. — Вы говорили обо мне, дорогой?

— Нет, — не моргнув глазом, солгал он. — Мы говорили о другом, но если ты желаешь...

Тут же стало темно, вернее, так мне показалось на миг, потому что всё погрузилось во мрак, в котором горели тусклые факелы, прикрепленные к стенам, в шандалах на столе полыхали красным пламенем толстые свечи, в стороне от столов размещались огромные жаровни, на которых жарились чудовищных размеров кабаны и быки. Оглушительная какофония звуков: рожков, барабанов, безумных скрипок, криков, визга и пьяного смеха ударила по ушам. Множество существ, похожих на людей и не очень, прыгало вокруг столов, металось от жаровен к столам с блюдами обугленного мяса и сидело за столами. Я увидела около десятка настоящих чертей с рогами, копытами и пяточками вместо носов. В эту грязную, взлохмаченную и потную толпу затесалось несколько по-настоящему красивых обнаженных ведьм с распущенными волосами и пара угрюмых стариков в колпаках. Джексоны сидели в этой толпе подобно сомнамбулам, а Эльвер поглядывал на меня, но вряд ли видел то, что я.

— Вот так гораздо лучше, — я кивнула и села рядом с Кратегусом, спихнув со скамьи пьяного толстяка с утиным клювом. — Так о чём разговор?

— Они нашли этот мир давно, — проговорил Кратегус. — И обосновались в нём. Они ничего не знают о том, кто здесь заправляет, и что этот кто-то притянул к себе Новую Луизиану.

— Если б я знал, что рядом есть город с множеством церквей, стал бы я сидеть тут! — фыркнул Астмос. — Я блуждал в Хаосе и нашёл этот мир, где есть души, способные поверить в меня. Я выбрал это ущелье и поставил здесь свою цитадель. Вход в неё всегда открыт, потому что каждый может прийти, увидеть меня, уйти и рассказать другим.

— Здесь есть люди?

— Есть, дикари верхом на лошадях, — в голосе Астмоса прозвучало презрение, — У них свои боги. А мой двор, — он окинул взглядом этот муравейник нечисти, — слишком изыскан для них. Но у меня всё же есть свои почитатели.

— И вы не попытались установить контакт с местной знатью? — учтиво поинтересовалась я.

— Я здесь не один, — раздражённо ответил маркиз. — Есть и другие демоны, причём весьма высокого ранга. Мы держимся друг друга и не связываемся с местными. Нас здесь только терпят.

— А откуда известно про задание, полученное Кратегусом?

— От виконта Вингира. Он упомянул, что видел здесь графа Кратегуса, а тот такой трудоголик, что вряд ли явился бы сюда, не имея цели. Учитывая, что он наёмник, я сделал вывод.

— Должно быть, Вингир видел меня, когда я выходил из башни, — пояснил Кратегус.

— Конечно, — я даже не стала делать вид, что поверила. Они лгали, причём оба. Мой телохранитель снова становился опасным для меня. Я взглянула ему в глаза. Ни тени сомнения или смущения. Ладно. — Что предлагаешь? Ведь нам надо узнать, что здесь происходит.

— И убрать границу между Новой Луизианой и нашим миром, — кивнул Астмос. Вот в

этом желании он, скорее всего, был искренен.

— Вряд ли последнее разумно. Но я хочу знать, что здесь происходит? Что связывает эти два мира?

— Какой-то артефакт, — уверенно ответил Астмос.

Кратегус резко обернулся к нему. Похоже, его тоже удивило это заявление.

— На планете много завезённых артефактов, есть и местные. Не забывайте — это Земля, та самая голубая планета, являющаяся нашей колыбелью, только в данном случае на ней не возникло христианство. Местные демоны многочисленны, но они не прошли той школы, что имеем за плечами мы, пришедшие из того мира, где мы долго и безуспешно сражались с христианством, — он замолчал на мгновение. Случайно он проговорился или нет? Я внимательно смотрела на демонического маркиза, а он продолжал: — Мы привезли с собой наши любимые орудия, наши подданные, — он указал на свою немытую свиту, — тоже привезли много всего: магические книги, шары, кинжалы... Всего не перечесть. А сколько всего хранится у местных чародеев и демонов!

— Это всего лишь земля без христиан? — поинтересовалась я у Кратегуса.

Он покачал головой.

— Вряд ли это просто планета с четырьмя океанами и шестью материками. Это что-то другое. Возможно, что это всё-таки искусственное измерение.

— Какая тебе разница? — перебил Астмос. — Это мир, в котором мы можем стать властителями. Здесь нет нашего главного врага, а остальные... они не страшны нам, если мы снова сможем объединиться.

— Ну что ж, это мотив, — кивнула я, имея в виду, что создание такого мира вполне в интересах этой шатии.

— Но зачем им мир, в котором есть убеждённые христиане? — возразил Кратегус. — Зачем им такая бомба?

— А кто дал тебе задание? — неожиданно спросила я и поняла, что уж этот-то вопрос нужно было задать давным-давно.

Кратегус молча смотрел на меня непроницаемым взглядом, потом тихо, но твёрдо произнёс:

— Я никогда не называю имён заказчиков.

— Профессиональная этика, — понятно кивнула я, задумчиво глядя на него.

Потом посмотрела на Астмоса. Выражение их лиц было одинаковым. Меня охватила лёгкая паника. Кратегус ускользал от меня. Стоило ему немного поболтать с собратом, как он снова стал демоном. Впрочем, кажется, этого он и боялся. Астмос же, в свою очередь, и не думал делиться информацией. Он, безусловно, знал, что происходит на планете. И, кроме того, хоть Кратегус и не называл заказчика, ясно было, что он того же поля ягода. Теперь докажите мне, что эта демоническая банда не в курсе дела.

— Вернёмся к артефактам, — проговорила я. — Что это может быть и где оно?

— Чего ради я буду вам помогать? — коварно улыбнулся он.

Я тоже улыбнулась.

— У нас разные интересы, но пути их достижения схожи. Я хочу разорвать связь, а вы — окончательно стереть границу с миром, где полно церковью.

Довод был слаб, но иного я просто не придумала.

— Я не знаю, что это, — ответил он с самым, что ни на есть, искренним видом.

— А что вы привезли в этот мир, маркиз Астмос?

— Хрустальный гроб, — усмехнулся он, — в котором трупы сохраняются нетленными сколь угодно долго. Я позаимствовал его из базилики одного святого.

— А Зеркало Желаний? — встрепенулся Кратегус. — Ты привёз с собой Зеркало.

Астмос мрачно взглянул на него.

— Привёз. И что с того? Оно не более чем игрушка для дураков. Исполняет желания, но это лишь иллюзия.

— Не совсем, потому что оно исполняет самые настоящие, самые глубинные, самые истинные желания души, не те, которые ему говорят, а те, что зреют на самом дне сердца. Помнишь, царедворца Карла Первого, который молил о том, чтоб спасти своего несчастного повелителя от топора палача, а на деле получил кувыркание в постели с какой-то косоглазой фрейлиной? А та торговка, что просила вернуть погибшего сына-моряка, а получила бочонок золота? А коммунар, желавший процветания простому народу Франции и очутившийся в золочёной карете весь в кружевах?

— И что? — вяло уточнил Астмос.

— Это правда, что старый цирюльник из Венеции нашёл своего утраченного сына?

— Он был зачарован, а когда чары рассеялись, он понял, что никого не находил. Он искал его дальше и узнал, что сын был убит молодым.

— Помню, он удалился в монастырь и однажды увидел юного паломника, похожего на его сына, и этот парень оказался его внуком.

— Он молился целый год! — свирепо гаркнул Астмос. — Внука ему вернуло не Зеркало, а... — он задохнулся, не в силах произнести это слово и только яростно ткнул пальцем в закопчённый потолок.

— Но он увидел своего сына в Зеркале и лишь потому узнал внука. Как знать, если посмотреть в это Зеркало, может кто-то из нас и увидит этот артефакт?

Я с интересом взглянула на него.

— Ты действительно столь сильно этого хочешь?

— Я — нет, но, может, он! — Кратегус ткнул пальцем в Эльвера. — Мы расскажем ему, и он захочет, я не сомневаюсь. Просто нужно это преподнести. Кроме того, я слышал, что существует один секрет, позволяющий сделать иллюзию реальностью.

— Какой? — раздалось с другого конца стола.

Я вздрогнула и увидела, что Лия, Джексон и Эльвер смотрят на нас, не отрываясь. Значит, им позволили услышать какую-то часть разговора.

— Нужно войти в Зеркало.

Джексон, должно быть измученный своей беспомощностью в последнее время, решительно поднялся.

— Я готов попробовать.

Шумная компания за столом радостно завизжала, заухала и засвистела, в честь него тут же подняли кубки и начали забрасывать его объедками и обглоданными костями.

— Тихо! — рявкнул Астмос. И тут же в зале повисла оглушительная после шума тишина. — Это моё Зеркало и я никого не подпущу к нему.

В следующий момент Кратегус выбросил вперёд руку и запустил голубым мерцающим шаром прямо в лицо Астмосу. Тот заверещал, схватившись за голову, и взорвался, после чего осыпался серой пылью, которая позёмкой унеслась куда-то в темноту. В зале поднялся невообразимый шум. Нечисть разбегалась кто куда. Они выпрыгивали в окно, кучей валили в дверь. Кратегус поднялся и взмахнул рукой. Тут же дверной и оконные проёмы оказались

заложенными массивными валунами, а демон принялся швырять в толпу перепуганных чудовищ молнии и импульсные шары. Визг вокруг стоял невообразимый, пахло палёной шерстью, запах которой перемешался с запахом жжёного мяса.

— Где Зеркало Желаний? — прогрохотал своим демоническим басом Кратегус. — Где оно?

Он замер нацелив руку на одного из стариков в колпаках.

— Я знаю, знаю, — закивал тот. — Я скажу!

Он тут же открыл окна и двери, и все, кроме старика, находящегося «под прицелом», поспешили покинуть столь бесславно завершившийся праздник.

Я сидела, равнодушно взирая на весь этот спектакль. Это было слишком нелепо, чтоб быть правдой. Настоящего демона, да ещё маркиза Преисподней, так легко убить? А колдуны и ведьмы, и прочая нечисть, известная своими перемещениями в пространстве, не могла просто просочиться сквозь пол и стены, чтоб бежать из зала? И что это за дурацкая идея с Зеркалом? Лично я ещё не прониклась не только желанием увидеть загадочный артефакт, но и верой в то, что он вообще существует.

— Ты идёшь? — повернулся ко мне Кратегус.

Я сомневалась, стоит ли. Я больше ему не верила.

— А где это зеркало? — спросила я у старика, решив, что если он только заикнётся о каком-нибудь подвале, я никуда не пойду. И вообще, интересно, проклятие девяти демонов в этом измерении действует?

— Это во дворце. В зале, тут близко, — затараторил он.

— Ладно, пошли, — я нехотя поднялась. — После вас! — я жестом пропустила Кратегуса вперёд, и он следом за стариком направился к выходу.

Я привычно отстегнула с пояса Налорант и подошла к Эльверу.

— Гляди в оба и остальным скажи.

Он кивнул. По знакомой лестнице мы спустились вниз и через проход, который я видела раньше, прошли в большой прямоугольный двор, посреди которого размещался пересохший бассейн, выстланный сухими ветками или корнями какого-то растения. По обеим его сторонам темнели заросли кустарника с колючими голыми ветками. Мгла над замком разошлась и на небо вышла огромная бледная луна. Джексон на мгновение замер, глядя на неё.

— Такое чувство, что мне это снится, — пробормотал он.

— Так вот она какая... — шепнула застывшая рядом Лия.

— Идём, ещё посмотритесь, — поторопила я их и добавила: — Если повезёт.

Лия взглянула на меня.

— А вы светитесь.

— Значит, мне нужно сменить тональный крем, — проворчала я и пошла дальше.

Миновав этот двор, мы углубились под своды какой-то галереи и вышли в следующий, украшенный непонятным сооружением: то ли фонтаном, который не работал, то ли просто скульптурной группой, изображающей семейство горгулий.

— Здесь, — проговорил старик и указал на тёмный вход в здание. Мы вошли. Свет луны лился в проломы в потолке, создавая в тёмном зале островки голубоватого света. В одном из этих островков поблёскивало продолговатое вертикальное озерцо. Подойдя ближе, мы увидели, что это большое овальное зеркало в металлической причудливой раме.

— Это оно, — кивнул Кратегус и обернулся ко мне. — Подойди, не бойся, это всего

лишь стекло, которое умеет читать самые сокровенные мысли.

Меня не интересовало зеркало, а вот рама показалась мне интересной. В ней, как мне показалось, было зашифровано что-то очень важное. Почему я так решила? Может, потому, что все эти завитки сплетались в такую вязь, что создавали каждым переплетением всё новые и новые образы. Я подошла. Я вовсе не собиралась смотреть в зеркало, потому что знала, что любое зеркало, это не просто стекло, это тайна и иногда весьма опасная.

Я смотрела на искусно отлитую раму, слегка коснулась пальцами теплого металла и тут заметила в зеркале какое-то движение. Взглянув туда я увидела, как стоявший за моей спиной старик вдруг подёрнулся пеленой и превратился в Астмоса, резко поднявшего руку. Я не успела обернуться, только краем глаза увидела, как рванулся ко мне Кратегус, и голубоватое, полное огня облако накрыло меня.

63

Мне снилась любовь... Не помню что это был за сон, и что в нём происходило, но отчетливо запомнила своё разочарование, когда поняла, что мне это лишь снится, и я просыпаюсь. Мне было так хорошо, нежность и нега окутывали моё тело, блаженство переполняло мою душу. Это счастье, владевшее моей душой, было таким знакомым и таким далёким, почти забытым. Потому что когда любовь уходит, уже ничто не может вызвать это ощущение, только другая любовь. Солнечный свет, голубые волны, зелень садов, яркие краски цветов, и ароматы, оставшиеся где-то в самых глубинах памяти. И мелодия, от которой расслабляется и тает душа. Я не помнила, кого я любила во сне, но само ощущение любви осталось со мной после ускользнувшего образа возлюбленного. И было так страшно, что и это ощущение исчезнет вслед за образом. И я снова останусь одна.

Золотистый свет согревал мои глаза. Подушка, на которой лежала моя голова, медленно приподнялась, и губ коснулся прохладный край стакана. Я почувствовала вкус вина, густого и сладкого. Я проглотила его, и тепло прокатилось по моему телу. Я облизнула губы и с удивлением обнаружила, что они сухие и потрескавшиеся. Веки были тяжёлые, и с трудом подняв их, я в первый момент ничего не увидела от яркого света. Но потом в этом свете проступили черты лица, усталые глаза, тревожно сдвинутые брови, сжатые губы.

— Слава Богу, ты очнулась, — шепнули они, и моя подушка опустилась на место.

Я лежала на широкой постели под высоким лёгким балдахинном в красивой комнате. Солнечный свет лился в большое окно. Это был настоящий солнечный свет. Я, повидав сотни чужих звёзд, не спутаю его ни с каким другим. Зелёные ветви апельсинового дерева тянулись прямо в комнату и так чудно смотрелись на фоне итальянских фресок, покрывавших стены. На потолке были нарисованы фрукты в плетёных корзинах в обрамлении цветочных гирлянд.

С потолка я медленно опустила взгляд и увидела его, сидящего на краю постели. Это был он и не он, его лицо было моложе и тревожнее, чем когда-либо, длинные каштановые волосы собраны сзади в свободный хвост, конец которого лежал на плече. На мочке левого уха поблескивало золотое колечко. Он был в белой холщовой блузе с распахнутым на груди воротом, на бронзово загорелой груди тускло поблескивал старинный золотой крестик на кожаном шнурке. Чёрные штаны, высокие кожаные сапоги и вместо пояса вокруг талии обмотан широкий шарф из тонкой пёстрой ткани. Унизанные перстнями пальцы руки сжимают чеканный кубок.

Я снова посмотрела на потолок. Всё ясно: я умерла и попала в рай, вот только что здесь

делает этот красивый мальчик, похожий на некоего демона? Может, это его сын или внук? А, может, брат, кажется, умерший от чумы, и за молодостью лет и безгрешностью попавший в рай?

— Ты меня слышишь? — негромко произнёс мальчик. — Ты меня узнаёшь?

Я покачала головой. И не желаю узнавать.

Он положил мне на лоб ладонь, тёплую и нежную, от которой исходило что-то такое, от чего мне сразу стало лучше, и по телу опять прокатилась тёплая волна.

— Только не говори, что я ещё жива, это не рай, а ты — тот самый демон.

Он улыбнулся, так, как не улыбался никогда в этой жизни: едва дрогнули уголки рта, но глаза так и заискрились весельем.

— Жаль тебя разочаровывать. На моё счастье ты жива, это — не рай, а я тот самый. Но лучше зови меня Джулианом, поскольку на Кратегуса я уже не тяну.

Я с трудом подтянула локти и, опершись на них, приподнялась.

— Где я и что происходит?

— Ты в том замке, где и была до этого. И в настоящий момент уже ничего не происходит, — он вздохнул, поставил бокал на резной столик возле кровати, развернулся, и, щурясь от яркого света, взглянул в окно. — Всё обошлось как нельзя лучше.

— Что обошлось? Что вообще произошло? — я с трудом села и увидела далеко за окном голубую гладь моря. Это было тёплое, мерцающее миллионами искр южное море. — Ты уверен, что мы в том же замке?

— Я никуда не переезжал, — пожал плечами он.

— Где Джексоны и Эльвер?

Он снова вздохнул и обернулся ко мне.

— Я не знаю. Можешь мне не верить, но это правда. Когда Астмос вдруг проявился в этом старике-маге и выпустил в тебя импульсный шар, я едва успел помешать тебе упасть внутрь зеркала. Мне показалось, что ты мертва, — он отвёл глаза и, закусив губу, покачал головой. — Я здорово испугался в тот момент, понимаешь? И сильно разозлился. Я выхватил меч и кинулся на него. Мы бились долго, я был вне себя от ярости, но не мог победить его, хоть он и слабее меня в фехтовании. Что происходило вокруг, я не видел. Вспышки от разрядов, дым, снопы искр... Всё это отвлекало. А потом вдруг пол задрожал, а с ним и стены, с потолка посыпались осколки плит. Астмос завопил и замер, я вонзил в него меч, и вдруг, словно кто-то схватил и сжал моё сердце. Я уже забыл, где оно. Это была боль, какой я не чувствовал никогда. Что-то прижало меня к полу, пытаюсь раздавить, и в то же время вытягивало мои силы. Я чувствовал, как они стремительно бегут вверх и уходят... Дальше я ничего не помню. Я очнулся на полу, с трудом поднялся. На улице был день, цвели розы, журчала вода в фонтане, пели птицы. Потолок в зале был цел и вообще весь зал и дворик рядом были в полном порядке. У стены стояло зеркало, а возле зеркала лежала ты. Я перенёс тебя сюда. Несколько дней ты была без сознания. Вот, в общем-то, и всё.

— И что это значит?

— Не знаю точно, — он неопределённо покачал головой. — Возможно, пока я бился с Астмосом, Джексоны и Эльвер вошли в зеркало. Возможно, их мечты стали реальностью. Может быть, и Новая Луизиана уже вернулась на своё место. Я, правда, не знаю. Этот замок преобразился, словно с него сняли заклятие. Там появилось море, а с другой стороны в долине — довольно симпатичный городок.

— С людьми?

— Не с гоблинами же... Любимый собор Астмоса пропал, на его месте стоит совсем другое здание, немного помпезное.

— А что за стенами этой великолепной крепости? Я не имею в виду симпатичный городок. Что дальше, где все эти кельтские чудовища, дикие всадники, злобные боги?

— Я не выезжал из замка, — перебил он. — Я не мог оставить тебя одну. Ты же могла умереть!

— А ты не мог просто изгнать мой недуг? — я выразительно взмахнула рукой. — Ты же повелевающий недугами и властвующий над болью!

— Теперь уже нет, — быстро и тихо ответил он, поднялся и подошёл к окну.

Я сидела на постели, задумчиво уставившись на его спину. Мне послышалось? Или у него шутки такие. Я слезла с постели и только тут обнаружила, что одета в белую тонкую рубашку до пола.

— Кто меня переделал?

— Ты была вся в крови, — проворчал он.

— Я не в претензии, — я подошла к окну. Вид великолепный. В нескольких метрах от стены был обрыв, а внизу — золотая полоска пляжа, и море, огромное синее, тёплое. Уютная бухта, окружённая с двух сторон высокими скалистыми мысами. В этой бухте примерно в миле от берега стоял парусник с огромным дощатым корпусом и высокими мачтами, не слишком красивый, но всё равно симпатичный. Этакая плавучая крепость. К сожалению, самые красивые высокие парусники начали строить только во второй половине девятнадцатого века.

— Что ты только что сказал? Насчёт...

Я щёлкнула пальцами, пытаюсь подобрать слова, но он итак понял. Он стоял у окна, выпрямившись, и мрачно вглядывался в серебрищийся солнцем горизонт.

— У меня забрали силы, — наконец, произнёс он.

— Все? — я присела на подоконник.

— Чтоб закурить мне теперь придётся воспользоваться зажигалкой.

— Курить вредно.

— Особенно для меня теперь.

— Теперь?

Вместо ответа он взял мою руку и приложил ладонью к своей груди слева. Кожа у него была гладкая и горячая, и я вдруг ясно почувствовала биение его сердца.

— Ты смертный? — ошалела я.

— Можешь меня задушить. Теперь это не сложно.

Он был расстроен. И его характер не стал лучше.

— Здорово, — кивнула я. — И кто теперь вернёт меня домой к моим детям?

Он медленно перевёл взгляд на меня. Похоже, в этот момент ему самому захотелось меня задушить. Он, понимаешь, утратил бессмертие и могущество бога, прошу прощения, демона, а я о своих личных, можно сказать, меркантильных проблемах.

— Если ты этого очень хочешь, то отправляйся к Зеркалу Желаний. Только смотри, не уничтожь ненароком всё зло во Вселенной, а то не у дел останешься.

— Не останусь, — усмехнулась я. — Буду разводить сады на пустынных планетах и разводить на них самых красивых животных.

Мне не хотелось к детям, мне не хотелось спасти миры и создавать планеты-заповедники. Мне хотелось искупаться.

— Ты такой хорошенький, когда злишься, — сообщила я.

— Очень жаль, — ледяным тоном ответил он.

— Почему?

Он вздохнул и печально взглянул на меня.

— Я не могу долго на тебя злиться.

В этом замке было не только вино. Кто-то накрыл в одном из двориков стол. Пусть скатерть была грубая и слегка желтоватая, но еда была выше всяких похвал. Впрочем, после нескольких дней невольной голодовки я съела бы и жареного мамонта, как это ни вредно для фигуры. После обеда мне купаться расхотелось, и я отправилась бродить по замку, ничуть не сомневаясь, что он увяжется за мной. Какое ещё занятие может быть у демона, который больше не демон, как ни бродить за прекрасной дамой?

Лишь к вечеру мы вышли из замка через боковую калитку и по крутой тропинке спустились к пляжу. Я и не думала, что он такой длинный и к тому же его украшают такие дивные пальмы.

Где-то звучала гитара, и щёлкали кастаньеты. Странно, чему они радуются? Солнце быстро летело в море алым лепестком, упавшим с огромной розы, и натягивало на небо звёздное синее покрывало. С моря повеял лёгкий бриз, воздух был тёплым и бархатным, наполненным теми самыми ароматами, которые снились мне в далёком сне.

Мы сидели на песке под двумя стройными пальмами и смотрели, как на небе зажигаются звёзды. Он откинулся назад и протянул руку вверх:

— Вон Гончие псы.

— Точно, — кивнула я. — Они гонятся за двумя медведицами Большой и Малой, — я улеглась рядом на песок и начала пальцем обрисовывать контуры созвездий.

— Они ничего не замечают, — подхватил он игру. — Они следят за Цеем и Кассиопеей. Интересно, чем занимается эта парочка?

— Не подглядывай! — я хлопнула его по руке. — Смотри, вон Рысь охотится на Жирафа.

— Рысь на Жирафа? — рассмеялся он. — Скорее, уж Жираф на Рысь.

— Потому что он больше?

— Нет, потому что так смешнее.

Я тоже засмеялась. Он поймал на лету мою руку и прижал к губам. Его губы были нежными, а пальцы так осторожно и ласково перебирали мои. Где-то неподалеку с тихим плеском волны накатывали на пляж. Я перевернулась и, опершись на локоть, посмотрела на него. Почему мне казалось, что он не в моём вкусе? Он был очень красив: высокий гладкий лоб, прямой нос, нежные губы, глаза... Он смотрел на меня, и кончики его ресниц серебрились. И глаза опять смеялись, только глаза.

Он положил мою руку себе на грудь и накрыл ладонью. Я чувствовала стук его сердца.

— Я останусь здесь, — тихо произнёс он. — В этом мире. У меня немного времени, может лет тридцать, от силы сорок. Я могу лечить людей. В сущности, я всегда хотел заниматься только этим. Я доживу свою жизнь до конца, а потом начну сначала. Может, тогда мы встретимся.

— А почему бы тебе не вернуться со мной?

— Чтоб меня перекроили ваши высокомудрые медикиологи? — он приподнялся и сел. — Не хочу. Я итак жил слишком долго. Сейчас мне нужна амнезия. Я хочу забыть всё, — он взглянул на меня. — Кроме тебя. Тогда я буду счастлив. Как Данте с мечтами о своей

Беатриче, как Петрарка с печалью по своей Лауре. Для средневековья это нормально.

— Только грустно.

Он пожал плечами.

— Зато жизненно. Впрочем, изменить что-либо только в твоих силах.

— Ах, ты змей, — усмехнулась я. — Ты опять пытаешься меня соблазнить.

Он улыбнулся, и его белые зубы блеснули жемчугом.

— Почему опять? Я только начал. Мы здесь одни, у нас есть волшебный замок, парусник и целый океан. И я совершенно безопасен для тебя.

— Да уж, прямо такой беленький и пушистенький. Так и хочется взять с собой в кроватку.

— Нет, ты не знаешь, — возразил он, — здесь так не делается. Честные девушки так не поступают. Тут всё делается постепенно, после долгих ухаживаний, букетов, подарков, серенад, ночных свиданий посредством балкона. Случайный взгляд из-под мантильи, лёгкое прикосновение руки, потом краткий и целомудренный поцелуй...

— Можно подумать они жили по пятьсот лет, — фыркнула я. — Тратить время на такие игры.

— Ты меня просто дразнишь? — уточнил он. — Или не понимаешь, что я имею в виду?

Конечно, я всё понимала. Чем ещё можно заполнить жизнь здесь, как не восхитительной, лёгкой и красивой игрой, в которой часы ожидания вознаграждаются минутами мимолётного и тем более сладостного свидания, вдохновенная серенада удаётся лучезарной улыбки, один долгожданный, случайно сорванный поцелуй дороже долгих ночей в супружеской постели?

— Ты романтик.

— Я влюблён, и моё сердце, наконец-то, бьётся в такт любви. Ты побудешь со мной немного? Я не стану удерживать тебя, если ты хочешь уйти.

— Разве можно уйти от таких глаз, — томно вздохнула я и потянулась.

Мир был где-то далеко. Где-то далеко остались мои скитания, мои битвы, мои терзания. «Всё кончилось, — твердило сердце, — успокойся, отдохни. Этого ты хочешь, а вовсе не возвращения на бесконечный круг погони за злодеями, которые не кончаются. Этого ты хочешь, и пока ты хочешь этого, пути назад нет. Хоть раз проживи свою жизнь с кем-то до конца, не бросая и не убегая. Какие-то тридцать, от силы сорок лет...»

Я смотрела на звёзды, и моя душа тихонько пела в такт их едва слышному звону. Да, я снова слышала, как звенят звёзды, как вздыхает море, как шепчет ветер, как плачет гитара. Он склонился ко мне и его взгляд гладил моё лицо.

— Ты остаёшься?

Я опустила ресницы и снова подняла их.

— Выполни мою просьбу, — попросил он немного жалобно. — Назови мое имя...

— Джулиан, — произнесла, как пропела, я.

Он улыбнулся и медленно склонившись, коснулся губами моих губ.

Мне приснился кошмар. Уже под утро, сквозь дремоту я приоткрыла глаза и вдруг увидела в темноте, прожигаемой красными факелами, серого демона с огромными перепончатыми крыльями. Сквозь ломкую пелену, как через стекло, я видела, как он склонился надо мной, и в его зелёных глазах была боль. Я ахнула, вздрогнула и проснулась.

Я снова была в своей комнате, в своей постели под балдахинном. На столике в вазе исходили ароматом несколько роз, которые сорвал, провожая меня до дверей моей комнаты, Джулиан.

Я вылезла из постели и пошла бродить по пустынным залам и галереям дворца. Я рассматривала кружевные сталактиты из белого камня, свисавшие с потолка в одном из залов, потом изучала рисунки на голубых изразцах, устилавших пол, вышла в прекрасный сад и долго сидела на корточках возле прямоугольного прудика, в котором уже начали свою утреннюю игру маленькие золотые рыбки. Я медленно петляла среди тонких высоких колон, поддерживающих резной купол. Всё было странно знакомо вокруг, словно я давным-давно уже жила здесь и видела всё это загадочное и причудливое великолепие. Что-то неуловимое и слегка тревожное скользило у меня в подсознании, как акула под водой, но я не могла понять, что это.

Утро застало меня в дворике возле круглого фонтана, водружённого на спины двенадцати каменным львам. Я сидела на низкой резной скамеечке и слушала плеск воды.

— Почему ты не спишь? — раздался у меня за спиной тихий голос.

Я обернулась. Джулиан вышел во двор и приблизился к фонтану. Он был одет также как вчера, и на губах играла всё та же едва заметная улыбка.

— Мне приснился не слишком приятный сон, и я вышла прогуляться.

— И как? — он присел на корточки напротив.

— Красивый дворец, словно из сказок «Тысячи и одной ночи».

Под зеркальной гладью сознания снова мелькнуло что-то тяжёлое и тёмное. Он сразу почувствовал изменение моего настроения и прищурился.

— Что тебя тревожит? Этот сон?

— Возможно, но это лишь сон. А нас не выдворят из этого райского уголка?

Он покачал головой.

— Старая дама, хозяйка этого дворца живёт внизу у своего сына. Она слишком стара и больна, чтоб жить здесь в одиночестве. Я снял у неё ревматические боли и обещал, что буду лечить её. Она сказала, что дворец в полном моём распоряжении.

— Только за лечение?

Он печально улыбнулся:

— Ты же не представляешь себе, что такое ревматизм.

— Пожалуй ты прав. А почему ты не спишь? Люди, в отличие от демонов, спят по ночам.

— Да, и им, как тебе известно, снятся кошмары.

— Это ночь такая, — предположила я.

— Она кончилась. Как насчёт конной прогулки перед завтраком?

— Отличная идея, — согласилась я.

Дни пошли бесконечной чередой, спокойные, полные прогулок и безделья. Мы часами смотрели на море, бродили по пляжу или по прибрежным садам, ездили верхом, купались в море, сидели в беседках, которых во дворце было множество. Мне ничего не хотелось делать, и я ничего не делала. Я была счастлива и спокойна, и только тот кошмар с серым демоном иногда будил меня среди ночи, да странное беспокойство вдруг бороздило гладь моего беспечального существования, подобно огромному зубастому монстру.

— Наверно, скоро что-то случится, — заметила я однажды вечером, глядя с высоты башни, как солнце садится в море.

— Почему?

Джулиан обнял меня сзади и прижался щекой к моему виску.

— Потому что не может быть постоянно всё хорошо. Так не бывает. Рано или поздно обязательно что-нибудь случается. И чем продолжительнее период тишины и покоя, тем хуже бывает то, что должно произойти.

— Ничего не произойдёт, — возразил он. — Неприятности закончились раз и навсегда. Человеку, много испытавшему, трудно представить это, но так оно и будет.

— И они жили долго и счастливо и умерли в один день, — кивнула я.

— Знаешь, в давние времена такое встречалось очень часто. Люди жили спокойнее, медлительней, обстоятельней. Это уже потом появились скорости, привычка к стрессам, потоки информации, необходимость частой перемены мест и видов деятельности. Люди начали торопиться, им нужно было заполнять свою жизнь делами, событиями, свершениями. Один день без подвига — потерянный день. И некогда даже задуматься, что потом, потому что потом — то же самое. И так без конца. Вам просто некогда было жить. Жизнь мчалась мимо вас во весь опор, и только изредка можно было заметить, сколько уже промчалось мимо, и мчаться дальше. Где уж тут представить жизнь без неприятностей. Ты наверно просто соскучилась по ним.

— Нет, — я повернулась к нему, и он снова обнял меня за плечи. — Но в одном ты прав. Я уже просто не верю в жизнь без неприятностей.

— Привыкай. Здесь ничего не может случиться, — и он поцеловал меня в лоб.

Я не поверила ему, хотя, часто размышляя над его словами, не могла не признать, что, может быть, он и прав. Я ведь бывала в мирах, где вполне возможна долгая и спокойная жизнь. Это, как правило, происходит там, где уклад жизни прост, влияние современных технологий минимально и отсутствуют средства массовой информации, кроме соседских сплетен и королевских гонцов. Наверно, он был прав, потому что неприятностей не было. Они не случались, словно зло было полностью изничтожено на этой планете. А, может, так и было? Я почти поверила в это. Я успокоилась и продолжала наслаждаться жизнью вдали от шума и суеты.

Но со временем что-то менялось. Меня начало удивлять то, что мне не надоедает такая жизнь, что я до сих пор не завела знакомства в городе, что я не скучаю по друзьям и близким. И Джулиан был так неизменно хорош и мил, так романтичен и очарователен, прямо ангел. И наши отношения, которые так и застыли на стадии ухаживаний. Именно это и что-то ещё всё чаще поднималось из глубины моего сознания к его безмятежной сонной глади, готовясь вдруг выскочить на белый свет и распахнуть передо мной зубастую пасть.

И вот однажды утром, проснувшись в своей широкой постели, я откинула покрывало, встала, и босиком подошла к окну. Потягиваясь и улыбаясь наступившему утру, я зевнула, да так и застыла с поднятыми руками и открытым ртом, ошалело глядя вниз, где по золотой полоске пляжа прогуливались белые медведи. Это были самые настоящие умки, два огромных самца и мамаша с тремя медвежатами. Они не торопясь фланировали по песку, как по снегу, не замечая друг друга.

Самое смешное, что сначала меня поразило вовсе не наличие на испанском пляже полярных медведей, а именно то, что самка с медвежатами так бесстрашно бродит поблизости от двух матёрых самцов, которые запросто могли бы убить детенышей. Мне об этом говорил...

Я медленно опустила руки и села на подоконник. Мой взгляд осторожно скользил по морской глади к огромному паруснику, на борту которого было видно название

«Ингерманланд», а перед глазами поблескивал золотой крестик на смуглой груди Джулиана, в ушах звучал облегчённый шёпот: «Слава Богу, ты очнулась...»

Слава Богу... Мне нужно было дождаться белых медведей, чтоб, наконец, понять всю абсурдность происходящего. Ещё немного и можно было бы сачком ловить летающих свиней.

Наконец, до меня дошло, что я сижу, открыв рот, и таращусь на флагманский корабль Петра Великого, затонувший ещё в 1735 году. А под стенами дворца Альгамбры, каким-то образом перемещённого на берег моря из гор Гранады, по пляжу бродят белые медведи. И происходит всё это где-то в Британии в первой половине 12 века.

В том, что это Альгамбра, я уже не сомневалась. Мне было двадцать лет, когда я, прочитав книгу Вашингтона Ирвинга, поехала в Гранаду и осталась там на целый месяц, чтоб просто бродить по сумеречным залам, изысканным дворикам, блистательным садам, часами рассматривая каменную резьбу стен и сводов, любуясь кружевными сталактитами и решётками, и напитываясь томной романтикой мавританской старины. Альгамбра... Мне не нужно было снова выходить из спальни, чтоб понять, что за её порогом меня ждут Львиный дворик, зал Абенсеррахов и башня Камарес. Я знала дворец вдоль и поперёк, и воспроизвести его в памяти было не так уж сложно.

Модель «Ингерманланда» мы строили в школе с одноклассниками, предварительно создав её в виртуальном виде на экране компьютера, а, построив, запустили в пруд и сняли на видеокамеру, после чего обработали запись, добавив волн и огня из всех 64 орудий.

А медведи... Да, медведи были в Альгамбре. Вернее, о них мне рассказывал русоволосый норвежец двадцати пяти лет со странным именем Мортен. У него было скуластое лицо, небольшие, но очень красивые голубые глаза под длинными широкими бровями, и солнечная улыбка. К тому же он был прекрасно сложен. Его молочная кожа моментально обгорала на солнце, и потому он тоже предпочитал бродить в тени дворца. Там мы и встретились, и пару недель бродили вместе. Он больше молчал, что меня вполне устраивало, и лишь когда я спрашивала его о работе, в нём просыпалось красноречие. Он был лейтенантом полярной авиации и старшим эоинспектором какой-то заповедной зоны. В его обязанности входило наблюдать за обитающими там белыми медведями и изредка спасать от них непутёвых туристов, искавших экстрима за полярным кругом. В медведей он был влюблён чистой мальчишеской любовью и мог рассказывать о них часами. Потом его отпуск закончился, и он умчался к своим снегам и возлюбленным медведям. Я с усилием отогнала от себя щемящее воспоминание о том, как он стоял Зале Двух сестёр, сжав в ладонях мои руки и печально и пристально смотрел мне в глаза, словно пытался на века запечатлеть в сердце мой светлый образ. Наверно, я всё-таки потеснила в его сердце медведей, но я была больна космосом и печалью по своему пропавшему в этом самом космосе жениху. Он улетел, и бог с ним.

Я вздохнула и ещё раз осмотрелась. Это всё я выдумала сама, вплоть до золотых кистей на пологе алькова. Я придумала красивую сказку с романтической любовью, и она мне приснилась. Я сплю. Это всё сон.

Я ущипнула себя и почувствовала боль. Не показатель. Я помню, как мне снился утомительный сон про какой-то дальний переход по горам в тесной обуви. И я в этом сне вполне явственно ощущала нестерпимую боль от мозолей. Когда я проснулась, мои ноги были в полном порядке. К тому же я и раньше щипала себя во сне, чувствовала боль и, только просыпаясь, понимала, что это был действительно сон. Такова уж сила моего

воображения. Вот только я никогда и ни при каких обстоятельствах во сне не осознавала, что сплю. Во сне для меня всё всерьёз. А теперь я это знаю. Дело даже не в петровском линкоре и не в этих чёртовых медведях. Даже не в Альгамбре. Дело в кресте на груди демона и в имени Бога на его устах.

Я поднялась с подоконника и побрела к двери. Я понимала, что всё это сон, но я не знала, как проснуться. Всё было слишком реальным, и мир вокруг меня был логически замкнут. Я попала в ловушку собственных мечтаний. Я могу бродить по дворцу, я могу выйти из него, сесть на корабль и уплыть отсюда в дальние страны, даже в Америку без ковбоев, но с вежливыми и мудрыми индейцами, скачущими на бизонах, но я не выберусь из этого сна. Потому что это не просто сон. Это что-то большее... Это чары.

Отлично... Лучше и быть не может. Я вышла из комнаты и побрела по дворцу, мрачно осматриваясь по сторонам и узнавая с юности знакомые мне залы. Кратегус... Конечно, он успел сговориться с Астмосом, и они устроили спектакль. Он был плохо поставлен, и я уже тогда почувствовала во всём этом фальшь. Он заманил меня к зеркалу, а этот чёртов маркиз выпустил в меня импульс, когда я невольно взглянула в Зеркало Желаний. И получила всё это великолепие с укрощённым бывшим демоном у своих ног.

Я вдруг остановилась. А если я мертва, и это навсегда? Но тут же упрямо мотнула головой. Это сон, а мёртвые не видят снов. Сон можно прервать, если он магический, но как? Я снова остановилась. Сон навеян Зеркалом Желаний, и с его помощью я могу проснуться! Опять же, как?

«Разбей зеркало!» — раздражённо ответил мне скрипучий голос из моей памяти. Спасибо, дай бог тебе здоровья, бабуля! Я решительно направилась в зал Двух сестёр, где в сторонке скромно стояло Зеркало Желаний.

Оно было на месте, но возле него стоял Джулиан, вернее, его идеальный, а потому довольно схематичный двойник. Я подошла к зеркалу и деловито осмотрелась в поисках чего-нибудь тяжёлого.

— Ты действительно этого хочешь? — поинтересовался он. — Ведь это всё — твоя мечта, самая сокровенная. Ты хочешь покоя и любви, хочешь спокойной жизни с обычным мужчиной. И если ты сделаешь это, — он указал на Зеркало, — ты потеряешь этот мир навсегда.

— Знаешь, — мрачно проговорила я, — вот смотрю я на тебя и думаю: сбылась мечта идиотки. Всё хорошо в меру — это я о спокойствии. А о любви в данном случае говорить не приходится, это и вовсе профанация.

Он молча кивнул и задумчиво посмотрел на Зеркало.

— Как хочешь, тебе виднее, где твоё место.

— Чем его можно разбить? — перебила я.

Он усмехнулся и протянул мне Налорант.

— Есть только один по-настоящему безотказный метод.

Я взяла меч. Он отошёл и встал в сторонке, скрестив руки на груди. Я взглянула на него и подумала, что мне свойственно снова и снова наступать на одни и те же грабли, а потом размахнулась и ударила эфесом в самый центр зеркала.

Меня осыпали осколки. С ног до головы, потому что я лежала на спине на чём-то жёстком. Было темно, и только справа горели два красных факела. Я приготовилась к

ужасным усилиям, чтобы сесть после длительного лежания и вдруг легко села. Кои это веки мои мышцы не затекли после долгого пребывания в одной позе. Я осмотрелась. Тесная комнатка с каменными стенами, посреди которой на козлах стоит ящик со стеклянными стенками. И в ящике — я. Крышку я каким-то образом разбила, и её осколки осыпали мой бархатный наряд. Честное слово, он был бархатный с золотой отделкой, а в руки мне кто-то заботливо вложил Налорант, как средневековым рыцарям при захоронении вкладывали в руки меч.

Страхивая осколки, я заметила, что они мерцают как алмазы. Взяв один в руку, я убедилась, что он совсем не острый, очень тёплый и приятный на ощупь. Конечно, это ведь святыня, которую Астмос спёр в какой-то базилике. А этот мир во много раз увеличивает силу всех чудесных вещей. Наверно, именно благодаря этому ящику я чувствовала себя так хорошо.

Я осторожно вылезла, стараясь не поломать стенки ящика. Костюм на мне был средневековый, но довольно удобный, особенно если учесть, что являлся нарядом, скорее, мужским, чем женским. Видимо, мой безнадёжный воздыхатель счёл необходимым уложить меня на вечный покой в одеянии, достойном настоящего воина, коим я, безусловно, являлась при жизни. Я фыркнула, подтянула ботфорты, поправила пояс и обнаружила на поясе большой кошелёк. Высыпав из него на пол золотые монеты, я собрала из ящика горсть осколков крышки и насыпала их в кошелёк.

Мои ночные кошмары с серым демоном, вероятно, были лишь краткими мгновениями, когда реальность проникала в мой затуманенный мозг. Кратегус, заперев меня в хрустальном гробу подобно Белоснежке, наверняка наведывался погрузить надо мной и полюбоваться моей нетленной красотой. К счастью, он не заметил, что тем временем мой организм благополучно регенерировал повреждённые выстрелом Астмоса ткани, видимо, не без помощи артефакта из ограбленной базилики.

Я очень надеялась, что он входил сюда через дверь, которую можно открыть изнутри. Хотя, что за проблема, я вскрою своим мечом любую дверь! Вот такое у меня было боевое настроение.

Дверь обнаружилась как раз между факелами и открылась она без особых усилий, хотя и со страшным скрипом. Прямо за дверями находилась крутая каменная лестница, которая вела куда-то наверх, в темноту. Прихватив один из факелов, я решительно начала подниматься по ступеням. Подъём занял примерно минут пять, после чего я вышла в низкий зал, освещенный десятком факелов, в котором прямо в полу располагалось несколько круглых колодцев, окружённых каменными бортиками, с воткнутыми остриями вверх короткими пиками. Я не стала заглядывать в колодцы, человеческих костей в этом мире было чересчур много для моего чувствительного рассудка. Я сразу же направилась к низкому сводчатому выходу из темницы. Потом я шла по каким-то коридорам, галереям, залам. Везде царил запустение, к тому же я не встретила ни одной живой души. Или духа.

Наконец, я вышла в небольшой дворик, над которым висела грозовая пелена, а на её фоне темнела уже знакомая мне башня, похожая на высокий барабан. Откуда-то доносилась до боли знакомая какофония, сопровождавшая пир адского маркиза. Свернув в коридор, который мог вести в сторону башни, я оказалась во дворе с пересохшим бассейном, оттуда двинулась на звуки, издаваемые пирующей нечистью.

Миновав двор с каменным семейством горгулий, я вошла в тот самый зал, где стояло Зеркало Желаний. Оно и на этот раз было там, за спиной у красного, полыхающего огнём

демона, похожего на минотавра. Он сидел на возвышении во главе длинного стола, за которым веселилась уже знакомая мне компания, включая и унылого серого демона с крыльями летучей мыши.

Зал был ярко освещён красными факелами, потому мой скромный факел никто не должен был заметить. Уж не знаю почему, но меня заметили сразу все. Наверно, я, и правда, светилась в темноте. Иного объяснения этому феномену я не нахожу.

Всё смолкло в один момент и десятка три лиц, морд, рож и рыл обратились в мою сторону.

— Извините, я без приглашения, — дружелюбно улыбнулась я. — Я не собираюсь убивать вас всех, на самом деле я вовсе не так кровожадна. Меня интересует только один из вас. Для начала...

Я шагнула вперёд и взмахнула факелом. Несколько бесов разом отскочили, опасно повизгивая.

— Она хочет тебя убить, граф Кратегус, — пророкотал Астмос.

— Точно, — подтвердила я и приблизилась ещё на пару шагов, отчего ещё несколько чудовищ поспешили скрыться под столом. — А ты, маркиз Астмос, будешь следующим.

Астмос захохотал, отчего на стол посыпались куски потолочных плит. Кратегус сидел рядом с ним с противоположной от входа стороны стола и, набычившись, мрачно смотрел на меня. Его глаза поблескивали рубиновым светом. Насколько я успела изучить его повадки, он начинал злиться.

— Ну же, Кратегус, — пророкотал Астмос, — Это наглое пернатое создание смеет бросать вызов тебе, графу Преисподней, губителю смертных и истребителю Небесных духов. Посмотри на неё, это не какой-нибудь там серафим, это обычный, рядовой ангел...

— С мечом, обогранным кровью многих демонов, — улыбнулась я. — Жалкое чучело, нетопырь-переросток, неужели ты боишься скрестить со мной мечи? Впрочем, я знаю, ты боишься. В прошлый раз ты так испугался, что даже пошёл на обман. Это победа, равная поражению, Кратегус. Ты проиграл в тот раз, проиграешь и сейчас.

— Так это твоя мишень? — изумился Астмос. — Это она, да? — он нагнулся к Кратегусу. — Она обманула и использовала тебя в своих целях, она наслала на тебя чары, и ты решил, что сможешь завладеть её душой, но, смотри на неё, вот её истинный образ. Ни тени сострадания, ни тени понимания... Она пришла, чтоб убить тебя, как убивала других. Просто раньше ты был ей не по зубам, а теперь она надломила тебя и сможет перерубить соломинкой. Убей же её, пока она не уничтожила тебя!

— Убей меня! — кивнула я. — Видишь, как просит тебя твой друг Астмос. Ведь если я убью тебя, ему придется сражаться со мной, а ему так не хочется. Верно, маркиз?

— Видишь, она опять начала опутывать тебя своей ложью, ещё немного и она убедит тебя, что ты нужен ей. А когда ты приблизишься и склонишь голову, она отсечёт её...

— Как он прав, — кивнула я, — мне давно уже нужно было выбрать такую тактику.

— Она просто боится того, кто придёт к ней следом за тобой, — проговорил Астмос. — И это единственное что заставило её приручить тебя...

Дикий рев Кратегуса прогремел под сводами, он вскочил и отшвырнул в сторону стол. Свита Астмоса моментом рассредоточилась по щелям, освобождая место для боя. Кратегус вырвал из воздуха полыхающие пламенем огромные ножны и выдернул из них соответствующих размеров меч. Оттолкнув Астмоса, он понёсся на меня.

В его руках была не лабелла, и это меня немного порадовало. Я отшвырнула в сторону

факел и выпустила лучевой клинок. Отбив первый удар, я переместилась в сторону и, пропустив демона мимо себя, попыталась ударить его в бок. Он ловко увернулся и, сменив позицию, напал снова. Я отбила несколько ударов и, резко отступив, на мгновение оторвалась от него, что позволило мне переместиться в центр зала, где было просторнее.

На этот раз он что-то не блистал хорошим фехтованием, а, может, был слишком рассержен. Какое-то время мы обменивались ударами, которые благополучно парировали, скакали по всему залу, из углов которого посверкивали любопытные красные глазки зрителей. Даже Астмос покинул свой насест и спустился в зал, добавив мне заботы приглядывать, чтоб он ненароком не оказался у меня за спиной.

Кратегус шипел, рычал и от возбуждения распускал перепончатые крылья. Его лохматые волчьи лапы танцевали по плитам замысловатый танец, череп отражал красные огни факелов, как шлем мотоциклиста, а глаза злобно сверкали изумрудным светом. В общем, всё это начинало затягиваться, поэтому мне пришлось резко пойти на обострение.

Я клинком отбила в сторону его меч и с разворота ударила его ногой в грудь. В первый момент мне подумалось, что нужно было сперва потренироваться на египетских пирамидах, но он вдруг отлетел к колонне, не удержался на ногах и рухнул на пол. Подскочив к нему, я с перекошенной от ярости физиономией размахнулась мечом и ударила. Зал огласился победным воем адского маркиза. Я усмехнулась.

Мой королевский блеф опять сработал. Клинок меча застыл в сантиметре от серой шеи демона. Он, оскалившись, смотрел на меня.

— Что ты делаешь? — раздражённо рявкнула я.

И демон тут же обрёл человеческий вид, правда, был он обросший, лохматый и в ржавых доспехах. На лице был всё тот же злобный оскал, но взгляд его вдруг метнулся в сторону маркиза, и он, нырнув под мой меч, ловко перекатился и исчез. Я резко обернулась к маркизу, на всякий случай, выставив вперед Налорант. А Кратегус образовался у него за спиной и мощным ударом ноги толкнул его в мою сторону. Астмос, растопырив руки, всей своей огненной тушей полетел на меня, подобно локомотиву. Я с перепугу дёрнула выключатель, увеличивая длину клинка, и Астмос наткнулся на него. Извините, дяденька, я не хотела... Астмосу было не до моих извинений. Его жуткие глаза выкатились из орбит, и он издал такой рёв, что я упала на колени, но меча не выпустила. Из его раны вырвался целый столб огня, потом он вспыхнул весь. Стены опять задрожали. И он исчез. Ни искр, ни пепла, ничего... И тишина. Красные глазки его подданных тоже померкли. Наверно, они кинулись собирать вещи и что плохо лежит.

Кратегус медленно подошёл и хмуро взглянул на меня.

— Почему ты меня не убила?

— Потому что я с тобой ещё не закончила, — проворчала я, поднимаясь, — но это потом. Где остальные?

— Там, — он ткнул пальцем в Зеркало Желаний в углу.

— Достань их.

Он ухмыльнулся, продемонстрировав голливудскую улыбку, не подозревая, как он ею в этот момент рискует.

— Не могу. Это не портал. Это старое зеркало, которое поглощает и выворачивает наизнанку души. Твоих друзей больше нет. Они достались Врагу, и он не отдаст свою добычу.

— Да?

— Да.

— Нет! — и я с размаху запустила мечом в зеркало.

Если получилось во сне, то, может, получится и наяву? Клинок погас, а эфес, вращаясь в воздухе, пролетел по дуге и врезался в самый центр стекла.

— Что ты наделала? — в ужасе закричал Кратегус и оттолкнул меня в сторону, закрыв собой.

Осколки выплеснулись из рамы и осыпались на пол, а из образовавшегося чёрного прямоугольника начали вылетать какие-то жуткие твари. Они носились по залу, но, попадая в пламя факелов, взвизгивали и лопались, как мыльные пузыри.

Кратегус хрипло вздохнул и как-то обмяк.

— Они слишком долго были по ту сторону. К счастью, они не опасны.

Но тут раздался женский визг, и он снова сгруппировался, готовясь к атаке.

Из рамы выскочила чёрная девица в изорванной юбке и ситцевой кофте, с вырезом, обнажавшим плечи. Её тёмное лицо было перекошено от злобы, короткие чёрные кудри извивались как змеи, а в руке блестел странный изогнутый меч. Она выкрикивала что-то на жуткой смеси испанского, португальского и латинского языков, обращаясь к кому-то, ещё не появившемуся из темноты.

Следом за ней вывалился какой-то седой лысоватый старик в белой одежде, с длинной бородой и кривым посохом в руке. Он кричал на неё на не совсем понятном греческом, с явными вкраплениями валлийского и ирландского языков.

Я остолбенела, с трудом переваривая то, что видела, а видела я Лию, размахивающую ножом, отчего на белой одежде старика появлялись рваные полосы, быстро краснеющие от крови, и Ларса Джексона, который хрипел и пускал в неё с пальцев огненные стрелы, которые ударились о её голые плечи и шею, оставляя чёрные ожоги.

— Друид и жрица Вуду! — рассмеялся Кратегус. — Никаких родственных чувств!

В следующий момент я развернулась и залепила ему пощечину.

— Ладно, ладно, — вскинул руки он, отскочив от меня. — Только не дерись. Эй, вы двое! Звёздный щит!

Лия вздрогнула и дико покосилась на него, опустив нож. Ларс уставился на демона, лихорадочно пытаясь что-то вспомнить.

— Лия, Ларс, — обаятельно улыбнулся демон. — Вспоминаем: «Звёздный щит», Лора, заговор, путешествие за город, дубрава, Веледа, замок, зеркало. Кости! Вы бросили кости, чтоб что-то изменить, верно?

— Дьявол! — заорала Лия и кинулась на него с кинжалом.

Следом, размахивая посохом, кинулся Ларс. Кратегус снова отскочил в сторону и оказался у меня за спиной, прячась от разгневанной парочки. Лия увидела меня, порывисто вздохнула и опустила нож. Ларс мрачно поглядывал на демона из-под косматых седых бровей.

— Не стыдно прятаться за спину женщины? — поинтересовалась я.

— За спину ангела, — уточнил он, и всё-таки осторожно вышел, держа руки наготове: — Я никому не хочу причинять зла, ладно? Не провоцируйте меня, и обещаю воздержаться от своих штучек.

— Ты склонен искать компромиссы? — приятно удивилась я. — Остыньте, ребята.

— Ладно, — проворчал Ларс и ткнул в демона узловатым тёмным пальцем: — Но я с тобой не закончил, нечисть.

— Я учту, — пообещал тот.

Я какое-то время разглядывала Джексон в их новом облики, размышляя, к чему это всё может привести. Потом посмотрела на Кратегуса. Нечёсаная каштановая грива и небритая физиономия, ни следа от нежного мальчика, которого я видела во сне.

— Сними, по крайней мере, эти консервы! — рявкнула я.

— Не буду, — буркнул он, — они заговорённые и защищают от стрел и мечей.

— Параноик... Ладно, где Эльвер?

Он отвернулся. Я подняла руку и позвала свой меч. Он вылетел из пустой рамы и лёг мне в ладонь.

— Если ты не хочешь, чтоб я тебя приложила эфесом по загривку, говори, где масунт! — прорычала я.

Он мрачно исподлобья взглянул на меня.

— Астмос был прав, я тебе нужен живым лишь для того, чтоб остановить проклятие. Ладно, идём. И можешь меня после этого убить.

Терзаемые плохими предчувствиями мы двинулись за ним. Я слышала, как переругиваются позади меня Джексон с Лией. Кратегус прошёл через двор с горгульями, потом миновал ещё один с пересохшим бассейном и, пройдя по галерее, начал подниматься по лестнице.

— Ждите, — проворчал он у дверей пиршественной залы и пинком распахнул дверь.

Ворвавшись туда он ловко выпустил в разные углы несколько огненных шаров, вслед за чем раздались тоненькие крики. Я вбежала в зал и увидела догорающие трупки злобных малюток. Их «Поларусы» соблазнительно поблескивали рядом в целостности и сохранности. На стенах опять горели эти жуткие факелы. От их красного света уже болели глаза.

— Эльвер! — закричала Лия и бросилась в угол зала, едва не сбив меня с ног.

Там у стены лежал огромный серебристо-голубой лев. Драгоценные диадема, ожерелье и браслеты были сорваны с него, он был худой, на морде и на боках темнели раны. Я подбежала к нему и присела рядом с Лией. Эльвер тяжело поднял огромную голову и измученно посмотрел на нас, а потом на Кратегуса. В его взгляде, как мне показалось, были осуждение и печаль.

Лия тем временем трясла железный ошейник с шипами внутрь, который был цепью прикован к стене. Масунт слабо зарычал, и это рычание перешло в жалобный визг.

— Ему больно, шипы впились в шею, — проговорила я, останавливая Лию. — Надо снять ошейник.

— Он цельный и наверняка заколдован, — ответила она.

— Эльвер, превращайся, — прошамкал Джексон. — Тогда ошейник снимется без труда.

— Ничего не выйдет, — возразил демон. — Он заколдован. Пока он в ошейнике, он — зверь. И пока он зверь, ошейник никаким образом не снять.

— Расколдуй его! — потребовала я.

— Не могу. Я не колдун. Астмос наложил на него заклятье, которое невозможно снять. Пока не сбудется условие, заклятие не падёт. Очень просто и действенно. Загадываешь какую-нибудь глупость, и пока она не сбудется, ни один маг, чародей и даже бог не может разрушить твои чары. Даже ты сам.

— Я знаю, что такое заклятие, — перебила я. — Что за заклятие он наложил?

— Пока небо не упадет на землю, зверь останется зверем.

— Понятно.

Я осмотрелась, и взгляд мой упал на мозаичный цветок на полу. Рядом был другой, третий... Под слоем грязи всё также пестрел разнотравьем выложенный из смальты луг. Я взглянула наверх и увидела синее небо, облака и античных богов. Всё это покрылось слоем копоти, но всё равно это было небо.

Решительно подойдя к одному из спригганов возле пустого трона, я взяла лежащий рядом луче́т и, сдвинув выключатель, выпустила в потолок очередь. Прерывистые лучи легли по кругу и кусок потолка с фрагментом облака рухнул на пол.

— Этого хватит?

Кратегус обернулся и взглянул на масунта. Эльвер тяжело поднялся, потом встал на задние лапы и начал превращение.

— Хватит, — удовлетворенно кивнул он.

Подойдя к бледному, исхудавшему Эльверу, он взялся за охватывающий его шею колючий ошейник и легко разорвал его. Эльвер укоризненно смотрел на него.

— Зачем ты?.. Ведь я тебе верил.

— Долгая история, — пробормотал демон и провёл ладонью по его израненной шее. Из ладони снова заструился белый свет и раны затянулись.

Кратегус поморщился от боли и посмотрел на свои руки.

— Почему Он не забрал дар МакЛарена?

— Спроси у него сам, — посоветовала я и направилась к выходу.

Когда я вышла из башни, небо над крепостью начало светлеть. Серая мгла рассеивалась, и над ней проглядывало голубое небо. Эльвер вышел, опираясь на плечо Лии. Следом показался Джексон со своим посохом. Кратегус появился последним.

— Странный замок, — проговорила я, оглянувшись на башню. Он действительно чем-то был похож на Альгамбру, может, потому мой сон и казался таким реальным. — Что дальше?

— Убьём демона и пойдем искать путь в Новую Луизиану, — предложил Джексон, шевеля косматыми седыми бровями.

Кратегус молча посмотрел на него сверху вниз и промолчал.

— Имеет смысл, — дёрнула плечиком Лия. — Он завёл нас сюда и предал. Ему нельзя доверять. Эльвер, поддержи нас, и большинством голосов...

— Я не объявляла голосование, — перебила я. — Вы не сможете его убить, а он вас — запросто.

— Но ты можешь.

— На сегодня с меня хватит. Что скажешь? — я обернулась к демону. — Сколько мы тут проторчали? Месяц? Год? Мы потеряли время, вещи, коней...

— Время понятие относительное, особенно при путешествиях между мирами. Я думал, ты это уже поняла. А что касается ваших коней и вещей, то с ними ничего не случилось. Я велел своей лошадке позаботиться о них.

— Он отвёл их в конюшню, задавал овса и чистил? — скривилась Лия.

— И отгонял от них любителей конины.

Кратегус лихо свистнул, и вскоре откуда-то из-за башни послышалось ржание, а потом оттуда появился его чёрный скакун, за которым гарцевали наши кони, рыжие, лоснящиеся и мускулистые. Похоже, это замечательное демоническое животное к тому же тренировало их, а также само седлало и приторачивало к седлам сумки.

Лия тут же полезла в свою сумку и достала оттуда футляр с пищевым концентратом и аптечку, которую сунула Эльверу. Подкрепившись пилюлями, мы, наконец, сели в сёдла, а

Эльвер превратился во льва, снова огромного и мощного. Его украшения из голубого золота были на месте.

Кратегус поскакал мимо пустого собора к выходу из крепости. Нам никто не преградил путь, и мы спокойно выехали за крепостные стены. На подъёмном мосту я невольно обернулась.

— Хочешь превратиться в соляной столб? — тут же поинтересовался демон.

— Нет. Как думаешь, что означает этот рельеф? — я указала на каменные ключ и руку.

— Понятия не имею.

— В Альгамбре есть такой же, — я развернула коня и поехала вслед обогнавшим нас Джексонам. Они торопились покинуть это ужасное место. — Там существует легенда, что именно этот рельеф является залогом уникальной долговечности крепости, но когда рука дотянется до ключа, дворец рухнет.

— Хорошая легенда, — усмехнулся Кратегус.

И в следующий момент я услышала позади странный треск и, резко обернувшись, увидела, как натужено скрипя, каменная рука всё ближе подбирается к ключу.

— Что ты сделал! — воскликнула я и пришпорила коня.

Он расхохотался с довольным видом. Я мчалась вниз как на крыльях, но грохот позади раздался подозрительно близко. Обернувшись на скаку, я увидела, как оседают вниз, в облака пыли и дыма красная барабанная башня, крыша готического собора, а потом и четырёхугольная башня с воротами. Потом обрушились острые сторожевые башни, а следом и крепостные стены. Дворец оседал так, словно он был построен из песка. Осыпалась скала, на которой он стоял, и дорога, по которой мы скакали.

Я торопила коня и прижималась к шее животного. Рядом звеня ржавыми латами, летел на своём монстре демон. Дорога за нами рушилась быстрее, чем мы скакали, и всё же мы успели. Последние плиты ускользнули из-под копыт моего рыжика и ушли в каменистую почву ущелья, как вода.

Кратегус, видимо понимая, что может схлопотать по шее, проскакал дальше и остановился в отдалении. Я замедлила коня, похлопывая его по вздрагивающей от возбуждения шее, а потом обернулась. Дворца не было. Ни дворца, ни скалы, ни дороги, ни руин, ни кучи мусора. Длинное узкое ущелье, довольно красивый горный пейзаж. А над ним — чистое голубое небо, в котором с клёкотом кружила пара орлов.

65

Выехав из ущелья, мы двинулись по горной тропе в обратный путь. Торопиться было некуда. Над головой голубело чистое небо, в котором всё также парили два орла. Они затеяли причудливый танец, кружа друг вокруг друга и смыкая крылья, словно собирались обняться. Я уже видела такое. Брачный сезон у этих орлов весной. Меж камнями пробивалась свежая зелёная трава. Какие-то грызуны бегали по склону горы с чрезвычайно озабоченным видом. Уже весна... Воздух был прохладным и чистым, как родниковая вода, и как-то не хотелось верить, что в этом мире живёт Зло.

Видимо почувствовав моё благодушное настроение, Кратегус осмелился приблизиться и пристроиться рядом. Я покосилась на него. Он был бледен, вокруг глаз — болезненные тени, к тому же небрит и встрёпан, на висках — седина. Заметив мой взгляд, он произнёс:

— Если хочешь, можешь двинуть меня по уху.

— И всё? Ты думаешь это достаточное наказание за предательство?

Он пожал плечами.

— Чего ты хочешь? Это всё было предсказуемо. Я ещё в хижине Веледы понял смысл её предсказания. Передо мной будет поставлен выбор: или вы, или они; или МакЛарен, или Кратегус. Я должен был выбрать любой путь, но держаться его до конца. Или убить вас или сразиться с Астмосом. И мне с самого начала было ясно, что я не готов сделать этот выбор окончательно, а потом нашёл компромисс, как мне показалось, спасительный. Отправил колдуна с ведьмой в зазеркалье, сохранил зверю жизнь и усыпил тебя с помощью зеркала. У меня оставалось спасительное ощущение, что я в любой момент могу тебя разбудить, хотя знал, что никогда не наберусь для этого смелости. Я смотрел на тебя и думал, что тебе снятся счастливые сны.

— Почти угадал, — проворчала я.

— Я скоро заметил, что ожоги на твоём лице и руках пропали, и с каждым днём ты выглядела всё краше, — продолжал он. — И я понял, что рано или поздно ты сама проснёшься и убьёшь меня. Я ничего не говорил Астмосу, но знал, что жить мне осталось немного. Почему ты меня не убила?

— Я начала привыкать к тебе. Со следующим демоном-убийцей у меня было бы слишком много проблем.

Он печально кивнул. Так я ему и скажу, что во сне влюбилась в него.

— Но ты убил Астмоса, — я вернула его к теме. — Это значит, что ты сделал выбор?

— Нет, это ничего не значит. Ты не убила меня. А Астмос бы тебя точно убил. Он был хитер, как лис. Я снова метнулся в сторону. То есть мои метания продолжаются. Я единственный, кто ничего не получил от этой экспедиции, кроме очередного разочарования.

— Мне помнится, ты говорил, что станешь дьяволом в полном смысле этого слова. А я стану ангелом. Этого не произошло.

— Зато наши приятели дошли до кондиции. Слышишь, опять ругаются.

Лия и Джексон действительно были увлечены перебранкой на почве магии и не замечали ничего вокруг.

— В любом случае, мы убедились, что Велета умеет предсказывать будущее, — я решила закрыть эту тему и перешла к другой: — Что ты выяснил?

— Ничего, — он заметил мой недоверчивый взгляд. — Правда, ничего. Астмос мне не доверял, зная, что я поддался чарам, а, может, чувствовал, что во мне есть часть человеческой души.

— И ты не попытался выяснить это другим путём?

— Зачем? Какая мне разница, где находиться: в этом измерении, в сотнях других... У меня нет дома, мне некуда стремиться, — он посмотрел в небо. — Я тосковал, а тоска демона не менее всепоглощающая, чем тоска человека, если не более.

Взглянув на него, трудно было усомниться в том, что он говорит правду.

— И в результате, мы по-прежнему ничего не знаем. Кто стоял за заговором, кому это было нужно и зачем, а так же с помощью чего это было сделано?

— Я получил заказ через Гласиалаболаса, — задумчиво проговорил он.

— Кто это?

— Демон, из наших. Это ничего не значит. Организовывать убийства — его работа, он занимается и наёмными убийцами, будь то люди или демоны. Просто агент. Может, он замешан в этом, но, скорее всего, нашёлся заказчик. В любом случае без нашей братии здесь не обошлось, но кто они здесь: наёмники или союзники, сказать трудно. Потому, действительно, кто стоял за заговором и каковы их цели, мы не знаем. А вот с помощью

чего... Мне кажется, что Астмос был вполне искренен, когда сказал про артефакт.

— Если б он ещё сказал что это.

— Вероятно, он не знал. Но это подтверждает, что артефакт имеет место быть. И, скорее всего, это то самое кольцо, которое спёрли у нас из-под носа из склепа.

— Думаешь? — я задумчиво взглянула на него.

— Нам нужно возвращаться на Новую Луизиану. Все ответы и все возможности мы найдём там. Именно там сосредоточен главный интерес нашего противника. И там то, что позволит с ним справиться.

Я неопределённо хмыкнула. Он недоумённо взглянул на меня.

— Нет, нет, продолжай. — кивнула я.

— В чём дело? — нахмурился он.

— Ни в чём. Интересно тебя слушать. Ты сам-то себя слышишь? Ты только что сказал: наш противник. Давно ли заявлял, что постараться мне помешать, а теперь размышляешь, как с ним справиться. И чему мне верить? Особенно после твоего фортеля в замке Астмоса?

— Я уже не думаю, что за заговором стоит Князь Тьмы.

— А если он?

— Тогда... — он замолчал, что-то высматривая вдали. С таким видом смущённая кошка вдруг начинает усиленно вылизывать лапу. Я терпеливо ждала ответа. Он вздохнул. — Мне кажется, я уже готов сделать выбор.

— Я тебе не верю, — категорично мотнула головой я. — Но в одном ты прав. Нам пора возвращаться. Вопрос только, как.

— Есть один путь, но я не знаю, как его найти.

— Ты говоришь о своей башне?

— Угадала, — бледно улыбнулся он.

— Я вообще очень сообразительна, — кивнула я, и в моём голосе помимо моей воли прозвучала угроза.

Пришпорив коня, я поскакала вперёд. На сей раз он не стал меня догонять.

Привал мы устроили примерно в полдень. Солнце стояло в зените. Проглотив свою пилюлю и запив её водой, я улеглась на траву и стала смотреть в небо, изредка бросая взгляды на Кратегуса, который отошёл подальше и присел на обломок скалы в позе озабоченного демона. Мрачный и какой-то потерянный. В сущности, если задуматься, последнее время, как он ни метался, как ни сопротивлялся, как ни рычал, он в конечном итоге всё равно делал выбор в нашу пользу. Но можно ли ему доверять? Может, он опять хитрит. Ведь его любимое развлечение — обманывать несчастных одиноких женщин. Вроде меня...

Я вздохнула и снова воззрилась в небо. Солнце уже немного отклонилось в сторону. Травинки щекотали шею и руки. Как хорошо... Если признаться честно, то я склонна была поверить ему. Но я до сих пор не могла простить ему горького разочарования, когда мои мечты оказались лишь сном. И своей обиды... Меня угораздило влюбиться и в кого... Я закрыла глаза. Солнечные лучи согревали и пронизывали мои веки. Мне вдруг показалось, что я открою глаза и увижу юное встревоженное лицо. Я поспешно открыла глаза и села. То-то и оно. Я обиделась на него из-за собственных фантазий. Было бы ещё обиднее, если б он о них узнал.

Я обернулась. Друид по фамилии Джексон стоял на камне и что-то бормотал, протянув руку к солнцу. Лия сидела по-турецки на траве и перебирала какие-то камушки, наверно,

искала подходящие для её колдовства. Эльвера я заметила не сразу, а увидев, позавидовала. Он радостно катался по свежей траве, задрав к небу все четыре огромные лапы. Глаза закрыты, на морде — умильная улыбка. Может, он наелся кошачьей мяты? Всё равно, счастливчик.

Я нехотя встала и подошла к Кратегусу. Он поднял голову, и устало взглянул на меня. Ничего демонического в нём не было. Это был мальчик из моего сна, постаревший на двадцать лет, измученный и больной.

— Где твоя башня? — спросила я. Он молча покачал головой. — Ты демон или я? Слетай на разведку.

Усталый взгляд стал ещё к тому же и злым.

— Может, сама слетаешь? У ангелов тоже крылья есть.

Я задумалась. Когда-то, говорят, у меня были большие белые крылья. Мне до сих пор снятся полеты и воздушные бои на мечях с парнями, чем-то смахивающими на... Я вздохнула.

— Нет у меня никаких крыльев.

Он тяжело поднялся, какое-то время смотрел на меня сверху вниз, а потом вдруг вырос ещё больше, попутно превращаясь в серого демона. Демон молча взмахнул крыльями и взлетел в безоблачное небо. Я проводила его взглядом.

— Куда это он? — поинтересовалась Лия, подходя ко мне.

— Полетел на разведку.

— А если он приведёт своих приятелей, чтоб расправиться с нами?

— Для этого ему не нужны никакие приятели.

Она пожала плечами и, подоткнув широкую юбку, пошла собирать камешки.

Демон вернулся, когда уже вечерело. Джексон по своей дурной привычке попытался обстрелять его молниями, но получил слабый разряд в лоб и сверзлся со своего пьедестала. Похоже, магические силы возросли у него в той же пропорции, что уменьшились умственные.

Кратегус принял человеческое обличие и подошёл ко мне. Я сидела на траве рядом с Эльвером, которому Лия заплетала гриву в косички. Он поднял огромную красивую голову и задумчиво посмотрел на демона. Тот опустился на одно колено и потрепал его за ухом. Самое удивительное, что масунт зажмурился и наклонил голову, подвигая ухо ближе к нему. Из-за камня, кряхтя и постанывая, вышел Джексон.

— Я нашел её, — сообщил Кратегус. Выглядел он лучше, бледность и тени вокруг глаз явно пошли на убыль. Седина исчезла. Должно быть, прогулка неплохо его развлекла. — Два дня пути отсюда на юго-восток.

— Ты заходил в неё?

Он покачал головой.

— Не стал, я её итак узнал.

— А если там нет выхода в тот мир?

— Если его нет, то я его сделаю. Это не проблема. Проблема в другом. У меня появились соседи.

Я настороженно взглянула на него.

— Собачий сын, — проворчал подошедший Джексон. — Ты меня чуть не убил.

— Что за соседи? — не выдержала я.

— Несколько отрядов всадников. Грязные, лохматые, в клетчатых накидках,

примитивных доспехах, с оленьими рогами и лошадиными хвостами на шлемах. У сёдел привязаны головы врагов. В общем, забавные ребята.

— Они тебя не испугались?

— Нет. Попытались обстрелять из луков. Вязываться в перестрелку я не стал.

— Почему?

— Настроение не то, — он уселся рядом и обнял масунта за шею.

Джексон попытался ткнуть его посохом, но попал Эльверу в бок. Тот дёрнул лапой и зарычал.

— Оставь зверя в покое, живодёр, — прикрикнул на старика Кратегус.

Я посмотрела на Джексона.

— Слышали? Что будем делать?

— Пойдём, — с неожиданной решимостью заявил он. — С всадниками я справлюсь, — и развернувшись, направился к своему коню.

Кратегус какое-то время смотрел ему вслед.

— Ну, если он справится... — и тоже поднялся.

— Ты не мог бы привести себя в порядок? — поинтересовалась я, поскольку уже в который раз подавляла в себе желание помыть его, побрить и причесать.

— Я в порядке, — невозмутимо взглянув мне в глаза, сообщил он и пошёл искать своего коня.

Мне начинало не доставать его снобизма.

66

На сей раз путешествие не доставляло мне никаких неприятных ощущений, наоборот, скакать по зелёным холмам под синим вечеряющим небом было одно удовольствие. Я смотрела по сторонам и вдыхала полной грудью чистый прохладный воздух. Думать ни о чём не хотелось, и я ни о чём не думала, просто наслаждалась ощущением полёта, которое возникало оттого, что мой конь бежал легко и свободно. Весна, мягкая почва под копытами и обилие травы, похоже, и коням прибавили хорошего настроения. Они без усталости неслись за своим чёрным вожаком, в седле которого сидел демон в ржавых доспехах.

Кратегус больше не приставал с разговорами, а был занят своими мыслями. Полагаю, они были не слишком весёлые. Когда уже совсем стемнело, и следовать за ним можно было только на звук копыт, он, наконец, остановился.

— Привал! — крикнул он. — Жилья нет, но ночь обещает быть тёплой.

Он легко поймал за повод моего коня, едва сбавившего скорость. Я спешила. Отпустив коней на попечение демонического скакуна, мы выбрали небольшую лощину меж двух холмов и разожгли костер. Пилюли мне уже начали надоедать, но охотиться на кроликов или перепелок мне не позволяло воспитание. Проглотив свой ужин, я улеглась на траву и стала смотреть в небо, прислушиваясь к разговору Лии и Джексона. Они сидели по другую сторону костра и обсуждали свойства растений, росших вокруг. Только я подумала, что наконец-то они нашли хоть что-то общее, как между ними разгорелся спор о свойствах какой-то травки, которая, по словам друида, давала силу, а, по мнению жрицы Вуду, вызывала безумие. Спор быстро перешёл в перебранку с упором на личности.

Я вздохнула. Надо мной мчались по синей равнине неба Гончие Псы, пытаюсь догнать двух Медведиц, подглядывавших за Кассиопеей и Цефеем. А в сторонке охотились друг на друга Рысь и Жираф. Я поймала себя на том, что с удовольствием вспоминаю приснившуюся

мне ночь на пляже. И серебристый иней на кончиках ресниц... Ощущение легкой влюблённости приятно нежило душу.

— О чём ты думаешь? — прозвучал рядом тихий голос.

Я даже вздрогнула, потому что это был голос из моего сна. Быстро взглянув туда, откуда он послышался, я хмыкнула. Чудес на свете не бывает, по крайней мере, для меня. У костра сидел Кратегус. Грязный, нечёсанный демон и больше ничего. А впрочем... Его лицо казалось бронзовым в свете костра, в глазах плясали огненные искры. Лицо было строгим, как у средневековых статуй, изображавших древних королей, а одежда делала его похожим на героя рыцарского романа. Он посмотрел на меня, внимательно и печально.

— Если б ты знала, какая ты сейчас красивая...

Спор по другую сторону костра умолк и раздалось тихое хихиканье Джексона. Демон медленно повёл рукой в его сторону и всё стихло. Я посмотрела туда и увидела, что Джексон и Лия мирно посапывают на травке.

— Кажется и мне пора спать, — пробормотала я и улеглась.

— Спокойной ночи, — тихо произнёс голос из сна, и я плавно погрузилась в мягкие объятия Морфея.

Утром я проснулась первой. Я опять была заботливо укутана в чёрный плащ, который снаружи был мокрым от росы. Костёр давно погас, а Кратегус сидел на том же месте и в той же позе. Серое раннее утро окружило нас белёсым туманом, задремавшим в нашей лощине.

— Сколько времени? — спросила я.

— Какая разница? — поинтересовался он.

— Никакой, — я попыталась нырнуть обратно в плащ, но сон куда-то улетучился, и я нехотя вылезла наружу. — Что случилось ночью? Нас осаждали призраки, к нам подкрадывались упыри или, может, вокруг кружила Ночная охота?

— Осаждали кролики, подкрадывался голодный облезлый лис и кружили козлодои. Я не вмешивался.

— Весна, — я села, завернувшись в плащ. — Природа не хочет зла. Ей слишком хорошо, а злыдням плохо. Они не любят света и красоты.

— Низкоорганизованные, — уточнил он. — Мне такие вещи никогда не мешали.

— Понятно. Ты не видел, тут нет случайно родничка или озера? Умыться.

— Видел. Пойдём?

Я поднялась и, не снимая с плеч плащ, пошла следом за ним. Меня удивило, что он взял с собой посох Джексона. Подойдя к самому крутому склону холма, Кратегус, оценивающе посмотрел на Джексона и Лию, спавших неподалёку, а потом взглядом проследил расстояние от них до склона. Примерившись, он ударил посохом в склон, и из того места, куда воткнулось острие посоха забила вода. Я зачерпнула её ладонями и поднесла к лицу. Вода была ледяной и чистой, как хрусталь. Я попробовала её. Это была настоящая родниковая вода, вкусная, чуть сладковатая.

Я принялась умываться и пить. Это заняло у меня некоторое время, поскольку такой чудесной воды я не встречала давно, она освежала, и кожа от неё становилась упругой и в то же самое время мягкой и гладкой, как шёлк. Я подумала о том, что неплохо было бы сполоснуться этой водичкой целиком, когда меня отвлёк яростный вопль Джексона и последовавший за ним визг Лии. Они вскочили как ошпаренные. Вернее, наоборот. Я увидела, что ручеек родниковой воды, пробежав по склону, начал скапливаться в лужицу как раз там, где спали Лия и Ларс. Они проснулись, поскольку их окатили ледяной водой,

причём снизу.

Ругаясь и приплясывая на месте, Джексон принялся отряхиваться, как вдруг его взгляд упал на посох, до сих пор находившийся в руках демона. Взглянув на посох и родник, он всё понял и заорал:

— Собачий сын, как ты посмел взять мой посох!

— Я решил увековечить твоё имя в веках и создать озеро, которое назовут Озером мокрого друида, — спокойно и очень серьёзно ответил Кратегус.

— Ах ты, тупой баран! — завопил ещё громче Ларс, — Криворогий козёл, адская обезьяна...

Но Кратегус неожиданно развернул посох горизонтально, приподнял колено и занёс над ним посох, явно собираясь его сломать.

— Нет, — испуганно замахал руками Джексон. — Не ломай!

— Ладно, — кивнул Кратегус, — Обезьяну, барана и собачьего сына я тебе прощу, а вот за козла ты ответишь. С этой минуты любое твоё ругательство, относящееся ко мне, моим родственникам, предкам и потомкам будет камнем оборачиваться у тебя во рту. Отныне и до века!

Отчеканив последние слова, он бросил посох старику. Тот поймал его и зло пробормотал:

— Собачий сын...

И тут же икнул, его передёрнуло, глаза испуганно округлились, и он вытащил изо рта круглый серый камень размером с куриное яйцо.

— Действует, — определил демон и свистнул. — Пять минут на сборы и поехали. Если поедем так же быстро, как вчера, то, пожалуй, к ночи будем возле башни.

Его конь привёл наших рыжих. Уже садясь в седло, я увидела, как Джексон озадаченно разглядывает три камня, лежащих у него на ладонях. А в лощине уже серебрилось маленькое прозрачное озерцо.

Когда взошло солнце, мы были в пути. День был такой же радостный, как и вчера. Я любовалась зелёными холмами и бегущим по ним голубым львом с развивающейся синей гривой. Картина была настолько великолепной и сказочной, что я то и дело поворачивала голову, чтоб посмотреть на Эльвера, а он ещё успевал погнаться ради забавы за пробегающим мимо кроликом или вспугнуть какую-нибудь прячущуюся в траве птичку.

Полдня пролетели незаметно, солнце уже миновало зенит, когда мы остановились на краткий привал, чтоб дать коням передохнуть и пощипать травки. Джексон тоже нуждался в отдыхе. Он держался стойко и, вроде как, превратившись в друида, он стал крепче, но возраст всё-таки брал своё. Присев на траву, он мрачно уставился на свои руки.

— Вы устали, Ларс? — спросила я, присаживаясь рядом.

— Нет... — буркнул он, пошевелив бровями. — Зачем вы держите эту нечисть при себе?

— А куда я его дену? Он же не отстанет. К тому же так я могу контролировать его и при возможности направлять его энергию на мирные цели.

— Он вас обманывает.

— А я — его. Это жестокая игра, но пока страдаем от неё только мы.

— А потом? — он хмуро взглянул на меня.

— Скорее всего, потом она просто кончится. Но не спрашивайте меня чем, я вам не Веледа. Скажите лучше, что произошло с вами в Зеркале?

— Я родился, — нехотя ответил он. — Друид дал мне имя Даголит, что значит приверженный священному обряду, и сказал моим родителям, что в жизни я не должен хулить людей в ржавых доспехах, которые ездят на чёрных конях, иначе меня постигнет кара. Мальчиком меня отвели к друиду-отшельнику и он начал меня учить. Он рассказывал мне о светилах и их движении, о величине мира и земли, о свойствах камней и трав, о бессмертных богах. Он заставлял меня заучивать наизусть древние стихи и заклятья. Потом старик умер и меня взял в помощники другой друид, которого звали Владыка Вод. Он умел вызывать шторм на море и поворачивать вспять небольшие реки. Я учился у него. Потом он отправил меня с письмом к другому друиду, которого звали Серебряный Бык. Я остался у него и снова учился. Потом я стал Посвящённым и меня позвал вождь Верцингет. Я помогал ему выиграть войну. Он завоевал соседние земли, но ему было мало. Он хотел получить другие, но там правил король, который имел войско в сто раз больше. Верцингет велел собрать велетов и наслать на того короля заклятье. Мы составили заклятье и пошли на священный холм. Шесть велетов произнесли свои слова, а когда я произнёс часть заклятья, обращённую против короля, мы провалились сквозь землю, потому что боги не любят, когда их силу используют неправые против невинных. Мы были наказаны. Я скитался в глубинах и многое забыл. А потом встретил эту девчонку, — он мотнул головой в сторону Лии. — Она сидела в углу и редела, а, увидев меня, набросилась на меня с бранью. Злая девчонка. Она сказала: чтоб выбраться, нужно бросить кости, но у неё только одна. А у меня нашлась другая. И мы бросили. Нас схватило и закружило, и я подумал, что эта гусыня что-то напутала и разозлился. А она решила, что напутал я.

— Дальше я видела, — кивнула я.

— Странно это... — проговорил он, глядя в голубую даль, парящую над холмами. — Проснуться от своей жизни и понять, что она была лишь сном. А твоя настоящая жизнь так не похожа на реальность. Я ещё не проснулся и, честно говоря, мне не хочется просыпаться.

— Верю, — пробормотала я.

Привал был недолог и скоро мы снова сели на коней. Прежде чем тронуться в путь, Джексон подъехал к демону и, обиженно глядя на него, спросил:

— Как снять заклятье?

— Никак, — покачал головой Кратегус. — Не снимается.

— Это не по правилам.

— Я демон. И играю без правил.

— Саб!.. — начал Джексон и заткнулся, зажав рот ладонями.

— Просто не ругайся, — посоветовал демон, отъезжая от него. — Считай, что это терапия от дурной привычки.

Кажется, Ларс всё-таки вытащил изо рта очередной булыжник.

67

Мы мчались весь день. Зелёные холмы постепенно сменились ковыльной степью. Это была седая равнина, кое-где в низинах попадались заросли кустарника, а на курганах стояли, глядя вдаль, каменные истуканы. Здесь было уже не так весело, но мы и не собирались задерживаться. Кратегус мчался впереди, задавая темп, и явно торопясь проделать большую часть пути до темноты.

Однако мы не успевали, красный закат окрасил полнеба позади нас. В его тревожном свете было что-то нехорошее, словно он пропитался свежей кровью, а потом начало быстро

темнеть. Кратегус нехотя попридержал коня. Когда мы поравнялись с ним, он приподнялся в стременах, глядя вперёд.

— Мы уже близко, но что-то мне подсказывает, что они бродят где-то рядом, — похоже, он не очень доверял магическим способностям нашего друида. — Попробуем проскочить. Вы видите в темноте?

Лия сосредоточенно кивнула, Ларс тоже. Почему все вокруг меня видят в темноте и я одна — нет? Я вздохнула и полезла в сумку за линзами. Когда я налепила их на зрачки, темнота не то, чтобы отступила, а как-то засветилась изнутри. И без того унылый пейзаж стал каким-то призрачным.

— Едем, — кивнул демон. — Не шуметь, не разговаривать, сбруей не звенеть. Может, нам повезёт.

Мы двинулись в дальнейший путь. Я держалась возле Кратегуса, который постоянно прислушивался и принимался. Ночь быстро опустилась на степь, и затопившая её тишина подхватывала и разносила далеко вокруг каждый звук. Демон недовольно покачал головой.

— Надо было обмотать тряпками копыта лошадей, — едва слышно прошептал он.

Его зверюга ступала совершенно бесшумно, так же как Эльвер, который крался в ковylie неподалёку, только его глаза таинственно сверкали из темноты.

Довольно долго мы ехали так по ночной беззвучной степи, и я уже начала надеяться, что мы проскочим. Однако когда мы поднялись на очередной холм и поравнялись с очередным каменным идолом, снизу из низины послышались крики, и я увидела ватагу здоровенных воинов в клетчатых накидках и шлемах. Они были как раз такие, как их описывал Кратегус. Должно быть, они шлялись по всей степи, ища лёгкой и не очень лёгкой добычи. И вид у них был весьма воинственный. И, как назло, именно в этот момент над горизонтом взошла полная луна. Я не видела её в прошлые ночи, потому что рано засыпала. Оказывается сейчас полнолуние.

— Чёрт... — пробормотал Кратегус, и в этом я была с ним вполне согласна. — До башни не больше мили. Но ехать нужно как раз туда, — он махнул рукой в сторону, где скопились всадники.

А они быстро сообразили, в чём дело, и с бодрыми криками помчались в нашу сторону. Некоторые из них натягивали на скаку луки. Мгновение и стрелы засвистят в опасной близости от нас, в лучшем случае. А в худшем мы станем похожими на подушечки для портновских булавок.

Но тут раздался голос Джексона, который, подняв над головой посох, выехал навстречу всадникам и что-то заговорил на незнакомом мне языке. Всадники слегка сбили строй и даже опасливо приостановились. Они видимо знали, что такие старички бывают далеко небезвредны. Джексон допел своё заклинание до конца, закончив каким-то угрожающим возгласом, от которого всадники испуганно попятнулись вместе с конями.

Мимо нас повеял ветер, который спустился вниз. Накидки и конские хвосты на шлемах затрепетали, но больше ничего не произошло.

— Если чуть посильнее, то, может быть, их продует, и они подхватят насморк, — прокомментировал демон.

Ларс что-то пробурчал и вытащил изо рта камень.

— В крайнем случае, мы можем закидать их булыжниками, — добавил демон и поднял руку: — Давайте я, пока они не очухались.

— Нет! — возразила я. — Знаю я твои штучки. Ларс сосредоточится и попробует ещё

раз.

— У нас нет времени!

Всадники тем временем быстро пришли в себя и, пришпорив коней, выпустили в нас первую порцию стрел.

— Хааа! — завопил Джексон и махнул посохом.

Все стрелы вонзились в склон холма у наших ног, а он снова затянул какое-то заклинание. Но всадники не очень этим обеспокоились. Они неслись на нас со скоростью ветра.

— Бежим! — крикнул Ларс и, резко развернув коня, помчался в сторону.

Это было мудро, и я решительно последовала его примеру, не слишком, впрочем, надеясь на скорость наших усталых коней. И тут что-то произошло. Всадники во весь опор промчались мимо нас, а потом вдруг подняли страшный шум, хватались за мечи и, крутясь на месте, размахивали ими, словно отбиваясь от приведений. Парочка тут же была повержена своими же соплеменниками.

— Что это? — закричал на скаку Джексон. Голос его был радостным. — Я хотел вздыбить под их ногами землю, а они набросились друг на друга.

— Ори громче, старый идиот! — раздосадовано проворчал демон. — Это приступ куриной слепоты. У них нарушена светочувствительность, и они ничего не видят в потёмках, зато прекрасно слышат!

И действительно, услышав голос Джексона, они моментально развернули коней и помчались за нами. Мы были на пути к нашей цели, но за нами гнался отряд злющих дикарей с головами врагов у сёдел. Я не хотела, чтоб моя голова присоединилась к тем, что у них уже были. Однако мы не успели уйти в такой уж большой отрыв и дистанция между нами и нашими преследователями постоянно сокращалась. Они пытались стрелять из луков на звук, но пока безуспешно. Зато их крики становились всё ближе и всё свирепей.

Кратегус скакал рядом с нами. Он мог бы умчаться далеко вперёд, он мог бы взмыть в небо, расправив серые крылья, он мог одной мыслью повергнуть врагов на землю, но он просто скакал рядом с нами, озабоченно оглядываясь назад.

Всадники были уже очень близко и, казалось, что вот-вот нам придётся вступить в бой. Я уже готова была отстегнуть от пояса меч и развернуть коня, когда вмешался Эльвер. С оглушительным рычанием, полным гнева и ярости, он бросился на всадников с фланга. Их кони испугано заметались в стороны, и мы снова ушли в отрыв. Обернувшись на скаку, я видела, как Эльвер носится между всадниками, то и дело, наскакивая на коней, отчего они падали на землю вместе с седоками, попадая под копыта других перепуганных животных. Но наездники, в отличие от своих коней, не испугались. С громкими криками они махали мечами, стараясь попасть по рычащему зверю, или стреляли в него из луков, но пока не попадали.

Мы тем временем взлетели на холм и в свете луны на вершине соседнего увидели высокий конус древней башни, сложенной из больших валунов.

— Вон она! — закричал Кратегус. — Я сейчас!

И с криком «Иди сюда, глупая кошка!» помчался назад. В одно мгновение мы проскочили лощину между холмами и взлетели к башне. Она была высокой и массивной, этакий маленький неприступный замок. Мы обогнули башню вокруг, но двери не было. Вернувшись назад, мы увидели, как по лощине мчится, не касаясь земли, чёрный скакун с демоном в седле, а рядом несётся масунт. За ним с гиканьем скакали разъярённые всадники.

— Где дверь? — закричала я, и вдруг вспомнила, что, когда через подвал спускалась в башню, никакой двери там не было.

— Здесь, — донесся до меня спокойный голос, и я, повинувшись ему, обернулась и увидела распахнутые ворота, куда мог въехать всадник. Именно на коне я туда и въехала. За мной поспешно проскочили Лия и Джексон, потом влетел Эльвер и, наконец, спокойно и с достоинством вошёл чёрный конь Кратегуса. Прямо за ним, не более чем в метре нёсся передовой всадник, но сразу за хвостом чёрного коня и перед носом коня нашего преследователя возникла стена из огромных валунов. Наверно, он здорово врезался, этот парень с рогами на шлеме.

Кратегус красиво взмахнул рукой и изящно спрыгнул с коня. На стенах вспыхнули факелы. Через окна башни слышались крики и ржание лошадей. Башня была пуста, никаких алхимических приборов, мебели и прочих предметов. Только лестница, которая, извиваясь вдоль стены, вела наверх, к чёрным закопченным стропилам.

Я слезла с коня. Наши кони теснились в узком пространстве башни и нервно всхрапывали, наверно, из-за близости Эльвера. Он поднялся на задние лапы и принял человеческий облик. Вид у него был возбуждённый и счастливый. Похоже, схватка с всадниками ему понравилась. Лия и Джексон тоже спешили и с сомнением озирались по сторонам.

— Что дальше? — нерешительно спросила Лия.

— Наверх, — проговорил демон и указал ей на лестницу.

Она настороженно смотрела на тёмные ступеньки. Но меня не нужно было приглашать. Мне хотелось принять душ. Поэтому я быстро взбежала наверх, замечая, как отдаляются и стихают крики диких всадников. Наверху была дверь подвала. Я взялась за ручку, задержалась на мгновение, набрала в грудь воздуха и толкнула дверь.

Она открылась. Впереди была темнота, из которой слышалось возбуждённое мяуканье.

— Иеремия! — выдохнула я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы, и нащупала на стене выключатель. Свет вспыхнул. Я стояла на пороге своей кухни, и о мои ноги тёрся счастливый и упитанный чёрный кот.

68

Я не стала принимать душ. Я приняла ванну. Они зря пытались заинтересовать меня тем, что творится в городе, и повергнуть в изумление сообщением, что работают телефон и телевизор. Меня этим не удивишь, я видала штуки и покруче. Даже если разразилась война и мир гибнет, я не смогу его спасти, но я ещё успею исполнить свою заветную мечту. С утробным урчанием я залезла в тёплую ароматную пенистую ванну. Я пела, намыливаясь, и мурлыкала, сдувая пену с ладоней. Она порхала надо мной лёгкими облачками, искрясь в свете люминесцентных светильников. Я была счастлива. Счастливее, чем во сне, потому что я становилась чистой и благоухающей, а, значит, свободной и непобедимой. Так я это ощущала.

Я выбралась из ванны, надела большой мягкий халат цыплячьего цвета и с полотенцем на волосах спустилась вниз.

— Они с ума посходили! — возбуждённо воскликнул Джексон.

Видимо, он ждал моего сопереживания.

— В самом деле? — я проплыла на кухню ставить чайник. В холодильнике были

замороженные пышки. Если на минуту сунуть их в духовку...

— Вы слышали? — Джексон ворвался на кухню. Он быстро входил в роль главы местного отделения «Звёздного щита». Друидом он мне нравился больше. — У них какой-то колдовской мир. По телевизору рекламируют летательную мазь, амулеты от сглаза и лучшие в мире заклинания против угонщиков автомобилей!

— Интересно, — кивнула я, засовывая форму с пышками в духовой шкаф. — Демон где?

— Да зачем вам демон?

— Скажите ему, что ванна освободилась. Видеть больше не могу его нечищеную кирасу, невытую физиономию и нечёсаную гриву.

— Вы слышали, о чём я вам говорил? — он пошевелил бровями.

Я задумчиво посмотрела на него.

— Вы выглядите колоритно, но чересчур. Вам нужно надеть что-нибудь более современное и, если не хотите стричься, собрать волосы в хвост. Это поможет. И подрезать бороду.

— Зря беспокоитесь. Мой вид вполне соответствует этому месту. Здесь многие ходят переодетыми в магов, друидов и алхимиков. Это мир колдовства. При этом они пользуются коммуникаторами и ездят на автомобилях.

— Значит, со времени нашего отъезда прошло не сто лет.

— Месяц.

— Скоро это кончится.

— Что? — он хмуро смотрел на меня.

— Езда на автомобилях. Потом коммуникаторы и телевидение. Здесь нет производства, обеспечивающего изготовление запасных частей и материалов для их изготовления. Самая надёжная техника однажды выйдет из строя. И они, как и положено, будут ездить на лошадях и писать друг другу письма, которые будут доставлять гонцы.

Он задумчиво кивнул.

— Человеческая психика удивительно гибкая вещь. Можно было ожидать паники, апокалипсиса, а они приспособились за какой-то месяц.

— Жить, Ларс, хочется всем, — духовка пискнула, чайник загудел. — Хотите чаю с пышками?

— Пожалуй, — согласился он. — Почему бы и нет?

Мы сели в гостиной в кресла у камина. Входная дверь хлопнула, и вошёл Эльвер.

— Я связался с нашими. Альмер скоро будет здесь, — он присел на диван и задумчиво посмотрел на Иеремию, свернувшегося калачиком на подушке. — Лия заперлась наверху и сказала, что не выйдет, пока он не уйдёт. Демон исчез.

— У демона полно дел, — невозмутимо кивнула я. — Ему давно пора посетить парикмахера и стилиста, чтоб выбрать имидж на этот сезон. А что с Лией?

— Она изменилась и не знает, как вести себя с Альмером.

— Это пройдёт, — пробормотала я, поднося пышку ко рту, и встретилась взглядом с Джексоном. — Ладно, ладно... Уже иду.

Я нехотя встала и пошла к лестнице, но потом остановилась. Задумчиво обернувшись, я взглянула на пышки, а потом решительно вернулась и, отложив пару на тарелку Джексона, забрала блюдо с остальными, свою чашку и пошла наверх.

Подойдя к запертой двери, я пнула её ногой, потому что руки были заняты.

— Открывай! — крикнула я. — У меня есть пышки. Горячие.

За дверью послышалось движение, и дверь распахнулась. Лия прямо на пороге схватила горячие пышки в обе руки и начала их есть. Я вошла и ногой захлопнула дверь.

— Почему прячешься? — спросила я, садясь на стул возле покрытого толстым слоем пыли туалетного столика. Понятно. Мужики... Хорошо хоть кота кормили!

— Я его не помню, — надулась она, садясь прямо на пол и подогнув ноги. — Вернее, помню, но не так. Он полезет обниматься. А я не помню его.

— А что ты помнишь?

— Я Камилла, моя мать — знахарка, а отец — Дух леса. Это я помню. Мне пятнадцать лет. В меня влюбился Зузу, колдун, и хотел взять к себе, а я удрала. Я пришла к людям в деревню. Они работали на плантации. Я жила у них. Потом приехал господин с белой кожей и увидел меня. Он забрал меня в свой дом и запер в комнате, где была большая кровать. Я нашла гребешок с несколькими волосками, слепила из свечки куклу и положила волоски внутрь куклы. А потом оторвала ей голову.

— И что?

Она покачала головой.

— Ничего. Можно ещё одну? — она стащила с тарелки две пышки и запихала их в рот. Я с трудом понимала, что она при этом говорит. — Потом поднялся шум, забегали с факелами, кричали, что кто-то убил управляющего и отрубил ему голову. Дверь открыли и я сбежала. Убежала в лес и спряталась, а ночью проснулась и увидела, что ко мне идёт тот белый господин, но без головы. Это Зузу наслал его на меня в отместку. Я побежала и провалилась в какой-то подвал. Мне было страшно, а потом пришёл...

— Кто?

— Папа, — она угрюмо взглянула на меня. — Я знаю, что всё это чушь, но мне кажется, что то было правдой, а всё это — чушь. И не могу с этим справиться. И Альмер больше не вписывается в мою жизнь.

— Так ему и скажи, нечего прятаться. По крайней мере, он будет знать, что тут ему ничего не светит и быстрее найдёт себе новую подружку.

— Не найдёт, — упрямо замотала головой она. — Он однолюб.

— Найдёт. Такой молодой красивый парень. Среди таких однолюбы редко встречаются. Найдёт себе масунтиху. Его старики будут в восторге.

Она надула губы и резко встала, вытирая руки о ситцевую юбку.

— Я ему покажу масунтиху! — и решительно вышла из комнаты.

Внизу как раз в этот момент раздался звонок в дверь. Я поднялась и пошла вниз. Спускаясь по лестнице, я увидела, что Лия буквально висит на ошалевшем от поцелуев Альмере. Наверно, он тоже соскучился и очень беспокоился из-за её исчезновения, но такой ураган его просто смёл. Мне подумалось, что какое-то время Альмеру будет нелегко.

Пока они обнимались, и Альмер пытался кое-как отцепить от себя свою невесту, я прошла на кухню и открыла дверь в подвал. Спустившись по лестнице, я убедилась, что алхимическая мастерская снова на месте. Кратегус стоя склонился у стола над какой-то книгой, но едва услышав мои шаги, поспешно захлопнул её и прижал к столу ладонью, словно боялся, что она убежит. Он был одет почти так же как в моём сне: в белую рубашку с отложным воротником, чёрные брюки и высокие кожаные сапоги. Только кроме этого на нём был чёрный вамс без рукавов — такой узкий, обтягивающий торс жилет, застёгнутый на выточенные из чёрного блестящего камня пуговицы, и вместо шарфа на талии был затянут широкий ремень с чеканной пряжкой. Не хватало только перевязи со шпагой. Кстати, он

причесался и собрал свою гриву в хвост на затылке. На мочке уха, как и положено, поблескивала серьга. Только вместо креста на шее был какой-то круглый медальон, похожий на старинную монету. Он опять казался мне удивительно красивым мужчиной, и это навело меня на некоторые размышления.

Насколько я себя помнила, такую реакцию у меня вызывали только мужчины, в которых я влюблялась. Я не обращала внимания на их недостатки, зато достоинства превозносила до небес. Кратегус тоже последнее время всё чаще казался мне верхом совершенства, хотя ещё не так давно... Впрочем, уже довольно давно, в начале нашего знакомства, он не вызывал у меня особых чувств. Здесь было что-то не то. Я вовсе не была в него влюблена. Более того, глядя на него, я думала, что в принципе у него есть всё, что должно в моём понимании быть у идеального мужчины: он умён, красив, силен, отважен, обходителен и неординарен. К тому же он меня любит, в этом я уже не сомневалась. Порой мне даже хотелось в него влюбиться, казалось, ещё чуть-чуть... Но ничего подобного. словно стена стояла между нами. Он из-за этой стены бросал на меня пылкие и тоскливые взоры, а я, в основном, видела эту самую стену. Наверно, всё-таки ангелы в демонов не влюбляются.

Пока я предавалась раздумьям, он смотрел на меня. Мне кажется, я застала его за чем-то, что ему не хотелось мне показывать. Видимо, всё дело в книге, но он всё равно не расскажет об этом. Вопрос только в том, почему он так нервничал. Впрочем, он быстро пришёл в себя, на его лице появилась легкая полуулыбка. Книга тем временем исчезла.

— В чём дело? — поинтересовалась я.

Он молча покачал головой и медленно подошёл, поднялся по ступенькам и остановился передо мной, потом вдохнул так, словно наслаждался ароматом цветка.

— Знаешь, — негромко проговорил он. — Раньше я всё время удивлялся тому, что смертные так стремятся жениться на своих женщинах, хотя не могут не понимать, что в браке весь лоск с их подруг сойдёт, они будут бродить по дому непричёсанные, не накрашенные, едва одевшись, а то и вовсе в неглиже.

— И что?

— А то, что я сейчас сам хотел бы иметь дом, по которому бы ты бродила вот так, в купальном халате, с полотенцем на волосах и благоухая тёплым и чувственным ароматом. В этом есть особый шарм.

— Несомненно, — согласилась я. — Приехал Альмер. Я хочу, чтоб ты присутствовал при разговоре. Я поднимусь и приведу себя в порядок. Надеюсь, ты присоединишься к нам минут через десять.

— Непременно.

Я повернулась и начала подниматься по ступеням, а потом обернулась. Он всё также смотрел на меня, но его улыбка стала слегка игривой.

— А что это была за книга? — спросила я.

— Какая? Ах, та... — улыбка стала слегка смущённой. — Это всего лишь Шекспир. «Скорей мечту крылатую лови и возвратись к покинутой любви...»

— Конечно. Что же тебя может интересовать сейчас, как не Шекспир. Мне тоже он порой кажется к месту. «Была зима во мне, а блеск весенний Мне показался тенью милой тени».

Его улыбка на миг померкла, и взгляд стал настороженным.

— О чём ты?

— Через десять минут в гостиной.

Я ушла. Поднявшись к себе, я переодевалась, не в силах отделаться от странного ощущения, что демона обеспокоили эти две строчки из старого сонета. Тень милой тени? Из-за этого? Его задел намек на то, что он лишь тень Джулиана МакЛарена? Но он был вовсе не обижен, а именно встревожен. Он похож на МакЛарена, но он — другой.

Я неожиданно замерла перед зеркалом. С чего я вообще взяла, что он похож на МакЛарена? Как он выглядел, этот исчезнувший в небытие молодой алхимик? Почему я решила, что он был таким же, как демон, в которого он превратился? Потому что он мне таким приснился? Но до этого мне приснился сам Кратегус, и лишь затем он явился мне в образе Джулиана МакЛарена.

Я покачала головой. Какое это имеет значение? Похож он или нет на своего предшественника, это не делает его человеком. А может, всё это ложь? Демон плетёт хитрую паутину лжи, Фарги рядом нет, к тому же и он не смог прочесть его мысли, а я уже начала в этой лжи запутываться. Может, эта фраза просто показалась ему намёком, что его замысел раскрыт?

Я села на кровать. Верить в это не хотелось, но врагов нельзя недооценивать. Чёрт возьми, ведь как здорово, когда тебя любят, перед тобой благоговеют, тебя обожают, за тобой ухаживают. И как неприятно вдруг осознать, что тебя самым подлым образом одурачили и используют. В конце концов, может, именно подсознательное чувство, что он не тот, за кого себя выдаёт, и удерживает меня от того, чтоб влюбиться в него по уши и окончательно увязнуть в этой интриге? Мне стало жутковато. Я ещё никогда в жизни не влюблялась безответно. Мне не везло, я натыкалась на опасных и странных мужчин, в конце концов, меня даже бросали, но меня всё равно любили. А если...

Я встала, снова взглянула в зеркало и поправила причёску. Нужно просто наблюдать за ним внимательней и ни одного слова не брать на веру. Осторожность не помешает. А там, посмотрим, кто кого обманывает. Он меня или я себя. Может быть, сама мысль о том, что меня обманывают, так задела моё самолюбие, что я начала подозревать предательство. А он, бедняга, мечется и не знает, как доказать мне, что я единственная и неповторимая, и ради меня он готов на всё, даже восстать против Князя Тьмы. Бедный, бедный демон... Прямо сердце кровью обливается.

69

Когда я спустилась вниз, страсти немного поутихли, и Лия уже спокойно сидела рядом с Альмером на диване, правда, вцепившись в его руку. Она начинала меня немного беспокоить. Зато Джексон, несмотря на длинную бороду и полотняный балахон, уже полностью пришёл в себя и висел на телефоне, выпрашивая у кого-то про оптовые цены на какие-то микрочипы. Наверно, ему запали в душу мои слова о скором дефиците запчастей и он решил принять меры. Подозреваю, что он не один такой умный, потому что, судя по его репликам, цены уже взлетели до небес, и в качестве платежного средства с него требовали золото.

Эльвер сидел в кресле и смотрел телевизор. Какой-то ясновидящий в блестящей накидке и колпаке со звёздами предрекал нашествие саранчи на весенние всходы ровно через пять лет и три месяца. Кратегус стоял за спинкой кресла и рассеянно смотрел на экран.

Я села в кресло у камина напротив Джексона, и он с рычанием бросил трубку на рычаг.

— Где я ему возьму три фунта золота или настоящий рог единорога, а? За какие-то микрочипы, красная цена которым два креда за десяток, — он повернулся к Альмеру. — Ну,

что тут творится? То, что бардак, я уже понял. Что делается в отделении?

— Всё в порядке, — спокойно проговорил тот. — Мы работаем. Как только дело стало проясняться, мы связались с нашими союзниками и сочувствующими и провели встречу, скоординировали действия. То, что обошлось без серьёзной паники, в основном заслуга Белого Альянса...

— Чего-чего?

— Так было решено назвать объединение всех сил, которые придерживаются ориентации на Свет. На встрече решили, что все должны действовать по единому плану, а разногласия либо оставить до лучших времен, либо решать в рабочем порядке. Используя радио, телевидение, компьютерную сеть, а также кафедры Храмов и учебных заведений и просто выступления на стихийных митингах, нам удалось убедить народ, что всё не так страшно и опасности для жизни на Новой Луизиане нет. Сложнее стало, когда в городе появились существа, которые всегда считались сказочными, а потом ещё у многих людей появились магические способности. Это тоже нужно было как-то объяснять и направлять. Этим мы сейчас и занимаемся.

— Вижу... — мрачно произнёс Эльвер, не отрывая взгляд от экрана.

— Это нелегко, — обиделся Альмер. — К тому же культы Тьмы тоже не зевают. У них прибавилось адептов. Они обещают силу и власть и дают это. К тому же они превозносят тех, у кого есть способности к колдовству, вознося их над обычными людьми, которые, по их словам, могут быть лишь слугами Чёрной Знати или материалом для опытов. Мы уже сталкивались с тем, что людей похищают и превращают в зомби или вообще чёрт знает во что. Девственницы боятся выходить из дома, потому что их кровь нужна для ритуалов. Детей прячут, особенно младенцев. Чёрные кошки, чёрные курицы, летучие мыши, жабы и вороны тоже в цене. Никто не хочет быть жертвой, все понемногу занялись колдовством, а Тёмные только этого и ждут.

— Это ещё не Апокалипсис, но уже настораживает, — заметила я.

— Обычным людям, если они не примкнули ни к Белым, ни к Тёмным, в городе стало жить неудобно, если вообще не опасно, — добавил Альмер.

— И кто у нас в центре всего? — спросил Джексон. — Кто-то пытается присвоить власть?

— Нет. Городом по-прежнему управляет мэр. Ему удается лавировать и улаживать конфликты двух сторон. Он критически относится к Тёмным, но и с Белыми старается особо не заигрывать. Городской Совет разделился на две части, но обе ведут себя достаточно осторожно. В городе нет крупных магов, все культы толкуют происходящее сообразно своей вере, никто не выделяется. Такое чувство, что каждый сам по себе.

— А «Сыны Панкаура» и Братство Тьмы? — спросила я.

— Мы наблюдаем за ними, — ответил Альмер таким тоном, словно сам не верил тому, что происходит. — Их не интересует то, что происходит в городе. Сыны Панкаура оставили свои посты и рабочие места и занялись какими-то изысканиями. Братство Тьмы разослало кругом агентов. Кажется, они без конца наступают друг другу на пятки, что приводит их в ярость. Были даже стычки.

— Занятно, — я поднялась с кресла и подошла к окну. На улице темнело и на фоне светло-синего неба деревья казались совсем чёрными. — Очень занятно. Значит, целью заговора было совсем не похищение Новой Луизианы?

Я резко обернулась. Джексон задумчиво смотрел на меня.

— Если заговор вообще был.

— Был, но это, скорее всего, не то, что мы думаем. Если Сыны Панкаура, фактически уже имевшие в городе реальную власть, не воспользовались моментом, чтоб захватить её окончательно, значит, не это их интересовало. А, может, произошло ещё что-то, о чём мы не знаем. И перемещение планеты в другое измерение оказалось лишь побочным эффектом?

— Невероятно, — покачал головой Эльвер. — Каких масштабов должно быть само событие, чтоб повлечь такой побочный эффект? Мы не могли его не заметить.

— Есть сферы, куда наши ощущения не проникают. Возможно, та плоскость, в которой произошло это событие, нам не доступна. Но, коль оно повлияло на нас, то, может быть, и мы можем повлиять на него.

— Всё запутывается ещё больше, — с досадой произнёс Альмер. — Мы тоже были удивлены тем, что похитив часть Новой Луизианы, никто не попытался её присвоить. Словно она никому не нужна.

— Ты сказал часть? Речь идет о Новом Орлеане?

— Только о нём. Новый Орлеан и мили лесов, лугов, полей вокруг. Потом граница, которую вы, наверно, видели. Мы отправляли туда разведчиков, но обратно никто не вернулся. Может, где-то там и есть другие города, однако точно ничего не известно.

— Значит, сектор интересов находится здесь, — сделала вывод я. — А что именно ищут Сыны Панкаура и Братство Тьмы?

— Одно и то же. Они ищут перстень-печать с опалом, на котором вырезан грифон, и Книгу Творения, о которой мы ничего не знаем.

— Книгу Творения? — переспросил Кратегус. — Ты сказал Книгу Творения и перстень с опалом? — он с изумлением взглянул на масунта. — Но она не может быть здесь. И зачем было похищать город, выводить из строя спутники? А впрочем... Ну, конечно! Ведь чтоб воспользоваться Книгой Творения, нужен мир, где её можно применить. Кто-то хочет стать Богом. Тот, кто это затеял. А теперь, когда его помощники узнали о его цели, они хотят опередить его и взять приз себе. Победитель получит всё, и ему будет уже незачем бояться тех, кого он обойдёт в этой гонке.

— О чём ты говоришь? — поинтересовалась я.

Он как-то странно посмотрел на меня.

— Если она здесь, то дело плохо. Это очень серьёзно, куда серьёзнее, чем я думал. Но с другой стороны, это всё объясняет. Да, тогда всё сходится.

— Ты знаешь, что это за книга?

— Знаю, — кивнул он. — Это старая история. Почти такая же старая, как сказка о сотворении мира. Впрочем, они тесно связаны. Обе эти истории пришли к людям через пророка Моисея, но если одна попала в книгу Бытия и потом её узнали миллиарды смертных, то вторую он сохранил в тайне и передал лишь самым близким и доверенным для сохранения в строжайшей тайне.

Он подошёл к окну и встал там, скрестив руки на груди. Лицо его было задумчивым.

— Это случилось после восстания Люцифера, когда многие ангелы были повергнуты в пучину вслед за своим лучезарным предводителем. Среди них были и такие, кто в самом начале присутствовал при творении мира. Их гордыня была непомерна, а обида так велика, что они решили отомстить Тому, кто изгнал их. Для этого они по крупницам собрали Великое Тайнство Творения, полученное ими от Творца, и заключили его в Книгу Творения.

Он немного помолчал. В комнате было тихо, только поленья потрескивали в камине.

— Кажется, они намеревались передать Книгу Творения Люциферу, но что-то не получилось. Вроде, их настиг Михаил со своими Воинами Света. Они были заточены, уж не знаю где, а Книга была спрятана на Земле, в какой-то пещере на территории Палестины. На неё были наложены заклятья, но нет таких заклятий, которые нельзя снять. Во время одного из крестовых походов некий рыцарь-тамплиер, который подобно некоторым своим собратьям заигрывал с тёмными силами, услышал однажды странный голос, словно доносившийся из бездны. И этот голос поведал ему о Книге Творения, о том, как найти пещеру и снять заклятие, а также как подчинить содержащуюся в Книге силу себе.

— Это был голос одного из авторов Книги? — уточнил Эльвер.

— Скорее всего, — задумчиво кивнул демон. — У этого рыцаря было пять сыновей. Вместе с ними он поехал к пещере, открыл её, взял Книгу и привёз домой в Шотландию. У него не хватало смелости воспользоваться ею по назначению, но и без того она давала ему огромную силу. Вокруг неё творились чудеса, все его желания исполнялись. Наверно, ему было довольно и этого. Он стал могущественным магом и его сыновья тоже. Они понимали язык зверей и птиц, видели в траве маленьких человечков, беседовали с феями, хобгоблины помогали им по хозяйству и все женщины сохли по этим шестерым мужчинам. Старик обрёл вечную молодость. В общем, всё шло, как нельзя лучше, но кто-то из сыновей проболтался о Книге. Рыцари Ордена Храма осадили их замок и потребовали сдачи. Они хотели получить Книгу и казнить колдуна и его семью. Но в первую же ночь осады прямо из ясного неба в землю перед воротами замка ударила молния, и от неё пролегла белая огненная дорога. Ворота отворились и по этой дороге из замка вылетели шесть всадников. За ними устроили погоню, но раскаленная дорога никому не давала приблизиться к ним. Однако чем дальше они отъезжали от замка, тем бледнее горело пламя. Преследователям казалось, что они вот-вот догонят их, но тут всадники превратились в огромных чёрных псов и исчезли во тьме. Книгу так и не нашли, хоть перерыли весь замок, едва не разобрав его по камушкам. А чудеса в той местности прекратились, словно их и не было.

— Это имеет отношение к тем псам, которые покусали Эльвера? — спросил Джексон.

— Подозреваю, что это они и есть. Возможно, они охраняют Книгу. К тому же я слышал, что, узнав о том, что Книгу хотят отнять, старик вместе с сыновьями наложил на неё заклятье, которое позволит открыть её только тому, у кого на палец надето кольцо с опалом, на котором вырезан грифон. Это кольцо старик носил на руке много лет. Говорят, что наутро после исчезновения старика с сыновьями перстень нашли на дороге. Одно время он хранился у тамплиеров. Но после того, как Орден уничтожили, оно исчезло.

— Если Книга здесь, — проговорила я, — кольцо тоже обнаружилось... Может быть, это и стало причиной того, что случилось с Новым Орлеаном?

— Этого мало, — возразил Джексон. — Судя по всему, кольцо хранилось здесь довольно долго. Маловероятно, что просто кто-то привёз сюда Книгу. Наверно, она тоже спрятана где-то здесь. Случилось ещё что-то, но что? — он посмотрел на Кратегуса. — А откуда тебе всё это известно? От Люцифера?

Демон усмехнулся.

— От моего деда. Это семейная легенда. А тех псов-всадников, что вы встретили в аллее, в наших краях испокон веков называли псами МакЛаренов.

— Так это твои предки?

— Не мои, а Джулиана МакЛарена. Между прочим, наследственность у него подходящая для той участи, что его постигла.

— Расскажи лучше поподробнее о Книге, — вернула я его к прежней теме. — Зачем она нужна?

— Чтоб творить, — пожал плечами он. — Человек, открывший её, получает дар творения и может из ничего сотворить что угодно: рогатую кошку, пушистую рыбу, женщину из мечты, непобедимого воина, дракона. Он будет как бог. Хватило бы фантазии. Никаких мучений с генетическими кодами. Нафантазировал и — готово!

— Можно создать огромную армию, чтоб завоевать мир? — уточнил Джексон.

— Можно просто создать собственный мир, который не нужно завоевывать. Видимо, пока книга оживляет древние сказки, а потом сможет создавать новые.

— Её влияние растёт, несмотря на то, что её ещё не нашли?

— Судя по тому, что сказал ваш маленький масунт, да.

Джексон решительно поднялся и прошёлся по комнате, потом остановился перед демоном.

— Мы должны найти эту Книгу раньше него, раньше их всех. Эта Книга, если то, что ты про неё рассказал, правда, — страшное оружие.

— Или рабочий инструмент художника, — возразил Кратегус. — Всё зависит от того, в чьи руки она попадёт.

— Её ищут не художники.

— Пожалуй, — демон усмехнулся. — А что ты сделаешь, если найдешь её, колдун?

— Я её уничтожу.

— Правда? — Кратегус слегка наклонил голову на бок. — Так уж и уничтожишь?

— Не сомневайся.

— У меня есть причины сомневаться в людях. Но утешься, ты не сможешь её уничтожить. Говорят, что ею может управлять только рука с опаловым грифоном. А кольца у нас нет, — он сунул руки в карманы и отошёл к окну.

Джексон обернулся ко мне.

— Тогда мы должны спрятать эту Книгу так, чтоб никто её не нашёл. И охранять это место.

— Не реально, — покачал головой демон. — Маленький мир, ограниченные возможности. И довольно смыслённые и организованные противники. Но если найти Книгу Творения и Кольцо, то... возможно, тот, кто их соединит, и сможет как-то спрятать или заговорить её, а, может, и обезвредить. Если можно было подчинить Книгу Кольцу, то, может, её можно и уничтожить. Пока это лишь пустые рассуждения. У нас нет ни того, ни другого. Я уверен, что ваши противники времени зря не теряли, но, похоже, ничего не нашли.

Джексон обернулся ко мне, ища поддержки. В чём-то он был прав. Если Кратегус говорит правду и сила Книги растёт, то, возможно, скоро над городом будут летать драконы, а по улицам ходить вурдалаки. С другой стороны, пока Книга лежит в своём тайнике, нет опасности, что ею воспользуются плохие ребята. Ведь Кольцо тоже пропало. И, скорее всего, оно уже у того, кто затеял всю эту игру.

— Нужно сначала найти Кольцо, — проговорила я, — и забрать его у того, у кого оно находится, а потом искать Книгу.

— Проще искать и то, и другое, — заметил Эльвер.

— Разумно, — кивнул демон.

— А что бы ты сделал, если бы Книга и Кольцо попали к тебе?

Он смутился, словно, эта мысль не приходила ему в голову.

— Понятия не имею, — пожал плечами он. — Я всего лишь демон и мне довольно своей силы. К тому же я не склонен к творчеству.

— Свой мир, — задумчиво проговорила я, глядя на него. — Это заманчиво даже для меня.

— Для того, кто склонен блуждать по чужим мирам, это не самая лакомая приманка, — ответил он.

Может быть, подумала я, хотя... кто его знает?

— А что бы ты сделала? — улыбнулся он.

— Если мы её найдем, — ответила я, — то мы её либо уничтожим, либо упрячем подальше, либо обезвредим. Если ты ждал от меня более буйной фантазии, то её я применю, чтоб достичь одной из этих целей.

— Потому что считаешь эту Книгу оружием?

— Потому что то, что позволено Юпитеру, не позволено быку.

Он замолчал и, пожав плечами, отвернулся к окну.

— Вы закончили? — поинтересовался Эльвер.

— Что? — не поняла я.

— Делить шкуру неубитого медведя. Мы ещё и приблизительно не знаем, где искать. Может, этим и займемся?

— Продолжай, — одобрила я. — Что у нас есть?

— Вариантов множество, но все они есть и у других соискателей. Кроме одного. Они не знают, что здесь те, кто спрятал Книгу Творения много веков назад. Может, можно получить информацию от них?

— Каким образом? — поинтересовался Джексон. — Если я не ошибаюсь, они прокляты за то, что пользовались Книгой.

— А, может, превращены в призраков, чтоб ни один из смертных не смог узнать от них, где Книга? Может, они Хранители? Ведь спрятали-то они её не менее надёжно, чем раньше Архангел Михаил.

— А, может, истина находится где-то посередине, — снова присоединился к разговору Кратегус. — Книга сделала их бессмертными, а они не имели права на бессмертие. И чтоб покарать их за гордыню, а заодно и замкнуть их бессмертные уста, их превратили в призраков.

— Кто же это сделал? — поинтересовался Альмер. — Или на вашей планете Бог создаёт призраков?

— Истории известна тьма примеров, — пробормотал демон, задумавшись. — Вопрос не кто, а как... Их шестеро, они всегда вместе.

— Нет, — покачал головой Эльвер. — Один всегда позади. Он не нападает.

— Это третий брат Хаймеш. О нём говорили, что он не разделял страсти отца и братьев к колдовству и был очень набожен. Лишь долг перед семьёй заставлял его следовать за ними. Правда, поговаривали, что именно он выкрал Книгу Творения у отца и спрятал её, в том числе и от него. Их замок подвергся осаде, а им пришлось бежать потому, что тогда у них уже не было Книги. А Кольцо, которое он тоже забрал у отца, было потеряно, потому что пальцы у него были тоньше.

— С ним можно поговорить? — нетерпеливо спросил Джексон.

— Не думаю, что у него есть номер телефона, — огрызнулся демон. — Мне нужно

время.

И резко развернувшись, он исчез.

— Ненавижу, когда он так делает, — проворчал Джексон.

70

Утром я была удивлена тому, что проснулась в собственной постели. Если долгое время просыпаться в самых странных и неожиданных местах, утро на своей кровати станет приятным сюрпризом. И тёплое чистое бельё, и прозрачное утро за окном, и букет роз на... Именно на комод. Снова букет свежих роз, словно ничего не изменилось. Всё по-прежнему, даже если тебе это не нравится, любимая. Впрочем, розы мне нравились всегда, потому я сладко потянулась, нежась под мягким одеялом на белоснежной простыне. Почему бы не поваляться полчаса, коль некуда спешить?

О том, что насладиться маленькой невинной радостью мне не удастся, возвестил удар грома, раздавшийся где-то рядом. Самое занятное, что он шёл не снизу, а сверху, то есть не из подвала, а с чердака. Меня это не удивило, но проверить, что там случилось, стоило. На ночь в доме осталась Лия.

Я сама на этом настояла, когда случайно услышала, что напевает эта девчонка, заваривая чай для Альмера. Я вошла в кухню, и увидела, что она склонилась над маленьким, на одну чашку чайником и пела:

— Дьябло харина ми корасон! То корасон кон харина! Ми магикос Вуду, дар ми аморе, кон харина! Си тенер...

Продолжить я ей не дала. Отобрала у нее чайник и молча выплеснула его содержимое в раковину, а потом покрутила пальцем у виска. Она обиделась и надула губы.

— Это ничего страшного! — заявила она. — Это всего лишь очень маленькое заклинание на сердечные муки. Чтоб он меня любил.

— Он тебя итак любит! — отрезала я и вытолкала её из кухни, после чего заварила чай сама.

Джексон, похоже, тоже был озабочен поведением дочери, и потому, когда я сказала, что хочу, чтоб Лия осталась в доме, не стал возражать. Мне хотелось за ней понаблюдать, чтоб понять, что происходит. Но я никак не думала, что она встанет такую рань и начнёт метать громы на чердаке. Быстро одевшись, я поднялась наверх и увидела её сидящей в центре нарисованной красным мелом пентаграммы. На ней была моя кружевная блузка навывпуск, широкая длинная юбка и плюшевая скатерть с кистями с журнального столика из библиотеки, повязанная вместо шали. На голове намотано тюрбаном белое махровое полотенце. Перед ней метрах в двух росло прямо из пола маленькое банановое дерево.

Едва подойдя, я узнала книгу, которую она держала в руках. Это была та самая книга, которую читал вчера Кратегус.

— Что это такое?

— Колдовская книга! — радостно сообщила она. — Смотри!

Я не успела её остановить. Она произнесла какую-то тираду на тарабарском языке и взмахнула рукой. Грома, к счастью, не было, но на дереве мигом выросла большая связка золотистых бананов.

— Хочешь банан? — спросила она. — Они полезные. От них на почках образуется жир.

— Мне своего жира хватает, — сообщила я. — Откуда у тебя эта книга?

Она снова, как вчера, надула губы.

— Мне дал Джулиан. Если ты попытаешься её отнять, то я превращу тебя в жабу.

— Можешь начинать превращать меня в жабу прямо сейчас, потому что я её всё равно отниму.

Я протянула ей руку, и она нехотя отдала мне книгу.

— Я попрошу, и он даст мне другую, сильнее, — мстительно сообщила она.

— Лучше почитай «Молот ведьм». Очень хорошо освежает мозги, — посоветовала я, выходя с чердака. — И убери этот фикус!

Спускаясь по лестнице, я перелистывала книгу. Мои познания в латыни были не столь велики, но кое-что я всё-таки поняла. Вполне достаточно, чтоб спуститься в подвал и, подойдя к столу, за которым с задумчивым видом, обложившись фолиантами, сидел Кратегус, запустить в него этой книгой. У него оказалась хорошая реакция, и он её поймал.

— Какого чёрта ты дал эту чушь девчонке? — рявкнула я.

— Успокойся, успокойся, — он положил книгу на стол и поднял руки, прикрываясь от меня. В следующий момент я сообразила, что замахваюсь на него каким-то увесистым футляром для свитков. — Не сердись, я хотел, как лучше. Она так мечтала стать колдуньей, а знаний — чуть. Я решил ей помочь. Я просто стараюсь быть добрым.

— Добрым? — я с грохотом обрушила футляр на стол, от чего он раскололся. — Не заговаривай мне зубы! Ты дал ей книгу по чёрной магии!

— Она совершенно безвредна!

— Если не считать рецептов зелий, в состав которых входит жир некрещёных младенцев!

— Они совершенно бесполезны, в них полно ошибок, — он поспешно выдернул из-под моих пальцев другой футляр. — И не думаешь же ты, что Лия...

— Довольно! — я сделала над собой невероятное усилие, чтоб успокоиться. — Если ты ещё раз сделаешь что-нибудь подобное, я проткну тебя насквозь, даже если после этого мне на голову свалится ещё дюжина ошалевших от любви бесов, понял? Я прекрасно вижу, что ты затеял, но не знаю зачем. Имей в виду, я за тобой наблюдаю.

Я резко развернулась, имея намерение уйти.

— Ладно, ладно... — проворчал он. — Я больше не буду. Просто хотелось слегка проучить эту глупую девчонку. Послушай, я стараюсь быть человечным, но у меня своя природа, и кроме тебя, да, пожалуй, Эльвера, я тёплых чувств ни к кому не питаю. Но я обещаю впредь держаться в рамках.

Я посмотрела на него из-за плеча.

— Ты же видишь, я стараюсь, — с кротким выражением произнёс он. — Я никого не убиваю, не терзаю, терплю глупые выходки. А это нелегко.

Я снова повернулась к нему.

— То, что происходит с Лией, — твоя работа?

— Нет. Она увлеклась своими детскими фантазиями и не хочет из них вылезать. Наиграется и ей надоест. Обещаю больше ей не подыгрывать. Ты меня простила?

— Ещё нет.

Он вздохнул и посмотрел на страницу открытого фолианта.

— Как жесток этот мир. Я трачу время на то, чтоб помочь тебе, а получаю только щелчки и зуботычины.

— Смирение — добродетель, — поучительным тоном поведала я.

— Тогда я постараюсь стать добродетельным, — обречёно пообещал демон. — А пока

скажи-ка мне, нож из ящика, который ты отдала Эльверу, всё ещё у него?

— Думаю, что да. А зачем он тебе?

— Я перерыл кучу книг, и только одна мысль пришла мне в голову. Если Хаймеш МакЛарен разделил судьбу отца и братьев только потому, что вынужден был следовать за ними, может быть, отделив его от них, мы его освободим?

— «Отсекая, освобождаю», — припомнила я фразу, начертанную на рукоятке. — Думаешь, сработает?

— Почему нет? В любом случае попытаться стоит.

— Хорошо, — согласилась я. — Всадники появляются, как правило, в сумерках и ночью. Я позвоню Эльверу и он привезёт нож. А ты знаешь, как им пользоваться?

Он посмотрел на меня как на ребёнка.

— Я демон.

— Я помню, — кивнула я и, пошла наверх.

Поднимаясь по лестнице, я снова взглянула вниз. Кратегус продолжал смотреть на меня так, словно ему хотелось, чтоб у меня хоть раз в жизни отшибло память.

Я не стала объяснять Эльверу, почему мне вдруг понадобился атам с чёрной ручкой, который был передан ему на хранение, а он не стал об этом спрашивать. Он просто пообещал привезти его к ночи, как я и просила.

Я положила телефонную трубку и вдруг подумала, что во всём остальном мире таких аппаратов уже просто не существует. Они устарели пару веков назад. Или устареют веков через семь? Маленький мирок, ещё недавно такой тихий и архаичный, вдруг обогнал раскинувшийся за его пределами странный мир по части технологий, но очень скоро ему предстоит стать ещё более архаичным и слиться с окружающим пространством. Или, может быть, погибнуть.

За окном светило утреннее солнце, зеленели деревья, но всё это казалось лишь голографической декорацией к драме, которая разворачивалась в Новом Орлеане, и я чувствовала себя лишь зрителем, таким отставным игроком, давно уставшим от борьбы и азарта.

Наверху опять что-то загрохотало. Иеремия, устроившийся в четырёхугольнике солнечного света, падавшего на ковер из окна, тревожно посмотрел на потолок, но не двинулся с места. Лия продолжала свои эксперименты, несмотря на отсутствие письменных инструкций. Может быть, демон и прав, пусть учится на своих ошибках. Надеюсь, она не разнесёт весь дом. А разнесёт, так что ж, заберу кота и перееду в отель.

Подмигнув Иеремии, который принялся с упоением вылизывать поднятую вверх лапу, я отправилась на кухню, готовить себе завтрак.

День прошёл на редкость тихо и спокойно. Я пребывала в мрачной меланхолии и посвятила своё время, неожиданно оказавшееся свободным, дальнейшему обследованию библиотеки. Кстати, я нашла там занятную книгу, которая раньше как-то не попадалась мне на глаза. Она называлась «Влюблённый дьявол». На потемневшей картонной обложке значился автор Жак Казотт. Открыв книгу наугад, я прочитала первую же подвернувшуюся строчку: «Оказывается, дьявол очень хитёр. Оказывается, он не столь уродлив, как говорят».

Я молча закрыла книгу и сунула её обратно на полку. Мне не хотелось новых откровений про влюблённых дьяволов.

После полудня с чердака спустилась Лия и хмуро посмотрела на меня.

— Как успехи, Мария Лаво? — с сарказмом поинтересовалась я, почему-то сходу

вспомнив имя знаменитой Королевы Вуду. Наверно, уже изрядно поднаторела в области магии, или хотя бы её истории.

— Не получается, — надув губы, буркнула она. — Я всё делаю и говорю как надо, а получается не так. Почему?

— Защита от дурака, — поделилась я своей версией.

Она не обиделась, только уныло посмотрела в сторону лестницы на чердак.

— Что теперь делать?

Я пожала плечами.

— Направь энергию на мирные цели.

— Могу приготовить обед, — предложила она.

Я какое-то время колебалась, но самой возиться у плиты не хотелось. Лия терпеливо ждала моего решения.

— Только никаких магических штучек.

Она покорно кивнула и поплелась на кухню. Я обернулась к развалившемуся у камина коту и распорядилась: «Проследи!» Это была, конечно, шутка, но, как ни странно, Иеремия некоторое время задумчиво смотрел на меня, потом встал, грациозно потянулся и не торопясь направился на кухню. Я проводила его взглядом, очень надеясь, что он пошёл туда не по моему приказу, а по собственной инициативе, чтобы выпросить несколько кусочков чего-нибудь вкусного.

Обед оказался вполне приличным и без признаков магического воздействия. Лия сидела за столом напротив меня, сложив руки, как примерная девочка. Я решила, что ни за что сегодня не пойду на чердак. Хватит на мою долю потрясений. А её поведение теперь меня вполне устраивало. Я положила рядом с тарелкой большой том подарочного издания «Трёх мушкетеров» с красивыми цветными иллюстрациями, и рассматривала их, по ходу читая попадавшиеся на глаза куски текста. Это детское занятие настолько захватило меня, что только под конец обеда, я сообразила похвалить её стряпню. Она вдруг безумно этому обрадовалась и кинулась убирать со стола. И я решила, что вообще никогда больше не сунусь на этот чёртов чердак.

Устроившись у камина с книгой и котом, я продолжала наслаждаться минутами покоя и уюта, как вдруг, неожиданно услышала испуганный вскрик Лии. В голове тревожно мелькнуло: «опять?!» и я подняла на неё глаза.

— Мы не позвали к обеду Джулиана! — с ужасом произнесла она.

— Утешься, дитя, у него сегодня разгрузочный день, — проворчала я и снова уткнулась в книгу.

71

Эльвер оказался очень пунктуален и явился, когда за окном только начали сгущаться сумерки. На улице всё стало синим, и в этой сини темнели расплывчатые силуэты деревьев. Я задержала на них взгляд, вдруг подумав, что не хочу увидеть в небе луну, просто потому что ей не место на небе Нового Орлеана. Потом с сожалением отложила книгу и спустила на пол тёплого, тяжёлого и мелодично мурлыкающего кота.

Эльвер вошёл в гостиную, как всегда подтянутый, элегантный и деловой, бесконечно далёкий от грёз моего детства, в которых звенели шпаги, и лилось рекой бургундское вино. Он приехал один, и я была благодарна ему за то, что он не привёз с собой Джексона.

— У нас общий сбор, но мне удалось вырваться, — пояснил он, подходя и вытаскивая из

внутреннего кармана чёрного пиджака полотняный сверток. — Ларс проводит ревизию, но, поскольку я был вместе с ним и отсутствовал здесь, вопросов ко мне нет.

Он спокойно, ни о чём не спрашивая, развернул сверток и выложил передо мной на журнальный столик длинный чуть загнутый нож с блестящей эбонитовой ручкой.

— Привёз? — раздалось с порога, и в комнату вошёл Кратегус. Он взял в руки атам, и принялся разглядывать мерцающие знаки на рукоятке. — Надеюсь, ты не очень торопишься? Твоя помощь была бы неоценимой.

— В чём? — спросил Эльвер тоном «всё, что угодно».

— Я придумал, как нам заполучить Хаймеша МакЛарена. Мы можем отделить его от своры вот этим ножом, — демон взялся за лезвие и показал нож Эльверу. — На самом деле это не сложно. Но нам нужно что-то, что отвлекло бы свору и заставило её остановиться. Так было бы вернее. Нам нужна приманка.

— Приманка? — переспросила я.

Эльвер молча смотрел на демона. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Я должен отвлечь псов на себя? — уточнил он.

— Исключено, — мотнула головой я.

— Никакого риска! — возразил демон, глядя на масунта. — Я буду рядом и помогу тебе. В это время Лора освободит нашего рыцаря.

— Хорошо, — кивнул Эльвер.

— У нас ещё есть несколько часов до полуночи, и я займусь приготовлениями. Нужно всё рассчитать, и тогда мы обречены на успех.

Резко развернувшись, он вышел из гостиной, и спустя мгновение я услышала, как в прихожей хлопнула входная дверь.

— Обречены? — переспросила я, взглянув на Эльвера.

Тот пожал плечами.

— Есть такое выражение.

— Оно мне не нравится, — я бросила взгляд в окно, где всё больше сгущалась тьма. — Звони и вызывай подкрепление: Джексона и не меньше пяти масунтов. Пусть будут в засаде.

— Если он мне поможет, то я справлюсь и без подкрепления, — заметил Эльвер, тем не менее, поднимая трубку телефона.

— Если поможет. Ты всё ещё веришь ему?

Эльвер снова пожал плечами.

— Он спас мне жизнь и потом не убил, когда мог убить. К тому же, мне показалось, что ты тоже ему доверяешь.

Я не знала, что ответить, и после минуты молчания просто отрицательно покачала головой. Это было правдой, и мне это не нравилось.

Демон вернулся ближе к полуночи. Он потирал руки и был явно возбуждён. Видимо, по его мнению, всё складывалось очень удачно.

— Я всё подготовил, мы можем идти, — сообщил он, остановившись на пороге гостиной.

— Может, на всякий случай вызвать подкрепление? — поинтересовалась я, лениво поднимаясь с кресла. Эльвер был уже на ногах.

— Зачем? — нахмурился Кратегус. — Мы прекрасно справимся сами, — а потом вдруг спохватился, — впрочем, если тебе так будет спокойнее, можешь позвонить.

В его голосе так и прозвучало: «Звони, если хочешь, они всё равно не успеют». Я

задумчиво посмотрела на него и прошла мимо телефона. Он чуть заметно улыбнулся. Что бы он сказал, если б знал, что пять боевых масунтов уже затаились неподалёку от дома и с ними вместе этот противный друид, плюющийся камнями.

На улице уже совсем стемнело, и я зябко поёжилась, хотя воздух был тёплый и совершенно неподвижный. Тишина, даже листья не шелестели. А на небе во всей красе расположилась недобрая бледная луна, которой здесь было совсем не место.

— Полнолуние, — пояснил демон, многозначительно взглянув на меня, — и близиться Час ведьм. Призраки появятся совсем скоро. Идём, я едва успею вам всё объяснить.

Мне показалось, что он был взволнован, даже чересчур. Это было так странно для него. Что его так оживило? Близость намеченной цели или просто недобрый час и ирреальный колдовской пейзаж? А пейзаж, действительно, был подходящий для готического романа.

Мы как раз вошли в аллею и остановились в самом её начале. Её конец терялся в выползающем из кустов белёсом и странно клубящемся тумане. Бледный свет луны падал сквозь деревья серебристыми полосами, разделёнными совершенно чёрными тенями деревьев, и в самой середине аллеи сменялся сумраком теней от крон. При этом и чёрные, и серебристые полосы странно колебались и меняли очертания из-за клубов стелющегося по земле тумана. Я подняла голову и посмотрела на луну. Не нужно быть художником, чтоб понять, что при таком расположении луны, деревья не смогли бы отбрасывать столь выразительные тени. Мне захотелось проснуться.

Кратегус тем временем направился прямо в туман, и нам пришлось последовать за ним.

— Вот здесь, — он остановился и посмотрел на меня. — Ты будешь стоять здесь. Кошка — вон там, метрах в десяти от тебя. Они должны появиться вон оттуда, — он махнул рукой в конец аллеи. — Как только они пробегут мимо, я зажгу пентаграмму, и ты всё увидишь.

— Что я увижу? — скептически поинтересовалась я, поскольку ничего не видела уже в трёх метрах от себя.

— Узы, я полагаю. Те узы, которые держат его рядом с семьей. Он обычно отстаёт от них метров на двадцать, но что-то держит его на привязи, и ты должна это увидеть и рассечь атамом.

— А какие-нибудь заклинания, слова?

— Ничего не нужно. Всё есть в пентаграмме. Просто символический удар кинжалом по символической привязи, нанесённый рукой с магическим кольцом. Я понимаю, плохо видно. Туман тут совершенно некстати.

Я с трудом удержалась от комментариев. Мастер иллюзии, он меня что, за малолетку держит? Я уже давно перестала верить цирковым фокусам.

— Ты всё поняла? — он обернулся ко мне, и его глаза как-то нехорошо блеснули красным. — Они появляются, бегут к Эльверу, я активирую пентаграмму и спешу ему на помощь. Хаймеш отстает, и ты его «отсекаешь». Призраки исчезают, он — остаётся. Всё просто до гениальности. Только не сходи с этого места, потому что за его пределами опасно, а здесь ты защищена.

— Конечно, — понятливо кивнула я.

Он подозрительно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Он повёл Эльвера на его позицию, а я осталась стоять в подсеребрённом лунным светом магическом тумане с ножом в руке, и чувствовала при этом себя полной дурой. Их шаги смолкли, и стало совершенно тихо. Я вздохнула и полезла в карман, куда предусмотрительно сунула ультразвуковые очки, которые уже пару лет таскала с собой в сумке, так ни разу и не использовав. А очки, кстати,

были неплохие и довольно красивые, имеющие форму, похожую на летучую мышь с распростертыми крыльями. И не зря, поскольку, устройство их было сродни радару летучей мыши: очки испускали ультразвуковые волны, которые, отражаясь от предметов, поступали в миникомпьютер, создающий на внутренних экранах стекол достаточно чёткое и объёмное изображение. Это, конечно, не так удобно, как преобразовательные линзы, но, в отличие от линз, вполне действенно в тумане.

Я надела очки и осмотрелась вокруг. Эльвер, уже перевоплотившись, стоял прямо посреди аллеи метрах в десяти от меня. Он внимательно вглядывался туда, откуда должны были появиться призраки, и напряжённо царапал огромными когтями дорожку. А вот Кратегус оказался в самом неожиданном месте, всего лишь в четырёх метрах от меня — на другой стороне аллеи. Он пристально вглядывался вдаль и, похоже, туман ему при этом нисколько не мешал. На его лице застыло каменное выражение, и взгляд был холодным, как лёд, и острым, как клинок.

Так прошло, наверно, минут двадцать, и, наконец, вдали послышался низкий лай, переходящий в вой. Эти звуки приближались и вскоре к ним добавились удары о землю огромных лап. Псы МакЛаренов неслись в нашем направлении. Как ни странно, но очки продемонстрировали мне их во всей красе. Впрочем, и раны Эльвера, едва не стоившие ему жизни, говорили, о том, что псы вполне материальны. Пять чёрных туш стремительно промчались мимо меня, шестой, как и положено, отставал.

В тумане раздался громовой голос демона. В тот же миг земля вокруг меня вспыхнула алым пламенем, и я увидела, что стою в магическом круге, испещрённом какими-то знаками. Такие же алые полосы рассекали землю аллеи, создавая причудливый рисунок на земле. А прямо перед собой в воздухе я увидела голубую цепь, протянувшуюся от своры к последнему, отстающему псу.

Пока всё шло по плану. Я подняла руку с ножом, чтоб рассечь цепь, и тут всё пошло наперекосяк. В считанные секунды демонические псы окружили масунта. Он крутился, оскалив клыки и злобно рыча. Я бросила взгляд на Кратегуса, и увидела, что он спокойно стоит на своём месте и наблюдает за этой сценой.

— Ах, ты!.. — рывкнула я и бросилась вперёд, забыв про свою часть плана, но тут же ударилась обо что-то мягкое, что удержало меня и отбросило назад. Я дёрнулась в другую сторону и снова наткнулась на мягкую стену. Поспешно обследовав всё вокруг себя, я обнаружила, что попала в ловушку пентаграммы, которая, возможно, и защищала меня, но, с другой стороны, и не выпускала наружу.

Я снова взглянула на Эльвера. Он умудрялся держать псов на расстоянии, но было ясно, что те лишь выбирают момент для нападения. А демон вместо обещанного вмешательства, обеспокоено смотрел на меня, в ожидании моего взмаха ножом. И именно тут случилось самое непредвиденное.

Когда один из псов уже прижался к земле, готовясь к прыжку на спину масунта, шестой пес, вдруг оглушительно и свирепо взревел и рванулся мимо меня. С яростным рычанием он вцепился в загривок своего сородича, и оба пса с визгом и воем покатались прочь, сцепившись в яростной схватке.

В ряды призраков был внесён разброд, а тут ещё из кустов со всех сторон выскочили мощные звёздные львы и вместе со своим предводителем Эльвером набросились на растерявшихся псов. Для масунтов это был священный бой, и за них можно было не волноваться. Теперь я могла, наконец, вспомнить и о своей миссии. Я повернулась к двум

дерущимся псам, которые кружили по аллее, постепенно приближаясь ко мне, но их было два, и какой из них «наш», я не знала. Две голубые цепи тянулись за ними, и я понятия не имела, какую нужно перерубить. Вдруг выберу не ту...

— Скорее! — взвыл Кратегус. — Они сейчас исчезнут!

Он внезапно возник рядом, внутри пентаграммы, схватил мою руку с ножом и резко поднял её, а я чисто инстинктивно вырвала её, и он сам рубанул атамом по цепям.

Я решила, что всё сорвалось. Не повезло. Очень жаль. Сам виноват, мерзавец. Пентаграмма померкла. Туман стремительно уползал обратно в кусты. Я сняла очки и сунула их в карман. Призраки исчезли, и только вошедшие в раж масунты разочарованно фыркали и звенели драгоценностями из голубого золота. Затем с другой стороны раздался шум и грубые крики. Два человека с проклятиями и бранью катались по дороге.

И тут наш красавец соизволил-таки превратиться в серого демона и, хлопнув своими крылышками, взмыл в небеса, откуда и обрушился на головы драчунов. Впрочем, одного, того, что в тот момент находился сверху, он просто отшвырнул в сторону, а на грудь второму взгромоздил огромную волчью лапу и, нагнувшись к нему своей кошмарной физиономией, жутким голосом прогремыхал:

— Где Книга Творения, раб?

И бледный человек, распластаный под его лапой, в грязных лохмотьях, заросший бородой и длинными спутанными волосами, вдруг со смертельной ненавистью взглянул на исчадь ада и с яростью выплюнул ему в лицо:

— *Pater noster qui es in coelis!*..

72

Признаться, я оторопела. Услышать из уст оборотня с многовековым стажем слова главной католической молитвы, это было, мягко говоря, неожиданно. Похоже, демон тоже растерялся, поскольку так и застыл над своей жертвой, что позволило тому выпалить следом:

— *Sanctificetur nomen tuum...*

Он бы наверно продолжил, если б чудовище не пришло в себя и не взревело гневно и оглушительно. Демон взмахнул своей огромной лапой и его внезапно удлинившиеся когти сверкнули в свете луны чёрной сталью. Такого фокуса я у него ещё не видела. Он был так разъярён, что запросто мог снести голову своему бесценному источнику информации. Эта сцена вдруг напомнила мне гравюру из какого-то трактата по демонологии, а заодно и о том, что пора вмешаться. В два прыжка я подлетела к нему и схватила занесённую для удара лапу, хоть для этого мне и пришлось подскокить на полметра.

— Прекрати! — рявкнула я, и горящий свирепым огнём взгляд демона обратился на меня.

— Ты всё испортила! — пророкотал он.

Не знаю, что он имел в виду: мою инициативу по привлечению к участию в операции масунтов, задержку в исполнении моей части ритуала или внезапное вмешательство в его действия именно сейчас. Честно говоря, меня это вообще не волновало. Мою ладонь обожгло холодом от прикосновения к его лапе. А он раздражённо тряс своей конечностью, от которой в том месте, где я её схватила, шёл белёсый пар.

— Неужели? — ехидно переспросила я и вдруг заехала кулаком в его челюсть.

Сама не знаю, с чего это у меня получилось, спонтанная реакция. Но я не сожалела о

ней. Я была раздражена и даже зла. И мне было жаль, что мой кулак не нанёс особого ущерба его челюсти. А он вдруг словно очнулся и ловко «передёрнулся» в свой человеческий облик. Его физиономия по-прежнему не светилась добродушием, но всё-таки с ним уже можно было разговаривать.

— Зачем ты вызвала масунтов? — рыкнул он.

— Я сочла, что это будет разумным, — ответила я, — и не ошиблась.

— Я всё объясню... — будто пошёл на попятную он, но я только мотнула головой.

— Я знаю, что ты скажешь.

Это было правдой. Я сама могла сочинить за него с десятков убедительных и психологически обоснованных версий его поведения, но ни одна из этих версий не заслуживала моего доверия. Я взглянула на лежавшего на земле человека. На вид ему было что-то около тридцати, или чуть больше, одетый в добротную, но сильно истрёпанную одежду из плотной ткани, с тёмно-коричневым плащом, скреплённым агатовой пряжкой на правом плече, он был мертвенно бледен. В его лице не было ничего особенного, увидишь и через пять минут забудешь, хотя черты были правильными и довольно приятными. Светло-серые глаза неотрывно смотрели на меня, и было у него во взгляде то самое чувство, которое ещё недавно вызвало у меня его «Pater noster» под стопою дьявола.

— Кто ты? — спросил он.

Но сапог демона с груди его тут же переместился на горло.

— Сперва спроси, кто я, — проговорил демон, нагнувшись к нему. — Я Кратегус, граф Преисподней, но когда-то я был Джулианом МакЛареном, твоим прямым потомком и достойным продолжателем твоего дела.

Рыцарь взглянул на него с ужасом, который как-то очень быстро перешёл в ярость.

— Ты лжёшь, исчадьё!

Естественно, Кратегус зарычал и нажал ногой ему на горло.

— Кончай! — приказала я, тем более что мне всё это уже начало надоедать.

Демон мрачно взглянул на меня, но тут так кстати подошли перевоплотившиеся масунты. Он нехотя убрал ногу, и человек на земле тяжело закашлялся и отдышался, а потом, подняв голову, увидел масунтов.

— Кто вы? — всё также изумлённо воскликнул он.

— Сперва скажи, кто ты, — предложила я.

— Я Хаймеш, сын Дункана МакЛарена.

Я кивнула.

— Я Лоранс Бентли, это мои друзья, хотя их имена покажутся тебе странными, Эльвер, Альмер, Кийя, Энтор, Байли и Дромен. А этот пожилой джентльмен — мистер Джексон. Здравствуй, Ларс.

— Почему вы не сообщили нам?... — привычно проворчал он.

— Разве я не сообщила?

— Они эльфы? — тихо спросил Хаймеш, проводя настороженным взглядом по голубоватым и безукоризненным лицам масунтов. — Или ангелы?

— Они оборотни, — опять встрял Кратегус. — Те самые огромные голубые кошки, которые минуту назад драли твоего отца и братьев.

Хаймеш как раз в этот момент остановил взгляд на лице Эльвера, и тот с благородством сказочного витязя улыбнулся:

— Ты вступился за меня перед своими родичами. Спасибо, — и он протянул Хаймешу

руку.

И тот принял её. Эльвер помог ему подняться на ноги. Кратегус раздражённо фыркнул. Хаймеш снова взглянул на него.

— А он?

Я с сожалением кивнула.

— Демон Кратегус, граф Преисподней, и, действительно, был когда-то Джулианом МакЛареном. Но ныне им не является.

Это было замечание для Кратегуса. Он взглянул на меня, хотел что-то возразить, но только пожал плечами.

— У нас есть ещё один подарочек из прошлого, — напомнил он и отступил в сторону.

Я взглянула на второго незнакомца, лежащего на земле, и тут же наткнулась на холодный взгляд прозрачных глаз. Он медленно поднялся и встал перед нами, расправив плечи и высокомерно откинув голову.

— Я Дэвид, старший сын и наследник Дункана МакЛарена.

Он был на полголовы выше брата и шире в плечах. У него были светлые волосы и резкие, запоминающиеся черты лица, на котором особенно выделялся крупный прямой нос. У него были необычные прозрачные и узкие, как у кошки на солнце, глаза. Он совсем не походил на брата, наверняка гордый, высокомерный и скрытный. И без сомнения, не дурак. Вряд ли он был приятным врагом и имел много друзей. В общем, ещё тот подарочек.

Он спокойно и выжидательно смотрел на нас, мы — на него.

— Ладно, — проговорила я, — нечего здесь торчать. Идём в дом. Там и поговорим.

— Мы пленники? — прищурившись, осведомился Дэвид.

— Нет, — мило улыбнулась я. — Можете остаться. Но в таком случае, вам придётся иметь дело с вашим потомком, который будет куда менее любезен, чем я.

Братья молча переглянулись, и Дэвид опустил голову ровно на сантиметр.

— Из двух зол... Мы идём с вами.

— Слава Богу, — пробормотала я.

Мы вернулись в дом. Лия сидела на диване с ногами, держа на коленях кота, но тут же кинулась к Альмеру, который поспешно нырнул за спину её папочки.

— Нам нужен кофе, — тихо и твёрдо произнёс Ларс. — Много кофе.

Лия фыркнула и, резко развернувшись, отправилась на кухню. Я села в кресло возле камина. За моей спиной занял свою излюбленную позицию демон. Хорошо хоть не уместился на подлокотнике.

Братья МакЛарены тем временем настороженно осматривались вокруг, находясь под пристальным вниманием усевшегося возле моих ног Иеремии. Похоже, их очень смутили голубая кожа, синие волосы и фиолетовые глаза масунтов, но, снова переглянувшись, они возвратились к молчаливому осмотру гостиной. Я в это время имела возможность рассмотреть их получше. По правде сказать, ничего особенного в них не было. Они походили на двух актёров, снимавшихся в историческом боевике. На них были тёмные штаны, длинные, до колена, туники, на Хаймеше — бордовая, на Дэвиде — тёмно-зелёная, подпоясанные кожаными с чеканными накладками поясами, и тёмные плащи с капюшонами, скреплённые на правом плече пряжками. На ногах — короткие кожаные сапоги. Длинные спутанные волосы были когда-то, видимо, разобраны на прямой пробор. Причём, у Дэвида оказались золотисто-русые локоны и светло-зелёные глаза, что придавало ему ещё большее сходство с гордым и злым котом.

Масунты тем временем распределились по гостиной, Джексон, немного поколебавшись, уселся в сторонке, предоставив мне самой расхлебывать заваренную мною же кашу.

Братья тем временем, закончив осмотр, взглянули на меня. Они почему-то решили, что я здесь главная. Передо мной оставалось лишь одно свободное место — кресло напротив и Дэвид едва заметным движением головы указал на него Хаймешу, а сам устроился на кушетке у стены.

Хаймеш вздохнул и сел. Посмотрев на меня, он проговорил:

— Скажите мне, благородная госпожа, не обманули ли меня в ночи глаза? Являетесь ли вы Духом Света?

Я слегка растерялась. Чёрт, наверно, опять светилась в темноте. Пора менять тональный крем.

— В какой-то мере, — уклончиво ответила я.

— Ответьте мне, госпожа, — смиренно, но настойчиво продолжил он, — является ли наше освобождение от заслуженной нами кары лишь временным, или нам позволено будет вернуться к жизни?

Я замешкалась с ответом, и за меня ответил Кратегус.

— Если тебя интересует, должен ли ты будешь вернуться в состояние призрака, лишённого покоя, то я отвечу, что нет. Ты освобождён от этой участи. Что касается возвращения к жизни, — мне не нужно было смотреть на него, чтоб понять, что в этот момент он надменно и жестоко улыбнулся, — то вынужден разочаровать. Ты оборотень, ты проклят и ты не найдёшь успокоения в смерти.

Хаймеш тревожно взглянул на брата, но лицо Дэвида осталось холодным и непроницаемым.

— Если так, — продолжил тихим голосом Хаймеш, обращаясь ко мне, — то чем же вызвано наше освобождение от... — он замешкался, — от участи призраков ночи?

— Твоё, — жёстко уточнил демон. — Твой брат был освобождён по чистой случайности. Нам нужен ты, а, вернее, то, что тебе известно. Нам нужна Книга Творения.

Хаймеш вздрогнул и снова взглянул на брата. Но Дэвид снова был безучастен, как гранитная статуя.

— Откуда вы знаете о ней?

— Ты задаешь ненужные вопросы, рыцарь, — проговорил Кратегус и как назло уселся на подлокотник кресла. Его поза была расслабленной и в то же время таила угрозу, — сперва спроси: где вы находитесь. И я отвечу, что вы находитесь в чужом мире, где ваши ночные прогулки стали забытой сказкой. Прошло с тех пор более тысячи лет, люди давно раскрыли тайны Земли и изгнали оттуда Дьявола, но они в своей гордыне восстали против законов Бога и взлетели в небо, они достигли звёзд и устроили там свои новые жилища. И там мы, невольные изгнанники, нашли приют. Звезда, что освещала этот мир, даже не была видна на вашем небосклоне. Мы далеко, но мы ещё дальше, чем вы можете себе представить, потому что нечто захватило этот мир и ввергло его в пучину, не знающую вашего Бога. Здесь правит Книга Творения, она играет и очаровывает этот маленький и глупый мирок, готовя его к гибели. И только тот, кто найдёт Книгу, может остановить надвигающуюся агонию этого мира.

Хаймеш на мгновение задумался, а потом, взглянув в глаза демона, осторожно спросил:

— И как же Книга Творения попала в этот далёкий мир у звезды, которую не видно?

— Если ты скажешь нам, где ты спрятал её, я попытаюсь ответить на твой вопрос, —

проговорил демон.

— Я не прятал её. Я не знаю, где она. Я никогда не прикасался к ней, — невозмутимо и твёрдо ответил Хаймеш.

Кратегус картинно поднял руки и посмотрел на меня.

— Я — пас. Может, ты попробуешь, Дух Света?

— Что ты знаешь о Книге? — спросила я, обращаясь к Хаймешу.

Он покачал головой.

— Немного. Я не входил в пещеру, где они нашли её, я никогда не касался её и не входил в покой, где она хранилась. Я знаю, что именно она была источником нашего благополучия, но я знал и то, что это не к добру. Я не знаю, куда она делась в ту ночь, когда нам пришлось бежать.

— А Кольцо?

Он кивнул.

— Кольцо взял я, но оно соскользнуло с моего пальца, когда мы мчались по огненному мосту, — он покосился на брата. Тот смотрел на него с холодным презрением. — Но это Кольцо — ничто без Книги, как и Книга не может быть использована без Кольца. Я знаю, что отец наложил на неё заклятие её же силой: повелевать Книгой Творения может рука МакЛарена с опаловым грифоном на Кольце. Это всё, что мне известно.

— А тебе? — я обернулась к Дэвиду.

Он молча смотрел на меня из-под опущенных ресниц, и его зелёные глаза холодно мерцали. Странно было, что он вообще удостоил меня ответом.

— Книга пропала, и пропало Кольцо. Я подозревал, что Кольцо взял у отца Хаймеш, но кто взял Книгу мне неизвестно.

Я задумчиво взглянула на Джексона.

— Может, это правда? — неопределенно пожал плечами он. — Может, Книгу спрятал кто-нибудь из оставшихся призраками братьев?

— Или Хаймеш МакЛарен солгал Ангелу Небесному, — усмехнулся Кратегус, — добавив к своим грехам ещё один.

— Я не знаю, где Книга! — твёрдо повторил Хаймеш.

— Прекрасно... — Кратегус поднялся и прошёлся по комнате, потом остановился у окна и резко обернулся. — Он упорствует, Дух Света. Он оборотень и стоек к обычным пыткам. Но если ты позволишь, я допрошу его так, что он не сможет запереться.

— Это что, игра в хорошего полицейского и плохого полицейского? — уточнила я.

— Я вполне серьёзно.

— Нет.

— Ты знаешь другой способ? У тебя есть время уговаривать его снизить до спасения этого мира? Ты надеешься вызвать в нём жалость к несчастным детишкам, мирно спящим сейчас в своих кроватках? Он оборотень, пёс Ада, и если его сильно напугать, он вцепится клыками в глотку святого отшельника.

— А если он не лжёт и Ларс прав? Если это не тот МакЛарен, который нам нужен. И ты ошибся.

— Я никогда не ошибаюсь.

— Что такое, я слышу в твоём голосе гнев? Если тебе отшибло память, то мне нет. Твоя деятельность здесь представляет собой череду ошибок.

Он молча смотрел на меня, и мне показалось что в его глазах, где-то в самой глубине,

вспыхнула лютая ненависть, но она быстро исчезла или была подавлена. Он взял себя в руки.

— Ты странно разговариваешь со мной, — заметил он.

— Это закономерная реакция на твоё поведение.

— Ты думаешь, что я ошибся, неправильно истолковав расклад? Это несложно проверить. Карты ведь у тебя. Если я нашёл не того рыцаря, то они покажут это.

— Неплохая мысль, — кивнул Джексон.

— Как скажете, — согласилась я и, поднявшись, вышла в библиотеку, где в сумке хранилась колода пергаментных карт. Вернувшись с ними, я снова села на своё место и принялась выкладывать карты на журнальный столик.

Маг, Ангел, Дьявол, Ведьма, Оборотень... Рыцарь. Карта больше не мерцала, и рыцарь в доспехах с мечом в руке верхом на коне предстал во всей красе.

— Что я говорил? — Кратегус подошёл ко мне. — Он тот, кто нам нужен, но он молчит, — он резко нагнулся и, упёршись руками в стол, взглянул мне в глаза. — Нам нужна Книга Творения. Мы же всё решили.

— Нет, — повторила я.

Он фыркнул и выпрямился.

— Пока этот упрямый мул корчит из себя святую невинность, мы можем потерять время, и тогда уже ничто не спасёт любезных твоему сердцу обывателей. Впрочем, за себя ты можешь не беспокоиться, я не дам тебе погибнуть, чего не могу сказать об остальных, — он картинным жестом обвёл рукой комнату.

— Всё? — уточнила я.

Он отвернулся. Я вздохнула и стала собирать карты, как вдруг заметила странное мерцание на карте, лежащей наверху колоды.

— Звёзды... — пробормотала я, вглядываясь в едва наметившийся рисунок. — Ещё одна. Седьмая. Семь карт, классический расклад.

Кратегус и Джексон одновременно метнулись к столу и нагнулись над картами. На той, седьмой виднелся силуэт человека в фиолетовой мантии с разведёнными в стороны и поднятыми в молитвенном жесте руками.

— Это пурпур? — нерешительно спросил Джексон. — Епископ...

Кратегус издал сдавленное рычание.

— Возможно, просто Жрец или Священник, — с мрачным видом уточнил он.

— Жрец в пурпуре? Опомнись, демон! Это благородный пурпур! Его носит высшее католическое духовенство!

— Остынь, друид, — злобно процедил Кратегус, — и поразмышляй на досуге, откуда мы возьмём здесь епископа? Твоя версия означает полный провал.

— Может, и Жрец, — немного поразмышляв, согласился Джексон. — Или просто священник. В городе есть несколько священников.

Кратегус сумрачно взглянул на меня.

— Посмотри, нет ли там ещё сюрпризов, не понадобятся ли нам погонщики слонов и водолазы.

Я сняла карту. Следующая была девственно чиста.

— Не понадобятся, — успокоила я его.

Он перевёл тяжёлый взгляд на Хаймеша и чуть заметно оскалился.

— Я знаю, что ты лжёшь, но я заставлю тебя сказать правду, так или иначе.

В комнату вплыла Лия с подносом, на котором стояли кофейник и чашки.

— Кто хочет кофе? — громко спросила она, и от её голоса, как от крика петуха, демон растаял. Видимо ему трудно стало сдерживать эмоции.

— Мне не нравится ваш демон, Лора, — с искренним видом признался Джексон.

— Мне тоже... Именно поэтому я прошу вас оставить здесь несколько масунтов для охраны наших гостей, особенно Хаймеша.

Джексон кивнул.

— Я останусь, — предложил Эльвер, — со мной Кийя и Энтор, Байли и Дромен сменят их завтра.

— А Альмер? — пискнула Лия.

— Он нужен мне в городе, — к радости Альмера отрезал Джексон. Похоже, парень начинал побаиваться темперамента своей невесты.

Она обижено надула губы.

— Кто-нибудь будет пить этот кофе? Или я зря полчаса торчала у плиты?

73

Несмотря на выпитый ночью кофе, я спала, как младенец, а проснувшись рано утром, опять обнаружила у своей кровати на комодке свежий букет роз, вместе с благоуханием источавший тысячу извинений за плохое поведение. Я потянулась и вылезла из постели. Приведя себя в порядок и одевшись, я спустилась вниз и застала в гостиной Эльвера, который читал «Трёх мушкетеров».

— Ну как? — поинтересовалась я.

С трудом оторвавшись от книги, он взглянул на меня затуманенным взглядом.

— Интересно. Но кое-что мне не понятно.

— Что именно? — добродушно уточнила я, готовясь дать исчерпывающие комментарии.

— Что такое пеньюар?

Кое-как обрисовав отважному звёздному льву этот предмет женского туалета, я спросила, опережая следующий вопрос:

— Где братья?

— Вышли подышать свежим воздухом, естественно с сопровождением.

— А демон?

— Он появлялся пару раз и, похоже, ему не понравилось наше присутствие, но он ничего не сказал. Вернее, посоветовал нашим гостям привести себя в порядок, поскольку прекрасная дама не выносит нерях и оборванцев. Я не понял, какую даму он имел в виду. Но они потребовали дать им ножницы и воду для стирки одежды, а потом со священным ужасом наблюдали, как Кийя засовывает их тряпье в стиральную машину. Результат произвёл на них такое впечатление, что они потребовали воду для мытья. Я сам водил их в душ наверху. Они залили весь пол в спальне и хохотали так, что я боялся, что они тебя разбудят. Но они разбудили Лию, она прибежала и пригрозила превратить их в жаб. Только после этого они поутихли. Забавные ребята.

— Да уж, — вынужденно согласилась я и тоже вышла подышать свежим воздухом.

Было ещё очень рано, и бледное небо, едва просветлевшее после ночи, потихоньку начинало подсвечиваться красками наступающего дня. На газонах, в аллее и между кустами белел легкий туман, но не магический, а настоящий, который через какое-то время должен был осесть на листья и траву свежей росой.

Кийю я увидела за домом возле старого вяза. Она молча указала мне туда, где на траве возле дорожки спиной к дому сидели рядышком оба брата. Они смотрели на раскинувшийся внизу луг, подёрнутый дымкой тумана. Из этой дымки поднимались купы кустов, а дальше виднелся небольшой лесок, откуда уже слышалось несмелое чириканье птиц, пробующих голос перед утренним концертом.

Энтор стоял у другого дерева и внимательно смотрел на братьев и по сторонам. Заметив меня, он приветственно кивнул. Деликатность масунтов была оправданной. Я вдруг подумала, что эти двое наверно тысячу лет не видели, как начинается утро, как встаёт солнце и просыпаются деревья. Я тоже не хотела им мешать, но Дэвид вдруг обернулся и увидел меня. Следом обернулся и Хаймеш. Их ночные труды не пропали даром. Золотистые волосы старшего брата, вымытые, аккуратно подстриженные и разобранные на прямой пробор, лежали ровными локонами, а тёмные Хаймеша — мягкими волнами. Они подстригли бороды, и стало заметно их сходство в форме скул и слегка суженом подбородке.

Впрочем, Дэвид тут же равнодушно отвернулся, а Хаймеш улыбнулся белозубой улыбкой и махнул мне рукой. В детстве меня убеждали, что в средневековье, когда не было стоматологов и зубных паст, у людей очень быстро портились зубы.

Я подошла и присела на траву рядом с Хаймешом.

— Я думал, что уже никогда не увижу этого, — тихо произнёс он. — И я благодарен тебе за это, даже если затем мне предстоит ввергнуться в Геенну Огненную.

— Предстоит, можешь не сомневаться, — негромко заметил Дэвид.

— Какое это имеет значение сейчас? — улыбнулся Хаймеш.

— Никакого, — согласился его брат.

Они замолчали, наслаждаясь наступающим утром. Мне тоже не хотелось говорить, и я просто сидела, глядя на блёклое небо, которое только начинало наливаться живой голубизной, на сероватый луг, покрытый прозрачной вуалью тающего тумана, на кроны дальних деревьев, неподвижность которых изредка нарушалась выпорхнувшей из ветвей птицей.

Мне почему-то казалось, что я понимаю братьев МакЛаренов, хотя имела возможность наблюдать эту картину хоть каждое утро. Я вдруг почувствовала за своей спиной слишком длинную, практически бесконечную череду таких тихих минут. Сколько лет я брожу по дорогам и тропам разных планет и времен, или сколько веков, а, может, тысячелетий. И когда всё бесконечно повторяется, то уже перестаешь это замечать. А потом вдруг заметишь, и ощущение такое, словно вдруг вынырнул из тысячелетнего заточения.

Я знала, что это ощущение обманчиво, уж кто-кто, а я-то никогда не упускала возможности полюбоваться пейзажем. Но я не стала перечить себе. Что чувствуется, то чувствуется, и если кажется, что это первое и последнее утро, то это лишь усиливает его прелесть.

— Этот мир может погибнуть? — негромко спросил Хаймеш, даже не повернув головы. Я пожала плечами.

— Не знаю, но такая вероятность существует. Тут действительно происходит что-то странное, может, даже фатальное.

— Я думал, ангелы знают всё.

— Всё знает только Господь, но он предпочитает молчать.

— А этот... демон?

— Дьявол его разберёт.

Дав такой ответ, я опять ощутила неприятное беспокойство, хоть он и был искренним.

— Что связывает тебя с ним?

Теперь он смотрел на меня. У него были даже не серые, а бледно-голубые глаза. Ни за что бы не поверила, что он оборотень. Впрочем...

— Это старая история. Очень давняя. Тогда он ещё был смертным.

— Ты не смогла его спасти?

Я покачала головой.

— Не смогла.

— Я много думал, — тихо произнёс он, опустив голову. — У меня было время думать, там, во мраке, в пустоте, в холоде и одиночестве, то время, пока эта пустота вдруг не выбрасывала меня в сумасшедший бег или дикую скачку по ночным лугам и лесам. Я думал, есть ли цена моим прегрешениям, возможно ли искупление, можно ли дожидаться прощения, или так и придётся... до Судного Дня... Кого-нибудь прощают за такие дела?

— За какие? — зло усмехнулся Дэвид. — Ты же не сказал леди, что у тебя на совести. На исповедь у тебя ушёл бы целый день. И знаешь, что я скажу? Если не ты взял Книгу, то и прощения тебе нет, потому что где-то в глубине своего чёрного сердца ты до сих пор сожалеешь о ней и о том могуществе, что она давала.

— Я всегда знал, что она погубит нас, — тихо и как-то упрямо произнёс Хаймеш.

— Знал, — кивнул Дэвид. — И я знал. И Джон знал, и Том, и Хьюго, и старик... Да что с того? Никто не хотел от неё отказаться. Мы помнили, что расплата близка, но лишь жаднее становились, хватали всё подряд, и всё нам было мало. Золото уж под ноги бросали. Женщин, какая ни на есть красавица, а не больше чем на одну ночь брали, а если две или три красавицы на ночь, так и того лучше. Язык зверей, птиц? Да кто их слушал... Не до того было. Тайны мира? К чему? Философский камень подавай. Чернокнижие? Да зачем корпеть ночами в келье, коли стоит пожелать, и на пиру в чаше из-под только что выпитого вина по пустой прихоти возникал вдруг волшебный эликсир. Прощение... — он отвернулся. — Я тоже думал... Много думал, и понял одно: сколько за это не наказывай, а всё мало. Как брали без меры то, что нам не принадлежало, так без меры и получили.

— Но кто-то ведь взял Книгу.

— Может, старик сам спрятал.

Хаймеш какое-то время размышлял над его словами, а потом покачал головой.

— Не он. Точно не он. И никто из нас не мог. Слишком много теряли.

— То-то и оно, — снова усмехнулся Дэвид. — А ещё прощения ждёшь, — он взглянул на меня. — Не знаю я, ангел ты или демон, а, может, просто ведьма, но скажи, что дальше с нами делать собираешься?

— Я? Ничего. Думаешь, если я вас вытаскала, то теперь возьму вас под своё покровительство? Ошибаешься. Я не из Хранителей. Мне нужно спасти этот мир и вернуть его на место. А вы... Живите, как сможете, — я покосилась на него. — Но узнаю, что первую заповедь нарушили, я это дело с вашим бессмертием быстро пересмотрю.

— Сможешь? — серьезно взглянул на меня Хаймеш.

— Не испытывай судьбу, не советую. А насчет прощения, — я замолчала, соображая надо ли продолжать. Что я, в конце концов, об этом знаю? Так, смутные воспоминания, неясные обрывки иной жизни в иных сферах, и только странная уверенность где-то там, в глубине души. — Господь милостив, — решила я. — И без меня есть борцы за грешные души, которым не всё равно. Кто его знает...

— Пути Господни неисповедимы, — пробормотал Дэвид.

— Но ни один волос не упадет с головы вашей без воли его, — кивнула я и встала.

Потом вдруг сунула руку в карман и достала оттуда два тёплых стеклышка. — На счастье!

Они их поймали ловко, Дэвид даже левой рукой. Посмотрели и спокойно сунули в кошель на поясах.

Я пошла к дому, размышляя о том, утратили ли стеклышки из раки безвестного святого свою чудодейственную силу, или оборотни нынче тоже стали устойчивы к наложению святых реликвий. Или, и правда, их души кто-то отмолил.

Кивнув на ходу Энтору, всё так же подпиравшему дерево, я усмехнулась. Кому они нужны? Вот разве что... И решила на досуге съездить к отцу МакЛарену. Не он ли молится за грешные души своих предков?

74

Я вернулась в дом. Из кухни уже доносился невероятный грохот посуды. Видимо Лия, потерпев неудачу на колдовском поприще, решила заняться кулинарией, но роль кухарки её бесила. Противоречивая натура. Каждому своё, философски подумала я. Эльвер по-прежнему читал «Трёх мушкетеров» и даже не поднял голову, когда я вошла. Посмотрев на него, я решила скоротать время в библиотеке и именно там наткнулась на Кратегуса.

Он сидел в кресле и листал огромный фолиант, разложенный на журнальном столике. Это был атлас Новой Луизианы с пояснениями и исторической справкой. Услышав мои шаги, он оторвался от изучения карт и ослепительно улыбнулся. Мне снова захотелось на Багамы... Или на Гавайи? Да какая разница! Лишь бы подальше отсюда и от этой обворожительной улыбки в сорок два сияющих клыка.

— Сердишься? — спросил он кротким голосом и пару раз взмахнул шёлковыми ресницами. — Я вчера слегка зарвался. Трудно бороться со своей сущностью. Но я буду стараться. Правда, правда, — для пущей убедительности он кивнул.

На смазливой физиономии улыбка плюшевого мишки, беленького и пушистенького. С алой ленточкой на шее.

Я села в кресло у камина и задумчиво посмотрела на него. Обаяние у него сегодня бронепробойное, а меня почему-то не прошибает. Может, я под наркозом?

Демон тем временем поднялся с места и, грациозно обогнув журнальный столик, присел напротив.

— Ну не дуйся же. Ведь всё, что я делаю, только ради тебя. Плевать мне на этот мир и на всё остальное. Какое мне дело до местных разборок и интриг? Какое мне дело до этой Книги?

— А она тебе не нужна?

— Меня за неё размажут по самому дну Преисподней. Охотников и без меня хватает. Она ведь не людям предназначалась. Помнишь, кому её несли, когда Михаил со своей шайкой-лейкой налетел? Вот кому она нужна.

— Люциферу, — согласилась я. — А ты на неё заказа не получал?

— Я на тебя получал, если ты помнишь.

— От кого?

— Ну, кончай! Я же всё уже объяснил.

— Ах, да... Вспомнила.

— Инцидент исчерпан?

— Пожалуй.

— И ладно, — он осмотрелся, будто в первый раз заметил, что в библиотеке кроме нас никого. — А где эти двое?

— Гуляют под надёжной охраной.

— Ну, зачем эта охрана? От кого их защищать? Они сами...

— Почему, их защищать? — перебила я, — Скорее, уж от них. Ещё покусают кого... Старика или ребёнка. Или сбегут. Нет уж, так спокойнее.

Демон какое-то время молчал. Мне показалось, что он борется с желанием немедленно раствориться в пространстве. Всё равно разговор получался дурацкий.

— Ты прощупала его? — вместо этого серьёзно спросил он.

— Мне кажется, он действительно не знает.

— Врёт. Я чувствую, что он врёт. Может, со временем и расколется, но... Как бы поздно не было. Теперь о другом. О седьмой карте. Что ты об этом думаешь?

— О чём?

— Кто в ней может быть зашифрован?

— Жрец в фиолетовом плаще?

— Скорее, мантии. Знаешь такого?

Я знала, и он мне был нужен позарез. Но почему-то мне казалось, что такой ответ Кратегусу не понравится.

— Мантии носят священники, профессора и судьи. Пурпур считается папским цветом.

— Это я знаю, — он внимательно смотрел на меня, потом вздохнул и, сев поглубже в кресло, сцепил пальцы. — Я чувствую, что что-то между нами разладилось, — задумчиво произнёс он. — Ты мне никогда особо не доверяла, но были времена, когда доверяла всё же больше, чем сейчас. Наверно, я сам виноват. Не спорю. Но, понимаешь, Лора, мы ведь в одной лодке, как карты в колоде, где дьявол рядом с ангелом. Мы или вместе выиграем, или вместе проиграем. Если кто-то будет скрывать информацию, то проиграет вместе с другой стороной. И у нас нет иного пути, кроме как найти Книгу Творения. А найти мы её можем только вместе.

— А если найдём, кто будет ею распоряжаться? Ты или кто-то из этих двоих?

— Я им не доверяю.

— Есть ещё несколько МакЛаренов, кстати, один из них священник. Помнишь?

Он нехотя кивнул.

— Если тебе так будет спокойнее. Только сначала надо найти Книгу и Кольцо. Обещаю, то, что будет найдено первым, мы отдадим на сохранение масунтам. Но нужно искать. А для поисков нам нужна информация, которой обладает пёс. Позволь мне поговорить с ним наедине. Несколько минут. Я заставлю его сказать. Я не буду причинять ему боль. Я только поговорю с ним.

— Если в этом нет ничего криминального, то почему ты не хочешь поговорить с ним в моём присутствии?

— У меня есть аргументы, которые могут показаться ему вескими, но ты их не поймёшь. Я знаю таких, и мне известна их психология.

— А если он всё-таки не знает?

По его скулам прошлись желваки.

— Он знает.

— Я подумую.

В его глазах снова мелькнул тот же огонек ненависти, что и вчера, но так же мимолетно.

— Подумай, но помни: мы зря теряем время.

Он поднялся и вернулся к своему атласу. Я задумалась над его словами. Он был прав: в сложившейся ситуации действовать вместе было необходимо, но я ему не доверяла. Здесь что-то было не так. Кажется, какая малость, позволить ему на несколько минут остаться наедине с Хаймешом. Но я вспомнила светло-голубые глаза и блаженную улыбку на лице рыцаря. Чёрт с ним, может, я сентиментальна, но я такая, какая есть. И если уж я оказалась между Хаймешом МакЛареном и его демоном, значит, здесь мне и место. К тому же, возможно, есть другой выход.

Я всё решила для себя, но легче мне не стало. Стало сложнее, потому что, всё решив, я словно закрыла и заложила кирпичом самый очевидный и простой выход из ситуации. И, может, единственный. А проблема осталась. И она висела надо мной, как домоклов меч. Мне отчаянно нужен был хороший совет.

Кратегусу я свой ответ не сказала, но он, похоже, в нём не сомневался, потому что в тот же день предпринял собственные шаги в обход моих запретов. Это произошло уже вечером, когда Кийю и Энтора сменили Байли и Дромен. Не знаю, что братьев снова понесло на улицу, наверно, решили вслед за рассветом полюбоваться и на закат. Мы с Эльвером сидели в доме, он всё так же читал, как вдруг где-то неподалеку послышалось яростное рычание, потом визг, а потом совершенно невероятные звуки собачей драки, смешанные с ревом демона.

Я бросилась к дверям. Следом, швырнув в кресло книгу, выскочил Эльвер. В подступивших сумерках мы сперва разглядели лишь огромную серую фигуру демона, а потом вцепившегося в его лапу здорового чёрного пса с горящими глазами и пробегающими по загривку искрами. Впрочем, мгновение спустя серый демон отшвырнул пса, как котёнка. Тот ударился о стену дома и упал на землю, но тут же вскочил на все четыре лапы и, оскалившись, припал к земле. Только потом я заметила у стены дома за спиной у пса Хаймеша в разорванной одежде. По его лицу текла кровь.

Наше с Эльвером появление слегка разрядило обстановку, но только слегка.

— Ты скажешь! — заревел демон, хлопая кожистыми крыльями. Вид у него действительно был жуткий.

— И знал бы, не сказал! — прохрипел Хаймеш с дикой ненавистью. — И видит Господь, я не боюсь ни тебя, ни твоего Ада! Что он мне после того, где я был!

— Узнаешь! И не думай, что Он поможет тебе, здесь нет твоего Бога!

— Бог там, где в него верят, — твердо ответил Хаймеш.

Со свирепым рычанием Кратегус взглянул на меня и, взмахнув крыльями, унёсся за облака. Видимо, полетел остывать и придумывать оправдание своему поступку. Впрочем, плевать мне было на его оправдания.

— Байли, Дромен! — крикнул Эльвер, осматриваясь по сторонам.

— Они там... — Хаймеш обессилено откинулся на стену и махнул рукой в сторону.

Эльвер кинулся туда, а я шагнула к Хаймешу.

— Ты ранен?

Но чёрный пес, оскалившись, рванулся ко мне. Я отступила. Хаймеш похлопал его по холке.

— Сейчас он успокоится и снова станет Дэвидом, — он слабо улыбнулся. — Я не

ранен, просто... испугался.

Из-за дома появился озабоченный Эльвер.

— Спят как голубчики. Он, наверно, наслал на них сонные чары. Если б он их убил...

— Нет, убивать бы он их не стал.

Немного позже, когда все участники событий пришли в себя, выяснилось вот что. Когда братья были за домом вместе со своими охранниками, масунтов неожиданно сморил сон, и они рухнули рядышком на траву. Братья сразу поняли, что без Кратегуса тут не обошлось, и бросились к дому. Им никак не хотелось с ним встречаться. Но когда они уже были возле дверей, на них спикировал крылатый демон. Вернее спикировал он на Хаймеша, схватил его лапами и пролетел дальше, прямо на стену дома. Видимо, он надеялся до столкновения переместиться куда-то в другое место вместе со своей жертвой, но что-то не получилось, и демон пропал, а Хаймеш с размаху ударился о стену дома на высоте трёх метров и рухнул на землю. Демон тут же вернулся к нему, но тут Дэвид обернулся чёрным псом и с отвагой лайки, защищающей от медведя любимого хозяина, бросился на демона. Его тоже демон несколько раз бросал о стену, но ярость оборотня придавала ему сил, и он сумел продержаться демона на расстоянии от брата до нашего вмешательства.

— Интересно, — пробормотал Эльвер, поглядывая на пристыжённых сородичей. — С сонными чарами у него получилось, а с телепортацией нет. Почему?

— Может, из-за того осколка, что ты дала мне на счастье? — предположил Хаймеш, доставая стекляшку из кошелька. — Она тёплая.

— Может, — кивнула я, но думала о другом.

Своей выходкой Кратегус всё усложнил ещё больше, потому что расколол трещину между нами до пропасти. Завтра будет крутиться мелким бесом, заглядывать в глаза, очаровывать. А толку? Я знаю, что ты знаешь, что я знаю. Просто мы в одной лодке и нам из последних сил приходится делать вид, что мы заодно.

75

Спала я плохо, вернее совсем не спала, а сидела в своей комнате и думала, с мрачным видом наблюдая, как ползут по циферблату стрелки. Розы на комодке материализовались ровно в пять. Забавно. Может, у него какое магическое устройство заведено ровно на этот час наподобие будильника?

Я нуждалась в совете. Свои мудрые мысли я исчерпала накануне. Мне нужен был Фарги. Это было не честно, бросить меня в столь сложный и ответственный момент. Я снова раз за разом прокручивала в голове последние события, мои разговоры с братьями, с демоном, вчерашнюю попытку похищения Хаймеша... Станный парень этот Хаймеш, совсем не похож он на тёмную личность, нарисованную его братом прошлым утром. Что он там говорил про чёрное сердце? Не мог человек с чёрным сердцем так спокойно и уверенно заявить: «Бог там, где в него верят».

Я вдруг вздрогнула и замерла. Мне казалось, что разгадка была где-то здесь, рядом. Нет, не сложившейся ситуации, а чего-то другого. Бог там, где в него верят. Но ведь Крылья Звёздного Дыхания тоже бог и в него здесь верят. Он бог масунтов, они ходят в храм, служат какие-то мессы. А Крылья из тех богов, что любят непосредственное участие в жизни своих подопечных. Может, я найду его в Храме? А если я найду его, то, значит, Фарги найдёт меня.

Я вскочила и, подхватив на ходу куртку, выскочила из спальни. Эльвер сидел в гостиной и был насторожен, как волк в засаде. Мы вдвое увеличили охрану братьев, и пара масунтов

всё время находилась при них в облике львов, потому что именно в этом состоянии они наименее подвержены воздействию магии.

— Мне нужно в ваш Храм! — крикнула я. — Срочно!

Он кивнул, ему не надо было говорить дважды. Сорвавшись с места, он на ходу доставал из кармана брюк ключи от машины, и уже спустя минуту мы мчались по дороге, разгоняя рваные клочья белесого утреннего тумана.

Я уже давно не бывала в городе, и он меня несколько удивил, потому что напоминал декорацию к какому-то фантастическому фильму. В нём почти ничего не изменилось, кроме содержания рекламных плакатов, попадавшихся на каждом шагу. Реклама обычных товаров сменилась рекламой волшебных мазей, амулетов от сглаза и различных заклинаний, начиная с заговоров от зубной боли и кончая «полным ритуалом на защиту домашнего и иного имущества от посягательств ведьм и колдунов». И на улицах, наряду с автомобилями, появились ручные тележки и повозки, запряжённые лошадьми, мулами, осликами и даже, извиняюсь, козликами.

Храм Крыльев Звёздного Дыхания размещался в огромном современном здании декорированном под античный храм с портиком. Он находился под усиленной охраной вооружённых масунтов, которые группами прогуливались перед фасадом и стояли на лестнице между колоннами. Впрочем, нас они пропустили без вопросов. Мы вошли в высокую арку без дверей и оказались в невероятно огромном зале с прозрачно-синими стенами. Прямо от порога поднималась вверх широкая белая лестница. В тишине, пронизанной странным, мелодичным и почти неуловимым звоном, я поднялась по ступеням и оказалась в лесу хрустальных, загадочно мерцающих колонн. Именно здесь и обитало, по верованиям масунтов и их предшественников, великое божество Добра и Света. Я молча брела между колоннами, вдыхая прохладный аромат, исходящий от алмазных курильниц, и прислушиваясь к переплетению загадочных мелодий, звучащих в моей душе. Наверно, это пели колонны, именно они хранили в себе отзвуки звучащих здесь торжественных месс.

Покой и тишина опустились на мою душу, я остановилась и подняла голову, но увидела лишь синеву, в которой терялись из виду колонны. И странные яркие звёзды смотрели на меня, словно каждая пыталась заглянуть мне в глаза и проникнуть чистой прозрачной каплей в сердце. Воздух был неподвижен.

Я вздохнула и побрела дальше, пытаюсь уловить хоть слабое дуновение ветерка, хотя на деле мне нужен был тёплый ласковый ветер, сопровождающийся хлопками огромных бархатных крыльев. Я пыталась звать Крылья, я шептала его имя и говорила, как он мне нужен, но тихий нежный шёпот не прозвучал в ответ, и даже лёгкий ветерок не коснулся моей щеки.

Я остановилась и, подождав с минуту, развернулась и побрела обратно. Я шла, всё ещё надеясь, но было тихо. И тут неподалеку между колоннами я увидела фиолетовый плащ. Невысокий человек шёл, накиннув на голову капюшон. Я сразу поняла, что это не Фарги, он был на голову выше этого человека. Видимо, это был просто жрец Крыльев. Я-то думала, что любимый фиолетовый плащ Фарги — его причуда, и никак не связывала это с его словами о том, что он — Жрец Крыльев. Оказывается, это их жреческое облачение.

Я хотела было окликнуть его, но что я спрошу? Не появлялось ли в последнее время в храме их божество? Ничего себе вопрос. Может, столь явное присутствие вовсе и не является здесь обычным делом, и этот жрец, как любой ревностный священнослужитель, уверен, что его божество всегда обитает здесь, меж поющих колонн. Я даже не знаю, как нужно

обращаться к их Жрецам. Надо будет спросить у Эльвера.

— Эулус, — сказал мне Эльвер, ведя машину по заметно оживившимся улицам города. — У нас служат два Жреца в чине Эулус, что значит Старший брат. Ещё бывают Эоны и Лаусы — братья и младшие братья, они служат в небольших местечковых храмах на Эрнани и в миссиях, и Эовары — но это старшие Жрецы и они служат только в главном соборе Эрнаны. Они входят в Высший совет «Звёздного щита».

Он не спрашивал, что мне понадобилось в храме, и почему я вышла оттуда в столь унылом настроении.

— А кем был Фредерик Аль-Рагим? — зачем-то спросила я.

Эльвер с удивлением взглянул на меня.

— Аль-Рагим? Художник с Киоты, который подписывал свои картины «Фарги»? Он никогда не был жрецом. По мнению левого крыла «Звёздного щита» и с подачи Хиталоуна некоторые считают, что он был тем мессией, которого мы ждали. Может, и так, но, насколько мне известно, он никак не был связан ни с масунтами, ни со «Звёздным щитом» вообще. И не мог быть жрецом.

— А почему облачения жрецов выглядят именно так?

— Говорят, что именно так был одет Хрустальный витязь Сэнгр, сокрушивший Кусирата, а почему ты спрашиваешь?

— Просто интересно.

Он кивнул. Он никогда не задавал лишних вопросов.

— Знаешь, что, — проговорила я, немного подумав, — Коль скоро я выбралась из дому, давай заедем в собор Святого Себастьяна к отцу МакЛарену.

Эльвер с прежней невозмутимостью повернул руль, сворачивая на боковую улицу.

Отца МакЛарена мы застали на заднем дворе церкви, где он кормил дюжину облезлых бродячих кошек, выкладывая в разноцветные пластмассовые миски корм из консервных банок. Несколько опустошённых жестянок уже лежали в стороне.

— Доброе утро, святой отец, — поздоровалась я, подходя.

— Доброе утро, — слегка смущённо кивнул он, и посмотрел на своих нахлебников. — Помогать страждущим наш долг, и не только людям, но и другим божьим тварям.

— Вы кормите их регулярно? — спросила я.

— Дважды в день, — ответил он, наполняя последнюю миску. — Мои родственники каждое утро присылают мне упаковку с двенадцатью банками свежего корма, прямо с ночной смены. Иногда не хватает, я звоню им, и они присылают ещё, — он усмехнулся. — Некоторые наши прихожане со здоровым чувством юмора называют нашу церковь собор святого Мурра, надо полагать, в честь друга и вдохновителя Гофмана.

Я невольно улыбнулась. Он вопросительно взглянул на меня.

— Мне просто понравилось, что вы назвали кота вдохновителем, хотя, наверно, так и было.

— Так и было, — горячо закивал он, но тут же замотал головой. — Нет, нет, я не буду начинать, иначе уболтаю вас. Моя любимая тема — это роль кошек в мировой истории и, в частности, в европейской литературе. Я даже написал на эту тему диссертацию, и она была напечатана в ряде изданий.

— Это очень интересная тема, и я с удовольствием ознакомлюсь с вашими исследованиями, но в другой раз.

Он кивнул и собрал пустые банки в пластиковый пакет.

— Вы ведь пришли не за этим, верно? — спросил он, доверчиво взглянув на меня, а потом на Эльвера.

— Да, мне хотелось бы задать вам несколько вопросов, касающихся истории вашего рода, но не знаю, насколько уместно будет спрашивать католического священника о дьявольских проделках.

— IV Латеранский собор в 1215 году установил существование Дьявола, — спокойно произнёс отец МакЛарен, — это было при Папе Римском Иннокентии III, а в 1974 году Папа Павел VI подтвердил существование Дьявола не только как символа зла, но и как физической реальности. Об этом писали и многие отцы Церкви. Так что я не могу игнорировать реальность, тем более в существующих сейчас в Новом Орлеане условиях. Видите ли, раньше мои кошки приносили на крыльцо мышей и птиц, а теперь иногда приносят маленьких человечков. И я не знаю, насколько это греховно, и как их следует хоронить, поскольку это не люди в прямом смысле слова, но, несомненно, существа думающие и чувствующие. Иногда я даже склоняюсь к мысли, что у них может быть душа. Ведь ещё сто пятьдесят лет назад Церковь признала наличие души у инопланетян, — он грустно улыбнулся. — Так что, дьявольские проделки входят в сферу моих профессиональных интересов.

— Речь идёт не о настоящем, а о достаточно отдалённом прошлом, и относится к одной из легенд, связанных с Вашей семьёй.

— МакЛаренов? — он жестом пригласил нас следовать за собой и пошёл к церкви. — Я действительно изучал некоторые фрагменты истории нашего рода. Он очень древний. Но мы лишь боковая ветвь рода по женской линии. Среди моих предков оказалось несколько очень самостоятельных, эмансипированных дам, которые заводили детей, не связывая себя узами брака, и передавали им свою фамилию. В этом нет ничего плохого, но, естественно, в традиционном смысле мы не можем считаться полноправными членами клана МакЛаренов. Но нас это никогда не смущало.

Мы вошли в церковь через боковую дверь и присели на дубовые скамьи в высоком прохладном зале. Эльвер тут же принялся изучать резной алтарь, внимательно прислушиваясь к разговору.

— Меня интересует легенда о Псах МакЛаренов, — проговорила я.

Священник понимающе кивнул.

— Да, это очень занятная история, но она основана лишь на слухах и древних поверьях. Возможно, это просто одна из версий легенды о Ночной охоте. Но кое-что всё-таки за этим кроется. В тринадцатом веке действительно жил некий Дункан МакЛарен, достаточно богатый и просвещённый человек. Он имел шестерых детей от трёх жен, впрочем, его единственная дочь умерла в младенчестве. А пятеро сыновей выросли и даже участвовали вместе с отцом в Шестом крестовом походе, который проходил в 1228–1229 годах от Рождества Христова. Сам он, вроде бы, участвовал ещё в четвертом и пятом крестовых походах, но это только предположение. В седьмом они уже точно не участвовали, а он начался в 1248 году. Значит, что-то странное произошло с ними между 1229 и 1248 годами. Что именно, сказать трудно. Говорят, что они чем-то прогневили Господа. Учитывая, что они были тамплиерами, то, скорее всего, занимались чернокнижием и достигли определённых успехов, возможно, даже продали душу Дьяволу. Из-за этого их замок был осаждён, а затем разрушен, они, вероятно, убиты, а их неприкаянные души превратились в призрачных то ли всадников, то ли псов. Легенды очень неясные и имеют несколько

вариантов. Фактически же известно, что после их гибели их имущество пытались прибрать к рукам тамплиеры, но одновременно на него стали претендовать церковь и светские власти, а затем вмешался и король. Пока шла тяжба, а спорить, судя по всему, было из-за чего, подросток первенец старшего сына старика Дункана Яков и предъявил свои права на наследство. Пожалуй, о нём сохранилось больше всего сведений из всей этой истории. Это был очень сильный, умный и безжалостный человек. Он был храбрым воином и верно служил королю, в результате чего сумел-таки получить если не всё, то большую часть наследства своего деда. По понятным причинам он избегал упоминаний о прискорбном случае со своими старшими родственниками, поэтому до нас дошли только народные предания.

— А дети остальных братьев?

— О них мне ничего не известно. В дальнейшем род шёл от Якова.

Мне припомнился Дэвид, и я вынуждена была признать, что сын такого отца вряд ли упустил бы своё. И Джулиан был прямым потомком Дэвида, а не Хаймеша. Вот откуда у него эти зелёные глаза.

— А что вам известно о Джулиане МакЛарене? — спросила я.

Священник растеряно взглянул на меня.

— Может, вы мне напомните, когда он жил? — пробормотал он, засовывая руку в карман сутаны. Мгновение спустя он достал оттуда карманный компьютер.

— Приблизительно в шестнадцатом веке.

Он кивнул и застучал по клавишам.

— Да, действительно, был такой, — кивнул он, глядя на экран, — Сын Ангуса МакЛарена и его супруги Хизер. Это не основная ветвь, Ангус был всего лишь младшим из четырех братьев и, видимо, владел только тем, что получил в качестве приданого при женитьбе. Хизер была очень дальней родственницей Макинтошей и вряд ли могла принести своему мужу большое состояние. У них было трое детей: Эдмунд, Кэролайн и Джулиан. Старшие дети вместе с родителями погибли от чумы. Джулиан... — священник быстро читал текст, появлявшийся на экране. — Он был незаурядной личностью. С юных лет он привлёк внимание весьма влиятельных покровителей своей эрудицией и жадой знаний. Его отправили на учебу в Сорбонну, затем он прожил год в Лозанне и пару лет в Праге, где и начал всерьёз заниматься алхимией. По возвращении был врачом и алхимиком при дворе епископа, но не долго. Он умер в 1523 году в возрасте двадцати семи лет. Эта ветвь рода пресеклась на нём.

— Умер? — переспросила я.

— Здесь так написано. Подробности вряд ли можно установить. У него не осталось прямых потомков, которым было до этого какое-то дело.

— И больше о нём ничего не известно?

Отец МакЛарен пожал плечами.

— Обычная судьба для тех времен. Он был бедным сиротой, не имевшим близких родственников, всего добивался сам, и наверняка, как многие алхимики, окружил свою жизнь тайной. Он не был женат и не обзавёлся потомством. Он прошёл свою жизнь в одиночестве и исчез, не оставив следа. Чудо, что в архиве МакЛаренов сохранились даже эти скудные сведения. А откуда вы о нём знаете?

Он пытливо смотрел на меня, а я вдруг растерялась.

— Красивая церковь, — проговорил Эльвер, оторвавшись от созерцания алтаря, — Совсем не похожа на другие.

Отец МакЛарен тут же отвлекся на более приятную для него тему и радостно засмеялся.

— На самом деле она как раз очень похожа на другие, но оставшиеся на Земле. Те церкви, что строят здесь, на Новой Луизиане, новые, из местных и искусственных материалов, и не имеют ничего общего с настоящими соборами. А наш собор — другое дело. Это дар нашей семьи общине. Настоящая церковь, построенная на Земле из шотландского камня и освящённая в 1575 году от Рождества Христова. Моему прапрадеду Джону-Гаррисону МакЛарену стоило немалых усилий добиться разрешения вывезти её в разобранном виде с Земли. На Земле очень ценят древние здания. Ему помогло то, что фактически церковь давно уже перестала существовать и лежала под слоем почвы в руинах. Его отец организовал раскопки. Потом руины были разобраны, рассортированы и вывезены на Новую Луизиану, где их собрали, восстановив здание. Недостающие детали были также изготовлены профессиональными реставраторами-каменотесами на Земле. И в результате мы имеем небольшой, но довольно симпатичный готический собор.

Я с интересом осмотрелась.

— Здесь всё настоящее?

— Стены и фундамент, — уточнил святой отец. — Алтарь, кафедра, скамьи и другие деревянные детали — оригинальная работа, им уже около двух веков и они тоже имеют историческую ценность. Но есть ещё кое-что. Идите за мной!

Он оживлённо вскочил и побежал в левый предел, где за колоннами, отделенная от основного пространства церкви резными дубовыми перилами, располагалась каменная лестница. Нажав выключатель на стене, отец МакЛарен легко сбежал вниз по истёртым ступеням. Мы последовали за ним и оказались в небольшом зале, освещённом светильниками, от которого влево шёл короткий коридор, оканчивающийся тупиком. Его стены украшали выщербленные колонны и оплывшие от времени скульптуры.

В центре зала под стеклянным колпаком стоял макет церкви.

— Взгляните! — он радостно ткнул пальцем в макет.

Подойдя, я увидела небольшую базилику с толстыми каменными стенами. Это было длинное здание, перечеркнутое примерно на расстоянии трех четвертей длины от одного из концов двумя пристройками-нефами, образуя при этом латинский крест. Над пересечением двух его «перекладин» поднималась небольшая, похожая на барабан, круглая башня с конусовидной крышей. Сам храм был покрыт двускатной кровлей, а его стены украшены небольшими полуколоннами и слепыми сводчатыми нишами.

— Похоже, это собор в романском или, как говорили в Англии, в норманнском стиле. Этот стиль господствовал в Европе с конца десятого и до начала тринадцатого века... — я замолчала и, открыв рот от изумления, взглянула на священника, а потом вокруг. Целый ураган мыслей пронёсся в моей голове, оставив одну простую и жутковатую догадку. — Это та церковь, которая стояла на месте вашего готического собора? — спросила я.

— Совершенно верно, — гордо кивнул он. — Собор Святого креста, построенный дедом того самого Дункана. Можно сказать, их семейная церковь. Позднее на её фундаменте построили собор Святого Себастьяна.

— Вот это фундамент? — спросила я, осматривая неровные каменные стены, из которых выступали силуэты истёртых полуколонн.

— Нет, фундамент ниже, — торжественно сообщил отец МакЛарен, — это левый неф, единственная часть строения, чудом сохранившаяся в земле в виде фрагментов после разрушения старого собора. Всё остальное, видимо, было использовано для строительства

новой церкви. А эту часть нашли нетронутой при раскопках. И её состояние сравнительно неплохое. Посмотрите, в статуях ещё можно узнать некоторых святых. А на дальней стене есть барельеф, но что он изображает, сказать теперь трудно.

— Так, спокойно, — проговорила я, заметив, что от волнения сердце у меня колотится где-то в горле. — Вы хотите сказать, что вот эта часть — подлинное строение тринадцатого века, являвшееся когда-то семейной церковью Дункана МакЛарена и его сыновей?

— Да, только не тринадцатого, а двенадцатого века.

— Они молились здесь?

— По крайней мере, до того, как заключили договор с Дьяволом, если конечно они его заключали.

Я кивнула и медленно вошла в неф, статуи молча смотрели на меня со стен, а я смотрела на дальнюю неровную стену и на какой-то момент мне показалось, что она странно приблизилась и заколебалась.

Я вздрогнула и остановилась. Потом обернулась и посмотрела на священника.

— На планете ещё есть здания, привезённые с Земли?

— Есть небольшой Лютеранский собор Святого Марка первой половины девятнадцатого века в Монро и деревянная Троицкая церковь конца двадцатого века где-то в окрестностях Александрии. О других мне неизвестно.

76

Обратно мы ехали в молчании. Я с трудом пыталась собрать разбегающиеся мысли и потому вздрогнула, услышав вопрос Эльвера.

— Ты думаешь, Книга Творения была спрятана в левом нефе церкви Святого креста и до сих пор находится там?

Именно этот четко сформулированный вопрос вдруг расставил в моей голове всё по местам, и я кивнула.

— Это единственное место на Новой Луизиане, где более тысячи лет назад могла быть спрятана Книга.

— Но, если я не ошибаюсь, эта часть строения была доставлена сюда в разобранном виде и представляла собой камни, плиты и блоки. Никакой книги при этом не было обнаружено. Или тайник в одном из камней?

— Нет, не думаю, что всё так просто. Скорее всего, Книга спрятана с помощью магии. Потому её может найти только тот, кто спрятал, или тот, кто владеет ключом.

— Мы были совсем рядом с ней, — тихо проговорил Эльвер, думая о чём-то своём.

— Пока об этом никому.

Он задумчиво взглянул на меня и через некоторое время кивнул. Он не хуже меня понимал всё значение и всю опасность нашего открытия.

Мы вернулись. В доме царил тишина, но не покой. Было что-то тяжкое и гнетущее в этом беззвучии комнат, и это что-то было созвучно моим мыслям. Я отправила Эльвера проверить, как там наши гости, а сама прошла в библиотеку и присела у камина.

Вязкая тишина окружила меня со всех сторон, и я невольно поддалась ей, ощутив вдруг сомнение, отчаяние и какое-то мучительное напряжение, словно мне необходимо было найти немедленный выход из смертельной ловушки. Это необычное чувство захлестнуло меня с такой силой, что я просто не могла ни о чём думать, и это было так странно и даже страшно, что я постаралась встряхнуться и избавиться от него.

Оно отступило медленно как волна, оставив неприятную усталость, от которой ладони покрылись холодным липким потом. Я вдруг подумала о Кратегусе, который, может быть, сидел сейчас в своём сумрачном замке где-то внизу. Как в Преисподней. О чём он думал? О том, как убедить меня в том, что всё, что он делал, было направлено лишь на осуществление моих, а не его планов? А если так оно и было? Фарги был уверен, что демон влюблён и его тёмный дух томится, терзаемый воспоминаниями, запечатлевшимися в доставшейся ему части души Джулиана МакЛарена. Он полностью захвачен этим чуждым ему чувством, от которого нет спасения. Он думает лишь о том, чтоб вернуть себе то, что когда-то по собственной неосторожности утратил погибший алхимик. И, естественно, он действует как демон, жестоко и вероломно, но руководствуясь лишь моим благом. И как он может доказать это мне, если я не верю? Какими словами и поступками? Ведь если бы похищение удалось, и он смог бы вырвать у Хаймеша его тайну, то он мог бы принести её мне на золотом блюде, как доказательство своей любви и преданности. А победителей не судят. Но несчастная стекляшка из раки забытого святого нарушила его прямолинейный, но достаточно надёжный план. И он утратил моё доверие. Как ему оправдаться теперь?

Никак. Я откинулась на спинку стула и сцепила пальцы. Я сама не верила этому сентиментальному построению, основанному на версии о безграничной любви демона. Может быть, я и поверила бы, если бы на карту не было поставлено так много. Если бы я была просто одинокой женщиной, внезапно очутившейся в объятьях чёрных, но таких нежных и страстных крыльев. Но я уже давно была чем-то совсем иным. И я не имела права на слабость и жалость к своему противнику. По крайней мере, пока он не повержен до конца. У меня были твёрдые цели, и я должна была их достичь. Ответственность, лежавшая на моих плечах, была слишком велика.

Теперь я знала, где спрятана Книга Творения, и возникал вопрос, нужен ли мне теперь ключ к ней? Можно точно сказать, что Книга скрыта в нефе. Именно в нём, а не в составляющих его камнях. Значит ли это, что сама конструкция нефа является тайником, и, нарушив ее, можно навеки закрыть доступ к Книге Творения? Может, просто взорвать к чертям это подземелье, стереть в песок камни, а то и просто испарить их? В городе пока ещё можно найти необходимые ингредиенты для адской смеси, которая уничтожит древнее подземелье, превратив его в инертный газ. Нет тайника — нет книги. И что дальше? Не нарушит ли это стабильность создавшегося в Новом Орлеане странного искусственного мирка, не приведёт ли это к его гибели? Это было возможно, а, следовательно, недопустимо. В конце концов, я здесь не только для того, чтоб обезвредить Книгу. Я ещё и обязана защитить и спасти этот мир и живущих в нём людей.

Но существует ли эта опасность на самом деле? Что-то здесь не так. В конце концов, версию о зависимости этого мира от Книги навязал нам Кратегус. Это он живописал нам, как влияние вдруг очнувшейся в своём тайнике Книги постоянно распространяется на окружающий нас мир, грозя потопить его в безумии. Но пока эта версия ничем не подтверждена. И вообще, имеет ли отношение Книга к тому, что случилось с Новой Луизианой, и не слишком ли легко мы отказались от версии о заговоре? Похоже, всё совсем иначе. Кто-то, манипулируя Братством Тьмы и Сынами Панкаура, сперва подготовил планету к временной изоляции, затем каким-то образом соединил её или её часть с неким параллельным миром, а затем пустил их по следу Книги творения, чтоб занять иным делом. И, скорее всего, этот некто сделал это, будучи совершенно уверенным, что только он может завладеть Книгой. Таким образом, его целью мог быть вовсе и не тривиальный захват

власти. И лучший кандидат на роль такого закулисного злодея — наш демон, который с самого начала держал руку на пульсе интриги. А пока мы все дружно делали то, на что он нас осторожно и неуклонно подталкивал.

Эта версия мне не нравилась, но она подтверждалась тем, что ещё до нашего с ним знакомства он очень ловко использовал местных служителей Тьмы в своих целях, и его башня, сооружённая в моём подвале, вдруг оказалась стоящей в том самом мире, который поглотил Новый Орлеан. А все разумные объяснения этих совпадений исходили от самого демона.

В его действиях и словах было множество нестыковок. И очень много лжи. За последнее время Кратегус изменился, вдруг перестав скрывать свою сущность под маской несчастного влюблённого. Правда, изредка он пытался как-то исправить положение, но его явная непоследовательность портила дело. Что-то ему мешало вести игру так же чисто, как раньше. Быть может, нетерпение, возникшее в непосредственной близости вожденной цели? Он явно темнил, и у меня больше не было оснований доверять ему. И он чувствовал это.

Однако его хитрая игра, если таковая действительно имела место, уже принесла свой весьма печальный результат. На определённом этапе мы удовольствовались предложенными объяснениями происходящего и приняли их за основу. Возникло такое чувство, что он единственный во всей нашей компании был относительно зрячим среди слепых. Мы невольно полагались на его глаза, потому что, отказавшись от этой сомнительной помощи, и вовсе остались бы в темноте. Мы толком даже не попытались разобраться во всей этой ситуации. И теперь, по существу, даже не знаем, что происходит на самом деле. Нам действительно так уж необходима Книга, или на самом деле она необходима Кратегусу?

Чтоб знать, что делать дальше, мне нужно было понять, была ли правда в словах демона или он лгал.

Я встала и, выйдя из библиотеки, поднялась наверх, в ту комнату, что отвели братьям. Войдя, я обнаружила в спальне двух человек и пять масунтов. Двое из них в образе львов лежали мордами к двери по обе стороны от кровати. В креслах возле небольшого столика сидели Кийя и Энтор, тихо беседовавшие со стоящим возле камина Эльвером. А братья МакЛарены, ничуть не смущаясь этим обществом, устроились на широкой кровати и играли в кости. К счастью, это были обычные кости, а не те, что мы нашли в ящике. У них в ногах, поджав лапы и сонно шурясь, лежал Иеремия.

Когда я вошла, вся компания воззрилась на меня. Кивнув масунтам, я присела на край кровати, переводя взгляд с одного брата на другого.

— Скажите мне, в чём проявлялось действие Книги Творения, когда она была в вашем замке?

— Она исполняла любые наши желания, — кратко, как всегда, ответил Дэвид.

— Нужно было её просить об этом, произносить какие-то слова?

Он покачал головой.

— Довольно было просто пожелать.

— Она исполняла только ваши желания?

— Да, — кивнул Хаймеш, — все желания тех, кто постоянно жили в замке и раз в день касались опалового грифона на Кольце. И естественно того, кто это Кольцо носил, нашего отца. Утром, когда мы подходили к нему для благословения, он позволял нам приложиться к опалу, как к святыне. Это давало нам силу.

— А помимо вашего желания что-то свершалось? Появлялись какие-то сказочные существа, фейри?

Они переглянулись, а потом одновременно покачали головами.

— Самое сказочное из того, что происходило, было то, что мы понимали язык зверей и птиц, но это не значит, что мы понимали их лай и щебет, или они вдруг начинали говорить по-человечьи. Мы просто знали, о чём они хотят сказать, — Хаймеш поморщился. — На самом деле это совсем не так интересно, в основном мысли о еде, внезапном страхе или зазывание самки. Даже преданный лай любимой собаки оказался не более чем выпрашиванием еды.

— Значит, не было никаких чудес за пределами замка? Ничего, что говорило бы о том, что Книга распространяет своё действие на окрестные земли?

— Если б это случилось, нас бы осадили на пару лет раньше, — скептически заметил Дэвид. — Мы итак старались держать всё в тайне, но люди обычно очень внимательны к чужим успехам и благополучию.

Я обернулась и взглянула на Эльвера.

— Заметь, Книга, Кольцо и рука МакЛарена были тогда в одной связке, но ничего похожего на то, что происходит здесь, не происходило. А сейчас Кольца на руках всех присутствующих в городе МакЛаренов нет, если конечно не заподозрить, что во главе заговора стоит производитель кошачьего корма. Не знаю, имеет ли значение то, что он потомок Дункана по женской линии. В любом случае, это не исключено, но если это не так, то получается, что демон нас обманул.

— А если сила Книги усиливается тем миром, что нас окружает? — предположил Эльвер.

— Может, и так, а, может, и нет. Никто ничего не знает точно, даже демон. Хотя и говорит об этом с такой уверенностью.

— Пожалуй, — Эльвер сунул руки в карманы брюк и как-то уж очень по-человечески поднял плечи. — Но если это так, значит, он врёт. И он врал с самого начала. И из этого можно сделать вывод, что у него есть свой план, свои тайные цели и... Ему всё известно. Я имею в виду истинное положение вещей. И он его скрывает.

Мы молча смотрели друг на друга. И в этот момент из камина послышались не громкие, но эдакие издевательские аплодисменты. Вслед за тем из дымохода вытекла постепенно расширяющаяся струя чёрного дыма, и перед нами материализовался Кратегус.

Иеремия оскалился, зашипел и приподнялся на напряжённых лапах, готовясь к прыжку. Я поспешно положила руку ему на загривок, и он слегка притих. Львы злобно скалили огромные клыки, но лежали на своих местах.

— Bravo, — проговорил Кратегус, хлопнув ещё пару раз в ладоши. Он выглядел совсем как раньше, в самом начале нашего знакомства, весь в чёрном, стильный до неприличия, с загаром из солярия и стрижкой из модного салона. — Наконец-то меня разоблачили. Не прошло и года. Бурные и продолжительные аплодисменты. Я восхищен и повержен. И не стану больше запыряться. Я лгал, — он картинно склонил голову и развёл руками, а потом ехидно взглянул на меня исподлобья. — И что дальше? Что вы собираетесь делать, непримиримые борцы со Злом? Думаете, я по законам жанра сейчас расскажу вам, как всё было на самом деле? Как же! Не дождётесь. Может, проявите и дальше свою сногшибательную сообразительность?

Он щёлкнул пальцами, и рядом с ним материализовалось его огромное чёрное кресло,

которое, между прочим, загородило дверь. Он сел в него, закинул ногу на ногу и взглянул на меня. В его глазах была злость и холодная решимость. Я вдруг поняла, что, скорее всего, этот разговор состоялся бы и без наших догадок о его лжи. По-видимому, он, наконец, сделал свой выбор. Не в мою пользу.

— Не смотри на меня так, — понизив голос, проговорил он, глядя мне в глаза. — Ты сама во всём виновата. У тебя был шанс всё изменить, тот самый шанс, о котором говорил наш незабвенный и далекий друг. Ты им не воспользовалась. Тебе же хуже. Признаться, я провёл ужасную ночь. Я ведь не так глуп, чтоб не понимать, что все эти розы, вздохи и заверения в вечной любви больше не производят на тебя впечатления. Это пустая трата времени, которая ни к чему не приведёт. Пора было делать выбор. Тяжкий выбор между осуществлением давней мечты, которая, признаться, запала в душу Джулиана МакЛарена ещё в те самые дни, когда он услышал от отца легенду о Книге Творения, и осуществлением мечты иной, идущей из его же расколотого и истекающего кровью сердца, мечты о Дженни. Решение далось мне непросто. Любовь — тяжкое испытание, она лишает разума и питает безумные надежды. А человек склонен надеяться, пока он жив. Но я не человек. Я демон. Мне нужен реальный результат. Я готов ждать и добиваться своего столетиями, но ты не оставила мне даже ничтожного шанса. И я решил, что лучше Книга Творения в руках, чем Дженни на небесах. А там, как знать, может, мне и удастся стянуть её с небес куда-нибудь пониже. И, как только я решил это, всё сразу встало на свои места. Мне нужна Книга Творения, — его голос стал жёстким и деловым. — Я получу её в любом случае, это лишь дело времени. Вопрос только в том, сколько заплатит за это город.

Он взглянул на Хаймеша, который сидел и, слегка наклонив голову, мрачно рассматривал своего дальнего потомка.

— Я знаю, где ты её спрятал, — проговорил Кратегус. — Ты всё-таки сам выдал мне это место. Ты задал очень простой вопрос, как Книга, спрятанная на Земле тысячу лет назад, могла попасть сюда, на Новую Луизиану. Я не ответил тогда, хотя ответ очень прост: только вместе с тайником. И тогда я подумал, что руководило рыцарем Храма, который отнял у своей семьи столь могущественную и полезную в хозяйстве вещь, и обрёл своих братьев и отца на верную гибель? Ответ: страх перед гневом Господа. А где же рыцарь Храма мог спрятать эту вещь, как не в Храме? Вернее, в церкви, отдав её тем самым на сохранение Тому, во имя кого он и совершил свой странный поступок. Значит, нужно искать какой-то предмет из церкви, привезённый с Земли, — он сладко улыбнулся. — Ты не представляешь себе, храмовник, сколь благословенные нынче наступили времена. Люди, преисполнились сознанием своей значимости настолько, что записывают всё, что касается их деяний. Для истории. И максимально распространяют эти сведения, чтоб они ненароком не затерялись в море иной, столь же никчёмной информации. Ответ на наш вопрос я нашёл в прекрасно иллюстрированном атласе этой планеты, а именно в комментариях, посвящённых достопримечательностям этого города. Там чёрным по белому написано, что неф церкви Святого креста двенадцатого века подарен городу семьей одного из первых переселенцев Джона-Гаррисона МакЛарена и находится в подземелье собора святого Себастьяна, в левом пределе, лестница, ведущая вниз и окружённая резными дубовыми перилами. Ну как, я угадал?

Хаймеш задумчиво опустил взгляд, а потом посмотрел на Дэвида, который вдруг отодвинулся от него и встал.

— Я прав, — кивнул демон. — Книга Творения укрыта в этом нефе. Но достать её

непросто, согласишься. Неф разбирали по камешку, чтоб доставить сюда, и ничего не нашли. Значит, она укрыта с помощью магического ключа. Отдай мне этот ключ, и я исполню твою самую большую и сокровенную мечту. Я снова верну тебе тело и душу смертного человека. Ты перестанешь быть исчадьем ада и снова станешь собой. Ты снова станешь человеком. Ведь ты ещё так молод. Ты ещё успеешь познать любовь, стать мужем и отцом, вырастить детей и умрёшь спокойно и тихо в окружении любящих внуков. Я обещаю, что освобожу от проклятия не только тебя, но и твоего брата. Ты видишь, что я сделал с этим миром, неужели ты думаешь, мне трудно будет сдержать обещание?

Хаймеш сидел, опустив голову, и лицо его было бесконечно усталым и печальным. Наконец, взглянув на Кратегуса, он тихо произнёс:

— У меня ничего не осталось, демон. Я проклят и покинут всеми ангелами небесными. У меня нет ничего, чем бы я мог поклясться, потому что уже ничего я не боюсь лишиться. Но я всё же клянусь тебе всем святым, что осталось в моей истерзанной и загубленной душе. Я не имею ключа к тайнику, я впервые от тебя узнал, где скрыта Книга Творения, и если бы даже у меня был этот ключ, я бы не отдал его тебе.

При последних словах он высоко поднял голову и с вызовом взглянул в глаза Кратегусу. Тот фыркнул.

— Ты глуп. Что какая-то книга перед спасением души?

— Это не просто книга, — проговорил Дэвид. — И тебе, Князь Лжи, это известно. Ведь завладев ею, ты получишь Силу, которую ни с чем нельзя сравнить. Книга Творения способна разрушить мироздание. И ты, скорее всего, воспользуешься ею именно для этого. Ведь тебе нужен будет Хаос, чтоб начать всё сначала. И следствием чего станет Хаос, как не крушения догмы, гласящей, что лишь один есть Творец и иного быть не может. На этих руинах ты хочешь возвести свои чертоги? Ведь, говорят, что открывший Книгу, постигнет великую Тайну Тайн и станет Творцом. Он станет равным Господу нашему и сможет поколебать его власть. Люди в невежестве своём думают, что величие Господа состоит в его всеведении и всеилии, потому что они сами знают какую власть дают знание и сила. Но они никогда не задумывались о том, как из ничего, из хаоса, из пустоты можно создать твердь, мир во всём его многообразии и живую душу. Они даже не задумываются над этим, потому что не могут постигнуть этого. Но именно это — самое главное в Нём. Сила Творения делает его Тем, что Он есть. И именно эта сила заключена падшими ангелами в Книге Творения. В ней они упрятали орудие своей мести Ему за то, что были низвергнуты. Достойной мстью они почитали лишь наделение своего предводителя силой, равной силе Творца, что привело бы к крушению догмы о Его единстве, и к гибели мироздания. Слишком высокая цена за пару грешных душ, дьявол. Этот мир может погибнуть, но пусть вместе с ним погибнет и Книга.

Кратегус мрачно смотрел на него во время этой пламенной речи, а потом вдруг хлопнул ладонями по коленям и встал.

— Пусть будет так, рыцарь. Ты сам назвал цену. Этот мир погибнет. Но без Книги Творения. Ею я займусь позже. Когда мне никто не будет мешать, — он улыбнулся холодной, жутковатой улыбкой. — Мой ультиматум: сегодня до полуночи пять человек должны собраться в неф церкви Святого Креста. Вы двое, — он ткнул пальцем в нас с Эльвером, — друид и его чокнутая дочь ведьма... и ты, мой славный предок Дэвид МакЛарен. Я сам явлюсь туда и приведу Жреца. Расклад будет полным. И ты, сэр Дэвид, откроешь мне тайник, где спрятал Книгу Творения, — он взглянул в сузившиеся ледяные глаза старшего

брата. — Ведь это ты постиг цель её создания и, устранившись той опасности, что она несёт, скрыл её от мира. Достойный поступок, который был учтён при твоём не таком уж, выходит, случайном освобождении. Если вы сделаете это, я пощажу этот жалкий мир и всех копошащихся в нём людишек. И даже, может быть, вас самих. Если нет, то я найду самые страшные, самые мучительные и самые смертельные болезни на жителей этого города, на всех, от мала до велика, включая мужчин, женщин, стариков, детей, их кошек, собак, лошадей, ослов и прочую живность. Оставлю только крыс для пожирания трупов. К утру этот город будет мёртв, а те, кто выживут благодаря своей божественной, — он взглянул на меня, — или дьявольской, — на Дэвида, — сущности, познают такие муки, среди которых пожалеют, что вообще явились на свет. И я вырву у тебя твою тайну, храмовник, даже если мне придётся терзать тебя тысячи лет. У меня есть время и здесь мне никто не помешает.

С этими словами он развернулся и исчез.

77

— Здорово, — пробормотала я, прервав явно затянувшееся молчание. — По крайней мере, теперь ясно, что доверять ему нельзя.

Кийя нервно хохотнула.

— Блефует? — уточнил Эльвер, с надеждой взглянув на меня.

Я отрицательно покачала головой.

— Скорее всего, нет. Если он сделал выбор, то он в отчаянии и может сделать всё, что здесь живописал.

— И что нам делать? У нас есть время до полуночи.

— Я думала о том, что можно взорвать этот чёртов подвал, но вряд ли он позволит нам это сделать.

— Хочешь сказать, что он загнал нас в угол?

— Похоже на то.

Я встала и прошлась по комнате, потом остановилась перед чёрным креслом и поддала по нему ногой. Оно покорно отъехало в сторону.

— На колёсиках, — не совсем к месту удивилась я и обернулась. — Догмы, они и в Африке догмы, но людей надо спасти.

Эльвер задумчиво посмотрел на Дэвида. Тот отрицательно покачал головой и присел на край кровати.

— Так это ты забрал и спрятал Книгу, — проговорил Хаймеш, глядя на брата.

— Я сделал то, на что ты никогда бы не решился, потому что слишком сильно любил отца и братьев, — тихо ответил Дэвид. — Если б я мог, я бы уничтожил её, Отец сильно осмелел, получив могущество, и его гордыня вознеслась до непомерных высот. Он признался мне, что подумывает о том, чтоб открыть Книгу. Он погубил бы этим всех и вся... И совершил бы святотатство, которое недоступно даже Люциферу. Я должен был помешать ему.

— Ты правильно сделал, — кивнул Хаймеш и положил ладонь на плечо брата. Тот накрыл её своей и взглянул на меня. В его глазах не было ни гордости, ни упрямства, только такая же усталость и грусть, как ещё недавно во взгляде Хаймеша. — Я не отдам ему Книгу, даже если кровь этого мира падёт на меня.

— Послушай, — подсел к нему Эльвер. — Но ведь у него до сих пор нет Кольца. Даже если он получит Книгу, он не сможет воспользоваться ею, пока не найдёт Кольцо, а мы

получим отсрочку...

Я подошла к Эльверу и, в свою очередь, положила руки на его плечи. Он замолчал и опустил голову.

— Он защитник этого мира и живущих в нём людей, — объяснила я Дэвиду. — Он пытается выполнить свой долг.

Дэвид понимающе, но твёрдо взглянул на Эльвера.

— А я выполняю свой.

— Выход есть, — упрямо проговорил Эльвер. — Его не может не быть. Просто не может.

— Я его не вижу, — призналась я.

Эльвер повернул голову и взглянул на меня снизу вверх.

— Мы что, так просто сдадимся?

— Мы не были бы собой, если б так просто сдались, — пожала плечами я.

Он резко встал и направился к двери.

— Я еду в город и объявляю общий сбор. Ты со мной?

— Нет, делай, что сможешь, а я подумаю, что могу я.

Он кивнул и яростно пнул кресло, которое испуганно откатилось к противоположной стене, потом распахнул двери и вышел.

— Мы сторожим этих двоих, — проговорила Кийя и опустила руки на пол, превращаясь в шикарную львицу с изумительным колье на широкой груди. Я подумала, что нужно будет выяснить, кто её ювелир? Чёрт, нашла время...

И я тоже вышла из комнаты и спустилась в гостиную. Там, на диване, прижав к животу подушку, с обиженным видом сидела Лия.

— Я два часа проторчала на кухне и приготовила обед, — с вызовом заявила она. — И никто не идёт есть. Эльвер вылетел, как настёганный. Я что, зря там надрывалась?

— Не знаю, — пожала плечами я. — Может, кто-нибудь и поест, учитывая, что, возможно, это наш последний обед.

Она нахмурилась и недоверчиво взглянула на меня.

— С чего это?

— Наш демон признался, что сам заварил эту кашу и выдвинул ультиматум: или Дэвид в полночь в присутствии всех членов нашей печально известной экспедиции открывает тайник с Книгой Творения, или к утру город вымрет от самых ужасных болезней. Пример твоего папы и несчастной Салли показывает, на что он способен, если уж что-то задумал. Эльвер поехал объявлять общий сбор.

Лия изумлённо смотрела на меня, а потом как-то потерянно уткнулась взглядом в свою цветастую юбку. Затем быстро повернулась всем телом и посмотрела на часы на каминной полке.

— Уже час. У нас осталось одиннадцать часов. Что ты собираешься делать?

— Попробую с ним поговорить, — пожала плечами я. — Если он будет меня слушать.

Она быстро кивнула и поднялась.

— Мне нужно переодеться, а потом позвонить папе. Я быстро.

И она пошла к лестнице на второй этаж. Я проводила её взглядом до дверей комнаты, которую она облюбовала. Потом нехотя повернулась и вошла в кухню. От плиты, на которой стояли какие-то большие кастрюли, пахло чем-то удивительно вкусным. Я усилием удержала себя от того, чтоб проверить, что находится под крышками. Я была готова заняться чем

удовно, лишь бы не ходить в подвал. Однако именно это от меня и требовалось. Медленно переставляя ноги, я заставила себя подойти к двери в подвал и взялась за ручку.

«Не хочу я с ним говорить!» — отчаянно пронеслось в голове, и я повернула её вниз.

Зря волновалась. Его там не было, как, впрочем, и его башни. Внизу в бледном свете старинной электрической лампочки темнели какие-то ящики, бочки и стеллажи с соломой, на которых покоились бутылки с вином. Подвал доктора Дривера снова занял своё законное место. «Струсил, — мрачно подумала я, — испугался, что я его уломаю». И вдруг почувствовала такую злость, что в этот момент я могла бы уломать кого угодно. Я была настолько зла, что мой язык готов был превратиться в змеиный и источать сладчайший яд. Я могла бы сейчас с жестокой лёгкостью погубить любую душу, даже, душу несчастного Джулиана. Но не пришлось. Моя жертва исчезла в неизвестном направлении. И чёрт с ней.

Я вернулась в гостиную и села на своё любимое место у камина. Решение проблемы пришло сразу, и было до предела простым, и, наверно, единственно верным. Странно, что я раньше не подумала об этом. Больше и думать было не о чем. Мне придётся просто взять Налорант и убить демона, упокой, Господи, душу Джулиана. И мою тоже, поскольку последующей за этим дьявольской чехарды мне долго не выдержать. Но, по крайней мере, я спасу невинных людей и жизнь моя закончится на героической и, можно сказать, благочестивой ноте.

Я сердито фыркнула и устремила тоскливый взгляд в окно, на радостно голубеющее небо. Такое же ясное, как над виллой Фарги в день его смерти. Где тебя носит, мой бесценный и далекий друг, в тот час, когда ты мне так нужен?

78

Джексон с Эльвером и Альмером появились около восьми часов вечера, когда я заканчивала свой последний в жизни ужин, который проходил весьма торжественно в обществе двух оборотней, одной ведьмы и одного масунта. Остальные три масунта в зверином облики добросовестно бдили тут же на коврике у камина.

Мои соратники из местного отделения «Звёздного щита» не теряли времени даром. Они посоветовались и всё очень правильно решили.

— Вы должны его убить, — проговорил Джексон, присаживаясь напротив меня и заглядывая мне в глаза.

Я кивнула и пригубила бокал с вином из запасов доктора Дривера. Лия испуганно взглянула на меня.

— Спасибо за чудесный ужин, — с видом милостивой королевы улыбнулась я ей. — Могу я попросить в качестве финального аккорда чашечку твоего превосходного кофе?

Она кивнула и пошла на кухню. На ней был светлый брючный костюм и спортивные туфли. И она едва взглянула на Альмера. Как ни странно, но, не смотря на весь ужас сложившейся ситуации, сумасшедших стало меньше.

— Я тоже пришла к такому выводу, — кивнула я Джексону. — Это единственный, но вполне осуществимый вариант действий. Он сам потребовал моего присутствия, и ему тоже придётся туда явиться. И я его убью, заколю своим мечом.

— Вы думаете, что всё будет так просто? — скривился Джексон. — Полагаете, что он не предпримет мер против вас? Он же не дурак, коль дурил вас столько времени.

Я с укором взглянула на него.

— Не думала, что вы допустите столь бестактный выпад, Ларс. К тому же, мне тоже удавалось дурить его довольно долго. И я вам говорила, что эта игра когда-нибудь закончится. Что и случилось.

— Так поднапрягитесь и придумайте, как задурить его напоследок ещё раз.

— Ну, например, я могу его поцеловать, — задумчиво предложила я. Вошедшая из кухни Лия чуть не выронила поднос. — Он сомлеет по старой памяти, а я ему раз... и клинок возле бедренной кости.

— Вы шутите, надеюсь.

— Нет, просто мелко издеваюсь, — я взяла из рук Лии чашечку с кофе и вдохнула её аромат. — Божественно! Что вы предлагаете?

— В городе есть святые реликвии: часть ризы Святого Николая и щепочка от Креста Господня. Они небольшие, мы пронесём их туда и...

— Вы уверены, что они подлинные? — поинтересовалась я.

— Стопроцентной гарантии нет, но... хоть одна из двух...

— Даже если так, вы думаете, он ничего не почувствует?

— Но в общей атмосфере церкви...

— Хочу напомнить: об этом Терминаторе доподлинно известно, что он стоек к наложению креста и окроплению святой водой. Ваши реликвии только насторожат и взбесят его.

— Он ничего нам не сделает, для ритуала мы нужны живые, а не наши трупы.

— Кто вам это сказал?

Ларс опешил. Я пожала плечами.

— И какой вообще ритуал, о чём идёт речь? Может, мы — лишь необходимый антураж, а, может, для его замысла нужна кровь шести столь необычных жертв, которую он щедро разбавит своей... из пальца.

— Есть и другие варианты, — не сдавался Ларс.

— Внимаю, — кивнула я и приготовилась терпеливо слушать.

— Мы можем привлечь к участию в операции опытного экзорциста, который изгонит его. Вопрос только, как его провести туда.

— Да, и это хороший вопрос. Особенно если учесть, что демон чётко очертил круг участников этой встречи.

— Может быть, заgrimировать его под того, на кого он больше всего будет похож?

— Может, но учтите, что если там не окажется кого-то из названных им лиц, то условия ультиматума нами будут не выполнены, и город погибнет.

— Согласен, — вздохнул Джексон. — Риск слишком велик. Может быть вы, сэр Дэвид, сумеете как-то отвлечь демона?

Он с надеждой взглянул на старшего брата. Тот с сомнением взглянул на него, и, кажется, он сомневался не столько в разумности этого предложения, сколько в умственных способностях Джексона.

— Чем я должен отвлечь его? Пустыми разговорами, мечом или просто вцепиться клыками ему в ногу? Его может отвлечь только ключ от тайника.

— Мы можем договориться об этом. Вы производите какие-нибудь странные действия, а я создаю какую-нибудь иллюзию. Он отвлечётся и... — он вопросительно взглянул на меня.

— Что и?.. — уточнила я. — А если он вообще потребует отдать ему меч или оставить

его за пределами собора? Тогда мне потребуется произнести имя меча, протянуть руку и ещё ждать с десятков секунд, пока меч вернётся ко мне. Ваша иллюзия вряд ли сможет отвлечь его от всего этого.

— А если отвлечёте его вы, Лора, а ваш меч вонзит в него кто-нибудь другой, например Эльвер.

— Для этого мне сначала придётся выдвинуть клинок и передать меч в раскрытом виде Эльверу, что потребует дополнительного времени. Мой меч не слушается других. А почему бы вам просто не бросить в него склянку с этим вашим зельем? — предложила я.

Ларс как-то смутился и бросил взгляд на Эльвера.

— Оно не действует.

— Понятно, — кивнула я, — вы уже ходили туда.

— Да, хотели предпринять некоторые приготовления.

— Все возможные, — подтвердил Эльвер. — От пентаграммы для изгнания тёмного духа до мощной взрывчатки. Но он нас там ждал. Мы потеряли двоих и едва унесли ноги. Сейчас в церковь вообще невозможно войти. Все окна и двери оказались заложены камнями, вокруг образовался ров с расплавленным металлом, а над крышей летают огромные твари с острыми зубами.

— Да, он настроен серьёзно, — вынуждена была признать я. — Что ж нам остаётся? Может, мне просто вызвать его на поединок? Хотя вряд ли в таком состоянии он склонен будет выполнять какие-то там кодексы.

— Когда вы говорите о его состоянии, меня коробит! — фыркнул Джексон. — Словно вы говорите о несчастном домашнем любимце, которого вдруг поразило бешенство.

— Вряд ли на пороге такого могущества он склонен будет выполнять какие-то кодексы, — поправила я. — Так лучше?

— Пожалуй. Так что же может его отвлечь? Вы же знаете его лучше нас всех.

— Я знаю в основном Джулиана МакЛарена, а вот что способно поразить демона? Боюсь, что он много повидал, — я мрачно усмехнулась. — Наверно, его несколько развлекла бы драка в стане противника.

— То есть? — нахмурился Джексон.

— Я просто вспомнила, с каким удовольствием он наблюдал за вашей сварой, когда вы с Лией выбрались из волшебного зеркала. Если б Эльвер съездил вам по физиономии, а Лия вцепилась ему в волосы, он на несколько мгновений задержал бы на вас свой взгляд.

— У вас склонность к садизму, — объявил свой диагноз Джексон, но Эльвер подошёл к моему предложению со всей серьёзностью.

— Этих мгновений хватило бы для того, чтоб ты смогла убить демона?

— Всё зависит от того, насколько вы будете убедительны.

Эльвер взглянул на Джексона, и я вдруг поняла, что в его душе давно живёт одна тайная мечта. Исполнить её и спасти при этом мир? Простительная слабость. И Джексон это, по видимому, заслужил. Тот с некоторой опаской взглянул на своего главного помощника. Решимость командира кошачьего спецназа показалась ему подозрительной.

— А, может, лучше нам всем мгновенно обрушиться на него? Каждому тем оружием, которое он имеет, — предложил он. — Мы с Лией — магическое. Сэр Дэвид и Эльвер — клыки и зубы, а вы — свой меч.

Я задумалась, подняв глаза к потолку.

— А если он будет стоять в какой-нибудь защитной пентаграмме?

Джексон зарычал.

— Почему вы всегда всё портите? У вас словно такая цель — разбить все наши доводы.

— Лора права, — поддержал меня Эльвер. — Мы должны предусмотреть всё и действовать безошибочно. Освобождая Дэвида и Хаймеша, он с успехом пользовался пентаграммами.

— С очень большим успехом, — подтвердила я.

Джексон свирепо взглянул на меня.

— Тогда едем туда прямо сейчас. Соберём всех и возьмём на приступ эту крепость!

Я кивнула с философским видом.

— Это будет смело и благородно. Мы все погибнем, и элузы в фиолетовых плащах пропоют нашим душам погребальные гимны. Если успеют.

— Эовары, — рассеянно поправила меня Лия. — Фиолетовые плащи носят эовары на Эрнане.

— Что? — переспросила я, ещё не до конца поняв значение её слов.

— Фиолетовые плащи носят эовары, — подтвердил Эльвер. — А элузы носят серебристые — похожие на одеяние хрустального витязя, я тебе говорил.

— А кто в Храме может носить фиолетовый плащ?

Эльвер с недоумением взглянул на меня.

— Никто. Это было бы святотатством. Это исключительное право эоваров, а их здесь нет. Может, вернёмся к нашему плану?

— Возвращайтесь, — кивнула я и встала. — Похоже, до того, как умереть в бою, я просто обязана кое-что сделать.

Я бросила взгляд на часы. Полдевятого... Времени у меня всё меньше.

— Увидимся возле собора, — проговорила я и взбежала по лестнице, чтоб прихватить куртку и сумку с Налорантом. Когда я спускалась вниз, Джексон кинулся мне наперерез.

— Мне надоела ваша партизанщина! Вы действуете вместе с нами или не действуете вообще!

— Эльвер, ключи от машины! — крикнула я, летя вниз, и поймала их на нижних ступеньках. Джексон задержал меня лишь на несколько секунд. — Займитесь своим делом, Ларс, или вам придётся дожидаться своей участи в постели под капельницей.

Он благоразумно убрался с моего пути, а я выбежала на улицу, села в машину Эльвера и помчалась в город.

79

Я ехала в Храм Крыльев Звёздного Дыхания. Какая-то отчаянная надежда гнала меня туда. Я понятия не имела, что значит появление неведомого эовара среди хрустальных колонн, но на нём был такой же плащ, что и у Фарги, а это значит, это могло быть знаком для меня, и я его не поняла. Я могла ошибаться, может, мне что-то привиделось, может это серебристый плащ из-за странного освещения Храма отливал пурпуром. Может быть. Но это был шанс. В конце концов, случайностей не бывает. Фиолетовый плащ Жреца на пергаментной карте и такой же на странном жреце в храме не могли так просто напоминать жреческое облачение Фарги. И я летела в чёрном автомобиле по тёмной ночной дороге, молясь всем богам, чтоб моя с опозданием проснувшаяся интуиция не подвела меня.

Только въезжая в город, я поняла, что допустила ошибку, не взяв в качестве провожатых кого-нибудь из местных. Я не помнила дорогу. Утром меня вёз Эльвер, а я с отсутствующим

видом смотрела на мелькающие мимо дома. Теперь город изменился. Он погрузился в темноту, видимо, в городе теперь сэкономили энергию. Я с трудом узнавала знакомые места, да и то лишь по тем самым рекламным плакатам, которые так заинтересовали меня накануне. Но ведь в городе могло быть несколько одинаковых плакатов. И я на это попалась и, естественно, заблудилась. Это моё проклятие. Я совершенно не умею ориентироваться в незнакомой или не очень хорошо знакомой местности. Дайте мне адрес, и я сперва пару раз обойду весь город, прежде чем, наконец, найду нужный дом. Я крутилась по улицам, и реле на приборной доске предупредило меня о том, что топливо в баках на исходе. Я попыталась спросить дорогу к Храму у редких прохожих, но они почему-то боязливо шарахались от меня и при первой же возможности ныряли в подъезды и подворотни.

А потом машина встала, и компьютер бесстрастно сообщил адреса ближайших заправок и номера телефонов мобильных заправщиков. Я вышла из салона, заперла машину и пошла по улице наугад, надеясь только на удачу, которая теперь была мне нужна позарез.

В какой-то момент я увидела лёгкую мальчишескую фигурку, перебежавшую улицу в нескольких метрах от меня, и рванулась к ней.

— Постой, — крикнула я, и мальчик застыл, с лязгом достав из ножен длинный кинжал. Суровые чёрные глаза сверкнули из-под блестящей тёмной челки. Это был не мальчик, а девушка-ферг. Или, может, масунт.

— Я ищу Храм Крыльев Звёздного Дыхания, — выдохнула я.

Она внимательно взглянула на меня и вдруг присела в поклоне.

— Я тороплюсь, мисс Бентли, и не могу Вас проводить. Но если вы пойдёте по этой улице и свернёте возле книжной лавки налево, то выйдете прямо к Храму.

Я поблагодарила её, и она скрылась в темноте. Наверно, она видела меня во время какой-нибудь операции по истреблению демонов. Бормоча про себя: «от книжной лавки налево», я побежала по улице. Книжную лавку я едва не пропустила. Лишь в последний момент заметила в одном из больших окон какой-то отблеск, а потом разглядела начищенный медный обод большого старинного глобуса в витрине. Рядом стояли книги, а над витриной висела вывеска «Книжная лавка». Лавка была закрыта и вывеска не освещалась.

Я свернула налево и побежала дальше и вскоре увидела впереди подсвеченный голубым светом портик Храма. Я уже ступила на нижние ступеньки, когда рядом со мной возникли шесть высоких фигур. Они обступили меня плотным кольцом, но мгновение спустя кольцо распалось, и охрана Храма вернулась на свои посты. Меня узнали, и я могла продолжить свой путь.

На одном дыхании я взлетела сперва по внешней, а потом и по внутренней лестнице Храма и оказалась в прохладной и благоухающей тишине среди множества хрустальных колонн. Я шла среди них, внимательно глядя по сторонам. Вокруг никого не было, лишь нежное пение колонн нарушало неподвижную тишину, и загадочно смотрели сверху незнакомые звёзды.

Я постепенно успокаивалась. Нервное напряжение, которое гнало меня по улицам, отступило, и теперь я просто шла, снова вдыхая целительный воздух Храма и ища глазами фиолетовый плащ. Пару раз я замечала вдалеке пурпурный отблеск, но это оказывалась лишь игра света в прозрачных телах колонн. А время шло. Взглянув на часы, я увидела, что уже одиннадцать вечера. До встречи возле собора Святого Себастьяна оставался лишь час. Сомнение замаячило где-то в глубине сознания. Может, я зря уехала? Ведь если нам

придётся действовать по плану Джексона, я просто не сумею сориентироваться в нём. А права на ошибку у меня нет. Нужно вернуться немедленно. А если они уже уехали в город?

Я остановилась в нерешительности и именно в этот момент заметила странный свет впереди. Я пошла туда и через какое-то время увидела светящуюся белым светом колонну, а затем, подойдя ближе, поняла, что это не колонна, а луч, или вернее круглый столб света, низвергнувшегося с потолка. И в этом столбе я увидела хрустальную статую — жреца в длинном плаще с накинутым на голову капюшоном и молитвенно поднятыми вверх руками. Я приблизилась и остановилась, глядя на это странное мерцающее всеми цветами радуги изваяние. Запрокинутое к небу лицо статуи рассмотреть было невозможно из-за игры бликов в чистом, как родниковая вода, хрустале. Я смотрела на это ускользающее от взгляда лицо, когда оно вдруг ожило. Статуя медленно и плавно опустила руки, а затем голову. Я готова была поклясться, что она смотрит на меня. Хрустальный жрец шагнул из светового столба и его плащ стал фиолетовым, длинные волосы — чёрными, а прекрасное лицо — смуглым. Фарги внимательно и спокойно смотрел на меня из-под капюшона.

В какой-то момент мои ноги подкосились, и я была готова рухнуть на пол. Просто слишком отчаянным и несбыточным было моё желание увидеть его. Но это был он, а я по-прежнему стояла на ногах. Свет за его спиной погас. Чтоб убедиться в этом, он каким-то совершенно будничным движением обернулся назад и снова взглянул на меня.

— Хороший храм, — проговорил он своим чистым, как звуки флейты, голосом, — но они переборщили. Слишком высокая лестница и слишком много колонн, прямо священная роща олив на склоне Олимпа.

— Да, я почти заблудилась, — кивнула я, боясь отвести от него взгляд, словно из-за этого он мог исчезнуть. — Ты нашёл нас?

— Не я. Крылья. Он всегда со своими детьми, а масунтов он уже давно, со времен Сэнгра взял под свою опеку. Я знал, где вы, но мне не позволяли вмешиваться. Этот мир был закрыт для меня. Борьба велась в других мирах.

Я опустила голову и вздохнула, пытаюсь избавиться от вновь нахлынувшего напряжения.

— Опять как в прошлый раз на Киоте?

— Всё взаимосвязано, — он пожал плечами. — Мне позволили вмешаться только сейчас, в решающий момент.

— Тебе позволили вмешаться? — переспросила я.

— Я не могу биться с ним, — пояснил Фарги. — Я всего лишь вестник. Конфликт возник из-за действий смертных и смертные должны его разрешить. Вернее, их бессмертные души.

— А как насчёт падших ангелов, соорудивших этот фолиант? Это не позволяет вмешаться в дело ангелам не падшим?

— Они уже вмешались, причём дважды. Архангел Михаил — один раз, и ты — другой. Причем вы оба вмешались именно в той мере, в какой вам и положено. А превышение полномочий вряд ли допустимо.

Я едва не задохнулась от возмущения, но потом только раздражённо фыркнула:

— Ты вообще-то представляешь, что здесь происходит?

— Расскажи мне, — невозмутимо предложил он.

Я постаралась кратко, но точно обрисовать ему основные события, происшедшие с момента «похищения» Новой Луизианы. Всё это время я старалась держать свой разум раскрытым для него, и он попутно просматривал мои воспоминания.

— Согласись, что ситуация сложилась критическая, — закончила я, бросая взгляд на часы. — У нас всего двадцать минут до часа «икс», а мы до сих пор не знаем, что делать. Остаётся одна надежда на небольшую отсрочку, поскольку пока у него нет Кольца.

— Почему ты думаешь, что его нет? — уточнил Фарги. — Ах, да! Он сам вам об этом сказал. Кольцо из склепа забрал он, и всё это время, скорее всего, носил его на руке. Именно поэтому он так спокойно воспринял охоту своих недавних помощников за Книгой Творения.

Я хотела возразить, что на руке демона не было кольца с опаловым грифоном, но промолчала. Фарги кивнул.

— Он прирождённый лгун и для него совсем нетрудно было изменить вид кольца. Ты ж сама заметила, сколько перстней у него на пальцах. Боюсь, что он готов открыть Книгу уже этой ночью. Результат будет непредсказуемый и повлечёт негативные последствия для всех миров, которые так или иначе связаны с Творцом Земли.

— Ты серьёзно? — глухим голосом спросила я.

Он кивнул.

— Как иначе взмах крыльев бабочки в национальном парке в Нью-Йорке смог вызвать ураган в Японии? Ты думаешь, Догма — это пустой звук? Это основа вашего мироздания. Один из тех слонов, на которых покоится ваш мир. Один из Атлантов, держащих небесный свод над вашими головами. Один из столбов, на которых покоится крыша Мира. И это — очень серьёзно. Странно, что такой дремучий парень как Дэвид МакЛарен в свои тёмные времена уловил самую суть опасности. Но именно он и заложил первый камень в крепость, которая сможет защитить ваш мир. А в решающий бой придётся идти...

— Мне? — спросила я, мучимая дурным предчувствием.

Он молча покачал головой.

— Нет, в этот раз и ты, и я будем лишь зрителями. Бой поведёт тот, кто уже однажды проиграл его. Совсем скоро с него снимут оковы. Но нам нужно дать ему время, чтоб собраться с силами. Идём, мы должны задержать демона до того момента, когда его противник будет готов к поединку.

Он зашагал мимо колонн, а я кинулась следом.

— Мы что, пойдём пешком? — поинтересовалась я.

Он бросил на меня недовольный взгляд.

— Да, если ты не позаботишься о машине.

И, конечно, я позаботилась. Стоило мне начать излагать свою просьбу красивым высоким масунтам, с невозмутимым почтением склонившимся перед моим спутником, как один из них выпрямился, молча достал из кармана брюк ключи от машины и скупым жестом, напомнившим мне Эльвера, пригласил следовать за собой к стоянке.

80

Мы подъехали к собору ровно в полночь. Я сильно нервничала, поглядывая на часы, но Фарги был спокоен, как сытый удав, и так же нетороплив. Он поблагодарил подвезшего нас масунта и пожелал ему спокойного дежурства, потом выбрался из салона и, оправив плащ, двинулся к собору.

Возле церкви никого не было, но тьма освещалась красным светом, вырывавшимся из канавы, опоясывающей здание. Двери действительно были заложены огромными валунами.

— Ну и как мы теперь войдём? — воскликнула я.

Фарги на ходу посмотрел на меня с удивлением.

— Тебе не кажется, что ты слишком нервничаешь? Соберись и будь готова к любым неожиданностям. И помни, мы должны продержаться его в бездействии столько, сколько потребуется.

— А сколько потребуется? — спросила я, подходя к пышущему жаром рву.

Он снова взглянул на меня.

— И ещё, ты задаёшь слишком много вопросов.

Я скептически хмыкнула и тут же с испугом взглянула ему под ноги. Он как раз подходил ко рву. Чёрт возьми, он — призрак, а я-то пока живая, и очень хорошо подвержена воздействию высоких температур. Расплавленный металл прямо выплескивался на берега. Но едва Фарги занёс надо рвом ногу, металл вдруг застыл широкой полосой, превратившись в мост. Мой друг даже не сбился с шага, бодро шествуя по железному мосту прямо к заложенному камнями входу. И камни вдруг раздвинулись, разбегаясь, как фишки в детской головоломке. Мы спокойно вошли в образовавшийся проход.

— Ничего странного, — пробормотал он на ходу, — здесь всем правит магия, подчинённая одной цели. Мы — участники колдовского расклада, значит, ничто не может нас задержать.

Пройдя между рядами дубовых скамей, он свернул налево и, обогнув резные перила, легко спустился вниз. Я последовала за ним в неф церкви Святого Креста.

Вся компания была в сборе. Кратегус и Дэвид стояли по обе стороны короткого мрачного коридора, ведущего к старому барельефу. Чуть в стороне, отгороженные пылающими линиями и какими-то знаками, застыли Джексон, Лия, Эльвер и отец МакЛарен. Похоже, разговор только начинался, потому что Дэвид злобно и упрямо смотрел на демона, а демон — с жестокой усмешкой на него.

Наше появление испортило ему увертюру. Впрочем, мой приход через огонь и камень, да ещё в компании такого красавца с суровым лицом в жреческом плаще поразил всех.

— Это ещё кто? — воскликнул Джексон.

— Жрец, — пожалала плечами я. — А что, не надо было? — я посмотрела на побледневшего от ярости и оскалившегося Кратегуса. — Ты привёл не того. Мне пришлось потрудиться, чтоб найти настоящего.

Демон зарычал.

— Пожалуй, ты не оценишь моего рвения, — пробормотала я и отошла в сторонку, но подальше от рисунков, удерживающих остальных зрителей, предоставив сцену Фарги.

— Можешь злиться сколько угодно, но Лора права, — проговорил он, взглянув на демона. — Я жрец Света, и именно я участвую в раскладе. Хочешь доказательств? Того, что я здесь тебе недостаточно? Что ж, тогда уберём лишнюю фигуру. Вы можете идти, святой отец.

— Но... — нерешительно проговорил священник, боязливо глядя на красную полосу перед собой.

— Вам здесь не место, а, значит, ничто не может вас здесь удержать. Идите. И оставайтесь в ризнице, пока вас не позовут.

Отец МакЛарен тревожно покосился на демона и, быстро перекрестившись, перешагнул через черту. Потом быстрым шагом прошёл к лестнице и скрылся наверху.

— Расклад готов, — произнёс Фарги. — Семь карт: колдун, ведьма, ангел, дьявол, оборотень, рыцарь и жрец. Что дальше?

— Ты надеешься помешать мне? — оскалился демон.

— Я всего лишь вестник. У меня нет оружия, и я не могу сражаться с тобой.

Кратегус метнул в мою сторону злобный взгляд.

— Она тоже не станет, — проговорил Фарги. — Твой противник ещё не готов. Но о нём потом, а пока я хочу не столько помешать, сколько помочь тебе и убедить этого отважного и благородного рыцаря открыть портал.

Дэвид бросил на него холодный и упрямый взгляд.

— Я не отдам Книгу.

— Иного выхода нет. Решить её судьбу можно только отдав Книгу тому, кто может её уничтожить. Или воспользоваться ею и разрушить мир. Но он сам должен сделать выбор. Ни я, ни ты не можем помешать ему.

— Я лучше умру... — начал Дэвид, но Фарги покачал головой.

— Ты не умрешь. Ты прощён и спасён. Твой брат тоже. Ваши судьбы уже решены в иных сферах. Вам предоставлен ещё один шанс. Но прежде чем воспользоваться этим шансом, ты, как верный хранитель, должен отдать Книгу тому, кто сможет решить её судьбу.

— Я не верю ни одному твоему слову, — чётко и всё также упрямо произнёс рыцарь.

— Я дам тебе время подумать, — кивнул Фарги. — Видишь ли, нравится это нам или нет, но эта Книга уже давно предназначена ему. В течение долгих столетий он лелеял мечту о ней, долго и упорно он искал её. Но ты хорошо её спрятал, тем более, что и Кольцо затерялось, бог знает где. А потом ещё такая беда: его, как и других его сородичей, изгнали с Земли, и его мечта стала казаться ещё более иллюзорной. Но это не погасило его стремлений. Он верил в то, что его мечта сбудется, и страстно желал этого. Он сделал для её достижения так много, что Колесо Фортуны однажды повернулось в его сторону, и он узнал, о том, что бесценные реликвии вывезены с Земли в другой мир, куда менее защищённый от его козней.

Фарги подошел к Дэвиду и продолжил, обращаясь, казалось, только к нему.

— Тут и начинается наша история. Но на самом деле она началась куда раньше. Ты, дитя, в простоте своей, и представить себе не можешь, как давно это началось. Да и началось ли это, или было всегда? Нет во Вселенной того, кто помнил бы, было ли начало. Известное тебе отступничество Люцифера и иных его приспешников — это местный, как теперь говорят, локальный конфликт. Целую вечность идут рука об руку Свет и Тьма, Добро и Зло. Нет конца их бесконечной борьбе друг с другом, и ведется эта борьба не только в известном тебе мире, но и во всех иных мирах. Ведут их Силы столь могущественные, что мощь и мудрость их непостижима не только для смертных, но и для таких, как я. Армии их столь велики и при этом столь разношерстны, что и представить себе невозможно. И воины этих армий не только ангелы или демоны, но и люди, которые своими поступками влияют на исходы кровопролитнейших битв, сами того не зная и не желая. Как ты, укрыв до времени Книгу Творения, разрешил тем самым одну из битв, предотвратив почти неизбежное поражение Светлых Сил.

Однако, как тебе известно, нет в мире заклатья, которое нельзя было бы снять. То, что скрыто, однажды будет открыто. Тот, кто начал, тот и должен закончить, сам ли, руками ли потомков или последователей своих. Твой отец Дункан МакЛарен извлёк из хранилища скрытую Небесными силами Книгу Творения, наложив на неё своё заклятие, значит МакЛарену и суждено решить её судьбу. Ты спрятал Книгу, закрыв тайник, значит, тебе и открыть его, отдав Книгу тому, кто предназначен ей как Повелитель или Палач.

Не думай, что Светлые Силы бездумно отдают Книгу Творения в руки Тьмы в лице

этого демона. С самого начала здесь присутствовали обе силы, потому что стоило демону Кратегусу начать подготовку к поиску Книги, направив сюда множество агентов, как Светлые Силы направили сюда своего Воина, эту женщину, на счету которой уже много побед над Тьмой. Она прибыла сюда для борьбы с тем множеством бесов, что расплодилось вдруг в городе, но те, кто послали её, знали, что именно ей предстоит выступить против того, кто будет главным Тёмным воином в этой битве. Убив девять демонов, она, привлекая, наконец, внимание Кратегуса и вынудила его выйти на сцену. Уже тогда, когда она сама ещё пребывала в неведении, он прекрасно понимал, что она призвана помешать ему. И он явился, чтоб уничтожить противника, который мог испортить ему игру. Они даже бились между собой, и это был настоящий бой демона с ангелом. И демон победил, как всегда, прибегнув к вероломству, и сам же был повержен из-за своей глумливой жестокости. Вонзив в ангела свой клинок, он получил в качестве ответного удара часть любящей и страстной человеческой души, которая и поломала его первый прямой и победоносный план.

Фарги усмехнулся и взглянул на Кратегуса.

— Скажу честно, никто не ожидал такого поворота. Обе стороны были одинаково поражены и изумлены. Оба противника с трудом приходили в себя после полученных ран, пытаясь осмыслить сложившуюся ситуацию, в которой возобновление поединка стало для них практически невозможным. И поединок перешёл в иную плоскость, — он досадливо покачал головой. — Вынужден признать, я тогда здорово промахнулся, сосредоточившись на возродившейся в нём человеческой душе и как-то упустив из виду то, что подавленный ею тёмный дух, всё же остался прежним.

Кратегус злобно, по-волчьи усмехнулся, глядя на него исподлобья.

— Бедный Иеремия, — сокрушённо вздохнул Фарги, — маленький отважный кот, всю жизнь сражавшийся со всякой нечистью, он сам того не желая стал причиной того, что этот обман не был раскрыт в самом начале. Если б мне удалось тогда хоть на мгновение заглянуть в твои мысли, демон, всё было бы по-другому. Но я всегда верен своему слову, а жизнь кота была мне дорога, как жизнь любого из моих многочисленных друзей. И истина так и осталась скрыта от меня. Но, как говорится, нет худа без добра, тем более что, как выяснилось позже, Кратегусу был предназначен иной, куда более опасный противник, а в задачи нашего ангела входило лишь отвлечь демона от поисков Книги и как можно дольше оттянуть финал, что ему, вернее, ей, блестяще удалось. Демон был слишком озабочен своими нежными чувствами и на время застопорил свои поиски. Не исключаю, что в иные моменты он даже склонен был отказаться от них ради иной мечты. Но ангел есть ангел, а женщина есть женщина. Ангел своим чутьем за версту чувствует нечистую игру, а женщина может быть обманута только в том случае, если она хочет быть обманутой. Увы, обаяния графа Преисподней на сей раз оказалось недостаточно, и он потихоньку двинулся прежним путём.

— Я двигался им неотступно, шаг за шагом, — возразил Кратегус. — Не без помощи твоего ангела мне удалось найти Кольцо.

— Ты нашёл Кольцо? — воскликнул из своего угла Джексон.

— Конечно, — демон с издевательским полупоклоном повернулся к нему. — Я нашёл его именно там, где вы и указали, в склепе старого священника. Я оторвал ему палец, снял с него Кольцо и надел на руку, а потом вышел из склепа и присел на ступеньки с удручённым видом. А вы поверили мне. Сразу! — он усмехнулся и поднял руку, на которой вдруг один из перстней, раньше полыхавший зелёным изумрудом, блеснул суровым чёрным бликом. — Вот он, опаловый грифон Дункана МакЛарена. Он всё время был у вас на виду, но что могу

увидеть слепцы? Я получил всё именно благодаря вам и вашему ангелу. Я получил даже то, ради чего собирался притянуть Новый Орлеан к миру легенд. Сперва я намеревался вырвать из своры МакЛаренов самого слабого из них и воспользоваться его тайной и его рукой. Но из-за поцелуя прекрасной Лоры я снова стал МакЛареном. И теперь мне достаточно своей руки.

— Случайностей на свете не бывает, — согласился Фарги. — Меня только слегка смущало, что и Кольцо, и руку МакЛарена ты получил от своего противника. Такое странное стечение обстоятельств! И лишь потом я понял, что Свет заинтересован в том, чтоб все три составляющие достались тебе: и Кольцо, и рука, и Книга. Потому что именно это является условием финального поединка между тобой и твоим противником.

— Безумие! — воскликнул Джексон. — Дать демону всё, чтоб он мог достичь своей цели?

— Да, — кивнул Фарги, — и сделал то, что он и должен сделать, а именно выбор, которого он усиленно избегал последнее время. Только его победа может привести его к поражению. Занятная головоломка, и мне она доставила немалое удовольствие. Но именно об этом я и призван возвестить, — он расправил плечи и торжественно произнёс: — Книга Творения должна достаться демону Кратегусу Графу Преисподней!

— Подписано собственноручно: Господь Бог! — оглушительно расхохотался демон.

— «В последний час пустился в пляс...» — усмехнулся Фарги и обернулся к Дэвиду. — Я сказал тебе правду, рыцарь. Если ты внимательно слушал меня, то ты должен был понять, в чём суть... Ума тебе не занимать.

И он отошёл в сторону. Кратегус с победной ухмылкой смотрел на Дэвида, а тот мрачно — на него. Потом рыцарь выпрямился и закрыл глаза, словно прислушиваясь к чему-то в себе или где-то далеко.

— Пути Господни неисповедимы, — проговорил он, открыв глаза. — Моё сердце подсказывает мне, что я должен исполнить свой долг и завершить то, что начал.

Он медленно вошёл в неф и остановился перед тупиковой стеной. Потом поднял руку, возложил ладонь на выщербленный камень и произнёс:

— Достоин Ты взять Книгу и снять с неё печати, ибо Ты был заклан, и Кровию Своєю искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени... Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

— И это всё? — делано изумился демон. — Слова из Апокалипсиса. Как символично!

Дэвид снял руку со стены и отошёл в сторону, а на сером камне постепенно проступили контуры барельефа, изображавшего старца в длинном одеянии с нимбом вокруг головы, склонившегося над раскрытой книгой, лежавшей на высокой подставке. Потом старец пропал, а эта самая подставка обрела вполне материальные черты и оказалась сделанной из серого камня. И на этой подставке тоже лежала книга, но закрытая. Большая чёрная книга со светящимся в полумраке обрезами страниц. К подставке, висевшей в пустоте, вёл узкий каменный мост, длиною не более десяти метров, начинавшийся там, где раньше тёмный коридор упирался в стену.

Дэвид сурово взглянул на демона и отошёл. Кратегус остановившимся взглядом смотрел на Книгу. Она спокойно лежала на своём постаменте над пропастью, у которой, как что-то мне подсказывало, не было дна. Потом он обернулся и взглянул на Фарги.

— И где твой Воин, мой противник? — с усмешкой произнёс он.

— Он ещё не готов вступить в бой, — спокойно произнёс тот. — Подождёшь?

— Нет, — тот покачал головой. — Я не так глуп, чтоб так рисковать на пороге величия. И демон решительно направился к portalу.

81

— Пстой, — остановил его голос Фарги. — После того, как ты откроешь Книгу, мы уже не сможем говорить с тобой. Ты будешь недоступен для нас. И напоследок я прошу тебя разрешить мои сомнения.

— Твои сомнения? — обернулся Кратегус. — Как, мой прозорливый враг, ты разве не всё разгадал в моём поведении? Ты ведь такой опытный психоаналитик.

— Вообще-то я художник, — уточнил Фарги. — Но это неважно. Просто ответь мне на один вопрос, хитроумный ты наш, кой чёрт понёс тебя в тот мир, что лежит за пределами города? Зачем тебе было идти туда, рискуя, как ты знал, многим, если здесь у тебя было всё, что тебе было нужно для достижения цели: и рука МакЛарена, и Кольцо, и тот, кто мог сказать тебе, где скрыта Книга? Зачем ты пошёл туда?

Этот вопрос оказался для Кратегуса неожиданным. Он молчал, и в его взгляде, обращенном на Фарги, загорался злобный огонь. Но потом его лицо стало каменным. Фарги задумчиво смотрел на него, и, как бы рассуждая про себя, продолжил:

— Ты ведь знал, что тот мир своими ирреальными законами обнажит твои слабости и сомнения. Ты не мог не понимать, что там ты будешь поставлен перед выбором. Тебя спасло только то, что ты не смог его сделать. А, может, это тебя и погубило. И почему ты не позволил убить своих спутников? Почему ты не убил их сам? Они ведь были не нужны. Они мешали. От них исходила угроза.

— Я ничего не делаю без пользы, — ледяным тоном ответил демон. — Я ничего бы не приобрёл, убив их. И я ничего не потерял, оставив их в живых. Напротив, именно с их помощью я достиг своей цели.

— Во-первых, ещё не достиг, — спокойно возразил Фарги. — Ты всё ещё рискуешь поплатиться за свою нерешительность. А, во-вторых, ты так и не ответил на вопрос: зачем ты пошёл туда?

Лицо Кратегуса стало злым и насмешливым.

— Ты хочешь вытянуть из меня нужный тебе ответ? Получай. Я поехал туда из-за неё, — он бросил на меня взгляд, полный холодного сожаления. — Я не мог отпустить её туда одну. Алхимик боялся за неё и зудел над ухом как комар.

— И ты рискнул своей самой сокровенной мечтой из-за зудения комара?

— Ладно, — пошёл на уступки Кратегус. — Я боялся за неё. Я не хотел отпускать её одну. Доволен?

— Вполне, — мягко улыбнулся Жрец Света. — Это доказывает, что алхимик в тебе не так уж слаб.

— Был, — поправил демон. — Но у него больше нет власти надо мной. Я свободен. И они все живы лишь потому, что должны были участвовать в ритуале, как велели карты.

Он снова повернулся к portalу, но Фарги снова заговорил.

— Разве карты велят? — со снисходительной усмешкой уточнил он. — Они предсказывают. И ты это знаешь не хуже меня. А зная предсказанное будущее, его можно изменить. Карты сказали лишь о том, кто будет присутствовать при финале, — Фарги как-то озабоченно взглянул на демона. — Меня беспокоит, что ты без конца притягиваешь факты, чтоб оправдать отсутствие железной логики в своих поступках. Это признак слабости.

— Слабости в тот миг, когда я победил?

— Ты ещё не победил. И я пока не знаю, победишь ли. Видишь ли, втянув этот мир в ауру ирреальности, ты развязал мне руки. Нет, конечно, я по-прежнему не собираюсь с тобой биться. Но я могу воздействовать на окружающий мир. Ты считаешь, что достаточно сделать три шага до безграничного могущества, и ты станешь равным Тому, кто сильнее Люцифера, Тому, кто сильнее всех? Что ж, сделай эти три шага и возьми то, что сохранил для тебя твой далёкий предок.

Фарги махнул рукой, словно отступаясь от борьбы, а Кратегус, раздражённо фыркнул и резко развернувшись, пошёл по коридору. И в тот самый миг, когда он должен был вступить на каменный мост, ведущий к Книге Творения, он вдруг замер, словно налетел на какое-то препятствие. Он злобно зарычал и со всего размаху ударил кулаком по невидимой стене, потом принялся с ужасным скрежетом царапать её лапой с огромными чёрными когтями, а затем, отступив на шаг, запустил в преграду большой синий шар, который отскочил от неё и полетел в другом направлении. Фарги поспешно оттолкнул в сторону Дэвида, а я отскочила сама. Шар врезался в противоположную стену и взорвался.

— Что это значит? — взревел Кратегус, обернувшись. В ярости он представлял собою нечто среднее между своим человеческим и демоническим образом, только без крыльев.

— Ты теряешь самообладание, — заметил Фарги. — Это плохо. Незачем так нервничать. Это всего лишь непредвиденное препятствие на пути к великой цели. К тому же временное.

Кратегус стремительно зашагал к нему, с явным намерением вцепиться когтями в его глотку, но Фарги улыбнулся и покачал головой.

— Ты пока не Повелитель Вселенной и должен подчиняться правилам. Я предупредил тебя о противнике, я сказал, что поединок произойдёт после того, как ты получишь Книгу, и я объяснил, что твой противник ещё не готов, — в голосе Фарги зазвенел металл. — И ты, скотина этакая, не имеешь права увиливать от поединка. Так гласит Закон!

Демон остановился и, тяжело дыша от злобы, опустил лапы, после чего снова обрёл свой более похожий на человеческий вид.

— Используй эту отсрочку для того, чтоб завершить свои дела, — предложил ему Фарги.

— Составить завещание? — осклабился Кратегус.

— Попрощаться с дамой... — с презрением бросил тот и отвернулся.

А демон молча повернулся ко мне. Вот именно этого мне меньше всего и хотелось. Фарги всё-таки вовлёл меня в эту дурацкую историю, будто не мог обойтись без моего участия. У него, между прочим, прекрасно получалось.

Кратегус не торопясь приблизился ко мне, обретая облик юного Джулиана из моего сна. Понятия не имею, значило ли это, что он всё-таки знал об этом сне или это было случайностью, но я разозлилось и не нашла ничего лучшего, как скроить презрительную гримасу.

— Честно говоря, у меня вообще нет желания с ним разговаривать. Поскольку все его слова и стоны были ложью.

Фарги, обернувшись и с интересом наблюдавший за этой сценой, измученно закатил глаза и воздел в немой мольбе руки.

Кратегус тем временем молча смотрел на меня, а потом покачал головой.

— Разве можно так лгать? — тихо и печально проговорил он. — Ведь это не было

частью сценария. Призрак алхимика явился мне и завладел моим разумом. Он поверг меня в отчаяние и смятение. Эта боль живёт во мне до сих пор, хоть это его боль. И у меня нет другой души, кроме его. Это он без конца заставлял меня мучиться, страдать, уступать и прощать, он заставил меня лечить глупую кошку и щадить смертных. Он... — видимо заметив, что его трогательные признания меня почему-то не трогают, демон стиснул зубы и продолжил ледяным тоном: — Я не слишком ему мешал, потому что это было мне на руку. Я не глуп. Я понял, что с этим нельзя бороться, но это можно использовать. Когда я позволял ему руководить моими действиями, так или иначе, я добивался вашего доверия. Вы шли за мной и делали то, что мне было нужно. Я демон и я умею хранить свои секреты, даже от него. Мой разум вёл меня, а его душа вела вас за мной. Я уже понял, что ближайшие годы мне придётся жить с ним в одном теле, и, думаю, в этом даже есть нечто приятное, потому что он научил ценить меня маленькие радости жизни. Я успокою его, когда получу Власть Творения. Я создам ему Дженни, такую, какую он хочет. Я создам ему звёздных кошек, лошадей, детей, людей. Он будет играть моим даром, как мечтал об этом в своём давнем человеческом детстве, он будет творить сам, чудесных животных, забавных сказочных существ, даже ангелов, если захочет.

Он вдруг замолчал, тоскливо глядя на меня.

— Когда перестанешь утешать себя, подумай над тем, утешат ли его эти игры, — проговорил Фарги. — Или он, утратив последнюю надежду, лишится своего милосердия и направит гнев на тебя, чтоб вконец истерзать? Ты же знаешь, какая Дженни ему нужна.

Кратегус с усилием отвёл от меня взгляд и обернулся к Фарги.

— Довольно слов! Позволь мне войти в портал, и я пощажу людей этого мира. Клянусь, я отпущу их, и вас тоже.

— Ещё не время, — безжалостно покачал головой тот.

— Чего ты ждешь?

— Скоро узнаешь. А пока попросайся с Лорой. Может быть, больше ты её не увидишь.

Демон снова посмотрел на меня.

— Я делал всё, как нужно, — устало прошептал он. — Почему у меня не получилось? Ведь я столько раз приближался к тебе так близко, что мог кожей ощутить твое дыхание. Я нравился тебе.

— Не ты, — покачала головой я, — а тот, кем ты пытался себя представить.

— МакЛарен? — он внезапно рассмеялся холодным, злым смехом. — Бедная глупая девочка. Ты ведь даже не помнишь, как он выглядел на самом деле. Я похож на него, как волк на левретку. Ты помнишь только меня, а я — это произведение художника на тему капризного избалованного мальчишки, который вырос, но так и не повзрослел. Ты думаешь, он был так уж хорош? Конечно, в глазах живущей в лесу замарашки, которая была ростом с ребенка из-за постоянного недоедания, он был высок, силён и красив. Но понравился бы он столь искушённой светской львице, как ты? Мне пришлось изрядно поработать над его образом, чтоб он стал хоть сколько-нибудь выразительным и значимым. Например, цвет глаз. Ты всерьез думаешь, что у этого шотландского дворянчика были зелёные глаза? Не такие, как у его предка, подобные речному льду, а изумрудные, цвета залитых солнцем шотландских лугов? Он был жалок во всём, и внешне тоже.

— Да уж, — саркастически усмехнулась я, — здорово тебя достал этот жалкий тип лишь малой частичкой своей души.

— Я пытаюсь сказать тебе только одно, — процедил сквозь зубы Кратегус. — Я лучше

него, ему повезло, что у него есть такой союзник. А ты допускаешь глупость, отталкивая меня. Но пусть будет так, я не стану убивать тебя. Я верну тебя домой к твоим детям.

— Кажется пора, — проговорил Фарги, внимательно слушавший его. — Я открываю портал. Иди.

— Что ты делаешь! — воскликнул Джексон. — Его нельзя подпускать к Книге!

Кратегус тоже настороженно смотрел на Фарги, подозревая подвох.

— У нас нет другого выхода, — произнёс тот. — Книга Творения принадлежит ему, и мои заклятья его больше не удержат. Только Джулиан МакЛарен может уничтожить Книгу.

— С какой стати ему уничтожать её? — Демон недоумённо взглянул на Фарги. — Он века мечтал заполучить эту Силу.

— Кратегус мечтал, а не МакЛарен, — поправил тот.

— МакЛарен слаб. Он лишь головная боль, — прорычал демон.

— Ты сумел меня провести кое в чём, но не в этом. МакЛарен может сразиться с тобой и победить, особенно если ему помогут. Он и есть твой противник.

Кратегус некоторое время недоверчиво смотрел на него, а потом расхохотался. Оборвав хохот, он бросил Фарги:

— Ты повеселил меня напоследок. Сражаться с алхимиком? Мне? Я размажу его одним взглядом! Ведь мы будем там один на один!

— Там — да, но не везде, — негромко произнёс тот. — Сегодня было решено, что душа Джулиана МакЛарена понесла достаточное наказание за отступничество и снова достойна свободы. Только что закончилась битва за неё. Оковы сняты и он свободен. Победить тебя может только он, но он больше не один. За ним стоит Небесное Воинство. Иди, демон, и попробуй справиться с душой вновь обретённого праведника.

82

Кратегус раздражённо передёрнул плечами и снова направился в неф. На сей раз он беспрепятственно пересёк границу между мирами и вступил на узкий каменный мост, который, слегка изгибаясь, вёл к Книге. Он уверенно шёл по серым валунам, зависшим над пропастью, не сводя взгляда с чёрного фолианта, словно боялся, что он может исчезнуть.

— Ты уверен, что МакЛарен справится с ним? — спросила я, подходя к Фарги.

— Ни в чём я не уверен, — тревожным шёпотом ответил он. Взглянув на него, я увидела, как беспокойно блестят его глаза, когда он неотрывно следит за каждым движением демона, а между его бровями залегла вертикальная складка. — В том то и дело, что никто сейчас не знает, насколько силен или слаб только что выставленный на ристалище боец.

— Мы можем проиграть? — ужаснулась я.

— Добро не всегда побеждает Зло, хоть и очень старается. Это один из Законов Равновесия.

— Вы всё испортили! — раздался сзади крик Джексона. — Кто вы вообще такой? Почему на вас плащ эовара?

Фарги обернулся, спокойно взглянул на него и представился:

— Я Фарги, Падающая Звезда, наследный принц Голубой Кометы, сын Великого кудесника короля Разма Мудрого, сына Властителя Небес Демиурга Ростема Лучезарного. Всё, что я делаю, я делаю по воле Светлых Богов, — после чего добавил: — Хоть мне и не всегда это нравится, — он снова вернулся к наблюдению за демоном. — А плащи эоваров

всего лишь скопированы с моего.

Кратегус тем временем подошёл к подставке и замер перед нею, как памятник собственной гордыне, выпрямив спину, расправив плечи и высоко вскинув голову. На его лице заплясали оранжевые отсветы, словно в пропасти, окружавшей его, вспыхнул адский огонь.

— Дело плохо? — спросил Дэвид, покосившись на Фарги.

— Терпение, — прошептал тот.

— Что там происходит? — крикнула Лия.

— Подойдите, — разрешил Фарги и тут же все линии и знаки на полу погасли. Джексон, Лия и Эльвер подошли к нам.

Кратегус с торжествующей надменной улыбкой поднял руку, и на ней маслянистым чёрным блеском сверкнуло Кольцо с опаловым грифоном. Ладонь демона повелительно опустилась на чёрную обложку книги, и его длинные смуглые пальцы осторожно двинулись к её краю. Вот мизинец, а за ним и безымянный палец скользнули вниз и подцепили самый край обложки.

— Этого не может быть! — услышала я свой протестующий голос.

Кратегус замер, сверху вниз глядя на книгу, и его пальцы двинулись в обратный путь, осторожно глядя чёрную поверхность. Взгляд его полыхающих красным огнём глаз упёрся в пустоту за пределами Книги. Он о чём-то думал, словно вспоминал что-то давнее и прощался с этими воспоминаниями. Его лицо стало спокойным и задумчивым. Пальцы тем временем медленно блуждали по чёрной коже фолианта, выписывая на ней загадочные знаки. Наконец, его взгляд вернулся к Книге, и пальцы уверенно двинулись вверх и снова подцепили край обложки.

— Нет, — жалобно и перепугано пискнула Лия.

Фарги резко поднял руку, призывая всех к тишине и терпению.

А смуглые пальцы Кратегуса осторожно двинулись по мерцающей кромке, обводя том по периметру. Он молча смотрел на Книгу Творения, лежавшую перед ним, и его лицо было неподвижным. Трудно сказать, о чём он думал в эти минуты и думал ли вообще. В его глазах всё так же плясали отблески адского пламени, а в окружающей пустоте вдруг замелькали какие-то чёрные и белёсые тени. Они завораживающим танцем кружились вокруг, протягивая к нему бесплотные то ли руки, то ли крылья. Откуда-то издалека донёсся странный гул, и вслед за ним послышались плач и стоны, за ними — собачий лай и волчий вой, истошные вопли кошек и карканье воронья.

Лицо демона было мрачным и сосредоточенным. Его рука, наконец, закончила своё томительное путешествие по краю обложки, и пальцы снова скользнули под неё, оказавшись между светящимися страницами. Испуганная тишина повисла в пустоте и в нефе старой церкви. Я, не отрываясь, следила за тем, как большой и указательный пальцы смуглой руки зажали край обложки, и из-под неё забрезжил свет, вырываясь тонким, но мощным лучом, раздирающим бросившихся врассыпную призраков.

Тоскливый стон вырвался откуда-то из глубины, и Демон выпустил край обложки и снова положил ладонь на Книгу. Он задумчиво и спокойно смотрел на древний труд падших ангелов. Тишина снова наполнилась какими-то странными звуками, то ли шумом волн, то ли шелестом листвы, то ли завыванием ветра.

— Что происходит? — спросил Джексон, покосившись на Фарги.

— Я вижу то же, что и вы, — тихо произнёс тот, но, кажется, он видел куда больше.

Взгляд его огромных чёрных глаз был в это мгновение бездонным и спокойным, как поверхность горного озера безлунной тихой ночью, или как взгляд каменного Сфинкса в пустыне Гиза, вечно устремленный в недоступные смертным дали.

Возможно, он видел не только стоящего в раздумье демона, готового распахнуть новую страницу в истории Вселенной и навсегда захлопнуть Книгу человечества. Может, он видел смертельную битву где-то непостижимо далеко отсюда, где в огненных смерчах и дымных вихрях сшибались бессмертные воины. Звон мечей, треск разрушаемых щитов, скрежет раздираемых кирас, стоны и рев, безумный бег колесниц и трубное рычание боевых драконов. Чёрные и огненные вспышки на миг заслонили передо мной всё окружающее. Я вздохнула, отгоняя странное наваждение. Может, на самом деле исход этой битвы решается сейчас здесь, во мраке и тишине, в груди демона, застывшего над пропастью один на один с неизъяснимым величием и абсолютной властью.

Рука Кратегуса всё также спокойно и неподвижно лежала на Книге, и я взглянула ему в лицо. Это случилось как раз в тот момент, когда его губы дрогнули, он вздохнул и тоже словно очнулся. Его рука шевельнулась, и ногти процарапали на чёрной коже пять невидимых полос.

— Он сделал выбор, — бесстрастно сообщил Фарги.

И тут тени вокруг демона вспыхнули нестерпимым багровым светом и из бездны вырвались тёмные языки пламени. А вслед за ними откуда-то снизу возник высокий чёрный человек в длинном плаще с головой, покрытой капюшоном. И под этим капюшоном была тьма.

— Кто это? — спросил Джексон.

Фарги гневно смотрел на нового игрока. Его ноздри трепетали, а глаза сузились. Он скрестил руки на груди.

— А вы как думаете?

— Люцифер? — испуганно переспросила Лия.

Он бросил на неё холодный взгляд, от которого она поёжилась, но ничего не сказал.

— Кто бы это ни был, — пробормотала я, — но именно с ним сейчас придётся биться тому, кто победил в предыдущем поединке.

— А кто победил? — спросил Джексон.

— Может оказаться так, что мы этого никогда уже не узнаем, — мрачно сообщил Фарги. — Потому что у этого бойца совсем другая весовая категория.

На сцене между тем ничего не изменилось. Два дьявола застыли в пустоте, а между ними, как яблоко раздора, покоилась Книга Творения. Если они и говорили между собой, то разговор вёлся беззвучно. Кратегус, казалось, слушал, склонив голову, и лишь по его скулам иногда прокатывались желваки. Лицо его было всё также неподвижно, но на нём появилось что-то похожее на упрямство. Он поднял глаза и взглянул на собеседника из-под опущенных ресниц спокойным ледяным взглядом, в котором была едва уловима затаённая ярость. Он слушал внимательно и изредка его взгляд вдруг уплывал куда-то в сторону, словно ему открывались неведомые дали и сказочные перспективы, но потом снова возвращался к тёмному собеседнику, и в нём читалось прежнее упрямство.

Неизвестно, что он услышал, но его поза внезапно резко изменилась. Его ладонь соскользнула с Книги и обе руки упёрлись в камень подставки, а взгляд исподлобья стал напряжённым и загнанным. А чёрный незнакомец жестом фокусника выхватил из-под плаща какой-то жёлтый свиток и протянул ему.

— Это МакЛарен, — тревожно зашептал Фарги. — Дьявол говорит не с демоном, он говорит с МакЛареном. Это подписанный им когда-то договор.

— Но он же уже освобождён! — воскликнула Лия.

— От наказания, но не от договора с Сатаной, — Фарги невольно стиснул кулаки. — Он наверняка обещает ему полное освобождение, может, даже возврат назад, в то утро, когда он последний раз уезжал от своей Дженни. Ведь тогда ещё всё можно было изменить, достаточно было посадить её впереди себя на коня и умчаться подальше из тех мест.

Кратегус неотрывно смотрел в невидимые глаза искусителя, и его пальцы побелели, вцепившись в края подставки. Он стиснул зубы и вдруг выпрямился, откинув голову. Его взгляд отчаянно заметался в поисках ответа на какой-то невысказанный вопрос, но в пустоте вокруг него носились лишь призраки умолкших звуков. Ещё мгновение мучительной борьбы и он замер. Его плечи опустились, и голова поникла, словно он стоял на эшафоте перед палачом. Устало и потерянно он взглянул на чёрного незнакомца и, подняв, бессильно уронил руку на Книгу Творения. А потом вдруг повернул голову и безысходно взглянул в нашу сторону. Его глаза сразу отыскивали меня. Какое-то мгновение мы смотрели друг другу в глаза, и сердце у меня внезапно сжалось и заледенело от нестерпимой боли. Он опустил голову, и лишь его рука на Книге напряглась.

Всё стихло на бесконечное, равное векам мгновение. Даже языки огня замерли багровыми лентами, окружив двух соперников, одного, бессильно и покорно опустившего голову, и второго, занесшего над этой головой, как топор, жёлтый свиток.

Я смотрела на Книгу Творения, и вдруг её свет погас. Ещё не понимая, что происходит, я увидела, как она подёрнулась пепельной серостью и странно распухла, превратившись в изрезанную трещинами каменную плиту. В следующий миг плита под рукой с опаловым грифоном треснула и распалась на четыре части, которые обрушились во тьму, внезапно окружившую участников поединка.

Я услышала тихий вздох Фарги рядом.

— Битва выиграна.

В следующий момент свиток в руке незнакомца вспыхнул и сгорел, а Кратегус, как подкошенный упал на колени, схватившись за грудь.

Существо в чёрном плаще что-то прорычало и вспыхнуло огромным языком пламени, очертаньями напоминающим дракона. Дракон навис над поверженным демоном и утёк вниз, как будто его засосало во тьму.

Кратегус какое-то время неподвижно сидел на коленях, низко опустив голову, потом шевельнулся и медленно с трудом поднялся, опираясь на опустевшую каменную подставку. И что-то в нём было не так. Вернее, это был не он. Это был другой человек, на полголовы ниже его и уже в плечах. Он был достаточно крепок, и всё же его фигура была по-юношески хрупкой. Он какое-то время стоял неподвижно, опустив голову, а потом пошёл к нам по серым камням моста.

Он миновал портал и тот закрылся. В полумраке старой церкви я увидела странно знакомое лицо, словно подсвеченное десятком свечей. Я никогда не видела его раньше и всё же узнавала. Он был похож на демона, но это был не демон. У него было скуластое лицо, высокий лоб, прямые брови чуть изогнутые на внешних концах и тёмно-карие глаза, блестящие, миндалевидные, с длинными каштановыми ресницами глаза, словно созданные для смеха. Но он не смеялся. Его чуть припухлые как у мальчика губы были плотно сжаты. Я поняла, почему Кратегус внёс коррективы в это лицо, прежде чем присвоить себе. В нём

было что-то уязвимое, слишком изысканное, слишком ранимое. Демон ничего не понимал в человеческой красоте. Он принял это за слабость, но не мог быть слабым человек с таким прямым взглядом и такой твёрдой линией подбородка. Это был не мальчик, это был мужчина из моей далекой жизни, похожей на сон. И в тот момент мне показалось, что он был ещё лучше, чем я могла себе представить.

Я вдруг поняла, что он смотрит на меня так же, как я на него. Он ничего не ждал, он просто смотрел на меня, а потом с трудом перевёл взгляд на Фарги. Теперь тот был выше него.

— Я сделал то, что должен был сделать, — с бесконечной усталостью произнёс он. Его голос был другим, странно молодым и негромким, он эхом отдался у меня в сердце.

Фарги кивнул, подойдя к нему.

— Ты сделал всё, как нужно. И отыграл у него свою душу. Ты свободен.

Он усмехнулся, одними глазами, но как-то печально.

— Увы, мой друг, договора нет, но дар Сатаны оставлен мне в наказание за упрямство. Кратегус не умер, он здесь, — он стиснул кулак и с внезапной яростью ударил себя в грудь. — Он обеспечит мне неуязвимость и бессмертие. Он всегда будет наготове, чтоб исполнить моё малейшее желание и погубить мою душу. Он никогда не покинет меня, и я никогда уже не стану собой, потому что искушение Силой всегда будет мучить меня.

Он снова взглянул на меня и быстро отвернулся.

— Ничего страшного, — Фарги обнял его за плечи. Мой друг был полон энтузиазма, как всегда, когда у него появлялась возможность кому-то помочь. — Поверь мне, может, это и к лучшему. Не спорь, просто слушай. Ты сильный, ты сильнее сотен и тысяч иных. Если так сложилось, то ты — избранный, и твой Дух знает свой путь. А демон... Я сотни и тысячи лет носил в себе демона, я умею с ними управляться. Я обучу тебя всему. Ты научишься сдерживать его, контролировать, а потом использовать во благо так, как тебе будет нужно. Это сложная наука, она недоступна простым смертным, но ты сможешь постичь её.

Он слушал внимательно.

— Мне придётся учиться тысячу лет.

— На освоение контроля уйдет пара месяцев, — возразил Фарги, — ещё пара — на полную блокировку и год на постепенное приручение.

Он кивнул и слабо улыбнулся.

— В какой-то мере ты меня успокоил. Но согласись, трудно отказаться от силы, если кажется, что можешь использовать её во благо, например, в целях врачевания.

— Это детали, — небрежно махнул рукой Фарги. — Мы займёмся этим позже. Тебе будет трудно, но ты справишься, особенно если тебе помогут, — Фарги обернулся ко мне.

Его взгляд молил: «Ну, давай же, давай!» Но очарование момента кануло в Лету. Я посмотрела на мужчину из моей далёкой, давно прожитой и забытой жизни и произнесла:

— Кажется, нам пора разобраться с тем, что происходит наверху.

И под разочарованным взглядом старого друга повернулась к лестнице, толком не понимая, чему я, собственно, улыбаюсь.

Раннее утро снова окутало белёсым туманом луг перед домом доктора Дривера. Прозрачное серое небо постепенно светлело, и сонную тишину уже нарушал негромкий посвист птиц, доносящийся из ближайшего леса. Дэвид и Хаймеш снова сидели на траве

возле дорожки и наблюдали, как начинается новый день на маленькой незнакомой планетке с непривычно узким горизонтом и неестественно низкими чернильными облачками вдали.

Рядом с ними пристроился Джулиан МакЛарен, красивый изящный мужчина лет двадцати семи, одетый в модные чёрные брюки и шёлковую рубашку. Его блестящие глаза бездумно скользили по бледному ландшафту, и лишь иногда, словно невзначай, останавливались на мне. И в этом коротком внимательном взгляде было что-то задумчиво обречённое и очень спокойное. Я прислонилась к дереву неподалеку, как раз там, где в прошлый раз стоял Энтор, и тоже любовалась пейзажем. Время от времени я заглядывала за дерево, где расположился Фарги. Этим утром он был в голубых джинсах и лазоревом пуловере и с философским видом созерцал слишком унылую на его искушенный взгляд картину. Почему-то его меланхоличная физиономия очень забавляла меня и я улыбалась.

Впрочем, оснований для грусти не было. Ещё ночью Новый Орлеан каким-то образом возвратился на своё законное место на Новой Луизиане, причём его исчезновения никто и не заметил. Мы победили, мир был спасён, и никто из нас, по какой-то в высшей мере невероятной случайности, не пострадал. Книга Творения была уничтожена, а в городе неизвестно откуда появились трое молодых мужчин с одинаковой фамилией, и ещё множество всякой мелкой сказочной живности, которая, к сожалению никуда после нашего триумфа не делась, и в ближайшее время грозила расплодиться по всей планете. Я очень надеялась, что наша баньши никого не сведёт с ума своими дурацкими воплями.

Фарги снова стал невидим для окружающих, что очень огорчило Джексона, собиравшегося задать ему несколько вопросов. Правда, он по-прежнему мог спокойно общаться с Джулианом, который его прекрасно видел и слышал.

Джулиан большей частью молчал и думал о чём-то своём, и мысли его явно были не самыми веселыми. Ему не особо докучали, поскольку никто толком не знал, как к нему относиться. Причиной тому было его признание в подвале церкви. К тому же, хоть внешне он слегка и отличался от демона, но его поведение, манеры и речь остались прежними. А то немного, что он всё-таки сказал, свидетельствовало о том, что ему досталась и память Кратегуса. Поэтому наученные горьким опытом Джексон и Лия относились к нему в высшей степени подозрительно. Масунтам же до их подозрений дела не было, но по природе своей они не слишком разговорчивы.

От дома по дорожке спустился Эльвер. Он был как всегда спокоен и деловит. Джулиан обернулся, и я впервые за всё утро увидела на его губах улыбку. Ему нравились масунты и особенно этот.

— Всё нормально, — проговорил Эльвер. — Связь налажена, мы связались с Эрнаной. Завтра они вышлют исследовательскую группу во главе с эмиссаром. Нужно оценить происшедшее и разработать план мероприятий по устранению отрицательных последствий.

— Будете отлавливать пикси? — поинтересовался Джулиан с безмятежной улыбкой.

— Убедимся, что это пикси, и будем проводить разъяснительную работу, — возразил Эльвер. — Попытаемся вступить с ними в контакт.

— Прекрасная мысль. Когда звездолёт отправится обратно на Эрнану?

— На следующий день после прибытия. Это обычный челночный рейс.

— Замечательно, — его улыбка стала обворожительной: — Будь любезен, забронируй для меня место на обратный рейс.

— Ты уже покидаешь нас? — поинтересовался Эльвер.

— Я закончил здесь все свои дела, — проговорил он. — Мне пора начинать новую

жизнь.

— Чем займёшься? — Эльвер присел рядом на корточки.

— Пока не знаю, — пожал плечами Джулиан, — но, наверно, постараюсь получить диплом врача. Мне нужно на что-то жить. Сокровища Соломона больше недоступны для меня.

— Почему Эрнана?

— Потому, что именно туда летит этот звездолёт.

— Я мог бы порекомендовать тебя «Звёздному щиту», — предложил масунт.

Джулиан задумчиво взглянул на него и улыбался уже одними губами.

— Я думаю они итак не оставят меня без внимания. Что же до членства... Я полагаю, что с большим удовольствием я вступил бы в какой-нибудь рыцарский орден. Например, госпитальеров.

— На Эрнанае есть их миссия, — кивнул Эльвер.

— Я знаю.

— А ты? — Эльвер обернулся ко мне. — Может, всё-таки удержишься, отдохнёшь?

— Разве здесь можно отдохнуть? — усмехнулась я. — Нет уж, если у вас кончилась работа для меня, то мне пора восвояси. Для начала на Землю. Мне нужно проведать семью, а там будет видно.

— Жаль. Мне будет тебя не хватать. А вы? — он взглянул на братьев.

Хаймеш нерешительно пожал плечами и посмотрел на Дэвида. Тот обернулся ко мне:

— Мы хотим вернуться домой. Если там найдётся для нас место.

— Поищем, — усмехнулась я и взглянула на Эльвера. — Им нужны документы, и всем нам — три билета на звездолёт до Земли. В первом классе, если получится.

— Получится, — кивнул он.

Так вышло, что звездолёты на Эрнану и на Землю улетали в один день. Джексон, Лия и несколько масунтов, включая Эльвера и Альмера, пошли провожать меня и братьев МакЛаренов на Землю. Чуть в стороне стоял, дожидаясь своего рейса, Джулиан. На нём были чёрные джинсы, спортивный свитер и модная куртка. Через плечо на ремне висела небольшая дорожная сумка какой-то престижной фирмы. Не знаю, как насчёт сокровищ Соломона, но драгоценные перстни поверженного демона достались ему в качестве трофеев. Он воспользовался этим в первый же день, бестрепетно продав один из них ювелиру по весьма выгодной цене. Теперь он с улыбкой наблюдал за сценой прощания, время от времени поглядывая на Фарги, стоявшего рядом.

Когда рукопожатия, объятия и приглашения в гости остались позади, он медленно подошёл к нам. Джексон настороженно смотрел на него. Он уже проверил: не смотря на видимое отсутствие демона, проклятие изрыгания камней никуда не делось.

Сперва Джулиан подошёл к своим родичам, которых теперь как-то неудобно было считать далёкими предками. Он вынул из кармана куртки руку и, протянув Дэвиду, раскрыл ладонь, на которой лежал перстень с опаловым грифоном.

— Ты теперь старший в роду, — проговорил он. — Возьми в память о вашем отце. Надеюсь, что когда-нибудь и он обретёт прощение и покой.

Дэвид коснулся пальцами кольца, осторожно взял, рассматривая грифона, но потом положил его обратно на ладонь Джулиана.

— Спасибо на добром слове. Но кольцо теперь твоё. Оно предназначено тебе Высшими силами. Тебе его и носить.

Затем он обнял Джулиана и, отстранившись, взволнованно взглянул ему в глаза. Такое волнение странно было видеть на его обычно надменном и бесстрастном лице.

— Я хочу ещё раз увидеть тебя, брат. Ты искупил и наш грех, и свой. Тебе мы обязаны тем, что избежали самого страшного наказания, которое может постигнуть живую душу. Я никогда не забуду тебя.

— Я тебя тоже, брат, — Джулиан улыбнулся Дэвиду и следом обнял Хаймеша. — Может быть, судьба ещё сведёт нас вместе. Будьте счастливы.

Потом он обернулся ко мне. Его глаза снова смотрели на меня внимательно и печально. Его губы шевельнулись, но он лишь покачал головой.

— Извини, что лишаю тебя приятной компании, но боюсь, что сейчас твой спутник мне нужней, — проговорил он, и мне показалось, что это было совсем не то, что он хотел сказать.

— Ничего. В компании двух рыцарей я не соскучусь.

Я взглянула на Фарги, который стоял, сунув руки в карманы джинсов, и коварно улыбался.

— Ты ведь знаешь, что расстояния для меня — пустой звук, — произнёс он. — И очень скоро я наведаюсь к тебе, чтоб докучать своим занудством.

«Валяй», — подумала я и махнула ему рукой.

Уже поднимаясь на трап челнока, который должен был доставить нас на борт земного лайнера, я обернулась. Альмер и Лия махали мне руками. Джексон тоже как-то нерешительно поднял руку и махнул, а потом, глупо улыбаясь, сунул её в задний карман брюк. И помимо воли я отыскала среди других в толпе провожающих невысокого мужчину с небольшой сумкой на плече, который пристально и грустно смотрел мне вслед. И уже поднимаясь на последнюю ступеньку, я увидела нечто совершенно невероятное: Эльвер с таинственным видом о чём-то шептался с Фарги.

Но момент был упущен и створки герметичных дверей сдвинулись, скрыв от меня эту загадочную сцену. Резво набирая скорость, челнок устремился ввысь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net